К63.3(2Рос-6Хаг)
Б43

В.К. Белобородов

ТРОПИНКИ К ДОМУ

В.К. Белобородов

ТРОПИНКИ К ДОМУ

Русские Берёзовского края в конце XVIII – начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном

- 0158234 -

Тюмень
Издательский дом "Титул"
2013

Государственная библиотека Югры
КО

ББК 63.3(2Рос–253.3)
Б43

Белобородов В.К.
Б43 Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII – начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. –Тюмень: ИД «Титул», 2013.– 352 с.+ил.4 с.

ISBN 978-5-98249-030-8

Издание осуществлено БУ «Государственная библиотека Югры» совместно с администрацией Березовского района.

На обложке: семья Новицких за чаепитием. Село Шеркалы.
Конец XIX – начало XX вв.
Из собрания Т.С. Антоновой, г. Самара.

ISBN 978-5-98249-030-8
© Белобородов В.К., 2013
© ИД «Титул» (оформление), 2013

Предисловие

В конце 1980-х годов в российском обществе вдруг пробудился интерес к истории и не только отечественной, но в еще большей мере, пожалуй, к местной, локальной. Стало возрождаться краеведение, до того целые десятилетия прозябавшее в казенном мундире как придаток государственной идеологии. И мы обнаружили, что имеем весьма скудные познания о прошлом – даже о собственных предках, не говоря уже о том, чтобы иметь какую-то ясность относительно Октябрьской революции, Гражданской войны, коммунистического строительства, тем более десятилетий, предшествовавших революции – их-то как будто и вовсе не было. Они не осмыслены, не прочувствованы до сих пор. И, наверное, главное – мы мало знаем людей прошлого, их судьбы, через узнавание которых наиболее доступным путем можно погрузиться в историю.

Иметь личную связь с прошлым – естественная потребность человека. И то, что подлинное знание в силу вытеснения в послеоктябрьский период из сознания граждан памяти о дореволюционных годах и десятилетиях «компенсировалось» самыми причудливыми мифами, только подтверждает естественность этой потребности. Чтобы обрести сегодня твердую почву под ногами, мы нуждаемся в актуализации прошлого.

Значение родовой преемственности убедительно и красиво выразила писательница К.П. Эстес такими словами: «Ни один из нас не будет жить вечно. А вот истории – будут. Для того чтобы история продолжала жить, нужна хоть одна живая душа, которая могла бы ее поведать, – и тогда само звучание освященных временем слов вызовет к жизни великие силы любви, милосердия и духовной щедрости».

Самый доступный путь для восстановления исторической памяти – поиск семейных корней через изучение родословных. Узнавание своих

предков, подробностей их жизней мало-помалу вводит человека в иное время, побуждает проживать его. И многие, кого я знаю, встали на этот путь, хотя он оказался нелегким: обнаружилась разорванность, часто безвозвратная, ниточек, соединявших с прошлым. Главная потеря – ушедшие в мир иной родители, бабушки, дедушки, не расспрошенные в свое время. Такова была жизнь, что не догадались спросить, опоздали, вопросы вовремя не сформулировались. И все же те, кто заинтересовался всерьез, в ходе своих поисков обнаружили, что далеко не все пропало, и если не отступать, то картина прошлой жизни постепенно становится все ясней и открываются новые возможности для познания.

В два последних десятилетия усилиями историков, краеведов и издателей процесс «очеловечения» истории нашего края развивался. Он продолжается и сегодня, и это движение трудно переоценить. Прошлое из безлюдного становится все более «густонаселенным», наши предки перестают быть серой однородной массой, все больше из массы проявляется индивидуальных ликов.

Прослеживание истории родовых линий от частного приводит к общему и на многое может открыть глаза. Вот, например, становится ясно, что наши предки гораздо больше нас ценили родство, их корневая система была куда более разветвленной, чем ныне. Широкое хождение имели термины родства, многими ныне забытые: деверь, сват, свояченица… Все это хорошо прослеживается по записям о рождениях и бракосочетаниях в церковных метрических книгах, где указывались имена восприемников младенцев (крестных) и поручителей женихов и невест. Эти записи раскрывают не только родственные, но и межсемейные связи.

Семьи, как правило, состояли из трех поколений и очень часто были многодетными. Ныне иногда «двухэтажность» семьи выдается чуть ли не за благо, но вернее, пожалуй, будет отнести ее к издержкам прогресса. Прежде ребенок воспитывался и приобретал опыт в родственном окружении – теперь в отсутствие стариков он в дошкольном и младшем школьном возрасте, когда особенно нуждается в общении с близкими, получает его крайне скудными дозами. Семейная преемственность имела большое культурное значение, дети рано приобщались к общеполезному труду, приобретали много навыков. Это становилось базисом семейной прочности. На семью ложилась и печать ее окружения – соседского, дружеского, она становилась отражением «малой родины». Узнанные разными путями скупые подробности семейной жизни собираются в копилку, в которой мало-помалу накапливается материал для познания особенностей культуры социума.

Книга «Тропинки к дому» выходит в свет в год 420-летия города Березова, и в ней даны наброски истории нескольких крупных русских

старожильческих родов Березовского края, далеко не всех. В этом повествовании никак нельзя было замкнуться в городских границах, ведь Березов был административным и культурным центром огромного края, территория которого охватывала вплоть до начала XX в. весь нынешний Ямало-Ненецкий автономный округ, к югу простиралась почти до Самарова, а к востоку в течение нескольких десятилетий XIX в. в состав округа входили земли Сургутского края вплоть до границы с Томской губернией. При этом Березовский округ располагал самыми богатыми рыбными угодьями и был наиболее привлекательным в экономическом отношении районом Тобольского Севера. Невозможно рассматривать Березов отдельно от этого огромного края на том лишь основании, что в советское время территория была разделена на несколько районов.

Тем не менее фамилии, названные в заголовках очерков, – «березовские» в том смысле, что они отчетливо локализованы в пределах территории, расположенной ниже устья Иртыша. Многие из них известны в Березовском крае с первой половины XVII в. По некоторым вполне возможно собрать материал для отдельных книг.

Настоящее издание обращено прежде всего к русским старожилам, ищущим свои не вполне ясно ощущаемые корни. Но книга может представить интерес и для любого, кому близка история края, ведь старожилы – не замкнутая в себе изолированная группа, не каста, а естественная составная часть местного населения.

В наше общее прошлое, основательно забытое за XX столетие, нет широкой столбовой дороги, остались лишь полустершиеся, заросшие извилистые тропинки. Каждый из представленных в книге очерков можно уподобить такой «тропинке», и все они ведут в одно место, к общему «дому», из которого старожилы-северяне отправлялись в жизнь, в неизвестность. В собранных подобно мозаике из разрозненных скупых фактов «портретах» родовых сообществ есть нечто особенное, что определяет «лица необщее выражение», но есть и общие черты.

Настоящее издание не претендует на звание «произведения», скорее это свод документального справочного материала, отчасти комментированного, но ничего вымышленного здесь нет. Почти вся содержащаяся в книге информация почерпнута из архивных и литературных источников и небольшая ее часть – из устных рассказов. Ориентацией автора на достоверность и желанием возможно полнее «населить» березовскую историю XIX – начала XX в. вызвано включение в книгу краткого биографического словаря «Хозяева и гости полуночной земли». В статьях его даны справки о людях как упомянутых в очерках, так и не упоминавшихся и часто малоизвестных, но чем-то значительных.

Надеюсь, что березовские краеведы примут этот словарик как приглашение к созданию коллективными усилиями гораздо более полного биографического словаря, так как в более чем четырехвековой истории края было много действующих лиц, за давностью лет забытых. Хочу также высказать пожелание взяться и за пересмотр березовской хронологии ввиду того, что сложившаяся в советское время хронология не ориентирует на глубинное и бестенденциозное познание местной истории. В книгу также вошел довольно обширный блок документальных и литературных приложений, каждый из этих текстов является прямым продолжением того или иного очерка. Кроме того, в очерках дано много отсылок к использованным архивным и литературным источникам и в отдельных случаях сообщаются адреса архивных дел, до которых автор не смог добраться и которые могут представить интерес для исследователя.

Нельзя не заметить, что в последнее десятилетие появилось много переизданий книг по истории Сибири, долгое время бывших дефицитом, и работ современных историков и краеведов. Из «хорошо забытого старого» упомяну хотя бы электронные издания «Ежегодника Тобольского губернского музея» и «Тобольских епархиальных ведомостей». Многие из этих источников использованы в работе над книгой, как и документы из фондов государственных архивов и музеев Югры, г. Тобольска, Тюменской, Омской и Томской областей, Березовского района, а также некоторых частных собраний. Всем архивистам, музейщикам, библиотекарям и отдельным лицам, содействовавшим при сборе информации, приношу сердечную благодарность.

В.К. Белобородов

След рода в истории города (Шаховы)

1. Семен Прокопьевич

Как утверждают специалисты, фамилия эта никак не связана с Персией или другими южными странами. Прозвище «шах» получал в древности «искусный мастер, сплетающий особо хитроумные рыболовные сети. В их рукава легко заходила рыба, а вот обратного ходу уже не было».[1]

По данным Н.Н. Парфеновой, березовские служилые люди Шаховы упоминаются в рукописных источниках с 1629 года.[2] Екатеринбургский историк Е.В. Вершинин также считает эту казачью фамилию одной из старейших в Березове: «В 1634 г. березовским таможенным подьячим был Дмитрий Шахов, а его сын Прохор служил в казаках. В это же время казак Никита Шахов был послан ясачным сборщиком в Казымскую волость. [...] В XVII в. Шаховы были известны и в других сибирских городах, но выяснением их родственных связей, насколько мне известно, никто не занимался. Например, неясно, состоял ли в родстве с первыми березовскими Шаховыми тобольский сын боярский Воин Шахов, погибший в Якутии в 1642 г. Было бы крайне интересно проследить полную генеалогию березовских Шаховых на протяжении XVII – XIX вв.».[3]

То, что фамилия Шаховы во второй половине XIX в. была среди доминирующих в Березове, подтверждают метрические книги Воскресенского

[1] Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. М., 2002. С. 367.

[2] Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI – XVIII (по архивным источникам Зауралья). Сургут, 2000. С. 253.

[3] Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII – XVIII вв.// Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 дек. 2000 г., г. Тобольск). Тобольск, 2004. С. 274.

собора, к приходу которого принадлежали почти все березовские Шаховы. Из Березова Шаховы постепенно расселились по окрестным селам – Обдорск, Мужи, Чемаши, Шеркалы, Саранпауль. О мощи этого рода говорят факты причастности его представителей к разнообразным большим и малым делам и событиям, запечатлевшимся в истории. Е.В. Вершинин упоминает о сборщике ясака Иване Шахове, который в 1678 г. выдержал в Обдорском остроге шестидневную осаду тундровых самоедов. В 1825 г. один из Шаховых был информатором тобольского губернатора *Д.Н. Бантыш-Каменского**, разыскивавшего могилу А.Д. Меншикова. В 1839 – 1841 гг. в подавлении бунта остяков и самоедов под предводительством *Ваули Пиеттомина* участвовали урядник Филипп Федорович и казак Яков Шаховы. Около 30 лет отдал казачьей службе Родион Александрович Шахов. Он был смотрителем Кондинского хлебозапасного магазина, а после увольнения в отставку – присяжным счетчиком Березовского окружного казначейства, награжден знаком отличия Святой Анны и светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853 – 1856 гг.[4]

К сожалению, немного мы найдем в литературе подробностей жизни и деятельности этих людей, т.к. почти все двадцатое столетие было временем забвения, ни историческая наука, ни общественное сознание не отличались естественным живым интересом к событиям локальной истории и личностям провинциальных деятелей. Тем более важно теперь сделать все возможное для восполнения этого дефицита биографической информации.

Из множества имен и отчеств, выписанных из метрических книг Воскресенского собора и Богородице-Рождественской церкви города Березова, постепенно вычленяются отдельные семейные линии. Остановимся на одной из них. Исповедной росписью Воскресенского собора за 1873 год зафиксировано проживание в Березове большого семейства вдовы Марии Андреевны Шаховой. В нем, кроме двух ее малолетних сыновей Ивана и Александра, было еще четверо пасынков, оставшихся от первого брака покойного мужа Прокопия. Старший из них, Григорий, был женат и имел полуторагодовалого сына. Из шестерых братьев незаурядной личностью оказался Семен Прокопьевич, о котором и пойдет речь дальше.

Семен Шахов (1861 – 1921) вырос в Березове, окончил местное уездное училище. В формулярном списке, составленном в 1899 г. после избрания его городским старостой, указано, что имеет «...дом стоимостью в 1300 р. Место осталось от отца, все остальное благоприобретенное».

[4] Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 274; Ваули Пиеттомин: Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. Омск, 1940. С. 26, 28, 42 – 44; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 10. Д. 975.

* Здесь и далее курсивом помечены фамилии, к которым даны справки в биографическом разделе книги.

Женившись в 1883 г. на дочери березовского 2-й гильдии купца Виктора Васильевича Добровольского Федосье Викторовне, молодой Шахов упрочил свое имущественное положение и вскоре проявил свои незаурядные способности к предпринимательству.

На рубеже XIX и XX веков предпринимательство на Обь-Иртышском Севере среди русского населения сводилось почти исключительно к рыбному промыслу и торговле, и березовский мещанин из казаков Семен Прокопьевич Шахов был одним из немногих, кто отважился на нарушение этой застарелой традиции. Начал он с того, что с 1887 г. стал мариновать тугуна (сосьвинскую сельдь) собственным оригинальным способом, о нем А.А. Крылов сделал сообщение в тюменской «Сибирской торговой газете».[5] Затем сделал совсем уж неожиданный шаг: открыл небольшое консервное производство, просуществовавшее несколько лет.

Вот как это начиналось. В марте 1900 г. Шахов, погрузив в сани мороженых муксунов, сырков, осетра, нельму, пыжьяна и сосьвинскую сельдь, отправился в дальнее путешествие в европейские города Юрьев, Ревель, Ригу, чтобы ознакомиться с опытом производства рыбных консервов и выяснить, как лучше готовить обскую рыбу. Задавшись целью консервировать сосьвинскую сельдь, он привез домой 10 тысяч жестяных коробок, изготовленных по его заказу в Петербурге, прованское масло и прочие необходимые приправы. В Тюмени Шахов заключил контракт с двумя паяльщиками коробок, которые должны были приехать в Березов. Из своей поездки он вынес мнение, что консервное дело может разрастись в крупное производство, если удастся собрать необходимый капитал.

И еще одно усовершенствование надеялся внести Семен Прокопьевич в березовское рыбное дело. В Ревеле на заводе Лессмана он закупил тонкие и вместе с тем прочные сети из хлопчатобумажной нити для ловли сосьвинской сельди взамен неводов, чтобы избавить местных рыбаков от зависимости от большеводья или маловодья, когда невода применять неудобно.[6]

На Чуанельском песке в 60 верстах от Березова Шахов устроил пробную консервную фабрику. Отрывочные сведения о ней донесли до наших дней тобольские и тюменские газеты. «На консервном заведении Шахова из сельдей готовят мало консервов, – сообщала 29 августа 1900 г. «Сибирская торговая газета». – Из пробных консервов оказались очень вкусными сардины и недурны кильки». А «Сибирский листок» в 1904 г. в 85-м номере заметил: «Одним местным рыбопромышленником выпущены новые консервы – «Сосьвинская сельдь в масле» – очень хорошие по вкусу. До сих пор сельдь эта привозилась лишь в соленом виде. Новые консервы

[5] А. Кр. Исследование рыбных промыслов в Иртышско-Обском бассейне // Сиб. торговая газета. 1898. № 93.

[6] А.Ш. Внутренние известия // Сибирский листок. 1900. № 52.

доказывают, что эта сельдь может быть приготовлена в виде сардин. Можно пожелать успеха этому новому способу обработки сосьвинской сельди».

Однако неплохо как будто начатое производство рыбных консервов не получило развития. Шахов увлекся другим делом. В это время, на рубеже XIX и XX веков, уже имело широкий размах артельное маслоделие в южных уездах Тобольской губернии. Семен Прокопьевич решил доказать, что и север с его необъятными пойменными лугами может иметь собственное, произведенное на месте масло. В 1904 г. он основал близ Березова животноводческую ферму с целью наладить коммерческое молочное хозяйство.

Этот опыт с самого начала попал в поле зрения тобольского губернского агронома *Н.Л. Скалозубова*, а в 1906 г., во время ссылки в Березов, где, как он сам пишет в дневнике, «...отвели квартиру в д. Шаховой», он имел возможность обстоятельно изучить хозяйство Шахова и помочь ему делом и советом. Летом 1906 г. Семен Прокопьевич приобрел в Тобольской сельскохозяйственной школе, детище Скалозубова, племенного быка, положив тем самым начало улучшению местной породы скота. Придавая большое значение опыту Шахова, Скалозубов в 1907 г. поместил сообщение о нем в томской газете «Сибирская жизнь», перепечатанное в этом же году московским журналом «Молочное хозяйство». В корреспонденции в частности говорилось, что на ферму при Тобольской сельскохозяйственной школе приезжала жена Шахова Федосья Викторовна. Присмотревшись к тому, как здесь делали сливочное масло, она приобрела сепаратор и маслобойку, и в 1906 г. на заимке Шаховых открылась маслодельня. Позднее для заведования скотным двором и маслодельней Семен Прокопьевич пригласил выпускника сельскохозяйственной школы Молчанова. К январю 1907 г. на ферме содержалось 27 дойных коров, 12 холостых, 1 бык и 20 телят. «Удачный опыт Шахова заинтересовал многих жителей, – писал Н.Л. Скалозубов. – Можно думать, что скотоводство получит сильное развитие на севере, большие заливные луга по Оби тому порукой».

В Тобольской губернии с интересом наблюдали за начинанием Шахова. Сообщение ветеринарного фельдшера *Н. Попова* об его маслодельном заводе было помещено в 41-й книжке «Сведений о ветеринарно-санитарном состоянии Тобольской губернии за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1907 г.» и 24 января 1908 г. перепечатано в «Сибирском листке».

Интерес к северной ферме проявили также «Сибирская торговая газета» и петербургское «Новое время». Автор заметки в «Новом времени» Аверин был солидарен со Скалозубовым: «Результаты эксплуатации фермы в 1906 г. довольно удачны. С 1 июня 1906 г. по 1 января 1907 г. от 25 коров было получено 1025 пудов молока. При выходе 1 пуда масла из 19 пудов молока получено 54 пуда масла. Цена масла в Березове 14 руб. пуд,

так что валовая доходность фермы за 7 месяцев 746 руб., а в течение года 1200 руб., что на каждую корову дает 48 руб. Расходы же на содержание фермы выражаются лишь заготовкой сена, которого на 1907 г. накошено до 8000 пудов. В этом же году для фермы была приобретена сенокосилка».[7]

О намерении С.П. Шахова развивать хозяйство свидетельствуют найденные в Тобольском архиве его письма от 6 марта и 11 декабря 1909 г. в Петербург к Н.Л. Скалозубову, бывшему в то время депутатом Государственной Думы.

«Милостивый государь Николай Лукич! – пишет Шахов в первом письме. – Зная, что Вы интересуетесь моим молочным хозяйством, я осмелился отвлечь Ваше внимание и обеспокоить Вас этим письмом. Сообщаю Вам, что дело мое по разведению племенного скота и молочного хозяйства в г. Березове двигается плохо, главная причина – недостаток свободных средств.

В конце 907 г. я возбудил ходатайство у тобольского губернатора о выдаче мне ссуды в размере 2 тыс. рублей сроком на 10 лет, уплату коих я должен произвести в продолжении последних 5 лет. В ходатайстве этом мне отказали... Летом прошлого года тобольский губернатор *Гондатти*, проезжая в Низовые края и интересуясь молочным хозяйством, ездил специально из Березова ко мне на заимку, осмотрел все помещения и скот, остался очень доволен, благодарил меня за энергию, просил дело это не бросать и обещал оказывать всякие содействия, причем просил подать прошение о выдаче ссуды, которую обещал дать, как только получит ходатайство. Вскоре после его отъезда я возбудил ходатайство, но, к моему несчастью, Гондатти по приезде из Березова сейчас же был переведен в г. Томск, и мое прошение не попало в его руки и мне в ссуде отказали...

За 908 год мое хозяйство оправдало все расходы и дало небольшую прибыль, выработано было до 120 пуд. масла при цене 16 – 18 рублей за пуд, в летние месяцы 24 пуда, сентябрь и октябрь 17 пуд. и зимние 20 пуд.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным оказать каким-либо путем содействие в выдаче мне ссуды в размере 3 тыс. рублей на вышеуказанных условиях на улучшение молочного хозяйства, чем много меня обяжете, а также прошу не оставить меня уведомить и указать, как мне в дальнейшем поступить».

Отзывчивый к просьбам Н.Л. Скалозубов остался верен себе и на этот раз и принял на себя хлопоты о деле, лично известном ему с весны и лета 1906 г., когда он находился в Березове в ссылке. Получив осенью ответ, Шахов 11 декабря 1909 г. вновь пишет Николаю Лукичу:

[7] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 12 июля; Молочная ферма на севере Сибири // Сибирский листок. 1907. 2 сент.; Аверин. Скотоводство на севере Сибири // Новое время. 1907. 8 сент.; Молочное хозяйство. М., 1908. 6 февр.

«С прошлой почтой я возбудил ходатайство согласно указанию Вашему в управление земледелия в Петербурге о выдаче мне ссуды для продолжения моего молочного хозяйства в Березове, причем сослался на Вас, что Вы можете дать отзыв о моем деле.

Сообщаю Вам, что хозяйство наше шло бы прекрасно, если бы не большеводье. Вот уже два лета за недостачею сена пришлось скот убавлять, к нынешней зиме осталось рогатого скота 50, это почти все от бычика, которого я привозил в 906 году из Соколовки (деревня, в которой находилась Тобольская сельскохозяйственная школа. – В.Б.). Что выйдет из этих коров, не знаю, они еще молоды. Здесь скотоводство вполне возможно, но нужно всегда на случай большой воды иметь запас сена, что здесь вполне возможно, я покупал сено, которое лежало в обмете 15 лет и прекрасно сохранилось. Здесь главный недостаток рабочие руки, и нужно иметь свободные деньги. Нынешнее лето на сенокосе рабочие главным образом были политики (политссыльные. – В.Б.), большинство из них или никогда не занимались сенокосом, или совсем неспособные к физическому труду. Несмотря на это, все они зарабатывали порядочно, зато зиму почти совсем без работы.

Рыбные промысла были ладно.

Если Вас не затруднит, то когда-нибудь напишите мне несколько слов о моем ходатайстве, за что я останусь премного Вам благодарен».[8]

Была ли получена ссуда, неизвестно, но по скудным сведениям из различных источников можно заключить, что С.П. Шахов продолжал вести свое хозяйство, внося в него небольшие усовершенствования. Так, *А.А. Дунин-Горкавич* в работе «Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере» сообщал, что летом 1910 года на шаховской ферме при заготовке сена применялись сенокосилка и конные грабли. Делалась попытка посева кормовых культур, для чего Шахову из Тобольска были посланы 1 пуд ячменя и три и три четверти фунта семян клевера. Чтобы застраховать себя от последствий большеводья, Семен Прокопьевич стал в благоприятные для сенозаготовок годы запасать корм на несколько лет вперед. Например, в 1910 г. он заготовил сена на три года.[9]

За животноводческим делом Шахова продолжал следить Н.Л. Скалозубов, пытаясь оказать ему содействие в Петербурге как член Государственной Думы. «В департаменте земледелия, – писал он в 1910 году в «Сибирский листок», – поднят вопрос о мерах к развитию молочного хозяйства в северной земледельческой и внеземледельческой полосе Тобольской губернии. Предполагается, между прочим, в ссудном

[8] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 147. Оп. 1. Д. 55. Л. 274 – 275.

[9] Школьный отдел при «Тобольских губернских ведомостях». 1911. № 5, 6.

порядке оказать содействие для развития молочной фермы г. Шахова в г. Березове».[10]

В 1912 г., несмотря на все трудности, Шахов не оставлял намерения расширить производство молока и масла и даже заражал своим примером других предприимчивых северян. Калугин, техник фирмы «Альфа-Нобель», выпускавшей сепараторы, после поездки в Березов по вызову Шахова говорил, что маслодельные заводы здесь намерены открыть с весны предприниматель Гурьянов и березовский городской староста *Кузьмин*.[11]

Сокрушительный удар по хозяйству С.П. Шахова нанесло наводнение 1914 года. 18 января 1915 г. «Сибирский листок» писал: «Единственный бывший маслодельный завод С.П. Шахова должен был прекратить свое существование, у него из 60 дойных коров осталось лишь 10 голов. Постройки завода почти разрушены водой; нужны годы, чтобы восстановить прежний вид завода». Но и при этом Семен Прокопьевич не опустил рук и не бросил хозяйства, хотя теперь оно было уже далеко от прежнего состояния. И только в 1917 г. кооперативное общество «Самосознание» приобрело у него ферму, за которой к тому времени уже закрепилось название «деревня Шахова», и 17 коров, в большинстве своем холмогорской породы, были увезены в Тобольск.[12]

Опыты с рыбоконсервным производством и маслоделием, по-видимому, самые дерзновенные из поступков С.П. Шахова, и они займут достойное место в истории, но и во всей своей жизни он был ярким, незаурядным человеком, стоявшим в центре общественного внимания. Учитель *Ф.Ф. Ларионов* писал: «В Березове Андрей Степанович (будущий тесть Ларионова обдорский крестьянин Протопопов. – В.Б.) с дочерью остановились у Шаховых, где и я имел квартиру. [...] Дом Шаховых был таков, что сюда легко входили разные люди по надобности и без всякой надобности, чтобы только провести время; словом, он играл роль клуба (настоящего клуба не было)».[13] Именно в этом доме, например, инженер-изыскатель *Гетте* прочитал для заинтересованных березовцев лекцию о значении для Тобольского Севера проектировавшегося железнодорожного Обь-Белковского пути. Шахов охотно откликался на поручения и просьбы, так, в 1899 г. он обеспечил доставку из Березова в Тобольск 40 остяцких собак для экспедиции великого князя Константина Константиновича.

Обладая качествами общественного деятеля, Семен Прокопьевич с 1888 по 1895 г. избирался городским головой, позднее – городским

[10] Скалозубов Н.Л. Письма депутатов // Сибирский листок. 1905. 28 марта.

[11] Городская хроника // Сибирский листок. 1912. 8 июля.

[12] Городская хроника // Сибирский листок. 1917. 24 авг.; Тобольская молочная ферма // Сибирский листок. 1917. 30 ноября. Подп.: Л.О.

[13] Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника. С. 25.

старостой. Известно, что по его инициативе и под его началом в 1900 г. в Березове была построена пристань. В 1906 г. березовский съезд городских избирателей делегировал его в Тобольск на губернское собрание выборщиков в Государственную Думу.

До конца своей жизни С.П. Шахов был видным членом березовского общества, но отношение к нему сильно изменилось в революционные годы, когда на гребне волны оказались люди, призванные не к созиданию, а к разрушению. Столкновение противоположных систем ценностей стало неизбежным. В 1917 году Шахову, оказавшемуся на непродолжительное время в должности уездного комиссара, противостоял новоизбранный комитет общественного спокойствия. Вот какую телеграмму отправил этот комитет губернскому комиссару:

«Несмотря на многочисленные попытки и желания Исполнительного Комитета совместно работать с комиссаром Шаховым, последний от совместной работы всячески уклоняется. Дружно сплотившись со служителями старой власти, которым противно всякое народное представительство, Шахов всю энергию напрягает не на продуктивную работу, а на уничтожение Комитета «народного» и на образование Комитета «семейного». Народное недовольство Шаховым растет, сливаясь с недовольством прежним, по службе городского старосты. Комитету народ доверяет, видя в нем своих представителей, и если члены Комитета сложат свои полномочия, это будет грозить беспорядком. Исход из сложившегося положения один. От имени избравших нас и своего просим вас немедленно устранить от должности Шахова. Честно исполняя свой долг перед избравшим нас народом и Временным Правительством, просим вас дать не замедляя ответ на настоящую телеграмму».[14]

Новое время – новые песни. Шахову, повторяю, березовцы неоднократно доверяли руководство городскими делами. Вероятно, не со всеми из них он справлялся, и были недовольные, но он работал самостоятельно и не клялся именем народа и его доверием, не занимался дележом власти, ни на кого не кивал.

Жизненный путь этого сделавшего немало полезного человека оборвался в последний год Гражданской войны. По сообщению газеты «Голос Народной Армии» за 27 марта 1921 года, он был первым из заложников расстрелян большевиками перед отступлением из Березова. Бывший начальник Обдорского гарнизона Иван (Ян) Судникович в своих воспоминаниях пишет, что 15 марта 1921 г. близ Березова кто-то спилил телеграфный столб, и была нарушена связь. Председатель Тобсеввоенревкома

[14] Бюллетень Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 30 марта.

Протасов-Жизнев приказал арестовать одного из граждан Березова в качестве заложника и для устрашения населения расстрелять. Выбор пал на С.П. Шахова.[15]

2. Краски Севера

О том, что в конце XVIII – первой половине XIX в. в Березовском округе жил художник-самородок Николай Шахов, известно давно, но до начала нынешнего столетия на Обском Севере вряд ли нашелся бы десяток любителей истории, знакомых с его творчеством и тем более – знающих что-нибудь о личности творца. Единственная сохранившаяся в пределах бывшей Тобольской губернии его работа «Битва остяцких племен» находится в фонде Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, но этот факт как-то не привлекал к себе особенного внимания, а о других его работах можно было составить представление только по черно-белым копиям, опубликованным в статье *В.Н. Чернецова* «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.», напечатанной в 10-м «Сборнике Музея антропологии и этнографии» в 1949 г.

В нынешнем столетии петербургские историки и искусствоведы проявили интерес к творчеству безвестного художника, и югорские любители искусства получили возможность видеть красочные репродукции работ Шахова в журналах «Родина», «Полярная сова» и альманахе «Славянский ход». По мнению А.И. Терюкова, эти произведения являют собой «исключительный историко-этнографический источник». По-видимому, впереди еще большой разговор о них.[16]

Что касается личности художника, то долгое время в литературе существовала одна версия, высказанная В.Н. Чернецовым: Н. Шахов – выходец из ижемских зырян, переселившихся на север Западной Сибири. Однако иное утверждение находим в личном фонде омского историка и краеведа *А.Ф. Палашенкова* в Государственном архиве Омской области (Ф. 2200. Оп. 2) среди собранных им материалов для биографического словаря видных деятелей Западной Сибири. Палашенков, будучи сотрудником Омского краеведческого музея, в конце 1930-х гг. совершил экспедицию в Березовский район и пришел к иной версии. В деле № 2307 «Шахов Николай» читаем: «Шахов – казак. Самородок-художник. Воспроизводил

---

[15] Полуянова Т. Воспоминания начальника гарнизона // Жизнь Югры. 2001. 7 дек.

[16] См. о Н.Л. Шахове: Терюков А.И. Материалы к иконографии населения Тобольского Севера // Славянский ход. 1991 – 2002. Материалы и исследования. Вып. 1. – Сургут – Ханты-Мансийск, 2004. – С. 50 – 66; Терюков А. И. Картины Николая Шахова // Полярная сова. – Сургут, 2007. – Июнь. – С. 21 – 22; Николаев О. Карась карасю рознь // Полярная сова. – 2007. – Окт. – С. 25 – 29.

сцены из быта и жизни остяков и самоедов Приобья». Здесь же, ссылаясь на сообщение В.Н. Чернецова, сделанное в Омске осенью 1948 г., Палашенков пишет, что шесть панно Шахова, написанных водяными красками на миткале, были приобретены в середине XIX в. в Обдорске начальником экспедиции на Северный Урал *Гофманом* для Русского географического общества, затем куда-то переданы. В деле также имеются 8 фотографий с работ Шахова и статьи искусствоведа К.А. Большевой «Стилистические основы композиций панно Н. Шахова из коллекции МАЭ» и В.Н. Чернецова «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.» из «Сборника музея антропологии и этнографии» (1949. Т. 10).

А в деле № 1604 того же фонда Палашенкова воспроизведена следующая запись из инвентарной книги Тобольского музея: «От березовского купца Александра Степановича Плеханова. Картина изображает битву между инородцами. По отзыву Плеханова, картина эта писана казаком Шаховым более ста лет назад». Указано в инвентарной книге и время поступления картины в музей: февраль 1903 г. Значит, если сведения Плеханова верны, полотно писано на рубеже XVIII и XIX веков. Искусствовед К.А. Большева также относит те шесть панно, что были вывезены в Петербург Гофманом, к концу XVIII – началу XIX в. на основе анализа их стилистических особенностей.

Итак, за то, что художник – березовский казак, говорят авторитетные источники, но кто он? Мной просмотрено много документов березовских церквей и лишь об одном Николае Шахове, жившем в этот период, встречены упоминания. В материалах ревизии (переписи населения) 1834 г. есть запись о березовском отставном уряднике Николае Леонтьевиче Шахове. 1 сентября 1840 г. он умер от чахотки в 70 лет. А ревизией 1816 г. зафиксировано, что в 1815 г. умер 72-летний отставной казак Леонтий Васильевич Шахов[17] – вероятно, отец Николая Леонтьевича. Из росписи Градо-Березовской Воскресенской церкви за 1823 год узнал и о составе семьи 52-летнего Н.Л. Шахова. В ней, кроме него, были жена Мария Васильевна, 50 лет, и дети Яков, 14 лет, Иван, 11, Анна, 26, Евдокия, 21, Татьяна, 20, Марфа, 9. Совместно с ними жила и семья 48-летнего брата Николая – Федора: жена Наталья Васильевна, 44 лет, дети Андрей, 24, Иван, 19, Филипп, 11, Дарья, 15, Мария, 14, Екатерина, 13, Ирина, 9, Стефанида, 6 лет, и годовалый Прокопий.[18]

Упоминание о Николае Шахове встречено еще в одном источнике. Историк Н.А. Миненко, исследуя вопрос о хозяйстве русского населения Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в., пишет о широком

[17] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 149 об.; Д. 403. Л. 21 об.; Ф. 716. Оп. 1. Д. 9.

[18] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 5.

распространении незаконной торговли русских северян в волостях аборигенов. Чтобы ограничить ее, в 1811 г. в Обдорске был установлен караул для задержания приезжавших из Березова казаков и осмотра их товаров. Среди тех, кто ездил для торговли в Обдорск, были братья Николай и Федор Шаховы.[19]

Стало быть, «рабочая гипотеза» о том, что автором всех этих работ мог быть Николай Леонтьевич Шахов, имеет право на существование. На рубеже XVIII и XIX веков ему было около 30 лет – оптимальный возраст для творчества.

В XX веке, начиная с двадцатых годов, Шаховы уже не столь заметны в Березовском районе. Гражданская и Великая Отечественная войны подорвали жизненную силу рода, а усилившаяся в советское время миграция населения рассеяла по стране тех, кто остался, либо растворила их в массе пришлого народа.

3. Семейные ценности

Радостное волнение приходит каждый раз, когда находишь живого представителя известного рода. Так было и тогда, когда тоболячка Анна Константиновна Михайленко познакомила меня с наследницей фамилии Шаховы Ией Васильевной Заложневой. Летом 2006 года удалось встретиться с ней в ее санкт-петербургской квартире и записать рассказ о семье, в которой она выросла, путях-дорогах нескольких поколений, судьбах родственников, порой сложных и удивительных, их нестандартных поступках. От услышанного осталось впечатление мощной жизненной силы рода, широты ее проявления в самых разных обстоятельствах. Как бы ни приходилось порой трудно, члены обширного семейства энергично встречали внезапные перемены, сохраняли бодрость и уверенность и не заземлялись при этом на узком круге бытовых потребностей, а давали свободу проявления духовной составляющей жизни.

Отец Ии Васильевны Василий Еремеевич Шахов (1897 – 1958) родился в Березове в небогатой семье. Дочь вспоминает отцовский рассказ о том, как на экзамен в городском училище приехал инспектор из губернской столицы. Выслушав ответ Василия Шахова, он пошел к его родителям и предложил: парень с большими способностями, отпустите его со мной, буду учить дальше. Но родители не смогли отпустить, нужен был помощник. Потом Василий на каких-то курсах выучился и стал надсмотрщиком телеграфа. И с этой небольшой профессиональной подготовкой впоследствии руководил районными телеграфными конторами. По-видимому,

[19] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 71.

2 Заказ 542

-0158234-

Государственная библиотека Югры

КО

сразу или вскоре после обучения на курсах он находился на службе в Тобольске и здесь познакомился с будущей матерью Ии Васильевны и ее братьев и сестёр Александрой Фёдоровной Киселёвой.

Александра Фёдоровна (1897 – 1997) была дочерью богатого торгующего крестьянина из юрт Новосёловых (другое название – Ахтоминские, позднее стали называться Нялинскими) Самаровской волости Федора Васильевича Киселева. В это время она училась в Тобольской Мариинской женской гимназии. Александра была уже двенадцатым ребенком в семье. Овдовев и оставшись с семерыми детьми, Федор Васильевич вновь женился на крестьянке из близлежащего села Базьяновского Пелагее Александровне, родная сестра которой Ирина была замужем за крупным торговцем Василием Васильевичем Башмаковым.

Гимназию Александра Федоровна окончила с медалью и правом учительствовать. У нее уже намечались женихи из состоятельных семей, но был и один бедный поклонник – надсмотрщик правительственного телеграфа Шахов. В России уже назревали громадные перемены, и, может быть, интуиция подсказала Александре Фёдоровне этот выбор в пользу небогатого жениха: в 1917 году она обвенчалась в Софийском соборе с Василием Еремеевичем. А прежние кандидаты в женихи вскоре поразъехались из Тобольска кто куда, т. к. при новой власти стали изгоями – некоторые, по слухам, перебрались за границу.

Обзаведясь семьей, Александра Федоровна долго преподавала в школах немецкий и французский языки – в Сургуте, Тобольске, Ишиме, Свердловске – и всю жизнь продолжала учиться сама: на курсах машинисток, акушерских курсах, на французском отделении Свердловского учительского института, изучала английский язык. В 1949 году в 52-летнем возрасте поступила на факультет журналистики Уральского университета и доучилась до четвертого курса.

Интерес матери к приобретению знаний привился и детям. И Василий Еремеевич был солидарен с женой, он считал своей важной жизненной целью дать всем шестерым детям высшее образование.

– Мы все учились очень хорошо, – вспоминает Ия Васильевна, – на одни пятерки, и школу заканчивали, будучи самыми младшими из одноклассников. Дело в том, что у мамы на уроках иностранных языков собирались небольшие по численности группы, и она нас с шестилетнего возраста брала с собой в класс. Директор заметила одну из моих старших сестер на уроке и говорит маме: «Ну что она тут сидит? Пусть идет в первый класс и учится». Вот мы и выходили из десятого класса в 16 лет.

Папа никогда не делал нам никаких наставлений. Он работал начальником линейно-технического узла связи в Тобольске, потом в Ишиме, в его подчинении были простые рабочие, исправлявшие неполадки на линиях

связи. Мы обычно жили при конторе: в одной половине дома – рабочее помещение, в другой – квартира начальника, и никогда не слышали, чтобы кто-нибудь произнес скверное слово при отце, и сам он никогда их не употреблял. А когда собирались у него друзья, порой говорил как бы невзначай: «В своих девчонках я уверен». И этого нам было достаточно, чтобы никогда не подвести отца.

Василий Еремеевич умер вскоре после выхода на пенсию, в 61 год. В последний год жизни он решил навестить своих детей, живших в разных городах. Съездил на поезде в Пензу, Луцк, Киров. Об этой поездке он написал дочери Ие, которая в то время жила далеко от Свердловска – в Якутии, до нее он добраться не смог. Впечатления были самые отрадные. Цель его жизни достигнута, все шестеро стали хорошими специалистами: врач, музыкант, два инженера, юрист и вузовский преподаватель математики.

Вместо пересказа содержания этого письма приведу дальше увлекательный рассказ И.В. Заложневой о своих братьях и сестрах, выделяющий некоторые яркие моменты их биографий.

– Самая старшая из нас, Зоя, родилась в 1918 году. Училась в медицинском институте, и диплом ей, если воспользоваться образом поэта Щипачева, «подписала война». Только закончила институт и сразу – на фронт. Прошла врачом всю войну. В мирное время работала в медицине в Свердловске, потом с мужем переехали в Пензу.

Брат Василий, родившийся следом за Зоей, еще школьником проявил музыкальные способности. На вечерах он брал у товарищей баян, пробовал играть и скоро так овладел им, что мог исполнять произведения по заявкам. В седьмом классе ему за отличную учебу подарили баян – с ним он до поступления в институт зарабатывал в летние каникулы деньги для семьи, выезжая в качестве музыканта в дом отдыха Шарташ. Со второго курса Свердловского индустриального института Василия взяли в армию, выучили на танкиста и отправили на войну. После первого же боя он нашел в траншее немецкий аккордеон и с ним прошел до последнего дня войны, играя для товарищей на всех привалах.

Всем офицерам полагался так называемый «аттестат» – деньги для пособия оставшимся в тылу членам семьи. Будучи неженатым, Василий отправлял их маме с наказом учить на них сестер музыке. И хоть есть было нечего, но мы учились, потому что этот аттестат был дан на музыкальное образование.

После войны Василий поселился на Украине в городе Луцке, преподавал в музыкальном училище, давал концерты, сочинял песни, за одну из которых получил в конкурсе приз.

Интересно вот что. У жены Василия был сын от первого брака Николай, и у него, видимо, под влиянием отчима пробудились музыкальные

способности. В музыкальной школе он не учился, он только слышал, как Василий играл ежедневно дома. И когда окончил 10 классов, захотел стать музыкантом. Брат за год подготовил его к поступлению в консерваторию, Николай окончил ее по классу баяна и до выхода на пенсию преподавал в музыкально-педагогическом училище города Фастова Киевской области. А собственный сын Василия Виктор хотя и учился музыке, но музыкантом не стал.

– После Василия родился брат Федор. Он окончил перед войной техникум связи и на фронте был связистом. Отпущен домой после войны только в 1947 году. В семье была только одна дочь, уже подросшая, пока отец воевал. Федору очень хотелось иметь еще ребенка, но жена больше не рожала. Тогда они решили взять ребенка из детского дома. А там, по-видимому, очень хотели избавиться от очень энергичного и подвижного мальчика, страдавшего сильным косоглазием, ему не было и двух лет. Фёдор и Валентина стояли и ждали, когда приведут ребенка. И вдруг влетает этот мальчик, бросается к Валентине и кричит: «Мама!». Это единственное слово, которое он умел тогда говорить. И они его взяли. Он ровесник моему сыну Серёже, родился в 1957 году. Федор окружил его огромным вниманием, у него были такие игрушки, которые нам и не снились, например, чудесная немецкая железная дорога, танки, которые сами на ходу поворачивали, и я приводила своих сыновей, чтобы они тоже могли поиграть.

Братья мои Василий и Федор прожили только по 48 лет. Этот приемный сын остался без отца, когда учился в четвертом классе. Вдова решила, что одна не сможет его вырастить, и отдала обратно в детдом. Через некоторое время она сильно заболела диабетом, ампутировали ногу. И этот мальчик, в ту пору уже юноша, пришел к ней как к матери, и до самой ее смерти ухаживал. По профессии он пожарный, живет в Москве.

– Следующие за Федором Юрий, Борис и Владимир умерли рано от детских болезней. После них в Тобольске родилась Маргарита. Окончила школу в 16 лет, Рита захотела, как и старшая сестра Зоя, выучиться на врача, но это расходилось с папиным планом: он хотел, чтобы все дети имели разные специальности. А так как Рита была совсем юной и к тому же маленького роста, он поехал в Свердловск с ней. Едут в трамвае, держат путь в медицинский институт, а на пути – юридический. Папа говорит: «Рита, давай выйдем на этой остановке». Пришли в юридический. В приёмной комиссии говорят: 16 лет, в 20 окончит – какой же из нее судья? А папа настаивает: нет, судья получится хороший, возьмите. Взяли. После окончания Рита получила направление в город Киров. Сначала была консультантом на крупном заводе, а вскоре ее избрали судьёй. Много лет отработав судьей, заведовала городской адвокатурой. А ее дочь Татьяна сей-

час – популярнейший в Кирове адвокат, ей поручают самые сложные дела. Сын Татьяны Сергей тоже юрист.

– Младшая из сестер, Нелли, окончила Пензенский политехнический институт и получила направление в Свердловский научно-исследовательский институт на завод автоматики. Здесь вышла замуж за директора завода, кандидата наук Вячеслава Васильевича Чеботарева. А двое их детей, отучившись, как и мать, в политехническом и получив специальности радиотехников, во время перестройки переквалифицировались, занялись коммерцией. Теперь он – директор ресторана, она – врач.

Рассказала Ия Васильевна немного и о себе. Окончив физико-математический факультет Уральского университета, она преподавала в Свердловске в политехническом институте. Ввиду того, что профессия ее мужа (он окончил горный институт) требовала легкости на подъем, уехали в Якутию, потом вернулись в Свердловск. Здесь окончили вузы двое ее сыновей. Оба по семейной традиции обучались и музыке, причем младший, Сергей Валентинович, – выпускник музыкальной школы-десятилетки при консерватории по классу скрипки. Достойный представитель семейства Шаховых, Ия Васильевна полна бодрости, энергии и интереса к окружающему. В 2006 году она еще работала в одной из фирм Санкт-Петербурга, а досуг скрашивала общением с коллекционерами (у неё интересная минералогическая коллекция), выставочной деятельностью и изучением родословной.

Из казаков – в чиновники (Оболтины)

Среди берёзовских казачьих фамилий Оболтины – одна из самых заметных. Существовала версия, будто местные Оболтины ведут род от одного из участвовавших в основании Березова казаков Ермака по прозванию Оболта.[1] О признании березовцами правдоподобности этой версии свидетельствует тот факт, что для участия в торжественной передаче знамени Ермака из Березовского Воскресенского собора в штаб Сибирского казачьего войска был избран и представитель этой фамилии.

Служилый человек Оболтин был в Березове уже в начале XVII века, это утверждает именная книга выдачи денежного жалованья березовским служилым людям, ручникам и оброчникам за 7136 (1627/28) г.[2] В одном из документов упоминается березовский сотник дворянин Алексей Оболтин.

В это же время бывали Оболтины и подалее Березова – например, в Томске: «Февраля в 11 день продал торговой человек Шестунка Оболтин мяхкие рухляди на 5 р.». «…Того же дни приехал из Нарымсково острогу в Томский город жилец Васка Семенов с торговым Федосейкой Оболтиным».[3] С тех давних времен и до наших дней эта фамилия привычна для березовцев.

Много разнообразных поручений было у военнослужащих того времени. Так, сержанту Александру Оболтину в 1768 г. пришлось обеспечить

[1] По В.И. Далю, Оболта – «повеса, невежа, шатун, лентяй, неотёсанный, грубый и глупый».

[2] Березово. (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург, 2008. – С. 85 – 86; Церкви Обдорска. Вып.II. Ч. 1. С. 183.

[3] Таможенная книга Томска 1624 – 1627 гг. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск. – Новосибирск, 1999. – С. 100, 122.

доставку святого мира (ароматическое масло для миропомазания – смазывания лба, глаз, ушей и других частей тела миром. – В.Б.) из конторы Московского Правительствующего Синода в Тобольскую духовную консисторию.[4] В 1827 г. хорунжий Оболтин исправлял должность смотрителя при Кушеватском магазине.[5] Но уже в начале XIX века стала заметной тенденция к переходу Оболтиных из военной службы в гражданскую. Это хорошо прослеживается на примере семейств Платона, Федора, Петра и Василия Ефимовичей (Екимовичей, Иоакимовичей) – по-видимому, братьев.

Платон Ефимович по выходе из второго класса местного уездного училища в 1830 году поступил писарем в Березовский окружной суд. В 1839 г. он «за усердную и ревностную службу» был награжден губернатором 100 рублями, в формулярном списке его отмечено, что «к продолжению службы способен и повышения чина достоин».[6] Мундиры чиновника вслед за отцом надели и сыновья – Трифон и Иван. Оба служили в Березовском земском суде (первый столоначальником, второй писцом), но карьеры их не получили развития, т. к. оба умерли от чахотки в середине третьего десятка лет жизни.[7]

Хорунжий Петр Ефимович Оболтин занимал должности секретаря Березовского земского суда (1860) и окружного стряпчего, а сын Федора Ефимовича Петр – канцелярского служителя в чине губернского секретаря. Но особенно продвинулся по служебной лестнице и сделал незаурядную для березовского жителя того времени карьеру его сын Лев Петрович (1872 – 1917).

По окончании уездного училища он в 1891 г. был определен в штат Березовского окружного полицейского управления канцелярским служителем. Через полтора года усердной службы получил место столоначальника, в середине 1907 г. был назначен становым приставом в Обдорск, а 6 сентября 1908 г. – помощником уездного исправника. Вместе с исправником Л.Н. Ямзиным, тоже выходцем из березовского казачества, они верой и правдой служили родному краю, не ограничиваясь одной формальной стороной дела.

10 февраля 1911 г. Л.П. Оболтину из Петербурга было адресовано письмо, в котором совет Императорского Русского географического общества выражал ему искреннюю благодарность за содействие экспедиции общества на Ямал под начальством *Б.М. Житкова*. В октябре 1913 г. Лев Петрович, будучи уже в чине надворного советника, получил назначение на должность бухгалтера Тобольской казенной палаты. В Тобольске учились

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1784.

[5] Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 481.

[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 45. Лл. 32 – 33.

[7] Метрические книги Березовского Воскресенского собора. 1860-е гг.

четверо его детей, а сын Леонид позднее продолжал образование в университете. В «Сибирском листке» за 20 февраля 1919 г. исполнительный комитет студенчества извещал читателей об его ранней смерти. О причине и обстоятельствах ничего не было сказано, не исключено, что этими обстоятельствами были революционные события.[8]

Брат Л.П. Оболтина Ефим Петрович (интересно то, что в патриархальных семьях того времени часто прослеживаются одни и те же имена, передаваемые от поколения к поколению), тоже выпускник Березовского уездного училища, с 1 августа 1898 г. преподавал в Мало-Атлымском сельском училище. Источник сообщает: «Училище открыто в 1888 г. в церковной сторожке, в 1897 г. построено собственное здание на прибыль от винного заведения. Стоила постройка 1600 р. В 1904 г. было пристроено на казенные деньги две комнаты для приюта инородческих детей и в этом же году 1 сентября училище передано в ведение Министерства народного просвещения, потому что общество Мало-Атлымское в 99 душ содержало его на свой счет и при ремонтировках, найме сторожа и доставке дров были большие неприятности. Учитель Оболтин, чтобы избежать этого, хлопотал перед училищным начальством, и училище принято Министерством народного просвещения в свое ведение; теперь от казны отпускается на отопление, освещение, наем сторожа и другие расходы 200 р.».[9]

Но Оболтин недолго пользовался плодами своих стараний на педагогическом поприще, в 1904 году он принял сан священника и до конца 1910 г. служил в церкви села Мужи, потом, очень недолго – в Белогорье. В начале 1912 г. он вернулся в Малый Атлым, стал священником Преображенской церкви и пробыл здесь около четырех лет.[10] Затем он был переведен в село Реполово Тобольского уезда, а с 23 января 1917 г. служил в Самаровской Покровской церкви. При организации волостного земства в ноябре 1917 года он был приглашен в состав ревизионной комиссии и как опытный школьный работник вошел в комиссию по народному образованию. В 1918 г. он оставался в Самарово. Сын Оболтиных Анатолий в первые послереволюционные годы работал в Тобольске в Обьтресте, дочь Зоя там же в 1927 г. окончила педагогический техникум.[11]

Долгое время мне ничего не было известно о жизни Е.П. Оболтина после 1917 года и, когда уже заканчивалась работа над книгой, случилось

[8] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 397. Л. 4 – 10, 22, 30, 57; Сибирский листок. 1917. 20 апр.

[9] Сибирский листок. 1907. № 91.

[10] Сибирский листок. 1907. № 91; ГАЯНАО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 3; Тобольские епархиальные ведомости. 1912. 16 февр. (№ 4). С. 50; Метрические книги Мало-Атлымской Преображенской церкви за 1910 – 1914 и 1914 – 1920 гг.

[11] Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1917. № 6; ГАТО. Ф. 1818. Оп. 2. Д. 2005; ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 635. Л. 41 об.

нечаянное заочное знакомство с его внучкой, омичкой Татьяной Владимировной Старчак. Долгое время она, никогда не видевшая своего дедушку, принимала на веру то, что говорили старшие: он был учителем. Узнав правду в совсем недавнее время, стала наводить справки в архивах, и с каждым новым документом сильнее становилась душевная боль. С 1919 года начались и уже до конца жизни не прекращались гонения на него советской власти – аресты, высылки, тюрьмы и, наконец, расстрел в 1937 году. За что? За то, что оставался верным долгу священника, исполнял его в самых неблагоприятных условиях, и когда в 1930 г. объявили о закрытии церкви села Липовка Байкаловского района Тобольского округа, призывал крестьян как их пастырь протестовать, отстаивать церковь и веру. Татьяна Владимировна теперь многое знает о судьбе и Ефима Петровича, и его сына Анатолия Ефимовича, человека, во многом повторившего путь отца.

Священник Ефим Петрович Оболтин с сыном Анатолием

Еще один воспитанник Березовского уездного училища – Василий Иоакимович Оболтин – так же, как и упомянутый выше Петр, начинал с казачьей службы, но потом перешел в гражданскую. В Государственном архиве г. Тобольска удалось найти его формулярный список, составленный 23 мая 1881 г. Не имея собственных сведений для его характеристики, привожу почти дословно текст этого документа:

«Коллежский регистратор. Исправляющий должность помощника ялуторовского окружного исправника. 57 лет. Из казачьих детей. Окончил Березовское уездное училище в 1835 г. В службу вступил казаком в Тобольский городовой казачий полк Сибирского казачьего войска 18 апреля 1839 г. С 1850 г. – ротный писарь. 24 ноября 1856 г. назначен в Березовское военно-окружное управление. По выдержании в штабе отдельного Сибирского корпуса экзамена за отлично-усердную службу и примерное исполнение своей обязанности 29 декабря 1859 г. произведен зауряд-хорунжим. С 25 февраля 1860 г. – адъютант в Березовском военно-окружном управлении. 31 июня 1861 г. переведен в 11-й конный полк Сибирского казачьего войска. 21 февраля переведен обратно в полубатальон (бывший Тобольский казачий полк). 23 января 1863 г. произведен в хорунжие с переводом в 11-й конный полк Сибирского казачьего войска. С 1 января 1866 г., не слагая прямой своей обязанности, исполнял должность бухгалтера при Березовском военно-окружном управлении. С 1 апреля 1867 г. исправлял

Михаил Петрович Оболтин с конем Буяном. 1972 или 1973 г. Из коллекции А.К. Михайленко

должность березовского городничего до 1 июня. 1 января 1868 г. сдал должность бухгалтера. По упразднении Березовского военно-окружного управления сдал 6 февраля должность адъютанта. 10 мая 1868 г. Высочайше утвержден директором Березовского попечительного о тюрьмах отделения. 1 ноября 1869 г. назначен земским заседателем III участка Тюменского округа. 28 декабря 1869 г. Высочайшим приказом переименован из хорунжих в коллежские регистраторы для поступления по гражданскому ведомству. 30 июля перемещен на таковую же должность в Тобольского округа III участок. Согласно прошению определен помощником курганского почтмейстера 1 января 1871 г. С 1 апреля – чиновник особых поручений при управляющем почтовой частью в Тобольской губернии. 1 июня 1871 г. согласно прошению уволен в отставку. С 1 июня 1880 г. – помощник ялуторовского окружного исправника. Женат на вдове надворного советника Зенец Франциске Ивановне. Дети: Василий (род. 25 декабря 1876 г.), Екатерина (28 октября 1878 г.)».[12]

Столь частые перемещения В.И. Оболтина по службе дают основание думать, что служба его действительно была на любом месте «отлично-усердной» и в нем как человеке деятельном и толковом многие нуждались.

Позднее Василий Иоакимович служил тюкалинским окружным исправником. В «Ежегоднике Тобольского губернского музея» он упоминается как один из его учредителей.

Городовое казачество севера Западной Сибири еще в середине XIX века стало заметно утрачивать изначально определенное для него назначение: уже не нужно стало осваивать новые территории, подавлять бунты недовольных колониальной политикой аборигенов, и казаки постепенно выходили из военного сословия в мещанство и городское крестьянство. Были такие и среди Оболтиных. Один из них – отставной урядник Григорий Васильевич Оболтин, еще в конце 1850-х гг. арендовавший рыболовный песок Курск-Пан в 325 верстах вверх от Обдорска. По-видимому, он имел значительное состояние, если мог позволить себе принести в дар Воскресенскому собору посеребренный подсвечник, стоявший перед образом Николая Чудотворца. За это он был причислен к кругу почетных прихожан.

[12] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 186. Л. 437 – 444.

К числу крупных березовских рыбопромышленников принадлежал его внук Маркел Иванович, заметный в городе человек, избиравшийся прихожанами Воскресенского собора церковным старостой и породнившийся с состоятельными семействами Добровольских, Нижегородцевых, Цессес.[13]

Замечательной личностью был внук Маркела Ивановича Михаил Петрович Оболтин (29 июля 1905 – 6 февраля 2003). Проживший почти столетие, с молодости глухой, деятельный до глубокой старости, он был кладезем интереснейших сведений, и к нему много раз приходили с расспросами местные и заезжие газетчики, и краеведы, и прочие любознательные люди.[14]

Михаил Петрович Оболтин

Лет 20 назад выпал и мне случай познакомиться с Михаилом Петровичем. Семья, в которой он рос, была зажиточной и имела близкие связи с другими богатыми семьями. Крестным Михаила Петровича был купец Иван Андреевич Нижегородцев. Всего несколько лет назад был снесен большой дом Оболтиных. Этот дом у них отобрали вскоре после окончания Гражданской войны, в нем долгое время помещалась контора совхоза «Ванзетурский». Но семейное благополучие закончилось раньше – тогда, когда отец пристрастился к вину и принялся разбазаривать свое хозяйство, а подросшему Михаилу пришлось заботы о семье взвалить уже на себя. Со всяким трудом познакомился – и скот растил, и в извоз ходил до Ивделя, и сено и дрова заготовлял, и чужие огороды пахал ради заработка. И снова был в семье достаток – две коровы, бычок и три лошади, из-за чего и были Оболтины раскулачены.

– В прежнее время, кто не ленился, хорошо жили, – убежденно говорил Михаил Петрович. – Сами питались и лентяям, беднякам давали. А потом оторвали от этого, всё отобрали, сослали народ. А который лентяй, он лентяем и остался. В колхоз вошел – ни колхоза, ни совхоза, всё провалили. И всё рухнуло. Так вот счас и мотамся, как маятник.

[13] Тобольские губернские ведомости. 1858. 12 июля (№ 28); Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России. Тюмень, 2004. С. 72, 109, 217, 270, 321.

[14] Белый А. Зигзаги судьбы и прямая жизнь Михаила Оболтина // Жизнь Югры. 1998. 12 авг.; Нугуманов Э. Преданья ль старины глубокой? // Путь к коммунизму. 1990. 31 октября; Валов А. Березово издали и вблизи // И.Д. Шабалина. Березов. СПб., 1998. С. 102 – 104; Белый А. В жизни не пил и не курил // Жизнь Югры. 2000. 8 сент.; Белый А. Старожил Оболтин // Жизнь Югры. 2002. 25 июня.

На все руки (Первовы)

Первовы[1] – одна из старых сибирских фамилий. По фамильной легенде, сибирский род Первовых пошел от одного из сподвижников Ермака по имени Перьяк, об этом пишет в своих воспоминаниях А.М. Первов, о котором речь пойдет дальше. Историки по именным и окладным книгам, спискам служилых людей, ревизским сказкам прослеживают фамилию на севере Западной Сибири с начала XVII века, причем первое упоминание датируется 1626-м годом (Сургут) и следующее – 1628-м (Березов). С середины XVII в. в документах по Сургуту эта фамилия уже не встречена, Первовы сосредотачиваются в Березове.[2]

Ныне живущие в Березове Первовы и продолжатели этого рода, носящие другие фамилии, имеют возможность выстроить свои родословные, начиная с 1860-х гг., на основе записей в метрических книгах Воскресенского собора и Богородице-Рождественской церкви. Хранятся книги в местном отделе записи актов гражданского состояния. Было бы замечательно, если бы для такого дела нашелся в Березове историк или краевед, а еще лучше – небольшая группа исследователей родословных, а администрация района признала его одной из важных культурных задач исторического поселения.

Создание широкой и всесторонней летописи родов – непосильная для автора задача ввиду громадного объема работы и труднодоступности

[1] «Относится к числу фамилий, образованных от имен, связанных с обстоятельствами рождения ребенка» (Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. С. 163.

[2] Словник (регистр) книги «Югорские фамилии: исторический словарь. Т. 1. Фамилии русского старожильческого населения Югры» / Сост. А.Г. Мосин. Екатеринбург, 2003.

источников, поэтому в настоящем очерке ограничусь выявлением некоторых эпизодов и фрагментов истории Первовых, позволяющих читателю увидеть отдельные детали проявления индивидуальностей в то далекое от нас время.

Березовские Первовы были представлены во всех сословиях местного общества кроме купечества: были среди них и казаки, и мещане, и крестьяне, и чиновники. Вот для примера Федор Николаевич Первов, родившийся около 1846 г. Он принадлежал к городовому крестьянству, но с 1888 г. имел 200 р. годового дохода в виде государственного жалования как присяжный счетчик Березовского окружного казначейства, зачисленный на эту должность по собственному прошению Тобольской казенной палатой.

В формулярном списке за 1892 год поименованы его дети: сыновья Иван, Захар и близнецы Викентий и Маркиян, позднее, вероятно, еще рождались дети. О некоторых из них есть упоминания в письменных источниках. Так, бывший учитель и смотритель уездного училища Ф.Ф. Ларионов в известной березовскому читателю «Семейной хронике» называет своего коллегу – преподавателя столярного дела ремесленного отделения училища Маркияна Федоровича Первова. Добрым словом поминает его и ученик уездного училища и его профессионального класса Алексей Первов. Хотя он и считался по профессии рыбаком, как и большинство березовцев, но служба в уездном училище в сочетании с природной сметливостью помогла ему вполне овладеть и профессией счетовода. В 1920 году, когда профессионального класса уже не было, как и многого другого, Маркиян Федорович работал счетоводом в транспортно-материальном отделе Березовского уездного Совета, а в 1921 г. временно направлялся ревкомом в уездный здравотдел для постановки дела бухгалтерии.

Брата Маркияна Федоровича Викентия, наверное, некоторые жители поселка старшего поколения еще помнят как умелого и честного работника. Его имя нередко встречалось в районной газете «Путь к коммунизму». В 1944 – 1946 гг., уже в преклонном возрасте, он председательствовал в колхозе, позднее заведовал молочно-товарной фермой, возглавлял бригаду рыбаков. С любовью написанный К. Семяшкиным портрет Викентия Федоровича как достойного человека своего времени под заголовком «Первовы» напечатан в 1999 г. в газете «Жизнь Югры» (См. приложение 1).

Семья Федора Николаевича Первова отличалась музыкальностью, и это было неоднократно засвидетельствовано современниками. В «Семейной хронике» *Ф.Ф. Ларионов* пишет: «Ученический оркестр за это время значительно окреп, все музыканты играли по нотам. Поместившись на сцене, оркестр представлял из себя довольно внушительное зрелище: на одном его фланге стоял высоченный Маркиян Первов с огромным контрабасом, на

другом конце – самый маленький музыкант – наш Вяча (сын Ларионовых. – Авт.) с самой маленькой балалайкой…».[3]

Ю.М. Козлова, жившая в Березове в начале XX в., в набросках к повести «Сенькин» писала о двух своих персонажах-школьниках, что они «в свободное от уроков время ходили к братьям Первовым, которые славились игрой на музыкальных инструментах. Один из них, Петр, организовал оркестр, даже сам подбирал мотивы и писал ноты. Среди многих исполнявшихся пьес были и его собственные…».[4] В книге Валентины Фарносовой «Березово: история и современность» опубликована фотография 1910 года любительского струнного оркестра. Среди его участников в подписи к снимку названы Николай Федорович и Петр Федорович Первовы – вероятно, младшие братья Маркияна Федоровича.

Судя по отрывочным сведениям, легким на подъем, любознательным и творческим человеком был Харитон Васильевич Первов (ок. 1850 – 1910). Ему были по плечу разные поля деятельности. В 1880-е гг. он служил писарем березовского крестьянского общества, в 1890-е – писарем же Березовской подгородной инородческой управы, в первое десятилетие XX в. – продавцом в казенной винной лавке в Обдорске, избирался уполномоченным Березовского городского собрания.[5] Одним из его увлечений было выращивание хлеба в северных условиях. Об этом опыте сообщала тобольская газета «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности»: «Первов испросил в бесплатное пользование от думы место для посева, которое в следующем 1893 г. вспахал и без всякого удобрения посеял ячмень и овес. Первый дал хороший колос, но не доспел; второй, наоборот, осыпался, «так как сеян был поздно». Ныне Первов хлеб посеял в августе».[6]

Х.В. Первов, как можно полагать, не только по своей должности писаря, но и по собственной охоте содействовал ученым путешественникам. Казанский ученый *А.И. Якобий* публично, в печати благодарил Харитона Васильевича за участливое отношение к его экспедиции.[7]

Еще одной стороной своей натуры Первов открылся в собственноручных стихотворных надписях на обороте переплета книги «Новый

---

[3] Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника: материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993. С. 39.

[4] Из набросков к повести «Сенькин» // Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 180.

[5] Православные приходы Березовского края …С. 175, 215 – 216; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И – 583. Оп. 1. Д. 998; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 г. Тобольск, 1904.

[6] 1896. 9 мая. С. 54.

[7] Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. Тобольск, 1895. Вып. 4. С. 3.

завет». Когда-то принадлежавшая семье Первовых, эта книга со следом поэтической души (даже если стихи откуда-то и заимствованы) глубоко веровавшего человека хранится теперь в Государственном архиве Югры.[8] Вот эти стихи.

Одинок я сижу
И на небо гляжу,
А что в небе вижу,
Я про то не скажу.
Много дней впереди,
Много зла на пути,
Но с мольбой и крестом
Это все нипочем.
Ни огонь, ни вода,
Ни коварство врага
Никогда-никогда
Не погубят меня.
Есть хранитель святой,
День и ночь он со мной,
И в тоске, и в беде
Помогает везде.

Х. Первов

На втором переплетном листе той же рукой написано:

Оставляю потомству!!!
Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной (!) юдоли земной
Пусть в ваше сердце (!) вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Х. Первов

[8] Ф. 2. Оп. 1. № 94.

Рождение воздухоплавателя

Первовы жили не только в Березове, но и в пределах уезда, в частности, в Обдорске еще в 1855 г. к числу прихожан Петропавловской церкви принадлежали 27-летний Егор Егорович, его жена Матрена Михайловна и их малолетние сыновья Александр и Иван.[9] Есть интересное свидетельство чиновника *А.В. Титова*, служившего несколько лет на Тобольском Севере. Он писал: «Смотритель Обдорского хлебозапасного магазина отставной березовский казак Первов сначала был слугой у окружного начальника, потом вахтером кондинских магазинов, где, пробившись года два на шестирублевом жалованье, перепросился тем же званием в село Кушеватское Обдорского участка, а отсюда в Обдорск смотрителем. Пробывши здесь лет около десяти, он в настоящее время имеет обширный дом, стоящий не одну тысячу рублей, и ездит в Ирбит на ярмарку для продажи пушного товара».[10] Неясно, Егор Егорович ли здесь имелся в виду или его старший сын Александр, но известно, что последний в 80-е гг. приобрел уже значительный вес в обдорском обществе: занимал должность делопроизводителя строительного комитета, был одно время попечителем местного училища.

В 1884 г. возникла тяжба между Обдорской духовной миссией и Александром Первовым из-за земли. Настоятель миссии священник В. Гижицкий в рапорте Тобольской духовной консистории сообщал, что прихожане продали находящуюся при миссионерском доме ветхую баню жившему по соседству Первову, и он уже ломает ее, намереваясь поставить на этом месте кухню и тем самым захватить часть принадлежащей миссии земли, и просил консисторию воспрепятствовать этому. Чем закончилось дело, неизвестно.[11]

Медленно, «с миру по нитке», собирая факты истории северных русских родов, я не раз убеждался, что богатство со временем, через одно–два поколения, дает казалось бы неожиданные, но скорее закономерные культурные ростки. Так было и в случае с обдорскими Первовыми. Два десятилетия спустя после упомянутой тяжбы в селе ярко проявился в разнообразных и зачастую непривычных при устоявшейся обдорской жизни качествах Павел Александрович Первов. Прежде всего – как деятель культуры и выразитель местных общественных интересов.

Неизвестно, какое он получил образование, небольшое, очевидно, но по его делам виден культурный, интеллигентный человек. В 1904 г.

---

[9] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 191.

[10] Обдорская ярмарка: по рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник. Тюмень, 2002. Вып. 1. С. 101 – 102.

[11] История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 249; Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 130 – 132.

он – среди активных участников развития библиотеки, открывшейся при Обдорской духовной миссии. Совместно с игуменом Иринархом и Ф.А. Енарьевым он выработал «Правила для церковно-миссионерской библиотеки Обдорского миссионерского братства во имя Святителя Гурия», состоящие из 42 параграфов.[12]

Когда при миссии открылся этнографический музей, Первов участвовал и в его развитии и некоторое время был даже его ведущим деятелем. Учитель *Г.М. Дмитриев-Садовников* писал: «Обдорский музей расширяется благодаря поддержке как местных, так и некоторых окрестных жителей. Прибавляются коллекции, шкафы (последних теперь уже 6), намечаются будущие приобретения, и в скором времени предназначенное для музея помещение окажется тесным. Консерватором авиатор Первов, благодаря которому начавший до этого падать музей поднялся на ноги. Первов как местный уроженец знаком с краем и каждому интересующемуся коллекциями охотно и в любое время дает всевозможные разъяснения».[13]

Заинтересованный в познании родного края, Первов знакомился с заезжими путешественниками-исследователями и содействовал им. Омский зоолог *И.Н. Шухов* в своем экспедиционном отчете написал: «Немалую помощь оказали мне также жители Обдорска П.А. Первов, Д.А. Чупров, А.Н. Седельников и И.Г. Терентьев».[14]

Оказавшись в Петербурге, Первов и здесь не остался в тени. В Сибирском собрании он прочел доклад о Березовском крае – северном Лукоморье. Сокращенный текст его, опубликованный в тюменской газете «Вестник Западной Сибири», свидетельствует о широте познаний докладчика.

В 1907 г. П.А. Первова избрали выборщиком Тобольского губернского избирательного собрания по выборам в Государственную Думу от волостей Березовского уезда, в списке он значился как рыбопромышленник.[15] Своим положением выборщика он воспользовался на все сто процентов. Это подтверждает следующая заметка из «Сибирского листка»:

«Выборщик Березовского уезда П.А. Первов обратился к начальнику губернии с просьбой разрешить вопрос о колонизации Березовского края зырянами. Зыряне живут довольно большими группами, арендуя земли у местных инородцев и находясь в полной зависимости от этих своеобразных «помещиков Сибири», владеющих необъятными просторами лесов и

[12] Илюничева О.П. История Обдорской библиотеки // Научно-практическая конференция «Словцовские чтения» (тезисы докладов). Тюмень, 1992. С. 72 – 73.

[13] Д.-С.Г. Обдорские очерки // Сибирский листок. 1914. 4 марта.

[14] Шухов И. Река Щучья // ЕТГМ. Тобольск, 1914. Вып. 22. С. 1.

[15] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 8 февраля.

рыбных угодий. < …> Зыряне, селящиеся оседло в этом районе, испытывают большие неудобства от своего неопределенного положения; им приходится нести крупные траты на отправку людей призывного возраста ко времени набора в Архангельскую губернию, где они приписаны. От имени зырян г. Первов просил об их землеустройстве, а пока о разрешении отбывать воинскую повинность в Тобольской губернии. Губернатор посоветовал зырянам составить приговоры о своих нуждах и направить их к нему. Другая просьба г. Первова была о содействии открытию сельского банка в с. Обдорском, а также ремесленного училища…».[16]

Кроме того, 15 февраля он подал, по мнению тобольского ветеринарного врача *А.Н. Макаревского*, «очень содержательную докладную записку» об оленеводстве. В ней указывается на огромную важность этой отрасли хозяйства для населения Тобольского Севера и на то, что оно «год от года приходит в упадок вследствие почти ежегодной гибели оленей от разных эпизоотических болезней, достигающей в иные годы, как, например, в 1898 и 1903 г., до 40 тысяч голов в каждый».

«Ввиду сего, – резюмирует автор записки, – представляется настоятельная надобность в назначении от правительства в северный край Тобольской губернии вполне сведущих и деятельных ветеринарных врача-бактериолога и фельдшеров как для ограждения здоровья населения от питания мясом больных оленей, так и для воспрепятствования населению северного края разоряться от часто появляющихся там падежей оленей от эпизоотий, с тем, чтобы врач проживал в с. Обдорском, так как большинство оленеводов пасут свои стада в пределах Обдорского стана и с. Обдорское есть главный пункт сбыта оленьих шкур и мяса».[17]

Читатель, вероятно, был озадачен встретившимся выше соседством фамилии «Первов» с чужим для сибирского севера тех лет словом «авиатор». Да, как ни удивительно, но было и это в биографии Павла Александровича. Летом 1914 года он находился в Омске в дни работы 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки. Сильное впечатление произвел на него демонстрационный полет пилота Лебедева на аэроплане «Блерио». «Он решает стать пилотом, – пишет тюменский историк В. Ефремов, – уезжает в Петербург, поступает в частную летную школу, которую успешно заканчивает. Пилот возвращается домой, полный радужных надежд. Но средств для продолжения полетов не было. Началась первая империалистическая война, пилот едет хлопотать, чтобы его приняли в армию, но получает отказ. В кармане

[16] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 18 февраля.

[17] Макаревский А.Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними // ЕТГМ. 1907. Вып. 16. С. 7 – 8.

пусто. Работы по специальности нет. Он чувствует себя никому не нужным человеком и в Екатеринбурге бросается под поезд… Было это в 1915 г.».[18] Так трагически закончилась жизнь одаренного молодого человека из северной глуши, слишком далеко вперед ушедшего от своего времени и не имевшего возможности проявить себя на родине в полную меру своих дарований. Следующий березовский авиатор народился только через поколение.

Алексей Михайлович Первов

В начале 1990-х годов, когда я редактировал историко-культурный журнал «Югра» и искал повсюду материалы о прошлом края, директор окружного краеведческого музея Вера Юрьевна Лыткина дала мне прочесть рукопись воспоминаний своего деда Алексея Михайловича Первова. Так я заочно познакомился с еще одним незаурядным человеком, носившим эту достойную фамилию. Он был школьным товарищем сыновей Ф.Ф. Ларионова и имел среди учеников странное прозвище «Авокысь». В «Семейной хронике» Федор Филиппович вспоминает о весенней охоте мальчиков на перелетных птичек подорожников, которых северяне называли «синьгирями». Непременным участником этих охот был Алексей Первов.

Алексей Михайлович был наделен острым вниманием к жизненным реалиям и цепкой памятью и на склоне лет зафиксировал в своих воспоминаниях многие бесценные подробности быта березовских жителей на рубеже XIX и XX веков и собственной биографии. Посвятил он их внукам Вере, Ольге и Алексею, так обратившись к ним: «Когда вы все подрастете, обзаведетесь своими семьями, возможно, у вас будут малыши спрашивать, кто же были прадедушка и прапрадедушка. Пока позволяет мне память, постараюсь кое-что вам порассказать».

Мемуары А.М. Первова – ценный исторический источник. Их можно уподобить альбому словесных фотографий, дающих возможность

[18] Ефремов В. Тюменские воздухоплаватели // Лукич.1999. № 5. С. 145 – 146.

увидеть прошлую жизнь зрительно. В отрывках они печатались в журнале «Югра».[19] Алексей Михайлович всю жизнь дружил с семьей своего березовского учителя, и фрагменты его воспоминаний вошли в книгу Ф.Ф. Ларионова «Семейная хроника». В нашем сборнике помещен не публиковавшийся ранее отрывок из воспоминаний А.М. Первова – о прокладке телеграфной линии до Березова, в которой он участвовал. (Приложение 2). Еще задолго до революции заинтересованные в экономическом и культурном развитии края березовцы хлопотали о строительстве этой линии и добились своего. К сожалению, во время Гражданской войны этой линии пришлось послужить вовсе не в мирных целях.

В местных газетах советского времени часто встречаются упоминания о Первовых – уважаемых и авторитетных людях Березова: заготовителе пушнины Дмитрии Федоровиче, летчике Николае Петровиче, председателе колхоза Александре Емельяновиче, колхознике Викентии Федоровиче и многих других хранителях достоинства рода и продолжателях его истории. Первовы живут в Березове и поныне.

[19] На сосьвинских песках. 1991. № 2. С. 33 – 37; Благодатное лето. 1992. № 1. С. 23 – 25; Березов, городок детства. 1992. № 4. С. 36 – 40.

Талантливый администратор (Ямзины)

Представители этого березовского казачьего рода были участниками многих дел и событий, отголоски некоторых из них дошли до нашего времени. В разных источниках нередко встречаются упоминания о Никифоре Ямзине. В 1841 году Никифор содействовал березовскому земскому исправнику *Скорнякову* в поимке предводителя бунтовщиков Ваули Пиеттомина,[1] в конце 1845-го он же как человек толковый посылался на розыски убитого охотниками-хантами «снежного человека», нашел охотников, но самого «чудовища» и места, где оно было убито, отыскать не смог.[2]

У Никифора Ямзина была большая семья: сыновья Семен, Петр, Михаил, Андрей, Лев, дочь Евгения, возможно еще кто-то, чьи имена не запечатлелись в метрических книгах березовских церквей. Все они, как и их потомство, не покидали родных мест и, постепенно выходя из казачества, добывали хлеб насущный исконным трудом северного обского мещанина и крестьянина. Единственный, кто отошел от семейной традиции и стал чиновником, – младший из братьев, Лев. О нем есть возможность рассказать подробнее.

Лев Никифорович Ямзин (1858 – ок. 1930), окончив полный курс Березовского уездного училища, с 1 сентября 1879 г. временно исполнял должность писаря, а с 8 декабря 1881 г. стал писарем Обдорских остяцкой и самоедской волостей,[3] служил на севере довольно долго, познал всесторонне особенности жизни хантов и ненцев и имел хорошую репутацию. В начале 1890 г. его определили в штат Тобольского общего губернского управления.[4]

---

[1] Ваули Пиеттомин… С. 28.

[2] Северные архивы // ЕТГМ. Тобольск, 1907. Вып. 17.

[3] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.329 Оп. 545. Д. 284. Л. 118.

[4] Там же. Ф. 152. Оп. 23. Д. 233.

К этому времени Ямзин был уже около десяти лет женат и в Тобольск приехал с женой Екатериной Павловной и сыном Иваном. Екатерина Павловна, дочь надворного советника *Павла Николаевича Михалева*, родилась около 1859 г. в Березове, окончила Тобольскую Мариинскую женскую школу. Ее отец в 1850 – начале 1860-х годов служил в Березове заседателем окружного суда и затем городничим. В 1860 г. он пожертвовал собственный дом для помещения в нем Березовской женской школы.[5] Возможно, не только личные способности, но отчасти и этот брак стали предпосылкой для успешной карьеры Ямзина.

Вскоре после переезда Лев Никифорович был назначен секретарем Тобольского городского полицейского управления, где прослужил около 10 лет, и в феврале 1902 г. получил назначение обратно на родной Север – становым приставом в хорошо знакомый Обдорск. Здесь он проявил себя уже как зрелый администратор, способный на решительные и порой неожиданные действия в интересах местного населения. Например, такие.

«Обдорский становой пристав, – писал корреспондент «Сибирского листка», – в заботах об уменьшении спаивания инородцев во время съезда их заарестовывал на время ярмарки целые транспорты вина, шедшие для обдорян из Березова. Несомненно, что эта мера также оказала немалое влияние на сокращение ярмарочного пьянства инородцев, хотя надо полагать, что под контроль местной власти не могло попасть все вино, вывезенное пронырливыми зырянами из Ижмы». Совершенно очевидно, что, действуя на пользу инородцев, пристав вызывал глухой ропот виноторговцев.

В памяти современников сохранился и интересный опыт Ямзина по изменению порядка сдачи в аренду рыболовных песков. Он так устроил торги, что они дали гораздо большую сумму владельцам угодий, чем в прежние годы. Затем призвал к себе вотчинников (их было всего три семьи) и вместе с ними сделал расчет, какие суммы им потребуются на год на одежду, порох, выплату податей, на водку и пр. Эти суммы он выдал им на руки, а остальное положил в кассу как их капитал.[6]

С 25 апреля 1907 г. Л.Н. Ямзин приступил к исполнению новых обязанностей – помощника березовского уездного исправника. Обдоряне устроили ему трогательные проводы. В чествовании участвовали и русские жители села, и инородцы. Потомок обдорских князей старшина В.И. Тайшин от лица аборигенов произнес речь на хантыйском языке и на хантыйском же отвечал ему Ямзин. В зачитанном приветственном адресе

---

[5] Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 153; Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

[6] Внутренние известия: Обдорск // Сибирский листок. 1903. № 15; Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 375.

Здание Березовского уездного полицейского управления.
Фото Г.Д. Добровольского.
Из коллекции архивного отдела администрации Березовского района

говорилось: «В вашем лице Обдорский край потерял мудрого администратора и человека с любящей душой. Вы, умея поддерживать свое служебное положение, в то же время умели быть человеком. Для всех нас Вы были общим другом: богатый и самый последний бедняк были для Вас равны, занимающие в Обдорске высокое положение и простецы были для Вас одинаковыми. Ваша доброта и сердечность не знали границ. Забитые остяки и гордые самоеды, эти пасынки северной природы, так чуждающиеся всего русского, видели в Вас отца и брата. Первые Вас и не называли иначе, как по имени, ваших советов все они всегда охотно слушались, любя вас и считая своим. И Вы, действительно, были для инородцев своим, как для нас нашим. Наши интересы были Вашими интересами. Вы жили обдорской жизнью, были обдорянином. Обдорск будет долго помнить Ваше имя».

«Чествование Л.Н. было просто и так сердечно, – пишет корреспондент «Сибирского листка», – что вряд ли скоро изгладится из памяти обдорян. В Обдорске много было служащих, и их переводы не производили на обдорян особого впечатления: об уважаемых и честных людях говорили

обыкновенно, что жаль, про большинство же выражались, что туда и дорога. Лев Никифорович Ямзин был редким исключением».[7]

В должности помощника исправника Лев Никифорович пробыл недолго. За побег из Березова политического ссыльного Л.Д. Троцкого был уволен уважаемый в городе и уезде исправник *И.В. Евсеев*, и освободившуюся должность пришлось занять ему. В отличие от большинства предшественников Ямзин оставался исправником продолжительное время – до 1917 года, и все это время управлял уездом, как и прежде Обдорской волостью, с теми же заботливостью, энергией, распорядительностью и твердостью. Всестороннее исследование его управленческой деятельности в Березове – дело будущего. Газетные и архивные источники, которыми пользовался автор, дают лишь разрозненные факты, из которых не выстраивается целостная картина.

Можно уверенно говорить о том, что Л.Н. Ямзин немало сделал для развития на Нижней Оби речного пассажирского и грузового судоходства. При нем совершал регулярные рейсы между г. Березовым и с. Самаровским, а также по рр. Сосьве и Ляпину земский пароход «Березовец». В июле 1907 г. «Сибирский листок» сообщал, что благодаря любезности Льва Никифоровича на нем бесплатно проехали до Самарово пятеро учеников Березовского городского училища, направлявшиеся на экскурсию в Тобольск. «Тобольские губернские ведомости» в 1913 г. объявляли: «Земский пароход «Березовец» принимает пассажиров и груз, совершая сквозные рейсы между селом Самаровским и городом Березовом и по реке Ляпину... За справками обращаться в III отделение Тобольского губернского управления или к березовскому уездному исправнику». В 1916 г. состоявшийся в Березове съезд уполномоченных от волостей поручил исправнику Ямзину распоряжение пароходом и выразил ему благодарность «за деятельность его в прошлом и ревность к улучшению положения народа». Доходы от рейсирования парохода съезд уполномоченных решил направлять на погашение земской повинности.[8] Заинтересованный делами речного транспорта Л.Н. Ямзин вступил в Тобольское отделение Императорского общества судоходства.

Всячески содействовал Ямзин и изучению вверенного ему края. Сохранился ряд свидетельств об его помощи научным экспедициям. «Благодаря любезной предупредительности березовского исправника Л.Н. Ямзина, – сообщал «Сибирский листок», – наняты (для экспедиции *О.О. Баклунда*. – В.Б.) 80 нарт с соответствующим количеством оленей, и

[7] Внутренние известия: Обдорск // Сибирский листок. 1908. 21 февр.

[8] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 22 июля; Тобольские губернские ведомости. 1913. № 27; Сибирский листок. 1916. 25 февр.

припасы и вещи, необходимые для экспедиции, в количестве 100 пудов уже доставлены к двум пунктам ... Об этом экспедицией получена телеграмма от г. Ямзина». По окончании экспедиции президент Академии наук возбудил ходатайство о награждении Ямзина и его помощника *В.Н. Тарасова*. Лев Никифорович получил серебряный портсигар с золотым изображением государственного герба с бриллиантом, а Василий Никифорович Тарасов (уроженец Сургута) – золотую булавку с изображением государственного герба с бриллиантом.

В конце августа 1912 г. в Тобольск приехал командированный Министерством бактериолог, ветеринарный врач *С.И. Драчинский* для организации экспедиции для изучения болезней оленей на севере губернии и принятия мер по прекращению их падежа. «По распоряжению губернатора, – сообщал «Сибирский листок», – из Березова выедет навстречу экспедиции хорошо знающий Север исправник Ямзин, который будет сопровождать экспедицию до Обдорска». Имеются сведения и об эффективной помощи Ямзина экспедициям *Б.М. Житкова, И.Н. Шухова* и др.[9]

Такое отношение к путешественникам и исследователям было свойственно Ямзину еще с того времени, когда он из Тобольска получил назначение в Обдорск и сразу же установил плодотворные связи с губернским музеем. Около полутора десятков лет, будучи действительным членом музея, он оказывал ему существенные услуги: по просьбе консерватора послал двух живых песцов, сообщил о добыче инородцами близ Обдорска белухи и вскоре отправил ее голову, плавники и хвост, доставил предметы, собранные для Западно-Сибирской выставки 1911 г. в Омске, привез с предгорий Урала аммонит, приобрел по заказу музея предметы вогульского быта. В 1915 г. Лев Никифорович собрал в Березовском уезде 55 рублей для образования при музее капитала имени Н.Л. Скалозубова на премирование из процентов от этого капитала авторов лучших исследовательских работ о флоре и сельском хозяйстве губернии.[10]

Будучи полицейским чиновником, Ямзин по своей душевной отзывчивости и доброте делал много такого, от чего иной администратор считал бы совершенно правомерным для себя равнодушно отвернуться. Те, кто обращался к нему за содействием, чего бы это ни касалось, как правило, получали помощь. Так, он помогал развитию сети местных церковно-приходских школ и в знак благодарности «за особые труды, усердие и ревность»

[9] ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2436; Сибирский листок. 1909. 14 мая; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 233; Падеж оленей и меры борьбы с ним // Сибирский листок. 1912. 13 сент.

[10] Сибирский листок. 1903. № 24; ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 913, 937; Пигнатти В. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1913 год // ЕТГМ. Тобольск, 1914. Вып. 22; Сибирский листок. 1915. № 129.

по их благоустройству получил от Святейшего Синода книгу «Библия».[11] Состоя в Обдорске в миссионерском братстве, он активно участвовал в создании «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера», работал в составе переводческой комиссии для создания учебников и литературы на инородческих языках, делал пожертвования и за особые заслуги был избран пожизненным членом братства.

Отзывчивость Льва Никифоровича на общественные запросы убедительно доказывается его участием в разнообразных делах вспомоществования нуждающимся – сборе средств в пользу студентов Томского университета, женской мастерской Тобольского городского дома трудолюбия, Александровского детского приюта, на образование стипендии имени бывшего тобольского губернатора Н.Л. Гондатти и многих других подобных актах благотворительности.[12]

Замечательные личные качества Л.Н. Ямзина ярко проявились в трудный для администрации всей Тобольской губернии и в особенности Березовского уезда 1907 год. После устранения от должности исправника *И.В. Евсеева* побеги политических ссыльных не прекратились. «Ограниченный контингент», как сказали бы теперь, уездной полиции не в состоянии был удержать под контролем каждого из нахлынувшей на Тобольский Север не по своей воле массы поднадзорных. Стали возникать конфликты, об одном из них сообщил «Сибирский листок».

Автор газетной корреспонденции писал о том, что в с. Елизаровском учительница Кочурова организовала для детей елку, а приглашенные на праздник сельский староста, писарь и урядник превратили его в заурядную попойку. Пришлось уездной администрации разбираться. Ответчики, как водится, свою вину отрицали, и староста Кайгородов дал, кажется, вполне правдоподобное объяснение инциденту: «...у учительницы почти безвыходно бывает Лагин (политссыльный, бывший студент Томского технологического института, сын ялуторовского купца. – В.Б.), и, надо полагать, руководительствует учительницей. В этом последнем отношении я нисколько не ошибаюсь, т.к. коллега ее по профессии сухоруковская учительница (Сухоруково – соседнее с Елизарово село Березовского уезда. – В.Б.), бросая школьные занятия, ездит для посещения политических в с. Троицкое... и носятся слухи, что в школе преподает ученикам пение революционных песен». Вполне вероятно, что и корреспонденция в «Сибирском листке» появилась не без участия Лагина.

[11] Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 25 (Школьный листок № 13).

[12] ТГИАМЗ. Отдел письменных источников. Архив А.А. Дунина-Горкавича. Д. 162; Музей и общество на пороге XXI в. Омск, 1998. С. 171; Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 9. С. 138 – 140; Городская хроника // Сибирский листок. 1908. 2 сент., 21 сент.

Еще один предмет разбирательства: в селе Кондинском (нынешнее Октябрьское) политссыльный Александр Семенов потребовал от ночного сторожа Кузнецова, чтобы тот не стучал колотушкой, потом выпрыгнул из окна и пытался колотушку отобрать. Ему аплодировали стоявшие у того же окна его товарищи ссыльные Константин Волков, Александр Чопиков и Елена Зборовская.

Небывалая волна политической ссылки привнесла в жизнь местного населения нечто тревожно-незнакомое и дезориентирующее. Но подобные инциденты были еще «цветочками», а «ягодками» стали участившиеся побеги ссыльных. Пример Бронштейна (Троцкого) оказался заразительным. Березовская полиция никак не могла за всеми уследить. Неприятной новостью оказалось то, что побегам способствовали и команды пароходов, прятавшие беглецов в машинных отделениях, трюмах или среди тюков груза, и местные жители. Разъезды ссыльных на пароходах были отчасти и вынужденными, т. к. в ряде случаев им приходилось самим искать себе квартиры и возможности для заработка. Правительство заняло страусиную позицию: убрать бунтовщиков с глаз долой, для этого есть Сибирь; нет человека – нет проблемы, проблема перенесена в Сибирь, не готовую к ассимиляции такой массы молодых, грамотных, нетрудоустроенных и беспокойных людей.

Громом среди пасмурного уже от череды доставленных ссылкой неприятностей неба стало бегство из Обдорска бывших членов совета рабочих депутатов *Авксентьева*, Вайнштейна, Заборовской и *Кнуньянца.* Министерство внутренних дел требовало от губернатора объяснений и принятия эффективных мер, а губернатор *Н.Л. Гондатти* транслировал эти требования в уездное полицейское управление, отчетливо понимая, что исправник Л.Н. Ямзин и обдорский становой пристав Л.П. Оболтин совсем не бездеятельные и не безответственные люди.

По рапортам Ямзина губернатору видно, что исправник служил по совести, а не из страха наказания, и с достоинством защищался сам и оправдывал своего подчиненного – обдорского пристава, докладывая при этом начальнику губернии о том, чего тот не мог знать из-за большой удаленности Тобольска от севера. Отвечая на обвинение в запоздалом извещении губернского управления о побеге *Богдана Кнуньянца*, которому содействовал его квартирный хозяин Макар Терентьев, Ямзин писал:

«Пароход этот [«Березовец»] пришел в Обдорск 6 июня, и только на нем пристав мог послать сюда донесение о побеге Кнунианца, полученное здесь 8-го июня, т. е. через 11 дней [после побега]. Я в свою очередь также лишен возможности послать телеграмму Вашему Превосходительству или до отхода почты или прихода парохода, т. к. никакого другого способа нет, а пароход рейсирует сейчас по Ляпину и должен по расписанию прибыть

в Березов и идти в с. Самаровское 13 сего июня. Только на нем я и могу послать известие Вам.

Из доложенного Ваше Превосходительство изволите убедиться насколько затрудняется здесь посылка донесений вообще о каких бы то ни было важных событиях. Один пароход, рейсирующий на протяжении 1500 верст в разных на правлениях, естественно не может удовлетворять всех служебных потребностей. О неудобствах этих я буду иметь честь лично доложить Вашему Превосходительству, если к этому представится возможность.

Устранить побеги ссыльных в особенности из Обдорска при отсутствии там надзора нет никакой возможности, особенно если этому содействуют еще местные жители зыряне. Ни остяк, ни русский на это дело не пойдет, но что касается зырян, – они из видов корысти не остановятся ни перед чем. Почему я усердно прошу Ваше превосходительство, чтобы на будущее время устранить содействие к побегу ссыльных со стороны местных жителей, наложить на означенного крестьянина из зырян Макария Терентьева наказание...».[13]

Административная карьера Л.Н. Ямзина закончилась вскоре после Февральской революции. 29 мая 1917 г. тобольский губернский комиссар уволил его, согласно прошению, в отставку. Итогом своей службы он вполне мог удовлетвориться. Признанием его заслуг, помимо многочисленных выражений благодарности от местного населения, были ордена Станислава 3-й и 2-й степеней и Анны 3-й степени. Правда, это был еще не окончательный уход от дел, более года спустя после отставки Льву Никифоровичу пришлось ненадолго принять на себя обязанности березовского уездного комиссара. И, кроме того, в начале 1918 года он был избран от Березовского уезда в состав губернского земства и участвовал в заседаниях первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания. Но земство в Тобольской губернии успело сделать только первые шаги и советской властью было упразднено.[14]

В отличие от большинства чиновников дореволюционного времени, Л.Н. Ямзин оказался востребованным советской властью, хотя уже далеко не в меру его способностей и опыта. С марта 1920 г. он служил делопроизводителем эксплуатационного отдела Обьрыбтреста, находившегося в Тобольске, затем с ноября этого же года – делопроизводителем и секретарем промыслово-эксплуатационного отдела Райрыбы. В феврале и

---

[13] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 267.

[14] Тобольские губернские ведомости. 1917. № 23; Тобольское народное слово. 1918. 24 авг.; Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. №№ 5, 6; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: сб. документов. Тюмень, 1994. С. 52.

декабре 1923 г. в интересах успешной подготовки рыболовной кампании командировался в Обдорск в помощь заместителю управляющего трестом *Э.Д. Дуброву*. В январе 1928 г. он все еще находился на службе.[15] К Ямзину как авторитетному знатоку Севера обращались за советом. Так, 23 мая 1925 г. он был приглашен на совещание по вопросу о предстоящем проведении всесоюзной переписи населения на Тобольском Севере. Предполагалось его участие в составлении хантыйского словаря.[16]

Л.Н. Ямзина знал один из первых землеустроителей Тобольского Севера Виктор Григорьевич Балин (1907 – 1998), в начале своего трудового пути он некоторое время был сослуживцем Ямзина в Обьрыбтресте. В его памяти Лев Никифорович остался добродушнейшим человеком. По его словам, ханты приезжали в Тобольск на оленях, чтобы повидаться с ним. В начале 1921 г. повстанцы, захватив Тобольск, среди прочих арестовали и Ямзина. Об этом узнал его сын Иван Львович, профессор, и немедленно обратился в правительство. За подписью, якобы, Троцкого пришла в Тобольск телеграмма: освободить. В конце 20-х годов Лев Никифорович ослеп и в 1930 г. утонул в Поганом прудке (на горе, возле военкомата).

Теперь нельзя не сказать несколько слов и об единственном сыне Е.П. и Л.Н. Ямзиных Иване Львовиче (1882 – 1934). После окончания Тобольской гимназии он поступил в Казанский университет, в Казани вел революционную пропаганду среди рабочих, был исключен из университета и выслан под гласный надзор полиции в Астраханскую губернию. Оттуда он обратился с ходатайством о разрешении месячной отлучки в Тобольск для свидания с тяжело больной матерью, получил его и в конце октября 1904 г. прибыл в Тобольск, где находился значительно дольше дозволенного срока и, по некоторым сведениям, занимался организацией нелегальных социал-демократических кружков. Только в июне 1905 г. Иван Ямзин был выслан из Тобольска в Казань под особый надзор полиции. В том же году дело его было прекращено. Образование он заканчивал в Киевском университете. По сообщению «Сибирского листка», студент-тоболяк Ямзин за сочинение на тему о переселении крестьян из России в Сибирь был удостоен золотой медали и премии Бунге в 150 р.

Впоследствии Иван Львович стал крупным специалистом в области изучения миграций населения, разрабатывал теоретические аспекты внутренней колонизации и переселений, дал исторический очерк переселенческого движения в России после реформы 1861 г. Был профессором и проректором Воронежского сельскохозяйственного института, одним из инициаторов и участников создания Воронежского

[15] ГУТО ГАТО.Ф. 1818. Оп. 2. Д. 1758.

[16] ГАСПИТО, Ф. 30. Оп. 1. Д. 287. Л. 28; Наш край. Тобольск, 1925. № 6. С. 36.

университета. В 20-е – начале 30-х гг. занимался преимущественно изучением заселения многоземельных районов СССР. Автор трудов «О новых явлениях в сельском хозяйстве Сибири» (Киев, 1910), «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян» (Киев, 1912), «Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по исследованию Переселенческого управления» (1913). Из архивного источника известно, что планировался его доклад «Колонизация и краеведение» в декабре 1926 г. на третьей Уральской областной краеведческой конференции в Свердловске.[17]

И последнее. По-видимому, в XIX веке наряду с березовской ветвью Ямзиных мощное ответвление укоренилось и разрослось в селе Шеркалы Березовского уезда. В метрических книгах Шеркальской Спасской церкви, а также церквей сел Чемаши и Малый Атлым начала XX века есть записи о Гаврииле, Константине, Дмитрии, Диомиде, Иване, Василии, Илье, Илларионе Михайловичах Ямзиных и членах их семей. Можно предполагать, что эта ветвь пошла от упоминавшегося в начале очерка Михаила Никифоровича Ямзина.

[17] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 18. Д. 125; Городская хроника // Сибирский листок. 1912. 25 марта; Накоряков Н. Из далекого прошлого // Семья Дорониных. Свердловск, 1966. 10; ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 1048. Л. 26.

Рыбаки в рясах (Карповы)

Уже в XVIII – начале XIX в. представителей этой фамилии было много среди духовенства Березовского края, и это зафиксировано ревизскими сказками. Так, в Казымской Успенской церкви в селе Полноват близ места впадения в Обь р. Казым священником в первой половине 1760-х гг. служил Илья Карпов. Овдовев, он должен был оставить службу, но, видимо, заменить его было некем, и Тобольская духовная консистория в 1764 г. рассматривала вопрос о дозволении быть ему священником при этой церкви еще три года.[1] При отце Илье служил еще один Карпов – Иван, вполне вероятно, что родственник. А в 1789 г. священником этой же церкви был уже сын Ивана Андрей, бывший прежде в этой церкви пономарем. В «Справочной книге Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г.» отмечена почти столетие спустя важная заслуга отца Андрея: «Стараниями прихожан и местного священника Андрея Карпова в 1817 г. построена Полноватская Успенская церковь».

Здесь надо заметить, что епархиальное начальство поощряло семейственность в церквах северных округов и даже настаивало на отправлении церковнослужителями своих детей в духовные учебные заведения Тобольска. Этим закреплялись на севере кадры духовенства и поддерживалось их качество. Протоиерей *Петр Попов*, обозревавший в 1882 г. церкви Сургутского и Березовского округов, записал в путевом журнале: «... в Березовском округе весьма ощутителен недостаток в образованном духовенстве, который из других уездов Тобольской губернии никакими средствами привлечь нельзя, одно только туземное, родившееся здесь,

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 985.

может быть пригодным для образования инородцев этого края. Знакомое с детства с суровым здешним климатом, языком, а отчасти с образом жизни инородцев живее будет узнавать цель и побуждения, потребно ли образование и необходимость его для блага и спасения своих сородичей».[2] Поэтому и сыновья Андрея – Илья и Иван, и внук Дмитрий также служили в церквах Березовского округа, как сыновья других священников, дьячков и пономарей.

Тогда же, в конце XVIII в., к березовскому духовенству принадлежали братья Карповы – Стефан, священник Березовской Одигитриевской и Петр, пономарь Обдорской Васильевской церквей, а позднее и сыновья Стефана Андрей и Николай, оба священники, и Петра – Алексей, Федор и Николай, причем Федор был священником Березовской Воскресенской церкви, а также внуки Петра Петр (священник Сосьвинской Христорождественской церкви с 1829 г.), Семен, Андрей, Николай и Иван.[3] И это названы еще далеко не все имена Карповых, принадлежавших к клиру северных церквей, в клировых ведомостях и периодике упоминания о них встречаются вплоть до начала XX в. Биографии подавляющего большинства из них мне неизвестны даже в мелких подробностях, и только о немногих можно составить некоторое представление по отрывочным сведениям из разных источников.

Вот одна из таких подробностей, занимательная тем, что указывает на необычное происхождение по крайней мере некоторых из Карповых-северян. При упомянутом в самом начале священнике Успенской церкви отце Илье жил племянник Степан, сын его брата Федора, родившийся около 1765 г. А в 1762 г. Тобольская духовная консистория рассматривала доношение Березовского духовного правления о производстве сына прапорщика из военнопленных шведов Федора Карпова в г. Березов пономарем. Как видно из документа, церковный староста разночинец Афанасий Лапотников и прихожане пожелали иметь пономарем своей церкви сына бывшего шведского прапорщика Карпа Андреева Еску Федора, получившего фамилию Карпов.[4]

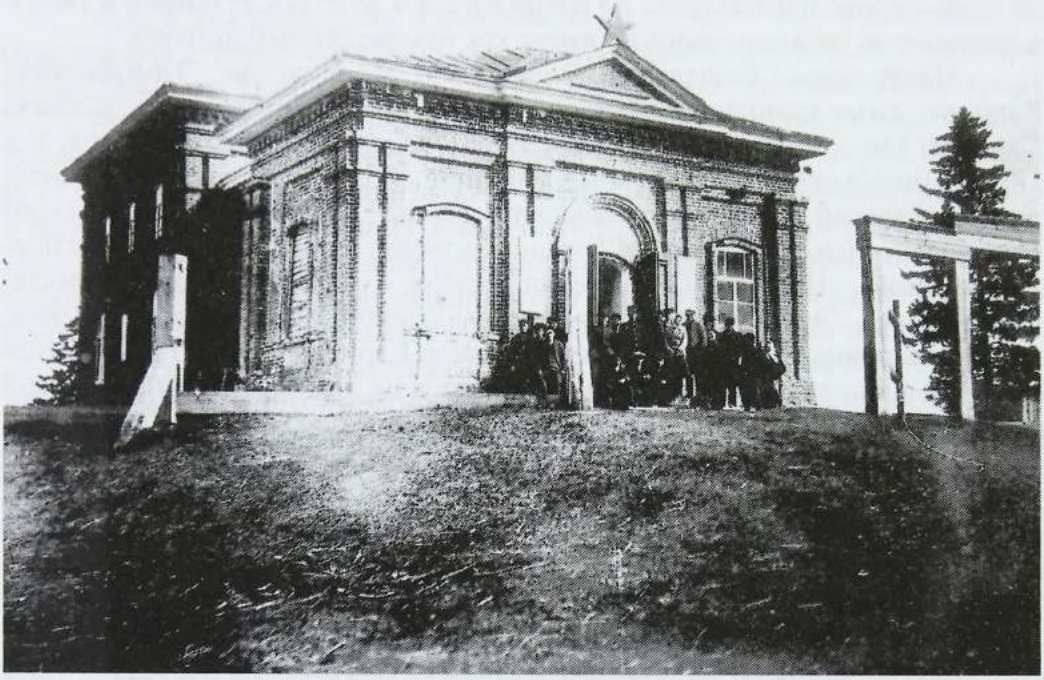
Вот еще одна подробность. Священник Обдорской духовной миссии *Василий Герасимов*, обозревая историю Обдорской духовной миссии, упоминает среди священнослужителей Алексея Карпова, прослужившего в Березовском крае с 1751 по 1872 г. В нашем окружном государствен-

---

[2] Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-е – 70-е гг. XIX века). Тюмень 2002. С. 197.

[3] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 42. Лл. 77, 83, 85, 86; Д. 274. Л. 56 об.; Д. 532. Лл. 20, 21, 56, 63, 68.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 475. Л. 2.

С. Шеркалы. Спасская церковь со звездой на фронтоне. 1948 г. Фотография прислана А.К. Михайленко

ном архиве есть небольшая коллекция церковных книг и в ней – «Октоих нотный» издания 1846 г., принадлежавший когда-то запрещенному дьякону Алексею Григорьевичу Карпову. Родился он, по-видимому, в селе Полноват. Во всяком случае, и дед его, и отец, и сам он с 1824 г. служили именно там, в Казымской Успенской церкви. С 1829 г. Алексей стал дьяконом Березовского Воскресенского собора, а в 1832 г. «за любодейство, учиненное со своею обручницею прежде брака, лишен диаконского сана и состоял под десятилетней епитимией». При этом он оставался на службе в этом же соборе, но только в более низкой должности дьячка, до 1852 г., а возможно и дольше.

Своим детям Алексей Григорьевич старался дать образование, его сыновья Иван и Георгий учились в Тобольской духовной семинарии, а старший, Петр, по окончании семинарии – в Казанской духовной академии. Выпущен был в звании кандидата с правом на степень магистра «по прослужении двух лет на училищной службе». Иван же по окончании семинарии в 1840-е гг. служил иереем Березовского Воскресенского собора.

Возможно, и Алексей Григорьевич поднялся бы выше по служебной лестнице, не соверши он проступка, по нынешним временам незначительного, но столь сурово наказанного: до конца жизни и даже после смерти в 1865 г. в документах он именовался не иначе как «запрещенный дьякон».[5]

Интересная биография сложилась у Николая Тимофеевича Карпова, сына священника церкви села Кушеват Тимофея Андреевича Карпова. Он окончил полный курс Березовского уездного училища, и в 1892 г. Тобольский епархиальный училищный совет назначил его учителем Мужевской церковно-приходской школы. Настоятель Березовского Воскресенского собора *Иоанн Голошубин* писал о нем: «Из Кушевата поехал со мной… Николай Тимофеевич Карпов – учитель церковно-приходской школы… Это – молодой человек, владеющий инородческим языком, как своим родным». И чуть ниже: «Учителя Карпова я нашел весьма годным для специально-инородческой школы, а не для церковно-приходской в строгом смысле».

Летом 1898 г. Николай Тимофеевич, согласно его прошению, был возведен в сан дьякона и назначен в Обдорскую миссионерскую церковь, одновременно ему поручили исполнение обязанностей письмоводителя при миссии. Как знаток остяцкого языка отец Николай состоял членом переводческой комиссии для создания учебников и литературы на инородческих языках при православном братстве. С середины 1901 г. он был назначен вместо умершего священника Василия Герасимова в Щекурьинскую Богоявленскую церковь, основную часть прихожан которой составляли манси Ляпинского края. Вскоре он был переведен в Сосьвинскую Христорождественскую церковь, а затем – в Кушеватскую, где начинал свою карьеру и где в 1908 г. умер.

Кушеват был родным гнездом семейства его отца. Цитированный выше протоиерей *Петр Попов* в своем путевом журнале на его примере раскрывает одну характерную особенность жизни северного духовенства. «Вникая в быт духовенства, – пишет он, – в тяжелые условия и недостаточность казенных средств, прихожу к тому убеждению, что духовенство Березовского округа и Сургутского по необходимости должно прибегать к торговым оборотам, иначе ему грозит крайняя бедность и гибельные ее следствия для семейств его. Примером тому, между прочим, служит и кушеватский псаломщик Тимофей Карпов, семейство которого состоит из 8 сыновей и двух дочерей, старшему сыну минуло уже 17 лет, второму 16, третьему 11, все малограмотные потому собственно, что отец не имеет средств дать им образование, и следствием этого будет то, что теперь они

[5] Герасимов В.Н. Краткие сведения об Обдорске и Низовской миссии. ТГИАМЗ. Научный архив. № 84; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 196. Л. 6 – 8.

вместе с отцом своим занимаются ловлею рыбы для насущного пропитания, а впоследствии поступят в общество мещан или березовских крестьян, мало чем отличающихся от инородца».

У *К.Д. Носилова* есть очерк «Батя», в котором описана встреча на Оби как раз с таким священником, вынужденным заниматься и рыбным промыслом, – не Тимофей ли Андреевич Карпов был прототипом его героя?

Карповы жили в Кушевате и в послереволюционное время. По-видимому, это были семьи сыновей священника Тимофея Карпова. В 1924 г. народный суд приговорил Карповых Петра, Александра, Ивана и Федора Тимофеевичей к двухмесячным принудительным работам за то, что они, участвуя в заседании церковного совета, проголосовали за обязательную поставку дров для церкви всеми жителями села в равном количестве, тогда как принудительное обложение было запрещено законом.

Через несколько лет семейство Петра Тимофеевича Карпова, бывшего потомственного почетного гражданина, по постановлению бедняцкого собрания раскулачили и выслали из Кушевата в Березово, где летом 1931 г. глава семьи умер. Вдова обращалась к местным властям с просьбой разрешить вернуться в Кушеват, где ей с шестерыми детьми, из которых только старшая дочь достигла совершеннолетия, было бы легче прожить среди знакомых, но и оргбюро по организации Шурышкарского района, и Остяко-Вогульское окружное оргбюро отказали.[6]

Со временем часть Карповых из духовенства вышла в купцы. Так, Яков Иванович (р. 1771), сын священника, в 1789 г. был записан в березовские мещане, а в 1795 числился уже в купцах 3-й гильдии. Еще один березовский купец – Семен Петрович Карпов (ок. 1850 – 1906) – занимался рыбным промыслом и торговал преимущественно в Кушевате, почему-то Карповы тяготели к этой части Березовского уезда.[7]

Но наиболее известны не березовские, а обдорские рыбопромышленники и купцы Карповы. Об одном из них, Федоре Николаевиче (ок. 1830 – 1897), бывший земский заседатель (полицейский чиновник) в селе Кондинском А.В. Титов писал в конце 1870-х годов: «Березовский купец Федор Карпов, сын дьячка, записанный в податное состояние, был лет за 20 простым работником – ныне главный капиталист березовский и торговец обдорский… На быстрый переход Карпова-работника в капиталиста-купца

---

[6] Голошубин И. От Березова до Обдорска // Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 3. С. 45; № 5. С. 89; Метрические книги Щекурьинской Богоявленской церкви; Набокова Л. По указу Синода // Новости Югры. 2001. 25 авг.; Гос. архив Югры. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1; Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 г.; Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 23; Путевые журналы... С. 196 – 197; Носилов К.Д. У вогулов: очерки и наброски. Тюмень, 1997. С. 132 – 154.

[7] Краткая энциклопедия... Т. 2 (Ж – К). Кн. 1. Новосибирск, 1995. С. 171, 172.

Гимги. Снимок В.М. Новицкого. Надпись автора на обороте: «Кустарные изделия туземцев, гигантские плетеные из лиственницы и кедрового корня ловушки (гимги) на осетра и других рыб – легкие, прочные и красивые»

влияло непосредственно близкое знакомство его со скопцами…».[8]

В Обдорск Ф.Н. Карпов перебрался из Березова, что видно из «Памятной книги для Тобольской губернии на 1861 и 1862 гг.», указывающей на его должность кандидата березовского городового старосты. В Обдорске, разбогатев, он стал жертвовать деньги на церковные нужды и этим приобрел известность в губернии. Долгое время и с большой пользой служил Обдорской Петропавловской церкви как ее церковный староста и в 1882 г. получил похвальный лист от Тобольской духовной консистории «за усердную и полезную службу, сопряженную с собственными пожертвованиями». На его средства построено новое каменное здание Петропавловской церкви.

В конце жизни Федор Николаевич большую часть накопленного капитала раздал церквам и благотворительным заведениям: в 1896 г. пожертвовал 300 р. на ремонт придела во имя святого Иоанна Златоуста при Тобольском кафедральном соборе, 1000 р. – на Тобольский городской дом трудолюбия, в 1897 г. по его духовному завещанию 10000 р. отдавалось Обдорской духовной миссии на устройство интерната или пансионата при миссионерском училище для инородческих детей с тем условием, чтобы проценты с капитала расходовались на содержание детей, 3500 р. – на золочение трех глав каменной церкви в Обдорске, 1500 – на обдорскую больницу для бедных русских и инородцев, 12000 р. и выигрышный билет внутреннего займа – на постройку нового каменного Воскресенского собора в Березове.[9] Подробнее о мере состоятельности купца Ф.Н. Карпова читатель может судить по тексту его духовного завещания. (См. приложение 3).

Еще одним видным обдорским купцом был Иван Ильич Карпов (1848 – после 1915), двоюродный брат С.П. Карпова. Отец его Илья Николаевич

[8] Титов А. Где тонко, тут и рвется; Обдорская ярмарка: по рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник. Тюмень, 2002. С. 102; Скопчество – изуверская секта, члены которой оскопляли себя дабы избежать греха, связанного с воспроизводством потомства. В 1848 г в Тобольской губернии проживало 105 скопцов, из них 14 в Обдорске.

[9] Городская хроника // Сибирский листок. 1896. 16 марта; 7 апр.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 695; Городская хроника // Сибирский листок. 1897. 7 дек.

служил пономарем Петропавловской церкви, в семье его в 1855 г. были жена Татьяна Алексеевна, сыновья Иван и Тимофей и дочь Евдокия. Начинал Иван Ильич с того, что, прервав в 1865 г. учение в Тобольской духовной семинарии, занял место умершего отца. Не ранее как через 10 лет он оставил церковную службу и занялся предпринимательством.[10]

Главным занятием предприимчивого Ивана Ильича была рыбная промышленность, он арендовал угодья на Оби ниже Обдорска – сор Аз-Кудот-Пугор-Лор, песок Аксарковский-Кудринский и другие. Вот как выглядел промысловый стан Карпова в 1909 г., когда на нем побывал *А.А. Дунин-Горкавич*: «в 4 верстах ниже заведения Нер-Вануй на правом берегу Малой Оби находится промысловое заведение Неутта, арендуемое рыбопромышленником И.И. Карповым. Заведение состоит из жилого дома, 3 казарм для рабочих, кухни, 4 амбаров, бани, засольни и 3 чумов; работают здесь 3 полуневода. У заведения стоит баржа».

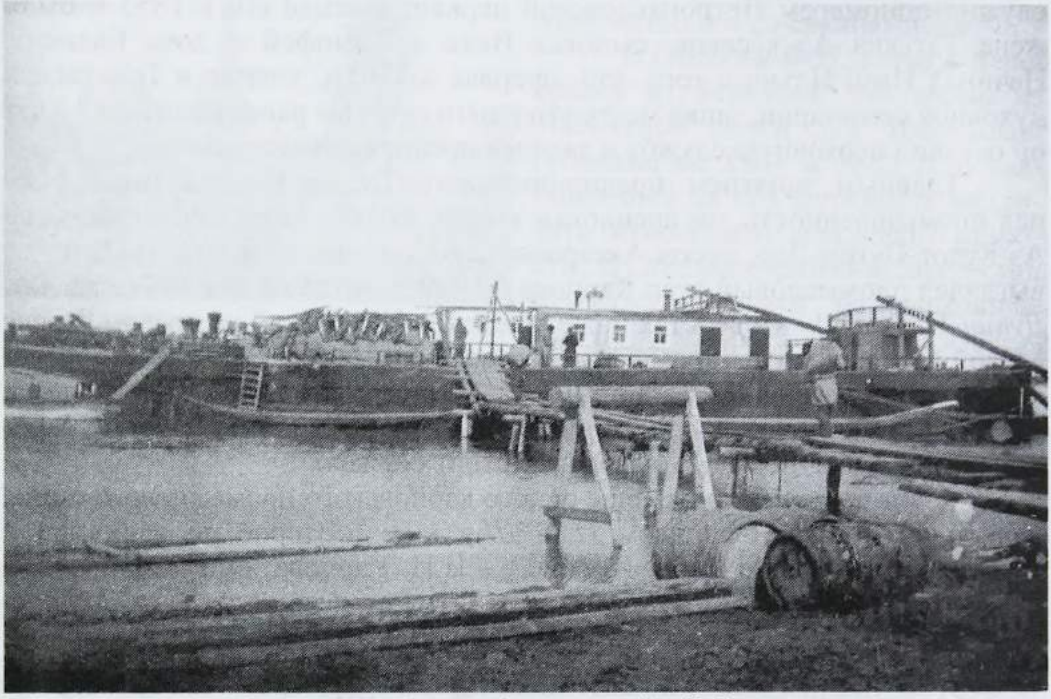
А вот беглая картинка еще одного карповского промыслового стана, увиденная путешественником *И.Н. Шуховым*: «Второе по величине и следующее заведение (на р. Щучьей) – И.И. Карпова; оно находится на острове Пароды; основано в 1912 году. В год основания на этих промыслах работало 6 человек рабочих при одном неводе. Летом здесь выстроены 2 амбара, 2 избушки и одна изба для зимовки. Находясь на пути самоедов, зимовка назначена для торговли с ними. Летом 1913 года на зимовку были доставлены запасы – около 5000 пудов муки и другие товары. Рабочих на промыслах в этом году было около 20 человек при 2 неводах».[11]

И.И. Карпов принадлежал к числу рыбопромышленников, озабоченных не одним только собственным делом, но и интересами всей отрасли в Тобольской губернии, поэтому он в конце 1903 г. стал одним из учредителей Тобольского отдела Российского общества рыбоводства и рыболовства, созданного для обсуждения и разрешения обострявшихся проблем обской рыбопромышленности, а после того как переписался в тобольские купцы избирался членом правления и в 1907 г. – председателем. Тогда же он способствовал устройству рыбного отдела в Тобольском губернском музее.

О том, что И.И. Карпов до тонкостей знал рыбопромысловое дело, свидетельствует протокол совещания рыбопромышленников в Тобольском губернском музее 31 октября 1901 г., на котором обсуждался проект нового устава рыбной промышленности, Иван Ильич высказал в ходе его ряд дельных замечаний. В 1907 году, будучи уже председателем Тобольского

[10] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 17. Л. 25 об.; Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 303 об. – 305; Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 110, 117, 127.

[11] Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства. СПб., 1909. С 37; Шухов И. Река Щучья. Географическое описание реки и путешествия в ее долину в 1913 году // ЕТГМ. Тобольск,1914. Вып. 22. С. 30.

Погрузка рыбацких барж весной в Тобольске.
Фото из альбома А.П. Новицкого.
Начало XX в. Из коллекции А.Г. Елфимова

отдела общества рыбоводства и рыболовства, он «наметил целый ряд вопросов, которые могли бы быть предметом обсуждения рыбаков: рейсы в Тазовскую губу; условия, с которыми должно считаться срочное коммерческое пароходство (заведовал им капитан *Синицын*) в целях наилучшего обслуживания нужд рыбопромышленности; возбуждение повторного ходатайства о продлении срока аренды на пески с установленных законом 4 лет хотя бы до 12 лет, а также по вопросу системы обложения рыбной торговли и промысла».[12]

Попутно Карпов пробовал себя и в других делах. Так, в 1884 – 1886 гг. он устраивал завод для изготовления замши из оленьих шкур, но неудачно: «замша получалась грубее ижемской – и дело пало». Интересовался И.И. Карпов и минеральными ресурсами Приполярного Урала. Получив от одного из жителей несколько кусков медной руды, он отвез их в Екатеринбург для исследования, а также показал тобольскому купцу *А.А. Сыромятникову*. Лабораторный анализ показал высокое содержание меди в руде, и в 1885 г. к месту ее выхода на поверхность была предпринята на средства Сыромятникова экспедиция геолога *Кольштедта*, а в 1892 –

[12] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 7 окт.

еще одна во главе с Сыромятниковым. В 1885 г. Карпов поставил на этом месте заявочный столб, но к разработке не приступил.[13]

Иван Ильич не только возбуждал вопросы речного транспорта, но и практически участвовал в их разрешении. В 1894 г. он первым из обдорских предпринимателей обзавелся собственным винтовым пароходом для буксировки барж с рыбой и завоза в Березовский округ хлеба и других товаров и даже претендовал на получение казенного подряда на перевозку почты (См. приложение 4). Известно, что его пароход «Обдорск» ходил по Оби и в навигацию 1895 – 1897 гг. В 1914 г. И.И. Карпов построил в Тобольске катер с нефтяным двигателем в 16 лошадиных сил, который под именем «Кланя» был хорошо известен северянам.[14]

Как пароходовладелец Карпов обзавелся дополнительными хлопотами и ответственностью. В подтверждение сказанного привожу заметку из «Сибирского листка»: «10-го числа в 8 ч. вечера возвратился с рыбными 8 баржами с низовьев Оби последний пароход «Обдорск» Карпова. Команда сообщает, что в устье Оби осталась невыведенной посуда Федорова с 15 человеками рабочих. Пароход Карпова, обязанный взять посуду Федорова, заходил на несколько десятков верст дальше места, условленного для стоянки посуды, но ее не оказалось. Видимый горизонт верст на 20 осматривали в бинокль, но безуспешно. Полагают, что посуду задержали противные ветры и мелководье. Дальнейшие розыски прекращены за поздним временем из боязни мороза (около 10 сентября)». «Обдорску» часто выпадало возвращаться с промысла последним, о благополучном возвращении его с баржами неоднократно сообщала газета.[15]

В последующие годы И.И. Карпов продолжал успешно вести свои дела в Обдорске, составлял даже некоторую конкуренцию более крупным фирмам тобольских купцов *Корниловых* и *Д.И. Голева-Лебедева*. Здесь он имел значительное по обдорским масштабам недвижимое имущество: большой дом, крытый железом, два двухэтажных амбара, четыре лабаза, склад, пекарню, мельницу, конюшню, баню. Все это в 20-е годы было муниципализировано. В доме в 1920 – 1925 гг. размещалась школа. В этом же доме в феврале 1915 г., по утверждению тюменского историка науки и техники Зауралья В.Е. Копылова, состоялся первый в Обдорске показ

---

[13] Один из вопросов экономической жизни Обдорска // Сибирский листок. 1894. 2 окт.; Скалозубов Н. От Тобольска до Обдорска // ЕТГМ. Тобольск, 1906. Вып. 16. С. 13; Поездка на Северный Урал летом 1892 года. М., 1895. С. 57, 58; Внутренние известия. Березов // Сибирский листок. 1894. № 72.

[14] Городская хроника // Сибирский листок. 1903. 26 окт.; 1907. 7 окт., 25 окт.; 1908. 27 нояб.; 1914. 4 мая; Внутренние известия. Обдорск // Сибирский листок. 1910. 11 марта.

[15] Сибирский листок. 1896. № 80; 1898. 22 окт.

кинофильма – военной хроники.[16] Рыбопромышленником, хотя и не столь заметным, был и брат И.И. Карпова Тимофей Ильич, так же, как и Иван Ильич, получивший духовное образование в Тобольске.

Во время кровавых обдорских событий 1921 года один из Карповых был расстрелян большевиками. Был ли это Иван Ильич или его брат Тимофей, или кто-то другой – неизвестно. Полного списка расстрелянных, по-видимому, нет до сих пор и сведения о них узнаются из разрозненных источников, порой случайно. Во всяком случае, упоминаний о братьях Карповых в послереволюционное время я не нашел, но однажды видел документ такого содержания: на заседании президиума Березовского уездного исполкома был рассмотрен акт милиции 3-го района об обнаружении денег в земле гражданки Карповой, жены расстрелянного, на основании которого решено конфискованные золотые и серебряные деньги и вещи передать в распоряжение Тюменского губфинотдела.

И вот еще одно сообщение: в том же 1921 году советский военный комендант Судникович женился на уроженке Обдорска, дочери расстрелянного купца Зое Карповой. Чьей дочери – тоже пока вопрос без ответа.[17] В Гражданской войне учитывались потери только одной стороны, потери другой просто «списывались» и до сих пор остаются неучтенными, как будто они не были частью того же самого народа.

---

[16] Гос. архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45; Копылов В.Е. Окрик памяти. Кн. 2-я. Тюмень, 2001. С. 277.

[17] Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об.; Кубочкина В. Начальник гарнизона // Тюменская правда. 2001. 25 янв.

Богатство и образованность (Нижегородцевы)

Начало роду березовских и обдорских Нижегородцевых положил тобольский купец третьей гильдии из посадских Иван Степанович Нижегородцев (ок. 1757 – 1828), переселившийся в Березов в 1799 году. Фамилия свидетельствует о том, что когда-то ее носители жили в Нижнем Новгороде. Историк О.А. Задорожная в автореферате кандидатской диссертации по истории западносибирского купечества пишет, что он объединил вокруг себя березовских купцов и захватил в свои руки торговлю главными товарами – печеным хлебом и «мягкой рухлядью», т.е. пушниной. Путешественник начала XIX века доктор А. Эрман писал: «… собственно купцов в Березовской округе считалось девять; впрочем, все они принадлежат … к семейству Нижегородцева и образуют патрициат, признанный от берегов Ледовитого океана до Самарово. Богатейший и старший член этого семейства поселился теперь здесь после шестидесятилетних поездок…».

Есть одно частное замечание того же Эрмана, характеризующее особенности торговой практики в Березовском крае на рубеже XVIII и XIX вв.: русские торговцы умело использовали страсть женщин к украшениям. «... в жилище нашем, – пишет Эрман, остановившийся в Обдорске в доме Нижегородцева, – я видел несколько ящиков с медными и железными украшениями топорной работы: кольца для женщин, погремушки и разные другие куски металла, вплетаемые самоедками в их косы... Здесь только узнали мы причину однообразия сих последних: по всему северу оне расходятся из здешних ящиков и... всегда снабжаются изображением собаки или цветка, отчасти походящего на розу».

Что касается торговли Нижегородцева хлебом, то она была значительной. По сведениям Тобольского губернского правления, поданным

в 1824 году в Главное управление Западной Сибири, «... в магазинах Обдорского отделения состоит налицо хлеба в Обдорском 16116 пудов 20 фунтов и от купца Нижегородцева ныне принимается займообразно 4 т. пудов..., а самаровские жители купили у него же хлеба 7 тысяч пудов ценою по 90 коп.».[1]

В семействе Ивана Степановича были жена Татьяна Ивановна, их сын Александр с женой Агрипиной Михайловной и дети Андрей, Константин, Михаил, Александр, Николай, Ольга, Мария и Елизавета. Дело отца продолжил Александр Иванович Нижегородцев (ок. 1783 – 1833).[2]

Из живших в Березове и Обдорске Нижегородцевых он и получил наибольшую известность. Он занимался рыбным промыслом, торговлей, одно время заведовал хлебозапасным магазином в Березове. Но особенный интерес к нему был вызван тем, что он, по-видимому, первым дерзнул вырастить в условиях Березова хлебные культуры; более ранние опыты неизвестны. По свидетельству члена Тобольской врачебной управы Ф. Белявского, путешествовавшего в 1828 году по северной части Тобольской губернии, «в 1826 году березовский купец Нижегородцев посеял несколько десятин хлебом разного рода и по случившемуся тогда жаркому лету… имел совершенный успех – семена взошли и жатва созрела. Несколько колосьев, представленных им бывшему тогда тобольскому губернатору г. *Бантыш-Каменскому*, были препровождены к г. Министру внутренних дел».[3]

Несколько десятин – это, очевидно, преувеличение Белявского. Историк П.А. Словцов, совершивший в 1826 году поездку в Березов и лично знакомый с А.И. Нижегородцевым, писал позднее: «В октябре 1827 года приехавший из Березова купец г. Нижегородцов известил меня, что в минувшее лето 4 июля было им посеяно близ города для пробы по нескольку фруктов ячменя, овса и конопляного семени, и что 22 августа и 5 сентября последовала жатва благонадежная. Сей благонамеренный березовец выписывает домой сохи и другие орудия, дабы в будущем году превратить пробы земледелия в нарочитую попытку, но заранее можно против всего его посева и всех земледельческих орудий ставить любой запасной магазин, что успехи земледелия под 64° не лучше будут, как и под 62° в Якутске».[4] Нижегородцев однако не разделял скепсиса Словцова и намере-

[1] Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993. С. 82; Обдорск. Из путешествия Доктора Эрмана вокруг света // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1835. Ч. XVII. С. 48; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 429. Л. 24, 139 об.

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 307 об. – 308, 311 об.; Ф. 716. Оп. 1. Д. 5.

[3] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому океану. М., 1833. С. 28.

[4] Словцов П.А. Письма из Сибири 1826 года // П.А. Словцов. Письма из Сибири.

вался расширить посевы. Писатель В.Г. Утков, заинтересовавшийся личностью и делами А.И. Нижегородцева, отыскал в Омске архивные документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу его опытов.

Губернатор *Д.Н. Бантыш-Каменский*, увидев привезенные из Березова снопы – ячменный и овсяный, проявил к ним большой интерес и поручил казенной палате внимательно рассмотреть предложения Нижегородцева. Палата подготовила проект об отводе ему 50 десятин пустопорожней земли около Березова, который был отправлен в Петербург. В конце декабря 1827 года последовало высочайшее соизволение на отвод 50 десятин в собственность Нижегородцева с условием, чтобы он исполнил задуманное в течение восьми лет, в противном случае земля будет у него отобрана и обращена в казенное имущество.

Казалось бы, – принимай землю, паши, сей и собирай урожай, но не тут-то было. Развернулась тягучая переписка о представлении в Министерство финансов плана участка. Новый тобольский губернатор никак не мог послать для его съемки землемера. В результате лето 1828 года было для Нижегородцева потеряно. Осенью план был готов, в начале декабря послан в столицу, и только 10 мая 1829 года Правительствующий Сенат утвердил его. Уведомление об этом пришло к Нижегородцеву, по-видимому, уже тогда, когда сроки посева прошли. А прежде чем сеять нужно еще было вырубить мелкий дровяной лес и подготовить почву. То есть и 1829 год потерян.[5] Сведений о продолжении А.И. Нижегородцевым земледельческих опытов нет.

Внимание В.Г. Уткова привлек и другой факт биографии этого незаурядного человека – факт совершенно иного характера. В 1825 году обдорские самоеды нашли на берегу Карского моря тушу выброшенного на берег кита. Узнав об этом, Александр Иванович запросил от них подробные сведения об останках животного, размерах хребтовой кости, хвоста, ласт, ребер и т.д. Как раз в это время в Березове жила семья будущего автора «Конька-Горбунка» П.П. Ершова. Утков считает весьма вероятным, что образ кита пришел в сказку из слышанной писателем в детстве беседы отца, березовского исправника, и купца Нижегородцева, которые не могли не общаться, сохранился даже документ, подписанный ими совместно.[6]

В конце первой половины XIX века Нижегородцевы были одной из самых богатых семей Березова. Вот описание обстановки их дома, данное в 1839 г. ссыльной *Евой Фелинской*:

Тюмень, 1999. С. 37.

[5] Утков В. Первый хлебопашец Березова // Уральский следопыт. 1971. № 5. С. 42 – 43; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 768.

[6] Словцов П.А. Указ. соч. С. 40; Утков В.Г. Дороги «Конька-Горбунка». М., 1970. С. 24 – 25.

«От городничего мы пошли к пани Нижегородцевой, богатой купчихе, для которой у нас было письмо из Тобольска. Ее дом, самый богатый в Березове… состоял из главного корпуса и двух флигелей – все выкрашено в желтый цвет. […] Все поражало нас своей роскошью, особенно потому, что это было в Березове. Огромные зеркала, картины, мебель красного дерева, хрусталь, серебро, великолепный фарфор свидетельствовали о зажиточности хозяйки и были следами знакомства Березова с европейской цивилизацией».

И далее: «Пришла ко мне масса гостей. Пани Нижегородцева пришла с дочерьми и с зятьями; купчиха, о доме которой я говорила выше (ей за 50), деятельна, рассудительна, со следами былой красоты. Она мать пяти сыновей и пяти дочерей, принадлежит к числу высшей березовской аристократии и имуществом, и родством, ибо дочерьми своими одарила всех березовских чиновников. Исправник, стряпчий, казначей, аптекарь – это ее зятья. Только одна дочь … вышла замуж за мещанина».[7]

По-видимому, о семействе Александра Ивановича и рассказывает Фелинская. Его потомство – широко раскинувшиеся над березовской почвой ветви родового древа. Старший его сын Андрей Александрович (ок. 1808 – ?), записавшийся в 1832 г. в купцы 2-й гильдии, вырастил пятерых сыновей – Константина, Григория, Ивана, Семена и Михаила[8], которые также продолжили род и семейные занятия. На этой стезе наиболее успешно действовал Иван Андреевич (1839 – 1908), купец второй гильдии, арендовавший рыбные угодья в нижнем течении Оби. Кроме того, есть в периодике того времени упоминание о нем и как о собственнике оленьего стада. Как свидетельство успешной торгово-промышленной деятельности можно расценивать и то, что И.А. Нижегородцев избирался членом Березовского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия со стороны городского общественного управления.

Иван Андреевич был предрасположен к благотворительности, создававшей ему известность. С 1903 г. он в течение нескольких лет был старостой Березовского Воскресенского собора, а еще раньше, в 1900 году, заслужил благодарность епархиального начальства за пожертвование собору серебряной ризы на икону Симеона Верхотурского и священнослужительских облачений стоимостью в 300 рублей. Пожертвования как Березовскому Воскресенскому собору, так и Обдорской Петропавловской церкви были традицией Нижегородцевых. В церковной описи Воскресенского собора за 1857 год учтено 22 предмета, позолоченных или посеребренных, из

---

[7] Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 20, 21,26.

[8] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 753. Л. 329 об.

бархата и других дорогих тканей, пожертвованных купеческими братьями Нижегородцевыми, чаще всего Александром, а также купеческими женами Агрипиной Михайловной и Акилиной Прокопьевной. Александр избирался старостой Воскресенского собора.[9]

В 1870 году Иван Андреевич женился первым браком на березовской мещанке Александре Васильевне *Корепановой*, но по метрическим книгам березовских церквей не замечено, чтобы у них были дети. Предположение о бездетности подтверждается и тем, что все свое имущество Иван Андреевич завещал жене. Ей остался одноэтажный деревянный дом в Тобольске стоимостью в 1500 рублей и более 6000 р. деньгами и ценными бумагами. Александра Васильевна также, будучи уже вдовой, заслужила благодарность епархиального начальства с выдачей похвального листа за пожертвование двух священнических и одного дьяконского облачений из бархатной парчи стоимостью в 215 рублей в Градо-Березовскую соборную церковь. Своими дарами и службой церковными старостами Нижегородцевы поддерживали нравственное влияние церквей на прихожан.[10]

Еще одним заметным в Березовском уезде промышленником стал внук Андрея Александровича Федор Григорьевич Нижегородцев (1869 – ?). Он, как и его дядя Иван Андреевич, избирался во втором десятилетии XX века членом уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия и в 1905 г. вступил в действительные члены Тобольского губернского музея. В 1928 г. как бывший торговец он был лишен избирательных прав.

В первые послереволюционные годы многие члены состоятельных березовских семей оказались нужными новой власти. А что она могла без грамотных людей? Даже документооборот без них был невозможен, не говоря уже о более серьезных делах. Не на безграмотную же «революционную массу» могла опереться советская власть в налаживании мирной жизни после только что окончившейся Гражданской войны. Неудивительно, что в 1922 – 1923 гг. сын Федора Григорьевича Павел, выпускник учительской семинарии, заведовал в Березове уездными отделами народного образования и социального воспитания («соцвос»), был секретарем президиума уездного исполкома и справлялся со своими обязанностями вполне успешно. Вот как отозвалась о нем в 1922 году губернская газета «Трудовой набат»:

«В проведении недели просвещения уездный наробраз принял горячее участие, – была создана особая комиссия, которая ставила спектакли,

[9] Бедствие на Севере // Сибирь. СПб., 1897. 25 июля; Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. д. 501; Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 401; Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № ½.

[10] ГУТО ГА в. г. Тобольске. Ф.158. Оп.16. Д. 2907; Тобольские епархиальные ведомости. 1911. 6 нояб. С. 261.

производила сбор добровольных пожертвований, устраивала аукцион, лотерею.

От билетов с детского спектакля, который, к слову сказать, благодаря стараниям заведующего наробразом тов. Нижегородцева и учительницы Евсеевой превзошел всякие ожидания публики, выручено 2815000 рублей.

Со времени назначения тов. Нижегородцева заведующим отделом народного образования, а брата его Петра Нижегородцева заведующим уполитпросветом видно, что отдел начал работать, и уисполком в одном из своих приказов за постановку детских спектаклей, а также и вообще за работу выразил им и учительницам свое пролетарское спасибо».

И это о том Павле Нижегородцеве, которого менее года назад Березовский ревком удостоил права проживания в пределах РСФСР, а значит и на родине в Березове, всего лишь на 6 месяцев. И действие «пролетарского спасибо», по-видимому, тоже оказалось непродолжительным, в 20-е годы Павел Федорович оставил педагогическую работу и перешел в Тобольский интегралсоюз. А с его старшим братом Сергеем Федоровичем, преподававшим в Тюмени в автодорожном рабфаке, обошлись совсем просто: в 1937 году он был осужден «тройкой» Омского УНКВД и расстрелян в Тюмени (в 1989 году реабилитирован). Упомянутый в заметке двоюродный брат Павла Петр Константинович к тому времени был уже опытным педагогом, еще в 1912 году он заведовал Долматовским одноклассным училищем в Курганском уезде.[11]

(Плеяда Нижегородцевых-деятелей народного образования названными именами не ограничивается. В 1910 г. учителем Больше-Атлымского сельского училища был Авраамий Александрович Нижегородцев).

На этом пока исчерпываются собранные мной сведения о семье Андрея Александровича Нижегородцева. О следующем по старшинству его брате Константине могу сказать только то, что по переписи 1850 года он числился в купцах третьей гильдии с пометкой «умер в 1845 г.», участвовал в поимке нарушителя спокойствия ненецкой тундры *Ваули Пиеттомина* и содействовал прекращению бунта. Сын его Георгий более 20 лет заведовал тюремным замком в Березове.[12]

Внук Ивана Степановича Александр Александрович, числившийся купеческим братом, арендовал два рыболовных песка близ Обдорска. История сохранила такой факт его биографии: в 1846 году жители

---

[11] Гос. архив Югры. Ф. 74. Оп. 1. Д. 11; Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 99; Ф. 429. Оп. 1. Д. 50. Л. 5; Ф. 61. Оп. 1 Д. 2 Л. 24 об.; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249; Трудовой набат. Тюмень, 1922. 16 июня; Школьный отдел при неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». 1912. 18 сент.

[12] Ваули Пиеттомин. Омск, 1940. С. 16, 28, 39; Календари Тобольской губернии на 1890, 1908, 1911, 1913 гг.

Березова решили завести новую икону особо почитаемого в городе святителя Епифания взамен старой – ветхой и малого размера – и начали делать пожертвования. «Но купец Александр Ал. Нижегородцев, – пишет историк сибирской церкви *А.И. Сулоцкий*, – из особенного усердия к святителю Епифанию с первою же почтою после того написал в Москву и заказал на собственный счет написать там икону святителя, сделать на нее серебряную ризу и киот из красного дерева, что все немедленно и было сделано и того же лета выслано в Березов».[13]

Младший из сыновей заслужившего столь широкую известность Александра Ивановича Нижегородцева Николай Александрович поселился в Обдорске, где числился березовским мещанином. Есть сообщение о том, что в 1878 году он удостоился благословения Святейшего Синода за пожертвование в пользу учреждений духовного ведомства. В 1890-е годы там же, в Обдорске, добывал рыбу и торговал уже его сын Александр Николаевич. В 1905 году он принадлежал к числу жителей Обдорска, занимавших землю застройкой служб и амбаров, других Нижегородцевых в этом списке не было.[14]

Об этой ветви рода следует сказать особо. Посвятив несколько страниц одной из своих книг Александру Ивановичу Нижегородцеву, В.Г. Утков через некоторое время получил письмо из Новосибирска от профессора Константина Александровича Нижегородцева. «Мне интересно было прочитать, – писал он, – о жителе Березова Нижегородцеве А.И., который мог быть моим предком». Писатель принялся за новые поиски и сумел проследить путь фамилии до 70-х годов XX столетия. Выяснилось, что автор письма, родившийся в Обдорске в 1883 году, приходится А.И. Нижегородцеву правнуком.

Семья, в которой вырос будущий профессор медицины, отличалась от большинства обдорских семей более высокими культурными запросами. Влияние шло от бабушки, жены Николая Александровича Евгении Павловны, урожденной Полуяновой, выросшей в Ялуторовске и получившей воспитание в школе для девочек, созданной ссыльным декабристом И.Д. Якушкиным и священником С.Я. Знаменским. Она и настояла на том, чтобы Константин и его брат Александр получили хорошее образование, и поехала с ними в Тобольск, где братья поступили в гимназию. Жили они в доме бабушки на Абрамовской улице. Константин Нижегородцев (21 мая 1883, Обдорск – 1974) учился в гимназии с 1895 г. и окончил ее с серебряной медалью. В 1902 году поступил в Петербургскую военно-

[13] Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // А.И. Сулоцкий. Соч. в трех томах: Т. 1. О церковных древностях в Сибири. Тюмень, 2000. С. 236.

[14] Тобольские губернские ведомости. 1878. № 29; Календарь Тобольской губернии на 1897 г.; Фонд Ямало-Ненецкого окружного музея.

медицинскую академию, а через год перевелся в Томский университет. Свое прошение о переводе мотивировал так: «Не будучи в состоянии по семейным обстоятельствам продолжать свое пребывание в Императорской Военно-Медицинской Академии, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о принятии меня в число студентов университета на медицинский факультет...».

По сведениям В. Уткова, из университета он был отчислен за участие в январской политической демонстрации 1905 года и отдан под суд, но в университетском личном деле записано, что уволен за невзнос платы за обучение. Может быть, такая запись сделана для того, чтобы не портить биографию подававшему большие надежды студенту? Вернуться в университет Нижегородцев смог только через три года и окончил его в 1912 г. с отличием. Сразу же был назначен сверхштатным помощником прозектора по кафедре судебной медицины. 31 мая 1914 г. в Томской Преображенской церкви зарегистрирован его брак с Лидией Федоровной Курковой, учившейся на Сибирских женских курсах. Интересно то, что поручителем по невесте был земляк Нижегородцева студент Томского технологического института Валентин Феликсович Равский. С 1922 по 1932 год Константин Александрович заведовал в Томском университете кафедрой судебной медицины, в 1928 г. был издан его учебник «Основы судебно-медицинской экспертизы», за который ему без защиты было присвоено звание профессора. С 1932 г. К.А. Нижегородцев переехал в Смоленск, а с 1940 г. возглавил кафедру судебной медицины в Новосибирском медицинском институте. За самоотверженную работу в годы Великой Отечественной войны награжден орденом Ленина.[15]

В очерке Уткова названы жившие в то время в Новосибирске потомки Нижегородцева сын Валерий, офицер, старший научный сотрудник, и внук Андрей, студент электротехнического института. Надеясь получить дополнительные биографические сведения о Константине Александровиче и даже фотографии, я послал письмо внуку – ответа, к сожалению, не получил.

Брат Константина Александровича Александр (1890, Обдорск – 1937) в октябре 1905 года стал одним из вожаков забастовки тобольских гимназистов. За распространение листовок он был исключен из гимназии, арестован и отдан под суд. Дело по обвинению А.А. Нижегородцева в распространении воззваний антиправительственного содержания слушалось в Тобольском окружном суде 31 июля 1907 г., и он был приговорен к 8-месячному тюремному заключению. В феврале 1908 г. этот же суд рассмотрел

[15] Утков В. Первый хлебопашец Березова // Уральский следопыт. Свердловск, 1971. № 5. С. 43 – 44; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 11. Л. 49; Гос. архив Томской области. Ф. 102. Оп. 2. Д. 3205; Ф. Р-815. Оп. 2. Д. 3427; Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1913. № 1/2. С. 50; 1915. № 7. С 556.

дело повторно, на этот раз Нижегородцев был оправдан.

Не доучившись в гимназии два года, Александр вышел в самостоятельную жизнь и, по его собственным словам, оставшись в Тобольске, в 1907 – 1912 гг. зарабатывал на жизнь частными уроками. В 1912 г. он переехал в Томск к брату, только что окончившему университет, получил работу счетного чиновника в контрольной палате и стал готовиться к поступлению в университет. В августе и сентябре 1914 г. выдержал экстерном экзамены на аттестат зрелости в испытательном комитете при попечителе Западно-Сибирского учебного округа и поступил на юридический факультет Томского университета. С 1918 г. служил в органах юстиции в Томске, Мариинске, Боготоле, снова в Томске – мировым судьей, следователем, юрисконсультом. С ним жила его мать Елизавета Федоровна. В 1937 г. Александр Александрович был арестован по обвинению в принадлежности к офицерской кадетской монархической повстанческой организации, осужден и расстрелян как «враг народа».[16]

По-видимому, в Обдорске у Константина и Александра были еще родные братья Николай и Дмитрий. В одном из номеров «Сибирского листка» встречена такая заметка: «Заведывающий устройством елки и спектакля посылает глубокое спасибо всей обдорской публике за горячий отклик к детским праздникам и в отдельности обдорянину Н.А. Нижегородцеву, гримеру участников детского спектакля».

*Константин Александрович Нижегородцев**

*Александр Александрович Нижегородцев**

[16] Утков В. Первый хлебопашец Березова // Уральский следопыт. 1971. № 5. С. 44; Копылов Д.И. Нелегальные рукописные журналы тобольской учащейся молодежи в годы первой русской революции // Земля Тюменская. 1965. Вып. 4. С. 67; Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 2 авг.; 1908. 21 февр.; Боль людская. Томск, 1992. Т. 2. С. 311; Управление ФСБ по Томской области. Архивное дело П – 9477.

* Фото из ГАТО.

Оставшимся в Обдорске братьям судьба определила участие в гражданской междоусобице революционных лет. В 1921 году «за участие в контрреволюционной организации» были расстреляны братья Дмитрий и Николай Нижегородцевы. В Обдорске осталось четверо их родственников.[17]

Революция и Гражданская война разделили Нижегородцевых, наверное, впервые за всю историю рода, на непримиримые стороны. В марте 1918 г. среди инициаторов образования первого Березовского совдепа были братья Константин и Александр Георгиевичи Нижегородцевы, сыновья чиновника. Отцом их был, вероятно, Георгий Константинович, служивший в 1870-е гг. почтальоном, а позднее заведовавший Березовским тюремным замком (умер в конце 1917 г.). Константин участвовал в аресте руководителей уезда и захвате совдепом власти в Обдорске, 23-летний Александр, по профессии телеграфист, – во взятии под контроль почты и телеграфа, в 1920 г. он заведовал транспортно-материальным отделом уездного ревкома.

И в том же 1918 году возвратившийся с фронта прапорщик С.Ф. Нижегородцев был одним из организаторов «Союза фронтовиков», стоявшего на противоположной стороне. В июне того же года, после ареста членов большевистского Совета, его назначили комендантом Березова. Это тот самый упомянутый выше преподаватель тюменского рабфака, расстрелянный в 1937 г. В показаниях следователю он сообщил о себе следующее: «... уроженец г. Березова, до 1915 г. учился, потом на военной службе: в царской армии по 1918 год, прапорщик; у белых с июля 1918 по январь 1920 года, поручик; в красном речном флоте с 1920 по 1924 годы, помощник командира парохода. Отец был рыбак, имел свой небольшой промысел, в 1929 году его раскулачили и вместе с матерью выслали из Березова... Меня уже судили в г. Свердловске в 1928 году... и я отбыл 3 года в тюрьме и лагере за участие в свержении Советской власти в Березове в 1918 году. Кроме меня в этом выступлении участвовали Дубов (умер), *Кушников* (убит) и Лагуновский (ничего о нем не знаю). Я был назначен начальником команды из 20 человек, производил аресты работников совдепа и конвоировал их в Тобольскую тюрьму. В расстрелах не участвовал. Членом офицерской контрреволюционной организации в Тюмени в 1937 году я не состоял».[18]

Живет ли теперь кто-нибудь из Нижегородцевых в Обдорске и Березове – неизвестно.

---

[17] Внутренние известия. Обдорск // Сибирский листок. 1914. 28 янв.; Гос. архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 14 – 15, 50 – 51.

[18] Петрушин А.А. На задворках гражданской войны: Книга первая. Тюмень, 2003. С. 107 – 113, 122 – 124; Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

Евангелие для остяков (Вологодские)

О происхождении этой сибирской фамилии существует версия ее выдающегося представителя, о котором будет сказано далее, – Петра Васильевича Вологодского. По его словам, далекий предок его, сельский священник Вологодской губернии, в царствование Петра I, т.е. не позднее первой четверти XVIII века, перебрался в Сибирь. Не имея собственной фамилии, что в старину было обычным для духовенства, он, когда пришло время отдавать сына в Тобольское духовное училище, записал его под фамилией Вологодский.[1]

Эта версия находит авторитетное подтверждение в труде историка западносибирской церкви *А.И. Сулоцкого* «Григорий Иванович Мансветов на службе в Тобольске (к биографии обер-священника Мансветова)»: «Духовенство в России действительно почти до самого последнего времени не имело родовых фамилий, – пишет он, – и священники, диаконы и причетники, когда нужно было над чем-нибудь подписываться, весьма нередко подписывали только свои имена и отчества. От этого, когда нужно было представлять им сыновей своих в училища, они записывали их и по собственному желанию, и по воле и советам ректоров и смотрителей под разными фамилиями: одного, например, Троицким, Рождественским, Воскресенским, Никольским, Знаменским (по престольным праздникам церквей, при которых они служили), другого Ростовским, Селецким, Кохомским, Сытиным, Якимовским (по селам, в которых они служили), третьего – Розовым, Розиным, Виноградовым, Лавровым, Соколовым,

[1] Краткие биографии сибирских депутатов // Сибирские вопросы. 1907. 3 июня (№ 12). С. 33.

Соловьевым и проч. И четвертого каким-нибудь Сперанским, Кандидовым, Канарским, Алявдиным, Фелицыным и проч. И проч.[2]

Есть источник, указывающий на то, что Вологодские были на Тобольском Севере уже в первой половине XVIII в. Бывший тобольский губернский прокурор *К.Б. Газенвинкель*, интересовавшийся сибирской историей, писал в очерке «Обские пираты прошлого века»: «В селе Чемашевском не успевший скрыться священник отец Вологодский встретил разбойников на паперти церкви с колокольным звоном, в полном облачении и с крестом в руках. Пригласив затем их к себе, он угостил чем мог, а матушка-попадья истопила им баню. По удостоверению «Летописи Кондинского монастыря», откуда мы заимствуем эти подробности, разбойники были тронуты приемом чемашевского священника и, «отъезжая», горячо благодарили его и матушку за радушие и доказали свою благодарность на деле, не разорив села, жители которого от страха все разбежались».[3]

К концу XVIII столетия служители православной церкви Вологодские уже широко распространились по Тобольской губернии и сопредельным территориям. Их имена часто встречаются в описях фонда Тобольской духовной консистории в Тобольском государственном архиве, можно даже проследить фрагменты биографий некоторых лиц. Так, певчий Тобольского Успенского собора Иван Вологодский в 1767 г. был произведен в священники этого же собора, а три года спустя просил об определении его в Предтеченскую церковь Далматовского заказа (ныне это Курганская область).[4]

Священника Тобольской Николаевской церкви Алексея Вологодского в 1880 г. епархиальное начальство намеревалось отправить в Кондинский Троицкий монастырь за пьянство и драки. Было ли это намерение приведено в исполнение – неизвестно, но в 1788 г. он находился уже в с. Ильинском Ишимского заказа, где за какой-то новый проступок был отлучен от священнослужения. А в 1790 и 1791 гг. дважды рассматривалось его прошение об определении в Абалакский Знаменский монастырь. Кстати, и упомянутый ранее Иван Вологодский вместе с однофамильцем Федором в 1759 г. наказывались за драку, которая случалась, когда оба служили певчими в Успенском соборе. Видно, роду Вологодских свойственно было поддаваться страстям.[5]

Освоение Вологодскими Березовского края началось, по-видимому, с села Чемашевского, где около середины XVIII века поступил на службу

[2] Сулоцкий А.И. Соч. в трех томах. Т. 2. Тюмень, с. 456 – 457.

[3] Тобольские губернские ведомости. 1893. 8 сент. С. 566.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2663; Оп. 2. Д. 1663, 2572.

[5] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2105; Оп. 4. Д. 81, 664.

в Николаевскую церковь сын тобольского священника Иван Петрович Вологодский (род. ок. 1722 г.). – не тот ли самый священник, который сумел предотвратить грабеж села разбойниками? В 1795 г. он в 73 года все еще числился, но уже сверх штата, по Чемашевской церкви, а четыре его сына занимали священноцерковнослужительские места в Березовском крае: сын Иван (ок. 1750 – 1821) служил дьяконом Кондинской Троицкой, Шеркальской Спасской, Березовской Одигитриевской церквей и, наконец, священником Шеркальской Спасской второй сын, Яков, много лет был священником в Шеркалах, Николай – тоже священником в Чемашах, там же дьячком и Петр.

В делах Тобольской духовной консистории не раз встречены упоминания о них. Так, Иван, как видно, немало погрешил, в 1790 г. консистория рассматривала жалобу на него Березовского духовного правления в связи с пьянством, а в 1806 и 1807 гг. решался вопрос об определении его в Кондинский Троицкий монастырь за растрату церковных денег. О Николае известно, что он хлопотал о приеме сына Федора в семинарию. Яков в конце жизни ослеп и в 1821 г. подал прошение об определении его в Кондинский Троицкий монастырь.

Следующее поколение северян Вологодских уже стало утрачивать сословную монолитность: часть его осталась в духовенстве и даже получила образование в семинарии, но другие были взяты на военную службу или перешли в крестьянское податное состояние. Наиболее ценное пополнение церковь получила от семейства младшего сына Ивана Петровича Вологодского – Петра. Сам он всю жизнь оставался в маленькой должности дьячка, зато много дальше пошли сыновья. Старший, Василий, еще будучи студентом семинарии, просил произвести его в дьяконы и получил сан и просимое место в 1816 г., а в 1818 г., опять же по его прошению, произведен в священники и определен в Ишимскую городскую Богоявленскую церковь. Андрей возглавлял приход в родных Чемашах, а Лука после окончания Тобольской семинарии служил в Обдорске и Тобольске и оставил след в церковной истории как один из видных христианских просветителей коренных северных народов.[6]

Лука Петрович Вологодский (ок. 1809 – после 1843), выросший в Березовском крае среди остяков (ханты), с детства мог свободно говорить с ними на их языке – этим, а также и природными способностями обусловлен важный поворот в его судьбе. Лука уже оканчивал семинарию, когда иеромонаху Макарию, направленному проповедовать христианство среди инородцев на севере губернии, понадобился помощник, знающий

[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 411, 413, 416; Д. 273. Л. 606 – 609; Д. 274. Л. 56, 57; Д. 532. Л. 38, 39, 56, 68; Ф. 156. Оп. 4. Д. 748; Оп. 5. Д. 962; Оп. 6. Д. 665; Оп. 8. Д. 915, 1491; Оп. 9. Д. 327, 1753.

богословие и одновременно владеющий языком аборигенов. 20-летний Лука вполне подходил для этой деятельности: он не только знал остяцкий язык, но и обладал приличными знаниями в словесности, всеобщей истории, философии, математике, богословии, еврейском, греческом и французском языках, в его аттестате были выставлены оценки «не худо», «средственно», «порядочно», «хорошо», «довольно хорошо» и «очень хорошо». Семинария характеризовала его как ученика «успехов порядочных и поведения доброго». Вологодский дал согласие прослужить в Обдорской миссии с ее настоятелем иеромонахом Макарием 4 года.

В журнале консистории от 27 апреля 1832 г. задачи Макария и его помощников сформулированы так: «... Отправить иеромонаха Макария по приводе к присяге с учеником Вологодским и послушником Соловьевым в Березовский округ и велеть ему из ближних к кочевьям инородцев русских селений выезжать в кочевья их и согласно инструкции, изданной Святейшим Правительствующим Синодом в 1769 году, распространять постепенно между ними Слово Божие... Обращаясь между инородцами, поставить ему... и будущим с ним ученику и послушнику в обязанность учиться языку их ... и переводить им на оный Символ веры, молитву «Отче наш», заповеди Господни и некоторые по выбору жития святых отцов (а для пособия и соображения в сем деле может он, иеромонах Макарий, заимствоваться из Березовского духовного правления находящимися в оном переводами Священного Писания на язык обитающих в тамошнем краю инородцев».[7]

17 мая 1832 г. они вместе отплыли из Тобольска в Обдорск для миссионерской деятельности. Труды их оказались неудачны, в христианство удалось обратить всего 17 язычников. Макарий решил сложить полномочия главы миссии. В рапорте архиепископу Афанасию он так объясняет причину своего ухода: «Из прежних моих донесений Вашему высокопреосвященству известно, что обдорские самоеды, к которым я был послан для обращения их в христианскую веру, ведут бродячую жизнь и находятся в далеком расстоянии от христианских жилищ, в Обдорск являются один только раз в год для положения ясака, а посему и неможно иметь с ними близкого сношения, потребного для проповеди им Слова Божия. К тому же и язык их весьма недостаточен для объяснения истин христианской религии, отчего и крещеные остяки никакого почти понятия не имеют об оной. По сим причинам, и особенно по упорству означенных самоедов от принятия христианской веры, изъясненному в записках моих, я никакой надежды к обращению их в оную не предвижу. И потому, Ваше высокопреосвящен-

[7] «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003. С. 32.

ство, сим всепокорнейшее прошу меня, нижайшего, от сей миссионерской обязанности уволить».

Макарий покинул Обдорск, а Вологодский остался на севере и служил до 1835 г. священником Березовской Воскресенской церкви, затем еще два года в Обдорске. В 1837 г. по его собственной просьбе Лука Петрович был переведен в Сургутскую Троицкую церковь. В Сургуте с ним были его мать Маремьяна Ильинична, жена Алевтина Никоновна и трехлетний сын Никон.[8]

Несмотря на неудачу миссии иеромонаха Макария, Святейший Синод не оставил попыток духовного просвещения самоедов и остяков и предписал тобольскому архиепископу Афанасию озаботиться «сначала составлением азбуки и словаря остяцкого языка, а затем переводом по крайней мере одного из Евангелий и краткого катехизиса на сей язык». Для достижения этой цели вновь понадобился Лука Вологодский.

Как замечает *А.И. Сулоцкий*, преосвященный Афанасий рассудил, что «… в Тобольске, где есть семинария, гимназия и разные училища и где при учебных заведениях имеются учебные пособия, ему будет гораздо удобнее заниматься возложенными на него работами; к тому же преосвященный и учителем в предполагаемый к открытию класс остяцкого языка при семинарии хотел назначить его же…».

Вологодский был переведен из Сургута к одной из тобольских церквей и приступил к работе. Архиепископ, «чтобы работа шла успешнее, иногда на целые месяцы освобождал его от обычных занятий по приходу, позволял ему уединяться в один подгородный монастырь и даже делал ему кой-какие денежные пособия». В итоге были Вологодским составлены остяцкая азбука и словарь, переведены Символ веры, заповеди и молитва Господня и отосланы в Святейший Синод. Синод дал автору денежную награду, а труды в 1839 г. передал в Академию наук.

Академик Шегрен дал им высокую оценку, но при этом просил автора пересмотреть и пополнить словарь, дать более обширные переводы, написать грамматику языка и описать географическое распределение его наречий. Часть этих просьб Вологодский выполнил, но когда от Шегрена поступили новые замечания, просьбы и советы, от дальнейшей работы отказался, несмотря даже на обещание присудить ему Демидовскую премию, полагая, что не знавший остяцкого языка академик не мог правильно судить об его трудах.

Е.В. Кузнецов в опубликованной в 1867 г. статье «Первый русско-остяцкий словарь», источником для которой было дело Тобольской

[8] Указ. соч. С. 62 – 63; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 17. Л. 24; Ф. 189. Оп. 1. Д. 1.

духовной консистории 1836 года «Об обращении Кондинского монастыря в миссионерский», сообщает, что после получения в 1843 г. от Шегрена своего словаря с приложениями Вологодский писал сменившему Афанасия архиепископу Владимиру: «При болезненном и бедственном положении моем, при крайнем разорении на иждивение тех трудов и лечение от болезни, при различных угнетениях я не могу ничем заняться ныне по обязанности составителя словаря».

Вскоре Вологодский умер. Позднее с его переводами работали зарубежные лингвисты Алквист, Буденц, Видеман, Хунвальви. В декабре 1848 г. путешествовавший по Сибири финский ученый *М.А. Кастрен* писал академику Шегрену: «… В последнем письме своем я выразил надежду отыскать в Петропавловске священника Вологодского. К сожалению, он уже умер чахоткой, а семейство его, как мне сказали, выехало оттуда и неизвестно куда. Об остяцком словаре я ни от кого не мог добиться положительных сведений. Может быть, стоило бы того, чтобы Академия сделала запрос тобольскому архиерею относительно этого редкого труда».[9]

Весь девятнадцатый век Вологодские постепенно выбывали из духовного сословия, и в начале двадцатого, по нашим данным, в церквах Березовского уезда фамилию представлял один лишь Дометий Георгиевич Вологодский, псаломщик Шеркальской Спасской церкви, выходец из села Чемашевского, получивший образование в образцовой школе при Тобольской духовной семинарии.

Судьбы священноцерковнослужителей, доживших до советского времени, как правило, изломанные. Не избежал превратностей судьбы и Д.Г. Вологодский, как можно догадываться по записям в личном листке по учету кадров его дочери Анны Дометьевны, родившейся в 1910 г. в с. Чемаши и назначенной в конце 1930-х гг. председателем оргбюро Российского общества Красного Креста по Микояновскому району. Об отце она пишет, будто он до революции был телеграфистом в почтовом отделении, на момент заполнения личного листка он работал в Микояновской конторе связи. По какой-то причине в 1917 – 1924 гг. дочь жила в Тобольском детском доме, но потом до 1929 г. работала в хозяйстве отца.[10]

---

[9] Сулоцкий А.И. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // А.И. Сулоцкий. Соч. в трех томах. Т. 2. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 346 – 352; Миссионерства Березовского края… Там же. С. 793 – 794; Кузнецов Е. Первый русско-остяцкий словарь // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. Тюмень, 2004. С. 420 – 423; Папай Й. «Божество слова». Памяти Антала Регули / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Сургут, 1993. С. 41 – 42.

[10] Справочные книги по Тобольской епархии на 1908 и 1913 гг.; ГУТО ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 3550.

На рубеже XIX и XX столетий в Чемашах, как это видно по записям в метрических книгах Николаевской церкви, жило не менее двух семей Вологодских. Все они были крестьянами и занимались исконными северными промыслами – рыбацким и охотничьим. Неслучайно одна из близлежащих речных проток получила название Вологодской. У Георгия Вологодского кроме Дометия было еще трое сыновей: Даниил, Нестор и Семен. Семью другого Вологодского – Сергея Андреевича – составляли, помимо родителей и дочерей, пятеро сыновей: Федор, Георгий, Евгений, Андрей и Петр, и у каждого родилось по 4 – 5 детей. Метрические книги Чемашевской и Шеркальской церквей хранятся в Октябрьском районном ЗАГСе, и если кто-то из ныне живущих Вологодских интересуется своей родословной, он может попытаться восстановить ее с помощью этих книг.

Вологодские жили в Березовском и Октябрьском районах и в советское время, упоминания о них попадаются в районных газетах и архивных документах. Один из них – Аксентий Георгиевич, уроженец с. Троица Ханты-Мансийского района – в начале 40-х годов занимал должность председателя плановой комиссии Самаровского райисполкома. В 1942 г. погиб на фронте. Его жена Ксения Петровна, окончившая в 1935 г. совпартшколу в Остяко-Вогульске, в военные годы, уже овдовевшая, работала секретарем Микояновского райкома ВКП(б), а с 1945 г. – инструктором Тюменского обкома партии.

В березовской районной газете не раз сообщалось о заведующем производственным участком Полноватского охотничьего хозяйства Тимофее Петровиче Вологодском как умелом и заботливом хозяйственном руководителе. «В летнее время, – писал автор заметки, – он помог артели (колхозу «Победа». – В.Б.) сохранить серебристо-черных лисиц. По его инициативе в жаркий комарный период все звери были перевезены на остров. Лагерное содержание лисиц позволило колхозу полностью сохранить поголовье. Во время своего трудового отпуска Тимофей Петрович выехал с колхозниками на освоение нового плавного песка. Под его руководством был расчищен и освоен новый водоем». Тимофей Петрович был опытным специалистом пушного дела, учил молодых охотников обработке шкур. С хантами он свободно общался на их родном языке.

А вот еще заметка: «Бакенщик госпара [государственное пароходство] малотрудоспособный к физическому труду Вологодский Иван Петрович, желая оказать свою помощь Родине, решил пойти в лес промышлять пушного зверя. Самоотверженно трудясь на промысле, он за короткий срок в течение квартала добыл 83 горностая и 1 лисицу, сдав свои трофеи на сумму 1475 р.».[11]

[11] Гос. архив Югры. Ф. 1. Оп. 2-л. Д. 3. Л. 224 – 227; Туманов Я. Заготовитель «мягкого золота» // Путь к коммунизму. 1960. 8 апр.; Кайдаулов. Трофеи охотников // Большевистская правда. 1944. 2 марта.

Прежде чем закончить, возвратимся к первым строкам, в которых говорится о происхождении фамилии. Утверждение П.В. Вологодского дает основание предполагать, что корни его те же, что и у Вологодских Березовского уезда. Привожу краткую справку об этом выдающемся человеке и отсылаю любознательного читателя за подробностями к источникам.

Петр Васильевич Вологодский (1863 – 1928) родился в Енисейской губернии в семье сельского священника, учился в Красноярской и Томской гимназиях, на юридическом факультете Петербургского университета. В 1887 г. был исключен «за неодобрительное поведение», но образование все же завершил, сдав в 1892 г. экзамены в Харькове на звание кандидата права. После этого Петр Васильевич служил в Сибири – в Омске, Семипалатинске, Иркутске, Томске, сотрудничал в сибирских газетах, вел работу в эсеровских организациях. В 1907 г. был избран членом второй Государственной Думы. В июне 1918 г. П.В. Вологодский возглавил Временное Сибирское правительство, совмещая в нем посты председателя Совета Министров и министра иностранных дел. В сентябре 1918 г. вошел в состав Уфимской директории[12], а 4 ноября назначен председателем Совета Министров Временного Всероссийского правительства. После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске возглавил Российское правительство. В этом же году ему было присвоено звание «Почетный гражданин Сибири». 22 ноября 1919 г. согласно прошению П.В. Вологодский был уволен от должности председателя колчаковского правительства и вскоре эмигрировал в Китай. Умер в Шанхае в 1928 г.[13]

[12] Временное Всероссийское правительство, сформированное в качестве коллегиального органа власти на Уфимском гос. совещании 23 сент. 1918 г. Ликвидировано в нояб. 1918 г.

[13] ГАРФ. Ф. 4 – 193. Вологодский Петр Васильевич; РГИА. Ф. 2297; Омский историко-краеведческий словарь. М., 1944. С. 48 – 49; Петрушин А. Загадочный премьер: штрихи к портрету // Тюменские известия. 1992. 7 ноября.

Тобольский «титан» и другие (Плехановы)

Фамилия эта зафиксирована в памятниках письменности XVI – XVII вв. и происходит от прозвища Плехан – «плешивый человек». На юге Тобольской губернии Плехановы жили уже в XVII веке, в одном старинном документе есть упоминание о деревне Плехановской над р. Турой – не той ли самой, близ которой в советское время был построен тюменский аэропорт Плеханово? В Березово Плехановы пришли из Тобольска, по-видимому, в самом начале XIX в. Еще в 1834 г. березовская «купечествующая жена» Степанида Плеханова получила в окружном казначействе свидетельство на право ведения торговли в городе и округе.

Степанида Екимовна была женой тобольского купца Федора Степановича Плеханова. Он воспитал сыновей Евгения (р. 1789), Стефана, Петра (р. 1792), Михаила (1803 – 1837) и Василия (р. 1808). «После смерти Федора Степановича между сыновьями, записанными ранее в одном капитале, произошел раздел имущества (1839); Евгений выбыл в мещане, Стефан записался в березовские купцы, а Петр и Василий объявили раздельно капитал по III гильдии г. Тобольска». Самый богатый из Плехановых, Петр Федорович, ставший купцом 1-й гильдии и потомственным почетным гражданином[1], «развил активную предпринимательскую деятельность в 1850 – 1860-е гг.: снаряжал суда для рыбной ловли в низовьях р. Оби, нанимал приказчиков для торговли рыбой в г. Тобольске и г. Екатеринбурге. Занимался также пушной торговлей. По данным 1858 г.,

[1] Привилегированное состояние городских обывателей, учрежденное в 1832 г. и приобретаемое по рождению детьми личных дворян, православных церковнослужителей, окончивших курс в семинариях и академиях, потомственных почетных граждан.

посылал партию пушнины на Макарьевскую ярмарку. Выполнял подрядные операции по перевозке грузов, нанимал судовых рабочих для перевозки в низовья р. Оби 20 тысяч пудов муки.[2]

Благодаря своей оборотистости П.Ф. Плеханов в 1850-е гг. прослыл за главного северного рыбопромышленника и покупателя пушного товара на Обдорской ярмарке. «...25 лет сряду отправлял [он] свои суда до Обдорска и далее для рыбной ловли и торговли с инородцами», – писали «Тобольские губернские ведомости». В газетах того времени встречаются нелестные оценки деятельности П.Ф. Плеханова на Тобольском Севере, смысл которых в том, что он мало стеснялся в средствах обогащения. Наиболее острая критика исходила от политического ссыльного *А.И. Иконникова*, жившего в Березове и бывавшего на Обдорской ярмарке. Саркастически именуя его «тобольским титаном», он описывает, как благодаря расположению губернского начальства Плеханов выигрывал торги на один из самых богатых рыболовных песков – Мелексимский, как пытался обмануть кондинских крестьян, перевозивших зимой на лошадях в Тобольск его рыбу с замерзшей во льду глубокой осенью баржи, как пользовался своим положением монополиста в транспортировке рыбы в Тобольск, скупая ее у березовских промышленников за бесценок.[3]

Вместе с тем А.И. Иконников пишет в своей работе и о сопровождающем деятельность северных промышленников постоянном риске понести убыток из-за капризов природы, неразвитости транспорта и зачастую крайнем неудобстве быта промысловика. На тысячеверстном пути из Тобольска или в Тобольск с черепашьей скоростью утлое судно с людьми и грузом могло сковать льдом, разбить штормом. Один из путешественников приводит такой факт: «Во время стоянки [близ с. Кушеват] к нашему каюку прибило барочную доску, по словам остяков, от барки Петра Федоровича Плеханова, лет тридцать тому назад здесь замерзнувшей. Муку вывезли на оленях, а барку бросили, ее разбило и везде разнесло».[4]

Неудивительно, что все это накладывало печать и на характер северного промышленника. Так, в обычае были трогательные прощания с членами семьи накануне отъезда на промысел. Такое прощание наблюдала в 1839 г. *Ева Фелинская.* Вот как оно происходило в ее описании: «Наш хозяин, казак, добродушный старик, вместе с другими тоже собравшийся

---

[2] Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993. С. 91 – 92; Парфенова Н.Н. Указ. соч.; Березово. С. 236; Краткая энциклопедия... Новосибирск, 1997. Т. 3. Кн. 3. С. 15.) Посл. – сверить

[3] Иконников А. И. Из Березова // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 8, 9, 25 – 26, 34, 36 – 38.

[4] Поездка на Северный Урал летом 1892 г. С. 46.

на Обское море, после того как полностью приготовил свою лодку к отплытию, пришел попрощаться со своей семьей … Наш хозяин был поистине набожный человек. Было часов 10 вечера, когда старик, прежде чем выйти из дома, вошел во главе своего семейства в комнату с образами, поклонился – и все поклонились, несколько раз пали ниц перед иконами, коротко помолились и встали. Старик со слезами на глазах попрощался с женой, детьми, со всеми остальными, и у всей семьи тоже стояли слезы в глазах».[5]

Отсюда же происходит и особенное почитание северянами иконы Николая-угодника. По-видимому, характерен и случай, описанный А.И. Сулоцким и воспроизведенный ниже, и его следствие:

«Тобольский купец Петр Фед. Плеханов, каждогодно плавающий в Обдорск для рыбных промыслов, плавал туда для этой цели и в 1846 году. Там однажды при выходе из (внутренней) каюты забыли погасить теплившуюся пред иконой восковую свечу; свеча, вероятно, упала на стоявший в переднем углу стол, и оттого произошел внутри каюты пожар. Когда показался наверху судна дым, Плеханов пришел в ужас, потому что с гибелью судна и хранившегося в каюте капитала он лишался всего почти состояния, нажитого продолжительными трудами и бережливостью. В беде он вспомнил об иконе Божией Матери, которую с детства привык особенно чтить и пред которой молебствовал он и при отправлении в путь, и обратился с мольбами к усердной заступнице, к *радости всех скорбящих,* и Она явила себя радостью и для него, потому что, когда спустились внутрь судна и отперли внутреннюю каюту, пламя, к общему удивлению, против обыкновенного, погасло само собой; сгорела только скатерть, бывшая на столе, да обгорели стол да кое-какие другие вещи, вблизи его находившиеся. В благодарность за это избавление от Плеханова в Захарьевской церкви пред иконой Всех скорбящих радости более уже 15 лет каждое воскресенье… отправляется похвала Божией Матери, а в благодарность за другие благодеяния им при разных случаях, а особенно во время ежегодных плаваний по реке Оби, неоднократно полученных от Божией Матери, он впоследствии заново отделал всю нижнюю (теплую) Захарьевскую церковь…, употребив на это 4000 рублей серебром».[6]

Значительные суммы тратил Плеханов и на другие благотворительные цели и общественные нужды: Березовскому Воскресенскому собору пожертвовал «два киота,[7] каждый с богемским стеклом, вызолоченные,

---

[5] Фелиньская Э. Указ. соч. С. 16.

[6] Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // А.И. Сулоцкий. Соч. в трех томах: Том 1. О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 171.

[7] Деревянный украшенный шкафчик или остекленный ящик для икон.

украшенные вызолоченной резьбой...», Обдорской Петропавловской церкви – «серебряно-позолоченную червонным золотом лампадку для неугасимой свечи и еще одну такую же лампадку» стоимостью 100 р. серебром, в 1860 г. отремонтировал Тобольский кафедральный собор.

Одним из наиболее значительных был его взнос на устройство в Тобольске Александровского детского приюта, основанного в 1865 г. На пожертвованные им средства (проценты с капитала), а также на пособия от купеческого и мещанского обществ в Тобольске содержалась мещанская богадельня на 60 человек обоего пола, которая была известна в городе как «Плехановская». Ее попечительницей была жена купца Мария Ивановна Плеханова, известная своими благотворениями. Она была также почетной блюстительницей Тобольского епархиального женского училища и заслужила благословение Святейшего Синода за пожертвование 2000 р. на устройство храма при училище. Весной 1895 г., когда она умерла, «Сибирский листок» писал: «Покойная, как мы слышали, завещала разным церквам и духовным учреждениям около 100 тысяч рублей». Таким образом, значительная часть богатства семьи П.Ф. Плеханова разошлась с пользой для Тобольска.[8]

Брат П.Ф. Плеханова Степан Федорович предпочел покинуть Тобольск и обосноваться в Березове, и не только сам с семейством прочно укоренился на Севере, но и племянники его – Евгений и Иван Михайловичи – последовали его примеру. Здесь Степан Федорович занимался главным образом хлебной торговлей и перевозкой грузов. Подробности его торгово-промышленной деятельности нам неизвестны, во всяком случае к числу крупных рыбопромышленников он не принадлежал. Зато известны отдельные факты, позволяющие составить некоторое представление о личности С.Ф. Плеханова.

Он был среди активных участников поимки руководителя вооруженного выступления самоедов и остяков *Ваули Пиеттомина*. Не пустым звуком было для него и понятие общественного блага. В 1865 г., незадолго до смерти, Степан Федорович заявил березовскому земскому исправнику о своем желании пожертвовать принадлежавший ему дом в с. Сартыньинском для помещения в нем инородческой школы. Дар был принят, и в марте 1865 г. председательствующий в совете Главного управления Западной Сибири генерал-лейтенант Панов объявил Плеханову благодарность.[9]

[8] Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 2. С. 43; 1883. № 11/12. С. 245; № 19. С. 194; Городская хроника // Сибирский листок. 1895. 30 апр.; Сибирский листок. 1896. 7 февр.; Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1889. С. 16, 228; Православные приходы... С. 320; Церкви Обдорска... С. 101.

[9] Краткая энциклопедия... Новосибирск, 1997. Т. 3. Кн. 3. С. 15; Ваули Пиеттомин. Омск, 1940. С. 17, 28, 39; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 41. Д. 348. Л. 1, 3.

Еще любопытные факты. В «Отчете о действиях Императорского Русского географического общества за 1861 год» среди тех, кто участвовал в доставлении обществу рукописей различного содержания, упомянут член-сотрудник С.Ф. Плеханов, а в отчете за 1865 г. он назван «усерднейшим членом-сотрудником». К сожалению, об этой стороне деятельности березовского купца мы пока ничего не знаем, а ведь следы ее, вероятно, до сих пор сохранились в архиве РГО.

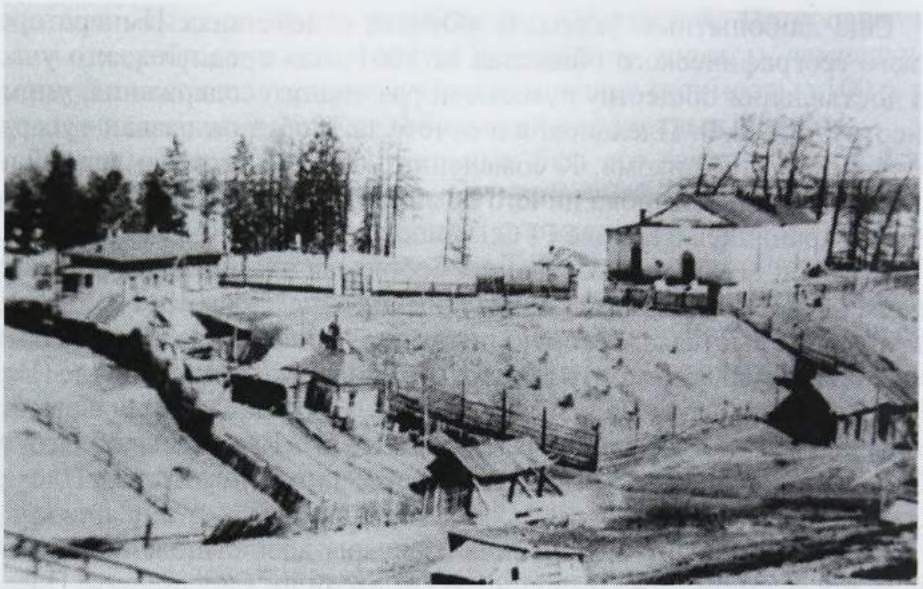
В 1837 г. по случаю посещения Тобольска наследником российского престола цесаревичем Александром Николаевичем в губернской гимназии была устроена выставка, которую посетил высокий гость. Среди экспонатов «находился клык мамонта или другого подобного ему зверя… (Найден остяками в земле, около Ледовитого океана). Представлен был на выставку березовским купцом Степаном Плехановым. Его Высочеству благоугодно было этот клык, как редкость, взять к себе, за что пожаловал Плеханову дорогие золотые часы…».[10]

Из детей Степана Федоровича известны двое сыновей – Александр и Василий, купцом стал старший – Александр Степанович Плеханов (24 авг. 1834 – 5 марта 1904). Архивный источник сообщает о нем: «Имеет в Березове собственный дом с надворными строениями, магазин с разными бакалейными, фабричными и крестьянскими товарами и продуктами, винный склад и ренсковой [винный] погреб». В этом же документе сам купец характеризуется как «человек безукоризненно честный, пользующийся общим уважением здешних граждан». Не расходится с этим отзывом и следующая справка, данная городским головой *М. Мещеряковым*: «Березовским мещанским обществом закуплено 800 пудов муки для беднейших местных мещан у купцов Плеханова и *Окунева* по 1 р. за пуд, затем купец А.С. Плеханов цену на муку не возвышает дороже 1 р. 20 к. за пуд, а так как запас муки у г. П-ва очень ограниченный, то он муку отпускает исключительно городским жителям…». Происходило это в голодном 1891 году, когда, пользуясь несчастьем, иные торгующие не стеснялись поднимать и поднимать цену.[11]

И вот еще одно газетное сообщение: «Местный купец А.С. Плеханов пожертвовал 4000 р., – читаем в том же «Сибирском листке», – проценты с которых предназначаются на содержание и лечение местных жителей, преимущественно русских, в местной больнице. Спасибо доброму человеку! Бедноты здесь много. Платить за лечение нечем, город же помочь не может

[10] ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1604; Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв.: Хрестоматия: Т. 1. Тюмень, 2001. С. 90.

[11] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 531. Оп. 1 Д. 11 (2); [Из письма Березовского городского головы М. Мещерякова в редакцию 1 декабря 1891 г.] // Сибирский листок. 1892. 5 апр.

Вид с моста на сад им. Пушкина и Богородскую церковь.
Слева – дом священника.
Из коллекции семьи Добровольских

за недостатком средств. Желательно бы, чтобы из этого же источника отпускались бесплатно лекарства и приходящим больным, против чего, впрочем, как мы слышали лично от г. Плеханова, он ничего не имеет».[12]

Делал Александр Степанович и пожертвования церкви. Так, в конце 1890-х гг. он подарил храму Рождества Пресвятой Богородицы серебряную под золотом ризу на икону Спасителя стоимостью в 300 р., за что получил благодарность от епархиального начальства. Об авторитете А.С. Плеханова свидетельствует и то, что он избирался городским старостой (1861 г.).[13]

Видимо, от отца Александру Степановичу передался интерес к сотрудничеству с научными обществами и ему оказались близки цели Тобольского губернского музея. В 14-м выпуске музейного «Ежегодника» есть упоминание о полученных в 1902 г. от Плеханова предметах. Но особо ценное поступление от него в музей было в 1903 г. – уже упоминавшаяся в книге картина березовского казака Николая Шахова, изображающая битву между инородцами. По-видимому, Плехановы имели давние связи с художником и его родственниками и, возможно, еще одна картина Шахова, хранившаяся в РГО, поступила туда от члена-сотрудника общества Степана Федоровича Плеханова.

---

[12] Письма с Севера (Письмо 5-е) // Сибирский листок. 1902. № 101.

[13] Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № ½.

Добрую репутацию А.С. Плеханова омрачила одна неприятность, случившаяся в 1897 г. Узнав об этом случае из архивного документа, не нахожу веской причины, чтобы не рассказать о нем читателю. У Плеханова произошел конфликт с недавно нанятым работником инородцем Прокопием Сахаровым (Захаровым?), который потребовал платы за полгода вперед и получил отказ. Тогда Сахаров пожаловался полицейскому надзирателю на то, что будто бы хозяин кормит его тем же мясом, что варят его собакам. Проведенное расследование установило будто бы справедливость жалобы, Березовский окружной суд приговорил его к трехмесячному заключению в местной тюрьме, но Плеханов своей вины не признал и обращался с прошением о пересмотре дела, представляясь в своих обращениях как почетный член Санкт-Петербургского общества милосердия. Тобольский губернский суд однако встал на сторону Березовского суда. Действительно ли купец скомпрометировал себя случаем вопиющей скаредности и бесчеловечного отношения к работнику или это был оговор – рассудить теперь невозможно. Но сам факт такого судебного дела и его содержание открывают нам одну из живых подробностей той давней жизни.

И еще один любопытный документ встречен автором в том же Тобольском архиве – «Дело об учреждении негласного надзора полиции за… сыном березовского купца А. Плехановым». Велось оно с 1890 по 1893 год. Купеческая семья и противоправительственная деятельность – вещи, которые редко бывают совместимыми. Что же произошло? Были близкие связи двух членов семьи с политическими ссыльными. Дочь купца Татьяна имела близкое знакомство со ссыльными *Распопиным,* Вейнбергом, Мануйловым, *Чижевским, Гервасием* и другими, получала по доверенностям письма к поселенным в Обдорске Гольденбергу и *Сыцянко*, вместе с братом Петром часто бывала у ссыльных в гостях, и они посещали Плехановых. Больше того, Татьяна была просватана за Распопина, и только внезапная смерть его предотвратила брак. После этого, в 1888 году, Татьяна уехала в Москву, где поступила на акушерские курсы. По-видимому, кто-то донес об этой «противоестественной» близости купеческой семьи и политических ссыльных. Вот тогда-то и ушел из Березова в Тобольск официальный рапорт, характеризовавший А.С. Плеханова как безупречно честного и всеми уважаемого гражданина города.

Этот документ проливает свет на еще одну черту личности купца: он старался дать детям образование и не имел намерения во что бы то ни стало воспроизводить их жизнями патриархальный уклад. Сына Николая он отпустил в Екатеринбург. Младший сын Федор окончил Тобольскую духовную семинарию, дочери Федора и Клеопатра учились в Тобольской Мариинской женской школе. Крискентия вышла замуж за учителя

Березовского уездного училища Михаила Константиновича Попова и через недолгое время супруги куда-то уехали из Березова.[14]

А через дочь А.С. Плеханова Татьяну, увлеченную, как видно, в молодости идеями революционеров-народников, совершенно неожиданно получился удивительный выход в современность. После учебы на акушерских курсах она осталась в Москве и, по-видимому, навсегда оставила Сибирь. Как сложилась ее жизнь вдалеке от родины, невозможно было нигде узнать. И вдруг из Государственного архива Югры осенью 2012 года мне сообщили, что редактор одного из московских экономических журналов, работающий над книгой о российском ученом-экономисте Н.Д. Кондратьеве, репрессированном в 1938 году, просит сообщить о Татьяне Александровне Плехановой. Оказалось, что ее дочь была женой Кондратьева – всемирно известного автора экономической концепции «длинных волн», предсказавшего Великую депрессию 1929 – 1933 гг. за несколько лет до ее начала. По решению ЮНЕСКО 1992 год отмечался в мире как год памяти Н.Д. Кондратьева. Автору запроса мы смогли сообщить только дату рождения Т.А. Плехановой – 10 января 1867 г. Такова степень нашего беспамятства.

Но вернемся к березовским Плехановым. Брат Александра Степановича Василий торгово-промышленными делами не занимался и принадлежал к мещанскому сословию. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. он служил секретарем Березовской городской управы, а в начале XX в. – писарем инородческой управы. В 1907 г. березовцы доверили ему представлять население города в Тобольском губернском избирательном собрании по выборам в Государственную Думу.[15]

Семья у А.С. Плеханова, как и у многих в то время, была большая – по имеющимся сведениям, трое сыновей и четверо дочерей. Старшему из оставшихся в Березове сыновей, Петру Александровичу (ок. 1865 – после 1930), отец со временем передал управление семейным хозяйством и делами, состоявшими, по-видимому, преимущественно в торговле. Как и отец, П.А. Плеханов имел среди горожан хорошую репутацию, свидетельство этому – его постоянное пребывание на выборных должностях. Он побывал и помощником городского старосты (1908 – 1915), и почетным мировым судьей (1913 – 1915), и входил в состав уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия (1908 – 1913). По семейной традиции он состоял членом Тобольского губернского музея. Проживший без малого столетие березовец М.П. Оболтин, вспоминая свое детство, отозвался о П.А. Плеханове как о щедром человеке: мог кому-то бесплатно дать ящик пряников.

[14] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 12; Ф. 531. Оп. 1. Д. 11 (2).

[15] Городская хроника // Сибирский листок. 1907. 8 февр.

Около столетия прожили Плехановы в Березове в достатке и благополучии. Конец этому наступил в результате Октябрьской революции 1917 года. Семья лишилась собственного дома, половина которого с 1920 по май 1924 г. находилась в распоряжении военкомата, а другую половину (шесть комнат с отдельным входом) в эти же годы занимали ревком, уездный исполком, уком ВКП(б). Прежней власти имевшихся помещений хватало – новой потребовались сверх того еще и лучшие дома богатых горожан. Находившиеся на базарной площади двухэтажный склад с 14-ю дверьми и завозня Плехановых использовались как торговые помещения.[16]

Жизненные пути прежде богатых и даже просто состоятельных российских людей с 1920-х годов начали утрачивать естественное своеобразие и становились удручающе похожими. Нивелирующими средствами были сначала отъем имущества, затем ограничение в правах, ссылка, превращение в третьесортного гражданина, низведение до положения низов общества, растворение в советском социуме. Жизнь оказалась поставленной с ног на голову: кто был ничем, стал всем, а кто что-то умел и значил – оказался ненужным.

Все это испытали на себе и Плехановы. В 1927 г. Петр Александрович как торговец был лишен избирательного права, а еще через несколько лет вместе с семьей выслан из Березова в Обдорск. Детей у него было еще больше, чем у отца. В феврале 1931 г. вместе с ним и его женой Манефой Семеновной в списке лишенных избирательного права числились жившие в Обдорске вместе с родителями и достигшие совершеннолетия их дети Георгий, Александр, Степан и Елена, а также проживавшие отдельно сын Петр и его жена. Позднее Петр Петрович работал председателем артели в поселке Новый Порт Ямальского района. В 1937 г. он был объявлен врагом ни много ни мало целого народа и расстрелян в Салехарде. Степан в звании рядового участвовал в Великой Отечественной войне и погиб в Ленинградской области в августе 1942 г. Известно еще, что в 30-е годы живы были дочери Петра Александровича Ольга и Калисфения. В метрических книгах Богородице-Рождественской церкви к записям об их рождении есть приписки о выдаче свидетельств: первой – в сентябре 1932 г., второй – в сентябре 1937 г.[17]

Брат П.А. Плеханова Федор после выпуска в 1903 г. из Тобольской духовной семинарии по 1907 год служил священником в Березовском Воскресенском соборе и преподавал Закон Божий в смешанном городском

[16] Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры. Березово, 1997. 23 апр.

[17] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 2. Л. 120 об.; ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Л. 1 – 4; Книга расстрелянных. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 36.

приходском училище, позднее был священником в Обдорске. Летом 1903 г. он женился на дочери богатого тобольского мещанина Ивана Евгеньевича Петрова, торговавшего в Березове, Зинаиде Ивановне. В березовских церквах зарегистрированы рождения у них до середины 1917 г. четверых детей. О судьбах членов этой семьи в последующие годы ничего не известно, кроме того, что, как видно из приписки к записи о рождении в метрической книге Воскресенского собора, сыну Николаю 26 июня 1953 г. было выслано свидетельство о рождении по адресу: г. Киев, пос. Сырец, д. ЖКК 24, ком. 10. Сам этот адрес позволяет думать о незавидном положении Плеханова.

В Обдорске память о Плехановых, хотя они были там и изгнанниками, сохранилась в местной топонимике: Н.Б. Патрикееву как охотнику были известны Плехановское озеро, Плехановская избушка.[18]

И в заключение – несколько слов о родственниках А.С. Плеханова, детях и внуках его двоюродного брата Евгения Михайловича Плеханова. Сыновья Евгения Михайловича служили в почтовом ведомстве: Александр – березовским почтальоном (1883), а Петр дошел по чиновной лестнице до должности начальника почтового отделения села Кондинского Березовского уезда, которую получил в 1901 г., а оставил, по-видимому, не ранее 1917 г.[19]

У Петра Евгеньевича (род. ок. 1860) была большая семья, и если не всем, то почти всем детям он смог дать приличное для положения сельского чиновника образование. Дмитрий стал частным поверенным и в 1919 г. занимал должность председателя Кондинской земской волостной управы, Илья учился в Тобольской гимназии и впоследствии учительствовал в Березовском уезде. Софья преподавала в школе с. Шеркалы, Елизавета – в Кондинской школе, Вера и Клавдия учились в Тобольской женской гимназии.[20]

[18] Патрикеев Н. Ранняя звезда / Югра. 2004. № 12. С. 71.

[19] Городская хроника // Сибирский листок. 1901. 27 мая.

[20] Метрические книги Шеркальской Спасской церкви за 1901, 1911, 1917 – 1920 гг.; Духовная роспись Кондинской Свято-Троицкой церкви Березовского уезда Тобольской епархии на 1919 г.

Мещане, купцы, чиновники… (Добровольские)

Распространена версия, будто березовские Добровольские – потомки когда-то изгнанных в Сибирь поляков. В частности, В.В. Фарносова в книге «Предназначение» пишет: «Добровольские ведут свои корни от поляков, сосланных в Тобольск в 1846 г.». Но эта фамилия была известна не только в Тобольске, но и в Березове уже в самом начале XIX века. Это несоответствие побуждает к поиску иных версий, и вот встреченные в литературе мнения на этот счет специалистов.

В.А. Никонов: «Эту фамилию не раз давали архиереи при раздаче фамилий выпускникам духовных семинарий, отличавшимся послушанием. Ее латинская основа benevolens – «благосклонный», отсюда и нередко встречающаяся у лиц духовного звания фамилия «Беневоленский», т. е. «благонамеренный» («благонадежный»). Русская калька ее – Добровольский. С середины XIX в. Добровольский, как и многие другие, стала фамилией не только духовенства: потомки семинаристов во множестве пополняли ряды разночинцев».

Б.О. Унбегаун: «… распространены церковнославянские двухосновные фамилии, явно созданные с целью выделить поведение и моральные качества их носителей. Ряд таких фамилий начинается с Благо- и Добро-…».

Сказанное, конечно, не опровергает версии о польском происхождении, но она требует документального подтверждения.[1]

В начале XIX века эту фамилию в г. Березове представляла всего лишь одна семья мещанина Матвея Михайловича Добровольского, умершего в 1816 г. После него остались двое сыновей: Василий и Матвей.

[1] Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993. С. 35; Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 174.

Старший, Василий, по ревизским сказкам 1834 г., имел уже троих малолетних сыновей, а Матвею в это время было еще только 18 лет. Девятая ревизия (1850 г.) зафиксировала прибавление в семействе Василия Матвеевича еще одного сына – Ксенофонта.[2]

Сыновья подрастали, обзаводились собственными семьями, род разрастался. За небольшими исключениями, Добровольские оставались в Березове весь XIX и начало XX столетия и дали ростки в наши дни. Все ныне живущие в Березове Добровольские – веточки одного дерева.

Жизни братьев Василия и Матвея потекли разными руслами. Матвей Матвеевич (ок. 1816 – ?), окончив Березовское уездное училище, весной 1837 г. поступил на службу лекарским учеником и всю жизнь посвятил медицине. До 1850 г. он служил в Обдорске, потом год – в Березовской инородческой больнице, далее – в Таре, Тобольске, Ишиме и, наконец, в 1862 г. был перемещен обратно в Березов сначала на вакансию старшего лекарского ученика, а с февраля 1863 г. – смотрителем инородческой больницы. Не раз получал денежные награды, исполнял временами должность городового врача. В 1864 г. «Тобольскими губернскими ведомостями» он был назван среди жертвователей на открытие Березовской женской школы.[3]

Единственный сын Матвея Матвеевича Емельян (1839 – ?) получил образование в Тарском уездном училище, после чего поступил на канцелярскую службу. Служил в Ишиме, Таре, а в 1863 г. отец, возвратившись в Березов, попросил перевести туда же и сына, и с начала января 1864 г. Емельян приступил к обязанностям квартального надзирателя березовской полиции, потом перешел в казначейство и там продолжал свою карьеру, начав с мелкой канцелярской должности журналиста и закончив бухгалтером. Емельян Матвеевич также был в числе жертвователей в пользу Березовской женской школы, за что удостоился благодарности губернатора.[4] Из детей Емельяна Матвеевича известен только сын Николай, других по метрическим книгам березовских церквей не выявлено.

Родовая ветвь Матвея Матвеевича оказалась малочисленной. Зато очень мощно разрослась ветвь Василия Матвеевича. В отличие от младшего брата он и сам был рыбопромышленником, и передал эту профессию четверым сыновьям. Они и их дети породнились с другими зажиточными семьями Березова – *Трофимовыми*, Равскими, Нижегородцевыми, *Окуневыми* – и крепко стояли на ногах вплоть до начала 30-х годов XX столетия.

В своей промысловой деятельности предприимчивые Добровольские тяготели к Крайнему Северу. Не позднее начала 1840-х гг. они занялись

---

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532, 753.

[3] Там же. Оп. 10. Д. 1111.

[4] Там же. Д. 975; Тобольские губернские ведомости. 1864. 22 авг. С. 243.

рыболовством в крупных размерах в Обской губе, крепко обосновавшись в Обдорской волости, что подтверждается разнохарактерными фактами. Так, один из братьев стал первооткрывателем нового зимнего торгового пути из Березовского округа на Урал. Вот что писали об этом в 1863 г. «Тобольские губернские ведомости»: «На Богословские заводы рыбу отправляют на оленях так называемым Сосвинским трактом, который, считая до первого русского селения, называемого Новым строением, тянется на 1200 верст и идет почти все пустынными местами, по горам и по рр. Сосве и Лозве. Этот путь, по которому изредка проходили только сосвинские остяки, стал известен с 1856 г. Здешний мещанин В. Добровольский первый прошел по нему с товарами купца *Чечурова*, т. к. по случаю бывшего в том году сильного наводнения по Тобольскому тракту лошади гибли от бессенницы и перевозка товаров на Ирбитскую ярмарку стоила очень дорого».[5]

А вот отзыв бывшего обдорского земского заседателя *Ю.И. Кушелевского*, разведовавшего в 1862 г. путь от Енисея до Печоры для перевозки графита с месторождения в Туруханском крае: «... считаю себя обязанным заявить о купцах *Ан. Чечурове*, *А. Мамееве* и мещанине Добровольском, которые не только способствовали мне к снаряжению экспедиции, уступая разные материалы за дешевую цену, но даже отдали ко мне в службу своих детей, наказывая им беспредельно повиноваться и быть готовыми, как говорится, в огонь и в воду для пользы дела и спасения друг друга. Отрадно мне благодарить их теперь от души за понесенные без ропота труды и лишения, да думаю и многим отрадно слышать, что в такой отдаленной и дикой стране я нашел людей, вполне сочувствующих будущим интересам моего предприятия».[6]

Постоянное присутствие Добровольских в этих местах подтверждается косвенно и упоминаниями их (Силифонт Васильевич, Виктор Васильевич, Евдокия Алексеевна) в документах Обдорской Петропавловской церкви как восприемников при крещениях детей и взрослых самоедов родов Серодетта, Вануйта и Эзынги.[7]

Старший из сыновей Матвея Васильевича Виктор был трижды женат и имел большую семью, но лишь от его старшего сына Константина пошло обширное потомство, и никто из этой большой семьи не продолжил семейной традиции.

Константин Викторович Добровольский (ок. 1850 – 1901) был способным учеником Березовского уездного училища и, к тому же, художественно одаренным, и отец отдал его в Тобольскую гимназию.

[5] Из Березова // Тобольские губернские ведомости. 1863. 4 мая. С. 138.

[6] Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал: Путевые записки. СПб., 1868. С. 4.

[7] Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824 – 1894). Ч. 1. С. 242.

Полного ее курса Константин не окончил, после пятого класса, в 1870 г., выдержал в педагогическом совете гимназии специальное испытание на звание учителя чистописания, черчения и рисования в уездных училищах, и генерал-губернатор Западной Сибири своим приказом определил его учителем в Туринск.

С 1872 по 1901 г. Константин Викторович – учитель Березовского уездного училища, но с перерывами. Летом 1885 г. он перешел в штат Тобольского общего губернского управления, оттуда через полтора года переведен столоначальником Березовского окружного полицейского управления. Затем опять служил в Тобольске – письмоводителем канцелярии прокурора. Трижды выходил в отставку: в первой половине 1880-х годов два раза примерно на полгода, а третий раз уже надолго – с 1892 по 1899 г. Закончил свой жизненный путь Константин Викторович учителем в Березове. Подобные возвращения северян на родину в конце жизни прослеживаются на ряде примеров.

Неизвестные нам причины заставляли его метаться между школой и канцелярией, между Березовом и Тобольском. Вряд ли это были неудачи по службе. Как учитель Добровольский своим предметом владел хорошо и работал не «от сих до сих»: в 70-е годы он параллельно с уроками в уездном училище преподавал бесплатно в Березовском женском училище, а с 1 июля 1878 по 1 декабря 1884 г. состоял наблюдателем Березовской метеорологической станции, за что по представлению директора Главной физической обсерватории получил единовременное вознаграждение – 200 рублей. Жена Константина Викторовича Александра Михайловна (умерла в Березове летом 1921 г. в возрасте 70 лет), выпускница Тобольской Мариинской женской школы, тоже некоторое время преподавала в школе.

Скорее, к резким переменам влекли Константина Викторовича трудности содержания большой семьи, заставлявшие искать средства к существованию. Один из примеров побочной работы приводит священник Зосима Козлов: в архиве церкви с. Чемаши хранился в конце XIX в. план старого храма, снятый с натуры летом 1878 г. учителем К. Добровольским.[8]

У Добровольских росли сыновья Константин, Валентин, Федор, Иван, дочери Аполинария, Анна, Лариса. Всех их родители старались выучить и поставить на путь службы. Аполинария и Анна учились в Тобольской Мариинской женской школе. Аполинария и Лариса впоследствии преподавали в березовских школах. В 1901 г. «Сибирская торговая газета», извещая о смерти Константина Викторовича, особо отмечала, что у него осталась без всяких средств к жизни большая семья, в которой двое

[8] Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда (до 1906 г.), составленное священником Зосимой Козловым. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 710. Оп.1. Д. 6. Л. 8.

младших детей еще учатся. «Мы думаем, – заканчивал автор заметки, – что училищное начальство не оставит семью без поддержки и выхлопочет пенсию, т.к. покойный потерял свое здоровье на службе».[9]

Повзрослев, все сыновья Добровольских поступили на службу: Константин – в Тюмени, Валентин – в Омске, Федор уже в 17 лет работал наборщиком в епархиальной типографии, Иван – канцелярским служителем в Тобольской казенной палате. В формулярном списке его указано, что он окончил Тобольское четырехклассное городское училище. Иван имел намерение поступить на учебу в Омскую учительскую семинарию, но не смог его исполнить. В начале 1910 г. он «ввиду сложившихся домашних обстоятельств» просил уволить его в отставку и через год был уволен. В 1921 г. Иван Константинович работал учителем в Березове.

И еще один факт, уловленный автором попутно, при сборе материала для библиографического указателя «Обь-Иртышский Север в западносибирской периодике (1857 – 1944)». В газете «Тобольский Север» на глаза попал «Список лиц, расстрелянных бандитами в Тобольской тюрьме с 21 февраля по 8 апреля 1921 г.». В нем шестнадцатым по счету значился Добровольский Константин Константинович, 49 лет, живописец из с. Демьянского Тобольского уезда.[10] Сын Константина Викторовича?

Итак, родовая ветвь Виктора Васильевича резко и бесповоротно свернула с так удачно и даже ярко начатого торгово-промышленного пути. Следующий за ним по возрасту брат Алексей Васильевич (ок. 1832 – 1887), видимо, рода не продолжил, у него был единственный сын Иван, потомство которого по метрическим книгам березовских церквей не установлено.

У Василия Васильевича (ок. 1833 – 1894) было три сына: Иннокентий (Викентий), Архип и Роман. Иннокентий имел от первого брака дочь Анну и от второго – сыновей Аполлона и Абрама. Сколько-нибудь существенной информации о них отыскать не удалось, как и о семье Архипа. Об Аполлоне удалось узнать только то, что в 1921 г. он служил в березовском потребительском обществе «Экономия».[11] Из книги «Память» известно, что в 1942 г. погиб на фронте в Калининской области сын Иннокентия Абрам и в том же году – внук Леонид, сын Аполлона.

---

[9] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 331. Л. 4 – 7; Писаревский Е. Материалы для истории метеорологических наблюдений в Тобольской губернии // ЕТГМ. Тобольск, 1909. Вып. 19. С. 5; Тобольские губернские ведомости. 1870. 19 дек.; 1882. № 73; Сибирская торговая газета. 1901. 1 июня.

[10] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 25. Д. 331. Л. 11, 20; Тобольский Север. 1921. 23 апр.

[11] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп.1. Д. 106. Л. 3.

Ксенофонт Васильевич Добровольский (1837 – 1919)

Младший из братьев, Роман (1870 – 1925), вышел в чиновники, что при устойчивости хозяйственного уклада того времени и общей невысокой образованности было для Березова нерядовым фактом, свидетельствующим о влиятельности семьи в городе. Продолжительное время вплоть до предреволюционных лет Роман Васильевич служил столоначальником уездного полицейского управления. В церковных метрических книгах есть записи о рождении его детей – Якова, Инны и Зои. Якову в 1912 г. была выдана метрическая выпись для представления в учебное заведение, какое – неизвестно. В конце 1918 г. Роман Васильевич служил секретарем Березовской уездной милиции – скорее всего недолго.[12]

Летом 2000 года ко мне обратилась березовский библиотекарь Людмила Юрьевна Беломоина с просьбой сообщить что-либо о роде Добровольских. Сама она на основе расспросов родственников составила свою родословную начиная от прадеда – Иннокентия Васильевича. К тому времени мной уже были просмотрены метрические книги Воскресенского собора и Богородице-Рождественской церкви (они хранятся в районном ЗАГСе и содержат в себе записи, начиная с 1860-х гг.), и я смог кое в чем дополнить родословную Людмилы Юрьевны – правнучки Василия Васильевича Добровольского.

И, наконец, еще одна мощная ветвь пошла от младшего из сыновей Василия Васильевича Добровольского – Ксенофонта Васильевича (1837 – 1919). Он имел всего лишь двоих сыновей – Ивана и Иону. Род Ионы, скорее всего, не имел продолжения. Но зато этот «дефицит» с лихвой восполнил Иван Ксенофонтович, женатый на Анастасии Ивановне Нижегородцевой, родившей более 10 детей.

---

[12] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 755. Оп. 1. Д. 11.

Сам Ксенофонт Васильевич был личностью заметной не только в Березове, но и в губернии – прежде всего как рыбопромышленник и торговец. В 1910 г. его недвижимость в Березове имела самую высокую оценку – 7000 р. Его красивый большой дом, который в 60-е годы занимал райком партии, сохранился до настоящего времени, но уже в плачевном виде. Обстановку дома автор неоконченной повести «Сенькин» *Ю.М. Козлова*, вероятно, бывавшая в нем, описывает так: «Дом у них был большой. С парадного крыльца находился кабинет деда, дальше – большая гостиная с арками, отделанными позолотой. К потолку подвешены огромные позолоченные люстры, в которые вставлялись свечи. Из гостиной двери вели в широкий коридор, вдоль которого расположено несколько комнат, последней была столовая. Вход со двора был через сени, и двери из сеней вели в большую кухню, которая называлась «кухня по-белому». Была еще кухня для рабочих во дворе во флигеле. В белой кухне две кухарки с утра до вечера готовили на семью».

Евгения Михайловна Добровольская

А вот портрет самого Ксенофонта Васильевича этого же автора – если не с натуры, то во всяком случае со слов людей, хорошо его знавших:

«– Молях бежит, сна на него нет, – ворчали рабочие.

Прозвище он получил с молодых лет. На каждом участке он всегда торопил рабочих, а так как большинство из них были ханты, то и говорил по-хантыйски «молях», что по-русски означало «быстрей».

Подходя к приказчику, твердил одно и то же:

– Архип, ты чего смотришь, лодырей поважаешь? Поторапливай. Да смотри – в долг никому не давай.

Так и проходили дни у старика в большом беспокойстве. Вечерами в доме была тишина, дед молился».

Известен Ксенофонт Васильевич и как один из немногих в Березове собственников немалочисленного оленьего стада, упоминание о нем встречено в одной из статей, посвященных копытной болезни оленей. Кроме того, он был и авторитетным общественным деятелем: избирался городским старостой, почетным мировым судьей по Березовскому уезду, старостой Богородице-Рождественской церкви, состоял в Тобольском отделении

И.К. и А.И. Добровольские с сыновьями Константином и Дмитрием

Императорского общества судоходства, был действительным членом Тобольского губернского музея и предоставил 10 предметов быта остяков для художественно-промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде.[13]

Сын его Иван Ксенофонтович (1867 – ок. 1934) был одним из последних частных рыбопромышленников Добровольских. Вот как выглядел его промысловый стан в 1908 г. в описании *А.А. Дунина-Горкавича*: «... Заведение Худобе, арендуемое И.К. Добровольским, расположено на левой стороне протоки на острове того же названия и состоит из двух жилых домов, двух казарм, одной кухни, 3 амбаров, бани, сарая и 11 чумов, здесь работают 7 полуневодов».[14]

Как и отец, И.К. Добровольский был известен своей общественной деятельностью: избирался гласным Березовской городской думы, тоже состоял в обществе судоходства, был членом уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия. Как один из наиболее авторитетных граждан Березова, представлявших потенциальную опасность для новой, советской власти, 20 февраля 1921 г. он был взят в заложники, но не разделил участи их большинства – его не расстреляли. Зато через шесть лет как торговца лишили избирательного права. Неуютно стало Ивану Ксенофонтовичу в родном Березове, и он, как рассказывал его внук Георгий Дмитриевич Добровольский, собрал оставшийся скарб и зимним путем уехал в Томск к старшей дочери Доре Ивановне. Было это в начале 30-х годов. Потом туда же перебрались и дочери Руфина и Фруза.[15]

---

[13] Тобольские губернские ведомости. 1910. № 40; Бедствие на Севере // Сибирь. СПб., 1897. 25 июля.

[14] Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства. СПб., 1909. С. 60.

[15] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 722. Оп. 1 Д. 51. Л. 16 об.; Ф. 434. Оп. 3. Д. 2. Л. 124 об.

Иван Ксенофонтович, как уже сказано, имел огромную семью, но судьбы большинства его детей неизвестны. Из «Книги расстрелянных» удалось узнать о гибели сына Василия (1901 – 1938), работавшего бухгалтером Сосьвинской культбазы: он расстрелян в Ханты-Мансийске, в 1958 г. реабилитирован. Наверное, ему припомнили то, что был активным противником советской власти, 13 декабря 1918 г. пожертвовал 1000 рублей по подписному листу «в пользу Северного отряда особого назначения, командированного на Север Тобольской губернии для очищения края от красноармейских банд и защиты правопорядка и законности», служил в колчаковской армии в отряде Туркова, и то, что до 1917 года был состоятельным человеком, имел свой дом, рыбный промысел, баржу, катер, торговую лавку, четырех лошадей, четырех коров и 300 оленей.[16] Смелый человек, Василий Иванович в 1930 году выступил в защиту старика-отца, раскулаченного и высланного из Березова. Текст его письменного обращения к властям читатель найдет в конце книги. (Приложение 5).

Иван Ксенофонтович Добровольский (1867 – 1934)

Много лет родственники не знали правды о судьбе Василия Ивановича, и неизвестность породила такую легенду, будто уже после Великой Отечественной войны он, бывший пулеметчик, был арестован в момент, когда с семьей собирался вылетать в Тобольск. «Сказали жене: вы летите, а он прилетит позже. Так и не прилетел. Лишь много лет спустя пришло в Березовский ЗАГС сообщение, что 30 августа 1946 года умер В.И. Добровольский от склероза сердца».[17]

О другом сыне – Дмитрии – довелось услышать от его сына Георгия Дмитриевича Добровольского (1922 – 1998). С 1947 по 1988 г. Георгий Дмитриевич преподавал в Березовской средней школе физику, математику, черчение и рисование, увлекался радиотехникой, руководил струнным оркестром, вместе с женой Евфалией Павловной, тоже учительницей,

[16] Городская хроника // Сибирский листок. 1918. 19 (6) дек.; Архив управления ФСБ по Тюменской области. № 2606.

[17] Шабалина И.Д. Березово. СПб., 1998. С. 87.

Дмитрий Иванович Добровольский. Надпись на обороте: «На память уважаемым Федору Алексеевичу и Александре Гавриловне от земляка Дмитрия Ивановича Добровольского. 8 августа 1917 г. Томск». Фотография из коллекции семьи Добровольских

был непременным участником любительских театральных постановок, выполнял художественное оформление спектаклей. Много лет занимаясь фотографией, Георгий Дмитриевич запечатлел старые дома Березова и знаменательные события его жизни, в том числе и явление знаменитого газового фонтана 1953 года, положившее начало новому этапу в развитии нашего края. Фотографии из семейного архива Добровольских хранятся в районном архиве и краеведческом музее, а его краеведческие статьи публиковались в журнале «Югра».[18]

Интересовался Георгий Дмитриевич и историей своего рода и многое знал, черпая сведения из памяти родственников. Отец, Дмитрий Иванович, в молодости работал у отца приказчиком, а в советское время – в госторге, сначала в Березове, а позднее заведовал факторией в селе Сартынья. Несмотря на то, что отец служил в советском учреждении, матери, Надежде Викторовне, припомнили ее купеческое происхождение (она была внучкой известного березовского купца *Степана Трифоновича Окунева*) и в 1933 году обложили «твердым заданием»: ей предписывалось в июле и августе заготовить 50 кг грибов, 300 – ягод и 32 – орехов.[19] По словам Георгия Дмитриевича, отец тяжело болел ревматизмом, нуждался в постоянном лечении – из-за этого в 1934 году семья переехала в Тобольск. Там в 1938 году Дмитрий Иванович умер.

[18] Театр в Березове // Югра. 1992. № 12. С. 37 – 38; Фотолетопись открытия // Югра. 1993. № 9. С. 39 – 41.

[19] Гос. архив Югры. Ф. 74. Оп. 3л. Д. 1.

Уже говорилось о том, что утрата родовой памятью многих подробностей прошлого, ставших почему-либо «неактуальными» или «ненужными», часто получает неадекватную компенсацию в виде легенд. В 1994 г. Георгий Дмитриевич прислал мне копию письма Евфалии Николаевны Поповой – внучки Виктора Васильевича Добровольского и дочери Аполинарии Викторовны, написанного еще в 1977 году. Автор письма, учительница, высказывает предположение, что и космонавт Георгий Тимофеевич Добровольский принадлежит к березовскому роду. Эта версия остается непроверенной, хотя вряд ли она правдоподобна, а сам факт ее возникновения говорит о неизбывном желании людей знать и никогда не забывать своих родных – видимо, для того, чтобы, по прекрасному высказыванию русского мыслителя П.А. Флоренского, не чувствовать «затрудненности дыхания в безисторической среде» и жить «более полноценной и более почвенной жизнью».

От Шеркал до Тобольска (Новицкие)

1. Павел Яковлевич

Новицкие появились в Березовском крае, вероятно, только во второй половине XVIII в., причем жили главным образом в обских селах выше Березова, но не в самом городе. В списках, составленных при проведении ревизии (переписи) 1834 г., их нет ни среди крестьян, ни среди мещан Березова. Девятая ревизия (1850 г.) также не зафиксировала Новицких среди проживавших в городе. Не числятся они и в списках березовских домохозяев на 1898 и 1907 гг.

И при этом Новицкие были не просто заметны, без их участия не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное дело. Они – в числе первых пароходовладельцев-северян, зачинателей рыбоконсервного производства, овощеводства, животноводства на Тобольском Севере. Губернский агроном *Н.Л. Скалозубов* записал в дневнике за 1896 – 1899 гг.: «В Шеркалах Новицкий выписывал для развода коров». Они жертвовали деньги на общественные нужды, давали высокое по тем временам образование своим детям. Протоиерей *Петр Попов*, обозревавший церкви Тобольского Севера в 1882 г., заметил: «Здесь также есть и училище, устроенное братьями Новицкими, с учителем от Министерства народного просвещения, в котором обучается до 15 детей русских».[1]

Но главное – их имена неразрывно связаны с рыбопромышленностью и торговлей в Низовом крае, как называли тогда север Тобольской губернии. Новицкие были и среди тех, кто прокладывал новый путь для

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 2. Д. 19. Л. 35; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники / сост., авт предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. – Тюмень, 2006. С. 322.

Г. Салехард. Церковь Петра и Павла. 6 июля 2001 г.

Амбар во дворе совхоза «Ванзебурский». Июль 1998 г.

Преображенская церковь в с. Малый Атлым Октябрьского района. Июль 2003 г.

Г. Тобольск. Дом Новицких. Сентябрь 2002 г.

Г. Березово. Фрагмент фасада здания бывшего Березовского казначейства. 24 июля 1998 г.

Березовская инородческая больница. Фрагмент фасада

Дом Новицких в с. Шеркалы. 2003 г.

Валентина Николаевна Гурьянова и ее сын Николай Георгиевич Вахрушев.
Г. Тобольск, март 2006 г.

С. Октябрьское, ул. Ленина, 27. Детский сад.
Прежний владелец – Ефим Константинович Горкушов. 11 июля 2001 г.

зимней рыбной торговли с Уралом Кондинск – Гари. Более 10 лет собирая материалы по истории русских старожильческих родов Тобольского Севера, убеждаюсь: род Новицких достоин отдельной книги, так же как и роды Козловых, Нижегородцевых, Карповых, Бешкильцевых и др.

И.С. Поляков, имевший в своем научном путешествии по Оби в 1876 г. еще и поручение генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова изучить положение северных инородцев, так характеризовал экономическую роль Новицких и им подобных на Тобольском Севере: «Они кормят остяков, одевают, обувают их, несут за них ясак и подати на громадном протяжении от Кондинска и Шеркалов по Большой и Малой Оби далеко за Березов, на протяжении многих сотен верст, также по всему Казыму, по Сосьве и пр.; при всем том они арендуют у инородцев большую часть песков, доставляя им кусок хлеба. В условие они, между прочим, ставят только одно, например, по р. Сосьве: за пуд хлеба, стоющий на Оби, от Сухорукова до Березова, от 30 до 35 к., берут 10 белок, на белку – 2 фунта соли, 1 ф. табаку – 5 белок, одна белка 4 – 5 медных колец, одна четвериковая сальная свеча – 1 белка; таким образом пуд хлеба обходится остяку, считая белку во всех случаях средним числом по 12 к. – 1 р. 20 к., а белка придет г[оспод]ам Новицким в 4 к. вместо 12…».[2]

Начальным пунктом, от которого Новицкие стали распространяться по Березовскому краю, было село Шеркальское (Шеркалы), в котором в 1782 г. переписью зарегистрировано семейство 53-летнего отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого: его жена Екатерина Захаровна, сыновья Григорий, Матвей, Дмитрий и Михаил, дочь Татьяна.[3] Именно от Павла Яковлевича начинает выстраивать родословную Новицких священник *Иоанн Кузнецов* на основе записей в метрических книгах Шеркальской Спасской церкви (его данные использованы в этом повествовании).

В пояснении к родословной таблице И. Кузнецов пишет: «… От Матфия нет в настоящее время потомства. От Григория и Михаила потомки в настоящее время находятся в звании купцов и мещан, а потомки от Дмитрия Новицкого… в звании крестьян-ремесленников, но последние угасают чрез смертность подобно остякам… Замечательно, что крестьяне Новицкие умирают в самых цветущих молодых летах. Причину вымирания крестьян Новицких можно определить и отнести к причине вымирания остяков, так как жизнь крестьян Новицких мало отличается… от жизни остяков, особенно в весеннее время, когда все остяки и крестьяне как бы на кочевку выезжают из своих селений на временное жительство по

[2] Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1877. Т. 30. С. 75.

[3] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 403. Л. 29 об., 30 об.

разным протокам и озерам, … и обстановка домашнего их быта и хозяйства нисколько не отличается от хозяйства остяков».[4]

В начале XIX столетия численный рост Новицких в с. Шеркалы замедляло то, что сыновья Михаила и Матвея поступали в военно-сиротские отделения и оттуда, следуя путем деда, – на военную службу. Как бы компенсируя эту убыль, стало разрастаться родословное древо Григория и особенно мощно – Михаила. Результатом явилось то, что представленная в конце XVIII в. всего одной лишь семьей, в следующем столетии фамилия «Новицкие» широко распространилась по южной части Березовского округа – району их экономических интересов.

2. Андрей и Ефим

Попробуем бегло проследить наиболее жизнеспособные линии рода. Начну со старшего из сыновей отставного солдата П.Я. Новицкого Григория. Большое потомство было только у одного из его сыновей – Василия, в 1931 г. записавшегося в государственные крестьяне Кондинского общества, а позднее вышедшего в купцы. Из пятерых сыновей Василия Григорьевича наиболее заметен старший – Тимофей Васильевич (ок. 1827 – 12 июня 1899). В «Календаре Тобольской губернии на 1897 г.» есть следующая запись о нем: «Рыбопромышленность и [торговля] разными товарами. С. Кондинское». Но не только как предприниматель остался Т.В. Новицкий в истории Березовского края. Он участвовал в местном управлении, в 1864 г. избирался кандидатом (т.е. заместителем) старосты Березовского городового хозяйственного управления. В 1884 г. он сделал единовременное пожертвование в пользу Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. В духе хозяйственной предприимчивости Тимофей Васильевич воспитал сыновей Андрея и Ефима, довольно широко известных в свое время в Тобольской губернии. После своей смерти в 1899 г. он оставил сыну Ефиму деревянный двухэтажный дом в с. Шеркальском стоимостью в 2000 р., товары в селах Кондинском, Мужевском и Шеркальском, баржу и две гусянки и др. – всего на 21 тысячу рублей.[5]

Андрей Тимофеевич Новицкий (2 октября 1846 – 30 апреля 1919) хотя и не имел купеческого звания и довольствовался принадлежностью к Березовскому мещанскому обществу, расширил дело отца в Березовском округе, распространив сферу своего торгового влияния на бассейн Северной Сосьвы вплоть до ее верховий, для чего арендовал пароход,

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 6.

[5] Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864; Тобольские губернские ведомости. 1884. № 37; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 725.

построил склады в Саранпауле, Игриме, лавку-амбар в юртах Анеевых, в начале 20-х годов муниципализированные районной властью.[6] Сюда он завозил для продажи хлеб и другие товары, здесь скупал пушнину.

Жил А.Т. Новицкий в юртах Нарыкарских. *Ю.М. Козлова*, на повесть которой я уже ссылался, так описывает это сельцо: «Селение было небольшое, в нем не было даже церкви, церковь была в соседнем селе Чемаши, километрах в 20. Стоял двухэтажный дом купца и не более 15 домов местных жителей. К дому примыкали амбары, скотный двор и людская – так называли большую избу, посреди которой во всю длину стоял стол, а по бокам нары, здесь жили работники. Через сени была черная кухня, где кухарка готовила обед работникам».

Некоторое время А.Т. Новицкий был старостой Шеркальской церкви. Есть в печати упоминание о нем как о строителе новой церкви в этом селе. За «усердие и полезную службу» в этой должности он был награжден похвальным листом Тобольской духовной консистории. Не остановившись на этом, в 1889 г. Новицкий построил в с. Чемашевском здание для школы грамоты и пожертвовал его местной Николаевской церкви. Школа просуществовала до 1894 г. и затем закрылась. В этом же селе Андрей Тимофеевич к 1910 году выстроил придельный храм «в честь святого, празднуемого 11 января преподобного Феодосия Великого».[7] Об открытии нового здания этого храма писали «Тобольские епархиальные ведомости» (См. приложение 6).

Отзывчивый, как можно полагать, на просьбы об участии и содействии, Андрей Тимофеевич в 1905 г. вступил в члены Тобольского губернского музея и несколько лет сотрудничал с ним, энергично помогая в собирании коллекции, отражающей быт коренных народов Севера.

Умер А.Т. Новицкий в с. Чемаши и похоронен на местном приходском кладбище. Интересно, что новая местная власть об этом не знала, и в начале 20-х годов, когда муниципализировались принадлежавшие ему дома, в документах писали, что он «исчез с 1920 г.». После смерти Андрея Тимофеевича эта власть «положила глаз» на дом в Чемашах, в котором жила его вдова. О том, как отнимали дом, вспоминал много лет спустя комсомольский активист первых послереволюционных лет Н. Михайлов.

«Решили отобрать лучшие комнаты у бывшего купца Андрея Новицкого. Автор (в ту пору было ему всего 17 лет. – В.Б.) как

[6] Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры. 1997. 23 апр.

[7] Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 13/14; 1887. № 9/10; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 501. Л. 16; Тобольские губернские ведомости. 1894. № 40. С. 810.; Соколов А. Неприятный случай // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 6. 16 марта; С.А. С-в. Торжество освящения придельного храма в селе Чемашевском Березовского уезда // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 7. 1 апр.

представитель уездной организации пошел в дом Новицких и предложил жене Новицкого очистить комнаты, которые сообщались с парадным крыльцом, под клуб. [...] Несмотря на протесты Новицкой («Вы не имеете права! Я буду жаловаться на вас в центр!»), все же на другой день требуемое помещение она освободила, а сама перешла в комнаты и кухню, сообщавшиеся с черным ходом. На другой день двери, ведущие из внутренних комнат в будущий клуб, мы забили досками, чтобы не слышно было у хозяев то, что будет происходить в клубе.

Помещение для клуба было отвоевано. Через два дня была сооружена и сцена. Занавесом служили кем-то притащенные одеяла. Не было мебели, но это нас не смущало (каждый зритель сиденье принесет с собой!). Пока строили сцену, в клубе уже шли репетиции. Готовилась одноактная пьеса на революционную тему...».[8]

Странно, что автор и в свои преклонные годы продолжал восхищаться этим «подвигом». Но ведь, если вспомнить, для подобных же забав отнимались у верующих и церковные здания.

Ефим Тимофеевич Новицкий (1856 – 1916), бывший на 10 лет моложе брата, вел дело с более широким размахом. Он промышлял в нижнем течении Оби, главным образом на рыболовном песке Устремском, и был известен как «крупный торговец рыбой зимой». Устремский песок был заметным местом на Нижней Оби. Он отмечен в 1892 г. в путевых заметках членов экспедиции на Северный Урал: «... когда мы проезжали мимо песка Новицкого под названием «Усть-ремский», – писали они, – на берег вышел сам хозяин и предложил нам остановиться у него для отдыха. [...] Он жил в небольшом одноэтажном доме, где нас угостили только что пойманным сырком и газетой «Сибирский листок» от 30 июля... Жизнь на песках, по словам Новицкого, крайне скучна и однообразна. День нашего приезда оказывался последним днем рыбной ловли на этом песке, т. к. к 10 сентября ожидался пароход и нужно было готовиться к отъезду».

Четыре года спустя комиссия, обследовавшая санитарное состояние рыболовных станов, выделила стан Новицкого как один из наиболее благоустроенных ввиду того, что сам хозяин время промысла проводил вместе с рабочими. Отсутствие солидных, более удобных построек на других песках она объясняла тем, что «... на рыбных промыслах живут не сами хозяева, а их доверенные и приказчики. На тех же промыслах, где живут сами хозяева, в большинстве случаев заведения лучше, удобнее. Особенное внимание следует обратить на заведения крестьянина ... *А.Е. Мотошина* в Карымкарских юртах и у Новицкого на р. Устреме, где все сделано очень хозяйственно».[9]

[8] Михайлов Н. Беспокойные сердца // Путь к коммунизму. 1958. 16 нояб., 3 дек.

[9] Письмо в редакцию // Сибирский листок. 1910. 18 марта; Поездка на Северный Урал летом 1892 года. С. 173 – 174; Сообщение Л.Е. Луговского о рыбопромышленности на севере Тобольской губернии // Сибирский листок. 1896. 24 окт.

Доскональное знание условий рыболовства в низовьях Оби видно по его предложениям и замечаниям, высказанным на заседании распорядительного комитета Тобольского губернского музея 31 октября 1901 г., созванном для обсуждения нового проекта устава рыбной промышленности. Он активно участвовал в делах Тобольского отдела Российского общества рыбоводства и рыболовства. Торговал он не только рыбой, но и пушниной, и другим товаром и слыл, по-видимому, за оборотистого коммерсанта. В 1894 г. «Тобольские губернские ведомости» в № 40 сообщали: «Е.Т. Новицкий, прибывший в Тобольск 27 сентября, на следующий же день успел запродать всю партию лосины в 300 штук по 7 – 8 р. штука. У него же имеется 22 тыс. казымской и ляпинской белки. Покупатели дают 11 коп., но ввиду усиленного спроса пушнины за границу он от продажи воздерживается, ожидая повышения цен».[10]

Ефим Тимофеевич был одним из предпринимателей, пробовавших наладить производство рыбных консервов. В 1902 г. «Сибирская торговая газета» опубликовала объявление такого содержания: «Вновь открыта консервная фабрика Е.Т. Новицкого, находящаяся в летнее время на песке Устремском в низовьях р. Оби, а зимой в г. Тобольске. Летом консервы приготовляются из живой рыбы собственного лова, зимой же из мороженой рыбы. Консервы летней выработки можно получать в Тобольске у Ефима Тимофеевича Новицкого, собственный дом против Рождественской церкви. Пересылка за счет покупателя. Принимаются заказы на изготовление консервов из мороженой рыбы разных сортов». А.А. Дунин-Горкавич датирует основание консервного производства Новицкого серединой июля 1901 г. и замечает: «За отсутствием знающих дело людей, а также необходимых для приготовления консервов приспособлений выделано было всего только до 10 тысяч коробок».[11]

Предпосылки для начала консервного производства дало, по-видимому, полученное от отца наследство, которое и позволило ему развернуться. В 1906 г. он заказал в Тюмени для работы на севере новый мелкосидящий колесный пароход в 12 лошадиных сил, в 1909 г. начал строить новый дом.[12]

Ефим Тимофеевич понимал необходимость для севера развития транспортных путей и был активным сторонником строительства железной дороги до Тобольска. В конце 1909 г., когда началась подписка на изыскание этой дороги, он сделал один из самых крупных взносов – 200 рублей. Летом 1913 г., когда общественность и деловой мир Тобольска,

[10] ЕТГМ. Тобольск, 1905. Вып. 14. С. 8 – 10, 12 – 15.

[11] Сибирская торговая газета. 1902. 5 янв.; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 1. М., 1995. С. 241.

[12] Сибирский листок. 1906. № 49.

добивавшиеся продолжения железной дороги до губернского центра, выясняли, какой объем грузов может дать город железной дороге, Ефим Тимофеевич назвал цифру в 300 тысяч пудов рыбы, тогда как его брат Андрей Тимофеевич взялся обеспечить лишь десятую часть этого объема.[13]

В 1902 г. Е.Т. Новицкий избирался гласным Тобольской городской думы. Кроме того, он состоял в Тобольском отделении Императорского общества судоходства.

Живший много лет в Тобольске (в 1911 г. – по адресу: ул. Абрамовская, 20), Е.Т. Новицкий закончил свой жизненный путь на родине, в с. Шеркалы, 18 июня 1916 г. У него остался сын Николай, окончивший Тобольскую гимназию.[14]

3. Ханды-батько и селькоры

Из сыновей Михаила Павловича Новицкого, младшего сына отставного солдата и главы шеркальского рода Новицких Павла Яковлевича, мощная поросль пошла от Василия Михайловича – крестьянина-рыбопромышленника, в конце 1850-х гг. арендовавшего рыболовный песок Мулигорский в 25 верстах от с. Кондинского. В его большом семействе было шестеро сыновей: Георгий (Егор), Федор, Степан, Иван, Павел и Михаил. Все они продолжали дело отца и почти все тоже имели по многу детей.

В 1877 г. сразу четверо его сыновей – Егор, Федор, Степан и Иван – удостоились благодарности генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова за устройство общими усилиями на свой счет помещения для сельского приходского училища в селе Шеркальском. (Видимо, Новицкие, заботясь об обучении своих детей грамоте, не хотели отрывать их от семей и посылать даже в близлежащий Березов, а предпочитали учить на месте, в родном селе.)[15]

В роду Федора Васильевича Новицкого (около 1825 – ?) выделю одну только линию, пошедшую от его сына Диомида Федоровича (1853 – 1910). Более заметной среди других ее сделала, по-видимому, удачная женитьба Диомида в 1880 г. на дочери богатого самаровского крестьянина Ивана Григорьевича Кузнецова Александре. Выгодным был и брак его сына Якова Диомидовича с дочерью тоже весьма зажиточного торгующего крестьянина села Кондинского *Василия Ивановича Киргизова* Клавдией.

Я.Д. Новицкий (1889 – 1933), крестьянский сын, в конце 1907 г. был определен псаломщиком Преображенской церкви села Мало-Атлымского.

---

[13] Городская хроника // Сибирский листок. 1909. 3 дек.; 1913. 14 июля.

[14] ЗАГС Октябрьского района. Метрические книги Шеркальской Спасской церкви; Сибирский листок. 1906. № 47.

[15] Тобольские губернские ведомости. 1858. № 28; 1877. № 39.

Служба его шла успешно. Посетивший в 1910 г. церковь священник церкви села Полноватского *Андрей Соколов* писал: «Молодой псаломщик г. Новицкий, обладая хорошим голосом, прекрасно исполнял церковные песнопения, руководя детьми». В свою очередь Новицкий, откликнувшись на статью Соколова «Из дневника ханды-батько» в № 11 «Тобольских епархиальных ведомостей» за этот же год, выразил благодарность за «неизгладимое впечатление, произведенное на прихожан богослужением о. Андрея». По содержанию короткой статьи можно заключить, что оба эти служителя церкви хорошо знали специфику своих приходов и запросы прихожан.

«… должен сказать, что трудно бывает тому, кто не знает остятского языка, – писал Яков Новицкий. – Напр., в Полноватском приходе есть остяки, которые ни одного слова не говорят по-русски. Что же выйдет, если бы приехать в юрты не знающему остятского языка? А то же, что в столпотворение вавилонское: будешь просить хлеба, а тебе подадут камень. Я был удивлен тем, что о. Андрей [Соколов. В.Б.] так скоро научился понимать и говорить по-остятски. Мне приходилось встречать людей, живших долгое время в наших краях, но совершенно не понимающих ни одного слова по-остятски.

Еще замечу, что необходимо иметь причтам иконы, которые выдаются при крещении младенца. В прошлую зиму много инородцев Полноватского прихода обращалось в нашу местную церковь за покупкою икон, но таковых в нашей церкви для продажи нет. Инородцу всегда нужен образ святителя и чудотворца Николая; они особенно чтят его. При наречении младенцу имени мужского пола остяк-отец младенца изъявляет желание наречь имя ему Николай; это имя у них более общеупотребительное».[16]

Псаломщиком Яков Деомидович прослужил в Малом Атлыме с 1908 до 1915 г. 30 июля 1915 г. он был рукоположен в сан священника и назначен в церковь с. Полноват, где пятью годами раньше служил отец Андрей Соколов. Позднее он служил в Березове. По метрическим книгам березовских церквей видно, что это было в 1921 и 1928 – 1933 гг.

Если когда-нибудь найдется терпеливый искатель, готовый взяться за труд воссоздания истории рода Новицких, читатель может получить картину того, как основа любого здорового общества – крупная жизнестойкая семья – оттеснялась на обочину жизни, каким жестоким деформациям подверглась она в революционном двадцатом столетии. Ведь любая крепкая семья, а тем более род – это постоянное межсемейное взаимопрорастание в социальной «почве». Процесс разрушения таких семей хорошо виден на примерах судеб Новицких.

[16] Соколов А. Из дневника ханды-батько // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 11. С. 256; Новицкий Я. К дневнику ханды-батько // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. 16 сент. (№ 18). С. 461 – 462.

В советское время служба священника, в отличие от дореволюционного, была сопряжена с притеснениями и унижениями в виде лишения избирательного права или разнузданной газетной публикации. Вот в подтверждение характерная для того времени заметка «Небесная фактория» из тобольской газеты «Северянин», написанная из с. Полноват неким «Северным комаром» в популярном тогда «жанре» доноса и пропитанная духом пролетарской эйфории от вседозволенности: «У попа Новицкого губа не дура, залез в самое темное место на Севере, где нет ни одной культурной ячейки, устроил себе здесь небесную факторию и морочит головы инородцам. Работы никакой, а жизнь – масляница: махнет в месяц раза четыре кадилом – и 90 руб. в кармане, небесными дарами спекулирует здорово. Дом выстроил, с жиру бесится, созовет когда гостей, да учи их с попадьей свои плясы, – дым коромыслом. Необходимо этому паучку объявить войну – организовать нужно культпросвет и выписать газету».[17] Особенно смехотворен последний рецепт нового «хозяина жизни».

Умер Яков Деомидович в Березово 22 января 1933 г. в 44 года.

Его братьям Василию, Деомиду и Федору пришлось пройти через лишение избирательных прав, утрату своих хозяйств, проработку местной «группы бедноты» и дачу твердых заданий по вылову рыбы, сбору ягод и грибов, суд, ссылку в Ямало-Ненецкий округ. Десятерых Новицких Шеркальский сельревком в 1921 г. обязал нести трудовую повинность.

Деомиду Деомидовичу односельчане, «группа бедноты», поставили в вину то, что до Октябрьской революции имел невод в 160 сажен, в 1918 – 1919 гг. держал земскую гоньбу и нанимал работников. Член группы Ульяна Шахова с удивительным простодушием свидетельствовала, будто батрачила на Новицких: жена Деомида сшила ей пальто – «за это заставляла отрабатывать в течение трех дней». В характеристике, подписанной членами группы 26 ноября 1931 г., записано: «… участвовал в бандитизме, был военным командиром, во время содержания земской почты имел до 12 лошадей…». За отказ выполнять «твердое задание» Деомид, как и его брат Яков, подвергся газетной экзекуции. Однако тяжелые времена Д.Д. Новицкий все-таки пережил, не погиб. В 1940 г. он жил в Ханты-Мансийске по адресу: ул. Республики, 78.[18]

Василию Деомидовичу ставилось в вину то, что до революции он служил урядником. Но также в 1921 г. он был и секретарем Кондинского сельского ревкома. Может быть, ему и не хотелось этой службы, но по закону военного времени, как грамотный, он был мобилизован, т. к. кто-то должен был обеспечивать документооборот. Ну, послужил – пора и честь

[17] Северянин. Тобольск, 1924. 5 марта.

[18] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 61; Ф. 72. Оп. 2л. Д. 10, 11; Ф. 16. Оп. 2. Д. 79; Вихрев П. История одной «болезни» // Остяко-Вогульская правда. 1933. 30 авг.

знать. В 1934 г. и он вслед за братьями удостоился доноса посредством газеты «Ханты Манчи Шоп». Имея родственные связи с самаровскими Кузнецовыми, В.Д. Новицкий решил от непрекращающихся гонений покинуть родные Шеркалы и перебраться в Самарово. Узнав об этом, некий «Шеркалец» докладывал: «Два года тому назад из Шеркал Березовского района скрылся матерый кулак Новицкий Василий, который раньше содержал земскую станцию, имел 2 – 3 постоянных батрака, содержал пески и невода с наемной рыбацкой силой, имел двухэтажный дом и большое складское хозяйство. Сейчас выяснилось, что Новицкий неизвестно каким образом достал справку о том, что он чуть ли не бедняк и переехал в Самарово. Здесь он купил хороший дом, сдал его под квартиры, а сам устроился сторожем». Это уже похоже на заурядное сведение счетов под прикрытием псевдонима.[19]

Михаил Степанович (слева) и Василий Иванович (справа) Новицкие на Ирбитской ярмарке 22 февраля 1890 г.

4. Студент с рыбацкими мозолями

Большую семью имел и Степан Васильевич Новицкий (ок. 1828 – 24 ноября 1903), рыбопромышленник, арендовавший песок Ванзеватский и сора Ватма-пор и Тахмысов в Березовском округе и торговавший не только рыбой, но и пушниной, хлебом и прочими товарами. Сыновей у него, как видно из родословной таблицы *И. Кузнецова*, было восемь. Из них прежде всего нужно упомянуть Михаила Степановича, жившего в Шеркалах.

Несомненная большая заслуга его перед краем состоит в том, что он, потомственный рыбак и торговец, дал возможность своему сыну Василию

[19] Гос. архив Югры. Оп. 1. Д. 103. Л. 39 – 40; Самаровский петербуржец: Письма сибиряков к Х.М. Лопареву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 255; Шеркалец. Кулаку Новицкому доверена охрана социалистической собственности // Ханты-Манчи Шоп. 1934. 7 авг.

А.Н. Новицкая с сыном Василием. Надпись на обороте: «На память дорогим родителям от дочери Александры Николаевны и внука Василия Михайловича Новицкого, г. Тобольск, 1891 год»

выучиться не только в Березовском училище, что могло бы считаться для того времени в порядке вещей, но и в Тобольской гимназии, и в Казанском университете. Василий Михайлович Новицкий (11 августа 1890, Березов – 1957 г.) стал этнографом, преподавателем тобольских учебных заведений, одним из ведущих научных сотрудников музея Тобольского Севера и крупным исследователем культуры коренных северных народов. Много полезного сделал он, будучи членом Тобольского комитета Севера. Василий Михайлович – автор десятков научных статей.

Пик деятельности В.М. Новицкого как этнографа, краеведа и педагога приходится на 20-е и 30-е гг. прошлого столетия. Живя в Тобольске, он был одновременно и тоболяком, и северянином. На Оби прошло его детство. Став казанским студентом, он в каникулярное время, как и в годы учебы в гимназии, ехал на родину помогать отцу на рыбном промысле, попутно выполняя поручения университета и приобщаясь к деятельности исследователя. И позднее, когда стал сотрудником музея, членом Тобольского комитета Севера и преподавателем рыбопромышленного техникума, вектор его привязанности оставался неизменным. Даже в отпуск он ездил в родные места – рыбачил, охотился.

Прошло более полустолетия, как В.М. Новицкий покинул Тобольск, и имя его уже не «на слуху», но и не забыто. Сказалось его педагогическое прошлое. Василия Михайловича добрым словом поминал мой дядя А.В. Кузнецов, студент рыбтехникума довоенных лет. Отзывы о нем встречал и в дядиной переписке с однокашниками. Один из них, В.М. Филатов, писал: «Новицкий Василий Михайлович был прекрасный преподаватель химии и как человек прекрасный. Знал свой предмет отлично, имел подход к каждому студенту…».

Летом 2000 г. выпускник техникума конца 40-х годов А.В. Панкин, тоболяк, рассказывал, что устройство химической лаборатории, занявшей при Новицком почти весь третий этаж здания техникума, было исключительно его заслугой, здесь делались сложнейшие анализы. Два года спустя посчастливилось встретиться в Тобольске с еще одной ученицей Новицкого – Г.П. Шишкиной. После окончания в 1935 г. техникума она до 1940 г. работала у Василия Михайловича лаборантом. Наговорила много хороших слов, в частности, об его замечательной умелости. Так, однажды он, чтобы студенты в лаборатории могли пользоваться газовыми горелками, собственноручно соорудил газогенератор.

В.М. Новицкий, студент Казанского университета

Надеясь получить новые сведения, я обратился к выпускнику рыбтехникума Б.А. Знаменскому[20] и получил не только подробные воспоминания, но и важную нить для продолжения поиска: Борис Анатольевич, будучи ровесником младшего сына Новицких Валентина, часто бывал в их доме, план которого приложил к письму. С помощью тобольского писателя и историка В.Ю. Софронова и упомянутой Г.П. Шишкиной удалось отыскать этот дом на улице Большая Сибирская.

Материал накапливался, и появилась надежда когда-нибудь написать большой биографический очерк. Не хватало только сведений о послетобольском периоде жизни Василия Михайловича – пенсионном, в стороне от родного края. Говорили, будто он переехал к одному из сыновей. Наконец, с помощью петербургского ученого О.Р. Николаева узнал адрес. Послал письмо, и вскоре пришел ответ от Валентина Васильевича Новицкого с кратким описанием жизненного пути отца, в котором в 1929 г. произошел неожиданный поворот.

[20] Знаменский Борис Анатольевич родился в Тобольске в 1929 г. После окончания рыбтехникума был направлен в артиллерийское училище в Томск, позднее окончил в Ленинграде военную академию. Полковник, кандидат военных наук. Был ведущим научным сотрудником ЦНИИ Вооруженных сил Украины.

В.М. и Е.А. Новицкие с сыновьями Петром и Валентином. 24 июня 1939 г.

В.М. Новицкий в домашнем кабинете

«… главной мечтой его жизни, – писал В.В. Новицкий, – было проведение до его родной Оби железной дороги. В 1929 году была создана комиссия для составления проекта такой железной дороги. Ради участия в работе этой комиссии он бросил свою работу в Тобольске и два года провел на трассе этой железной дороги по маршруту Ивдель – Обь. Зимовка комиссии была в г. Перми, поэтому наша мама с двумя детьми (мне был один год, а старшему брату – 8 лет) поехала искать квартиру в Перми, где мы и жили следующие два года.

Но через два года выяснилось, что параллельно проектировалась железная дорога Котлас – Воркута, и перевозка леса по ней оказалась на 0,5 коп. дешевле. Проект Ивдель – Обь был отложен,[21] за 1931 – 1932 гг., из которого видно, что изыскание дороги Ивдель – Обь исключено из плана ввиду выяснившейся невозможности вести дорогу по болотистой местности летом. Надеясь узнать подробности участия Новицкого в этой экспедиции, писал в Государственный архив Пермского края – ответили, что такими сведениями архив не располагает. Может быть, надо искать в Свердловском областном или одном из московских архивов?) и наша семья вернулась в Тобольск. Отец очень переживал эту неудачу, особенно когда в его родном Березове было открыто теперь

[21] В Государственном архиве г. Тобольска есть дело «Материалы по организации почтовой и воздушной связи на Севере, о постройке дороги Ивдель – Березов». Ф. 695. Оп. 1. Д. 191.

известное на весь мир уникальное месторождение природного газа. Очень жаль, что он не дожил до открытия нефти в Сургуте и прокладки железной дороги его мечты – Тюмень – Тобольск – Сургут.

С января 1933 г. отец перешел работать преподавателем химии в Тобольский рыбопромышленный техникум. А в начале 1942 г. по личной просьбе был переведен в школу с. Леуши Кондинского района Ханты-Мансийского округа, где работал до июля 1945 года. В апреле 1945 г. умерла жена Екатерина Аркадьевна Новицкая. В августе 1945 г. вернулся в г. Тобольск и стал работать преподавателем химии в Тобольском рыбопромышленном техникуме. В 1952 г. переехал на постоянное жительство к младшему сыну Валентину Васильевичу в г. Свердловск, а в 1957 г. умер».

Несколько позднее я получил еще одно очень подробное письмо от уже тяжелобольного В.В. Новицкого, где он пишет о жизни семьи в Тобольске и о своей и брата Петра жизни от студенческих лет и до последних дней; под заголовком «Братья Новицкие» оно было напечатано в седьмом выпуске альманаха «Подорожник». Посланный в г. Лесной Свердловской области томик альманаха в живых Валентина Васильевича уже не застал, ответ я получил от вдовы, Веры Николаевны. И вскоре она откликнулась на мою просьбу послать, если возможно, несколько старых фотографий из коллекции Василия Михайловича. Вера Николаевна без всяких оговорок и предварительных условий прислала целых три семейных альбома. Чувство благодарности к В.Н. Новицкой за такой благородный поступок живо во мне до сего дня, а копии с некоторых фотографий из альбомов иллюстрируют этот текст.

И, наконец, в фонде Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника обнаружилась подробная автобиография В.М. Новицкого, написанная для общества изучения края при музее Тобольского Севера и охватывающая период по 1926 год. После всего этого намерение писать большой очерк угасло. Зачем, если есть такие увлекательные повествования от первого лица? Читателя, заинтересовавшегося историей этой ветви рода Новицких, отсылаю к шестому и седьмому выпускам «Подорожника». Кроме того, для тех, кого заинтересовала судьба В.М. Новицкого, привожу текст его сообщения «Моя поездка с остяками в Москву» (приложение 7).

О сыне Степана Васильевича Иване Степановиче Новицком некоторые сведения можно почерпнуть из материалов переписи населения 1897 г. Родился он в с. Полноват, а на момент переписи жил в Тобольске по ул. Пиляцкой, имел возраст 33 года. Учился в уездном училище, затем торговал – рыбой, мануфактурой, мелочными товарами. Был женат, но детей в 1897 г. не имел. Вместе с ним жил его 20-летний брат Матвей.

В Тобольском архиве однажды встретился документ, сообщавший о сыне Матвея Федоре – бывшем ученике Тобольской гимназии, в 1930 г. служившем бухгалтером Тобольского интегралсоюза.[22]

После 1897 г. в семье Ивана Степановича появились дочь Нина и сын Семен – отец назвал их именами принадлежавшие ему рыбопромысловые суда: винтовой баркас получил имя «Сеня», а баржа – «Нина». Таков был обычай. С именем Нина связан характерный для 1930-х гг. эпизод. Один очень правильный человек написал в окружную газету «Остяко-Вогульская правда» следующую заметку на тему «до основания, а затем…» под названием «Бессмертная «Нина»:

«Скоро исполнится 20 лет, как советская власть провела национализацию флота промышленников, пароходовладельцев *Плотниковых*, Новицких и им подобных эксплоататоров в прошлом нашего севера. Как правило, все национализированные суда получили новые советские названия. Однако у нас в Обьрыбтресте, в частности Самаровский консервный комбинат не хотит расстаться со старыми названиями барж и катеров. Комбинату давно известно, что его баржа «Нина» названа когда-то самим владельцем этой баржи Новицким в честь его жены Нины (жену И.С. Новицкого звали Анна Аристарховна. – В.Б.). Это имя раньше было в «почете». Уж не думает комбинат и впредь сохранить название баржи «Нина» как исторический памятник «бессмертной» жены Новицкого?»[23].

Еще один факт из жизни этого рыбопромышленника. В 1904 г. «Сибирский листок» сообщил о случившемся у него несчастье: «4 мая во время грозы, разразившейся над городом, молния ударила в мачту баржи И.С. Новицкого. Начался пожар, который, несмотря на уже прибывшую пожарную команду, не удалось скоро потушить, т. к. загорелся склад товаров внутри баржи и проникнуть внутрь баржи не было возможности. Убытку, говорят, пожар причинил около 15000 р.»[24].

5. Бабушкино слово

(Из тетради З. С. Завьяловой)

Расскажу об одном примере живучести народной памяти. Все началось с того, что березовский краевед Андрей Алексеевич Головин, зная о моем интересе к истории коренных русских родов, сообщил, что в Березове живет семья потомков рода Новицких, сохранившая даже фотографии дореволюционных лет. В конце 2009 года я был приглашен в Березово на Меншиковские чтения, и Андрей Алексеевич устроил мне

---

[22] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.2. Д. 15а. Л. 3; Ф. 492. Оп. 1. Д. 249.

[23] Лепешкин. «Бессмертная «Нина» // Остяко-Вогульская правда. 1937. 15 апр.

[24] Городская хроника // Сибирский листок. 1904. 9 мая.

встречу с Зинаидой Степановной Завьяловой и ее дочерью Надеждой Михайловной в их доме. Много интересных подробностей жизни людей далекого прошлого услышал я в тот вечер и подосадовал вслух на то, что не взял с собой диктофона. Зинаида Степановна возразила: «И не надо. Я все записала для вас в тетради». А на следующий день Надежда Михайловна принесла диск с записью фотографий.

Андрей Николаевич и Мария Степановна Уткины

Опорным стержнем всего текста было то, что запомнила девочка Зина из рассказов своей бабушки Марии Степановны Уткиной, в девичестве Новицкой. Этот письменный рассказ, литературно обработанный и комментированный, – результат сотрудничества ныне живущих представителей рода Новицких и журналиста, интересующегося местной историей и глубоко благодарного Зинаиде Степановне Завьяловой и живущей в г. Самаре ее племяннице Татьяне Сергеевне Антоновой, тоже заинтересованной в восстановлении семейной истории и приславшей несколько фотографий, за память сердца и отзывчивость.[25]

Вот этот текст.

***

Тогда, в 1936 году, бабушка жила у нас, т. е. у своего сына Степана, моего отца. Мне было 10 лет. Все на работе, только мы с ней дома. Бабушке хочется поговорить, вспомнить детство, юность. И вот я была единственной ее слушательницей.

[25] Автор воспоминаний Завьялова Зинаида Степановна родилась в Тобольске 15 октября 1926 г. Работать начала в военный 1942 год на Салехардском рыбоконсервном комбинате. В 1953 г. окончила Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу, работала по специальности в Вагайском районе Тюменской области. В 1961 г. муж Михаил Афанасьевич Завьялов, специалист рыбной промышленности, был направлен в Ямало-Ненецкий национальный округ. «Жили в Тазовске, – пишет Зинаида Степановна, – там родились дочери Света и Надя. По состоянию здоровья детей мужу дали перевод в более теплое место – Березово. Работал заместителем председателя райисполкома до ухода на пенсию в 1987 г. Я вышла на пенсию в мае 1987 г. в 61 год. В Березово работала в кишечном отделении больницы…». Антонова Татьяна Сергеевна (род. 4 мая 1949 г.) – правнучка Марии Степановны Уткиной. Живет в Самаре, инженер, окончила Куйбышевский институт электрификации, в настоящее время пенсионерка.

Родилась она в 1869 году в селе Шеркалы в семье рыбака Степана Васильевича Новицкого. У него были еще дети: Иван, Дмитрий, Александра.[26] Александра Степановна была выдана замуж за священника Василия Зиновьевича Емельянова, жили в Тюмени. Их сын Николай Васильевич, родившийся 26 июля 1879 г., тоже был священником, но потом приобрел профессию врача, в 1932 г. жил в Москве, потом в Алма-Ате.[27]

В Шеркалах жили и братья Степана Васильевича Павел, Алексей, Василий[28] – все вместе в большом двухэтажном деревянном доме. Вместе рыбачили и вели торговлю с тобольскими купцами, меняя рыбу на мыло, ткани, спички, керосин и другие нужные в хозяйстве товары.

---

[26] Как видно из родословной, составленной священником Шеркальской церкви *Иоанном Кузнецовым*, у Степана Васильевича было 13 детей: Василий, Александр, Дмитрий, Александра, Иван, Михаил, Константин, Василий, Мария, Ольга, Христина, Акилина, Матвей. Вероятно, не все они упоминались в разговорах Марии Степановны с внучкой; некоторые из них, может быть, умерли в детстве или юности. Летом 2003 г. на Тобольском Завальном кладбище, близ церкви, я набрел на могилу одного из сыновей Степана Васильевича – Дмитрия. Рожденный в 1853 г., он умер, как гласит надпись на хорошо сохранившемся надгробии, в 22 года.

[27] От сообщения З.С. Завьяловой о браке Александры Степановны Новицкой и Василия Зиновьевича Емельянова может взять начало одно из интересных ответвлений темы, связанное с биографиями их детей. Четверо сыновей Емельяновых – Иван, Николай, Македон и Григорий – получили образование в Тобольской духовной семинарии. Зинаида Степановна упоминает только об одном Николае. Жизненный путь его не совсем обычен: окончив семинарию, он стал школьным учителем, затем продолжил образование в Юрьевском университете и Киевском политехникуме, но потом принял духовный сан. В 1913 г. служил священником церкви с. Пятковского Ялуторовского уезда. Но оказалось, что и это не был его окончательный выбор. На учительскую стезю вступил Македон Емельянов. Григорий служил столоначальником Тобольской духовной консистории (Тобольские епархиальные ведомости. 1911. 1 апр. С. 133; 1 мая. С. 175). Яркая биография сложилась у Ивана Васильевича Емельянова (1880 – 1945). Выйдя из семинарии, он окончил Киевский политехникум по агрономической специальности и служил в земствах Екатеринославской и Харьковской губерний. Переехав в 1921 г. в Прагу, он участвовал в создании там Русского института сельскохозяйственной кооперации, был заместителем директора, основал и редактировал журналы «Земледелие» и «Хутор». В 1921 г. под его председательством в Праге работал Русский земледельческий комитет помощи голодающим в России, задачей которого было также содействие разрушенному русскому земледельческому хозяйству. Затем И.В. Емельянов эмигрировал в США, где проявил себя как выдающийся специалист в области экономической теории кооперации (Городская хроника // Сибирский листок. 1910. 10 июня; Белобородов В. Заграничный родственник // Лукич. 2001. № 3. С. 156 – 157; Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 171.

[28] У прадеда З.С. Завьяловой Степана Васильевича Новицкого (1828–1903) были братья Георгий (род. в 1823), Федор (1825), Иван (1832), Павел (1837), Михаил (1840), сестры-близнецы Агриппина и Антонина (1835). Упомянутый в воспоминаниях Алексей в родословной, составленной в 1894 г. священником Иоанном Кузнецовым, не значится.

С особой радостью бабушка вспоминала детство в родительском доме, игры. Кроме своих детей, в доме воспитывались сироты. Зимой и летом все дети помогали взрослым: сортировали рыбу, смолили лодки перед новым рыболовным сезоном, вязали новые сети и чинили старые. Немного повзрослев, бабушка стала участвовать в приготовлении пищи, воспитании детей. Так по заведенному распорядку шла однотонная жизнь.

Способных мальчиков отдавали в ученье в город. Когда Маня подросла, отдали и ее – в Тобольскую Мариинскую женскую школу[29], где учили в основном рукоделию (вышивке, шитью детской одежды), домоводству, приготовлению праздничных блюд, приему гостей и французскому языку.

Василий Зиновьевич и Александра Степановна (сестра М.С. Уткиной) Емельяновы, 1890 г.

Прошли годы интересной городской жизни, после окончания школы Маня вернулась в Шеркалы. В 1887 году в село приехал из Тобольска Андрей Николаевич Уткин. В этом году умерла его жена Ольга Максимовна Пименова, дочь чиновника, от туберкулеза легких. Остались дети Александр, Андрей, Николай и Зоя. Отец Марии Степановны сыграл огромную роль в жизни Уткина: помог финансами, научил составлять документы, получать товары из Москвы по векселям. Уткин некоторое время жил у них и понравился своим трудолюбием и честностью. Через два года, став купцом, он снова приехал в Шеркалы. Он и родители Марии Степановны договорились породниться, и 20-летнюю Машу выдали за 42-летнего Андрея

[29] О Тобольской Мариинской женской школе см.: Юбилейная справка // Сибирский листок. 1901 – 1907. Тюмень, 2003. С. 241 – 244. С 1 августа 1913 г. ст. ст. преобразована в женскую гимназию ведомства учреждений императрицы Марии.

Иван Степанович Новицкий. Надпись на обороте: «Милому и дорогому братцу Андрею Николаевичу и сестрице Марии Степановне от брата Ивана Степановича Новицкого 1890 года мая 8 дня». Фотографии получены из г. Самара от Татьяны Сергеевны Антоновой

Николаевича, супруги уехали в Тобольск.[30] В то время в большинстве тобольских городских семей жены не работали. Вели домашнее хозяйство и воспитывали детей, передавая им жизненный опыт. То, чему учили в Мариинской школе, пригодилось Марии Степановне. В первые годы замужества, когда своих детей не было, а детей от первого брака воспитывала их бабушка, она организовала курсы обучения девушек из бедных семей вышивке покрывал и скатертей болгарским крестом. Материалом – основой и нитками – снабжал Андрей Николаевич. Готовые вещи продавали. По окончании курсов выдавали свидетельства. Этим Мария Степановна помогала девушкам устроиться в жизни.

Семья Уткиных жила за Абрамовским мостом в доме № 7 по улице Малой Пиляцкой (теперь ул. Пушкина). Дом был деревянный двухэтажный с парадным входом. Рядом был построен позднее небольшой флигель на имя Марии Степановны. Здесь хозяева держали разных экзотических птичек, которых Андрей Николаевич привез с юга, ими увлекался Андрей, второй сын от первого брака.

Стали рождаться и свои дети у Марии Степановны: в 1893 году Мария, в 1896 – Анна и в 1898 – Степан, мой папа (назван в честь дедушки).

---

[30] Об А.Н. Уткине нам известно немногое. «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» дает о нем такую сверхлаконичную справку: «Тобольский купец, торговавший по промысловому свидетельству 2-го разряда мануфактурным товаром (1897 – 1903)» (Новосибирск, 1998. Т. 4. Кн. 2. С. 44). Известно также, что он жил в прибрежной части Тобольска за Абрамовым мостом. Во время случившегося в мае 1899 г. опустошительного пожара у него здесь сгорели два принадлежавших ему дома и один дом его наследников. После этого он заново отстроился в той же Заабрамке на углу улиц Покровской и Малой Пиляцкой.

Появились горничные, няни. Бабушка часто вспоминала Бешкильцеву Феню. Жила она в семье долго, потом вышла замуж, сыграли свадьбу и дали ей приличное приданое. Фото не сохранилось, но, помню, была среднего роста, статная, красивая, со светло-русыми волосами и аккуратной прической, в кофейного цвета атласном платье.

Во второй половине флигеля находились музыкальные инструменты: рояль – играла Мария Степановна, гитара принадлежала ее дочери Анне, на скрипке играл сын Андрея Николаевича Николай, мой папа – на балалаечке. Играли и пели такие песни: «Коробочка», «Накинув плащ, с гитарой под полою…». Тетя Нюра была увлечена песней, хорошо пела под собственный аккомпанемент («Ночь светла», «Чайка»), выступала в любительских сольных номерах в театре. Пьянки не было. Душевный отдых создавал мир счастливой семьи и добрый настрой бодрости для себя, родных и друзей.

В 1916 году семья пережила несчастье: описали двухэтажный дом и все имущество Андрея Николаевича Уткина для продажи с торгов, так как им не были оплачены векселя, по которым он получал товары.[31] Товары были в основном дешевые, для простых крестьян, и он давал их в долг, так как и сам был сыном крестьянина деревни Серебрянка. Родители с 12 лет отдали его в работу одному хозяину скобяного магазина, а его младшую сестру – в Александровский детский приют. Добрые люди научили способного мальчика грамоте, вывели в люди. Некоторое время пришлось ему провести в тобольской долговой тюрьме.

Вскоре дедушка заболел, признали рак желудка. В 1922 г. сделали резекцию части желудка, но не помогло. Мария Степановна тоже мало чем

[31] На самом деле это произошло значительно раньше, что подтверждается косвенно вышеуказанными датами начала и конца его деятельности как купца. Но еще яснее говорит об этом найденное в Тобольском архиве дело об утверждении в правах наследников умершего купца Ивана Степановича Новицкого, брата Марии Степановны, о котором читатель уже немного осведомлен. Умер он в мае 1907 г. В описи недвижимого имения значатся деревянный двухэтажный дом, крытый железом, двухэтажный амбар, бревенчатая баня, конюшня, два тесовых навеса на деревянных столбах, деревянная мостовая во дворе и др. «Описанное имение, – указано в документе, – прежним собственником его Андреем Николаевичем Уткиным заложено в Тобольском городском общественном банке в сумме 4000 р. и с произведенных означенным банком торгов куплено умершим Новицким за 4400 р. с переводом на него долга по закладной в сумме 3500 р., каковой в настоящее время остается непогашенным в размере 3325 р.» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 16. Д. 2738). А по соседству находился участок усадебной земли, приобретенный на имя Марии Степановны Уткиной, жены Андрея Николаевича. Описи оставшегося наследникам Ивана Степановича Новицкого имущества дают возможность для воссоздания картины купеческого быта. Это целая отдельная тема. О характере родственных отношений между Новицкими говорит тот факт, что Иван Степанович принял на себя немалый долг зятя.

могла помочь: питание было скудное, поила травкой. Время было тяжелое, только вера поддерживала: авось и поправится. Но годы (все же 70 лет) взяли свое, и в 1924 г. Андрей Николаевич Уткин закончил земной путь.

Ко времени разорения Андрея Николаевича его дети от первого брака обзавелись семьями. Старший сын Александр, окончивший Тобольскую духовную семинарию, служил священником Крестовоздвиженской церкви, где его отец 20 лет был церковным старостой, поэтому и все дети от второго брака крещены там. После того как жена Елизавета, забрав детей и все ценное, уехала в Москву, жил в Ивановском монастыре. До последнего дня служил в церкви, венчал сводных брата Степана и сестру Марию, ходил по деревням, крестил детей. В 1937 г. взят сотрудниками НКВД, увезен и расстрелян за распространение религии.

Его брат Андрей родился в 1874 г., также окончил духовную семинарию, но в церкви не служил. Армейскую службу проходил в Ирбите, где познакомился с Натальей Михайловной Рудаковой, женился и уехал на Кавказ, в Анапу. Работал на базе, посылал на север фрукты, оттуда получал рыбу. Однажды приезжал в Тобольск. В простой крестьянской одежде, в полушубке, постоял у порога родительского дома, у флигеля, где жили когда-то любимые им птички, поговорил с жильцами, попрощался и ушел. Больше его не видели.

В 1953 году (я тогда училась в Тобольской фельдшерско-акушерской школе) смогла впервые попроведать дядю Андрея. До этого мы с 1948 года только переписывались, и вот я, подкопив денег на дорогу и купив незамысловатые подарки, поехала в город Орджоникидзе. Дядя Андрей узнал меня сразу. Высокий худощавый старичок в простом черном костюме, коричневом свитере и серой кепке подошел с цветами и спросил: «Барышня, вы не Зина будете?» – «А как вы узнали?» – «А ты вся похожа на брата Степана, а он на мать, Марию Степановну». Не приходилось видеться раньше, но сердце подсказало, и родственные души сразу узнали друг друга.

Брат Александра и Андрея Уткиных Николай (тот, что играл в детстве на скрипке) жил в небольшом доме в подгорной части Тобольска, неподалеку от драмтеатра. Он в основном работал в оркестре драмтеатра и вместе с женой Елизаветой Максимовной часто ездил по городам, тетя Лиза пела русские романсы. Детей у них не было. Здоровье у дяди Коли было ненадежное, еще в молодости он перенес туберкулез (видимо, передалось от матери), была операция, жил с одним легким. В 1937 г. был посажен и расстрелян в Тобольске.[32] За что? За то, что сын купеческий! Уму

[32] Уткин Николай Андреевич родился в 1878 г. в Тобольске. Преподаватель музыки педучилища. Арестован 28.02.1938 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 14.03.1938 г. Расстрелян в Тобольске 24.03.1938 г. Реабилитирован 9.10.1956 г. (Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область) / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 395.

непостижимо! Ведь из детей Андрея Николаевича никто не вникал в торговые дела отца, ими занимался приказчик Степан Васильевич Антонов, крестьянин из села Карачино. На него была вся надежда, поэтому и породнились с ним Андрей Николаевич и Мария Степановна Уткины, выдав замуж за бойкого паренька, сведущего во всех делах хозяина, свою дочь Марию.

Молодожены уехали от родителей на север, в Самарово. В 1930 г. дядя Степа работал продавцом, тетя Маня – секретарем-машинисткой в нарсуде. Война отняла у нее мужа – Степан Васильевич погиб в 1944 г. в 54-летнем возрасте, подвозя боеприпасы. Погибли и сыновья Александр (был танкистом, умер в госпитале от ожогов), Вениамин и Николай.[33] Дочь тети Мани Агния в 1937 г. поступила в Московский политехнический институт и до начала войны окончить его не успела, участвовала в обороне Москвы, вернулась к учебе только после войны. В 1948 г. получила диплом и направление на преподавательскую работу в Самарский мукомольно-крупяной техникум. Вела курс механизации сельскохозяйственного производства и заведовала учебной частью.

В 1948 г. Агния приехала за тетей Маней в Самарово и увезла ее в Самару, где получила квартиру как участница обороны Москвы. Здесь Мария Андреевна встретилась со своей двоюродной сестрой Антониной Васильевной Крайновой (Новицкой), от которой узнала об ее братьях Пантелеймоне и Кирилле, живших в Омске. Прожила Мария Андреевна 91 год, умерла от гангрены ног.

Мой папа Степан Андреевич, родившийся 22 июля 1898 г., в молодости служил с 1916 г. в армии в г. Туринске писарем, вместе с ним служил и приказчик его отца Андрея Николаевича Степан Антонов, ставший зятем. В 1918 г. они вместе вернулись в Тобольск. После смерти отца папа решил обзавестись семьей. В то время жива была сестра Андрея Николаевича Марфа, воспитанная в Александровском детском приюте. Она получила специальность повивальной бабки (акушерки), ходила по домам и принимала роды. В 1903 г. ей пришлось принять у жены пригородного крестьянина Константина Степановича Ячменева Марии Алекс[андровны?] девочку, нареченную Надеждой. Наши семьи были хорошо знакомы – в молодости Константин Степанович возил моего деда Андрея Николаевича на работу и с работы. Решили породниться, и через месяц сыграли скромную свадебку моих родителей – Надежды Константиновны и Степана Андреевича.

---

[33] В книге «Память» по Тюменской области найдены следующие записи: Антонов Николай Степанович, рядовой, 1926 г., пропал без вести в июне 1944 г.; Антонов Вениамин Степанович, рядовой, 1922 г., пропал без вести в феврале 1942 г., Ханты-Мансийский район.

Первые годы жили у Константина Степановича. Мама работала в шапочной мастерской, шила шапки для армии из заячьих шкурок и оленьего меха. В 1936 г. она окончила курсы дошкольных воспитателей и работала в детском доме имени Крупской в Тобольске на горе. Потом несколько лет мы прожили в Салехарде, где прошли мое детство и ранняя юность. 13 декабря 1944 г. пришла похоронка на папу, и мы в октябре 1945 г. уехали в Тобольск.

Мама говорила: «Да, я была счастлива в браке, таких мужей, как Степа, нет и не будет». Материально жили не так хорошо, но была радость семейной жизни, от которой остались воспоминания на долгие годы. Мама овдовела в 39 лет и больше замуж не выходила, воспитывала меня одна. Умерла в Березово в 1987 г.

И, наконец, о судьбе бабушки. После смерти в 1924 г. Андрея Николаевича Мария Степановна осталась в Тобольске, жила с дочерью Анной, которая не могла нигде постоянно работать. Пока было возможно, продавали оставшиеся вещи и тем жили. А в 1936 г., когда папа работал в управлении речного флота, бабушка жила у нас в двухэтажном доме напротив бывшей духовной семинарии. У нее была врожденная недостаточность митрального клапана. В августе она еще съездила в Самарово к дочери Марии и очень была расстроена, когда увидела, как бедно живет дочь с детьми в подвальной комнате. Это обострило ее состояние, и в сентябре она умерла. Пасынок Николай принес красивые цветы и очень жалел о том, как нескладно прошла жизнь Марии Степановны.

Дети от первого брака были дружелюбные, не делали различия «родной – неродной» и помогали, чем могли. Помню, когда дядя Коля ездил в Латвию, то привозил подарки: рубашки папе, красивые шали маме, яблоки. Я ходила с папой к дяде Коле, тетя Лиза нас угощала, а он играл на скрипке. И вот в 1937 г. его не стало.

Вот то, что я запомнила из рассказов моей бабушки Марии Степановны Уткиной, урожденной Новицкой, и что сама знаю о судьбах членов семьи тобольского купца Андрея Николаевича Уткина. Все эти годы мне хотелось узнать что-нибудь новое о представителях многочисленного рода Новицких, куда и по каким путям направила их судьба, потому что в Березовском районе Новицких почти не осталось. В 1951 г., когда работала в д. Домниной Вагайского района, в мое отсутствие приезжал какой-то Яков Новицкий проверять почтовое отделение, спрашивал про меня. Так и не узнала кто. Позднее мать говорила, что «какой-то родственник». Встречала еще в Березово старушку Новицкую Нину Семеновну родом из Полновата. Есть ли родственная связь – не разобралась.

6. Не бери лишнего

Иван Васильевич Новицкий (1832 – ?), как и его брат Степан, вел рыбный промысел и торговал. Из его сыновей наибольшую известность получил Василий Иванович (1862 – после 1918) – довольно крупный рыбопромышленник; о масштабах деятельности его можно судить хотя бы по тому, что в 1909 г. он приобрел в собственность винтовой пароход. В военном 1916 году он состоял членом образованной по предложению губернатора продовольственной комиссии для выяснения потребностей в запасах предметов первой необходимости. Жил в Тобольске по ул. Туляцкой.[34]

В начале XX в. В.И. Новицкий, состоявший членом общества рыбоводства и рыболовства, оказался вовлеченным в острую полемику о дозволенном и недозволенном в промысле рыбы, развернувшуюся в «Сибирском листке» и «Сибирской торговой газете» и серьезно подпортившую его репутацию предпринимателя. В 1908 г. он откликнулся на корреспонденцию «Сибирского листка» о фактах недобросовестной конкуренции между рыбаками, сообщив, что на его песке рабочими был выловлен куль со смолой, подброшенный каким-то недоброжелателем для отпугивания рыбы. Оказывается, такая практика была распространена не только на Оби. Приведу в подтверждение строки из романа Ф. Кабарина «Самарьяне», в котором описываются события начала XX века в деревнях низовья Иртыша. Его герой, оборотистый дед Унта, соображает: «Ежели закуплю всю соль, они сушить поземы почнут, малосольную вялить. Я же в убытке и останусь. Нет, на малом рукаве обоснуюсь. А у развилки под берегом их тони затоплю посуду со смолой-дегтем. Рыба беспременно кинется вся в рукав. Пусть воду цедят, пока докумекают. А выловят посуду, на дне все одно потрава останется…».[35]

Заметка В.И. Новицкого аукнулась ему четыре года спустя корреспонденцией в «Сибирской торговой газете», анонимный автор обвинял его в гораздо больших грехах, чем та проделка, против которой он протестовал. Новицкий опубликовал опровержение (похоже, оно было написано рукой не рыбака, а куда более искушенного в писании человека), в котором снимал с себя все обвинения как вздорные и снисходительно разъяснял «несведущему» автору истинное положение. Тогда возмущенный аноним открылся. Им оказался березовский рыбак *Михаил Дмитриевич Никитин*, авторитетный березовский горожанин. Его «Ответ В.И. Новицкому», сохранивший в публикации и корявость слога, и профессиональный язык

[34] Городская хроника // Сибирский листок. 1909. 23 авг.; ТГИАМЗ. Отдел письменных источников. Архив А.А. Дунина-Горкавича. Д. 162; Городская хроника // Сибирский листок. 1916. 10 янв.

[35] Кабарин Ф. Самарьяне. Саратов, 1964. С. 101.

рыбака, обнаружил такое знание подробностей дела и представил настолько отвратительную картину действительного хищничества, что полемика уже не имела продолжения. Читателя, интересующегося подробностями, отсылаю к приложению 8.

Еще один штрих к характеристике В.И. Новицкого: не принявший революции, он 13 декабря 1918 г. пожертвовал 200 р. в пользу отряда, отправлявшегося на север губернии для борьбы с красноармейскими подразделениями.[36]

В послереволюционное время в Тобольске жили Кирилл Васильевич и Семен Васильевич Новицкие – сыновья Василия Ивановича. Первый, по специальности педагог, в 20-е годы был сотрудником промышленно-экономического отдела музея Тобольского Севера.[37] А Семен Васильевич занимался рыбным промыслом, выезжая на летне-осенние периоды во главе рыбацких артелей в районы Крайнего Севера. Например, 25 мая 1922 г. он заключил договор с начальником Областьрыбы И.Ф. Ротермелем о производстве лова в Обдорском районе бригадой в 85 человек.[38] В 1924 г. состоялся крупный судебный процесс по делу заместителя начальника Областьрыбы Михаила *Забелинского* и группы его сотрудников, обвинявшихся в умышленном нанесении вреда государственной рыбной промышленности, среди которых был и С.В. Новицкий. Ему предъявлялось обвинение в том, что дал смехотворную для богатой рыбой Нижней Оби взятку – около пяти пудов рыбы – заведующему эксплуатационным отделом, чтобы он не задерживал разрешенное Забелинским снабжение рыбаков. Суд приговорил С.В. Новицкого к лишению свободы на один год с зачетом предварительного заключения.[39]

Еще один сын И.В. Новицкого – Ксенофонт (1865 – ?), шеркальский крестьянин, рыбак – в первом десятилетии XX в. несколько лет был, как ранее его родственник Андрей Тимофеевич Новицкий, старостой Шеркальской церкви.[40] Его сыновьям выпало трудиться уже в советское время. Алексей Ксенофонтович (р. 1902) после окончания высшего начального училища стал учителем и в 1926 – 1927 гг. заведовал Полноватской школой.[41] А Федор Ксенофонтович (1893, Шеркалы – после 1955), окончивший Березовское высшее начальное училище и (в 1915 г.) среднее механико-техническое училище в Златоусте, после трех лет работы, как он

[36] Сибирский листок. 1918. 19 (6) дек.

[37] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 676. Оп. 1. Д. 339. Л. 16 об.

[38] ГАТО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 12. Л. 333 – 334.

[39] Приговор по делу Забелинского // Северянин. Тобольск, 1924. 30 марта.

[40] Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 24. С. 398; 1905. № 11. С. 47.

[41] Кугаевская Л. Село на Оби // Югра. 2001. № 11. С. 47.

сам писал в личной карточке, «младшим конструктором по техническому черчению», служил в армии – и у Колчака, и у красных, с 1925 г. переквалифицировался в землеустроителя и все последующие годы работал на территории севера нынешней Тюменской области – в Самаровском, Сургутском, Уватском, Березовском районах, руководил Сургутской землеустроительной экспедицией Уральского отделения Госземтреста, работавшей в 1932 г. Характеризовался как очень добросовестный и дисциплинированный работник, хорошо знавший Крайний Север. Награжден нагрудным знаком «Отличник сельского хозяйства».[42] В Государственном архиве Югры сохранились интересные письма начальника работавшей в Сургутском районе экспедиции Ф.К. Новицкого к начальнику отряда А.А. Слотвинскому с заботливыми подробными наставлениями и советами менее опытному коллеге.

7. К вершинам образования

Павел Васильевич Новицкий (1840 – 1901) родился в Шеркалах и всю жизнь с успехом занимался в родных местах рыбным промыслом и торговлей, был купцом 2-й гильдии. По данным А.А. Дунина-Горкавича, в конце 90-х гг. XIX в. он арендовал рыболовный песок Сыгорский на Малой Оби ниже Новинской почтовой станции и песок Черный в 8 верстах ниже с. Чемаши. Вероятно, пользовался он и другими рыболовными угодьями. Медицинский фельдшер *Л.А. Кориков-Михайлов* в газетной корреспонденции упоминает о рыболовном заведении купца «П.Н-о» в Люликар-пауле в р. Северной Сосьве.

Вот как оно выглядело: «… это длинный деревянный амбар с тремя отделениями, при входе в который мы встречаем (на улице) полубочье с кишками рыбы для жира, довольно-таки уже разложившимися, два большие грязные чана и у дверей лыву грязи; заходим в самый амбар, перед нами первое отделение для засолки рыбы, рабочий стол в нем грязен и, вероятно, никогда не видал ножа; под столом мокрый сор с завалившеюся рыбою; грязный чан с рассолом; во втором отделении грязные до невозможности бочки и куча рыбы, сваленной на сгнившее сено, в третьем тоже… в общем картина неутешительная».[43]

Приблизительно в конце 70-х годов П.В. Новицкий имел уже достаточное состояние, чтобы купить или построить дом в Тобольске. По переписи населения 1897 г. он вместе с большой семьей записан живущим в

[42] Гос. архив Югры. Ф. 43. Оп. 1. Д. 64, 169; Ф. 1. Оп. 2. Д. 30. Л. 162 – 164; Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 9 л. Д. 26. Л. 1; Д. 41. Л. 1, 15, 20.

[43] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т.: Т. 1. М., 1995. Прил.1; Кориков Л. По Сосьве. (Из путевых заметок) // Сибирский листок. 1897. № 76.

губернской столице, где и родились его сыновья Константин и Аполлоний. Живя в Тобольске, рыболовные сезоны Павел Васильевич по-прежнему проводил на севере и умер на Сыгорском песке в разгар путины в августе 1901 г.

После его смерти вопросом о наследстве занималась Тобольская казенная палата. По сохранившимся документам мы можем составить представление о том, что собой представляло хозяйство северного купца средней руки.

На песке Сыгорском у Новицкого была жилая изба из тонких сосновых бревен с вышкой, полом и потолком, крытая тесом, длиной в 2 сажени и 1 аршин, оцененная всего в 10 р. Еще того меньше (3 р.) стоила избушка для рабочих таких же размеров, но более низкая и крытая дерном, с чувалом и нарами. Кроме того, на песке были построены еще две рабочих избушки, кухня с русской печью, баня по-черному, шесть амбаров для хранения рыбы, соли, муки и разных материалов, сарай для чистки и засолки рыбы с тремя большими чанами. Кроме того, на песке имелись транспортные средства (два каюка, четыре неводника и карбас), 329 бочонков сосьвинской сельди весом в 300 пудов и стоимостью в 600 р., 22 фунта осетрового клею и 10 фунтов вязиги, 149 пудов соленого осетра, 4650 муксунов, 100 нельм, 23800 сырков и язей, 1100 пыжьянов, 100 пудов соли, 500 саженей сетной мережи, три долговых расписки от местных инородцев на общую сумму около 130 р., 100 р. наличными, а также три коровы, около 260 метров различных тканей, 200 холщевых мешков – всего 133 наименования. Суммарная оценка всего этого составила 4302 р. 11 к.

Кроме того, Павлу Васильевичу принадлежали здания, построенные для рыбопромышленных целей в Куноватской волости на общественной инородческой земле, и приготовленная для отправки в Тобольск соленая рыба и утиное перо на 3304 р., находившееся у его сына Алексея, который в то время уже самостоятельно хозяйствовал в этих местах.[44]

Именно Алексей и продолжал промысловое и торговое дело отца. Алексей Павлович (1864 – 1921) арендовал рыбопромышленные места у ханты Кушеватских юрт в окрестностях с. Кушеватского. Другой источник сообщает об аренде угодий по Малой Оби – Ларовского сора и Ишварского плавежного песка. Некоторые подробности хозяйственной жизни семьи А.П. Новицкого дают документы более позднего периода – начала 30-х годов, когда собирались сведения о лицах, подлежавших раскулачиванию. Так, один из бывших его работников писал, что в 1912 г. он «имел баржонку, занимался эксплуатацией рабочих, русских и туземцев, на рыбоугодьях Азовы и Ундыр-Юган. Скупал пушнину, торговал. После 1912 г. бар-

[44] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 813. Л. 9 – 15.

жонку продал, но промысел на Азовых продолжал. После 1919 г. торговлю прекратил». Еще один местный житель тогда же утверждал, что в 1914 г. Алексей Павлович «имел голов 10 лошадей и голов 7 коров, занимался перевозкой почты».[45]

Наверняка интересные детали хозяйственной практики А.П. Новицкого можно почерпнуть из его судебных дел, о предстоящем разборе которых в 1906 г. Омской судебной палатой и в 1909 – Тобольским окружным судом извещал «Сибирский листок». Автору не удалось познакомиться с ними, но надо надеяться, что до них доберется будущий исследователь.[46]

Переход Новицких к городскому укладу жизни привел к межпоколенческому разрыву. Малограмотные, а то и вовсе неграмотные рыбаки-северяне увидели интерес в образовании детей и, имея на это средства, стали отдавать детей в духовную семинарию, мужскую гимназию, Мариинскую женскую школу. После окончания этих учебных заведений способные юноши даже поступали в университеты, получали высшее образование и, конечно, уже не возвращались к рыбацкому делу. А средства для удовлетворения теперь уже городских потребностей добывались по-прежнему на водных просторах Оби.

Павел Васильевич не только не препятствовал желанию сыновей учиться, но даже поощрял их к приобретению образования. Собственный дом в Тобольске способствовал этому. Четверо из них учились в Тобольской духовной семинарии и, конечно же, ни один из них не пошел по стопам отца, но и не стал служителем церкви.

Василий Павлович после окончания семинарии в 1891 г. поступил канцелярским служителем третьего разряда в казенную палату и в дальнейшем успешно продвигался по службе, с 1899 г. он служил столоначальником палаты. В 1913 г., как писал омский историк А.А. Жиров, Василий Павлович с женой Марией Львовной Низковской прибыл в г. Тару и принял дела местного казначея. На этой службе он остался и после установления советской власти и в 1920 г. заведовал уездным финансовым отделом. По отзыву сослуживцев, Новицкий «относился к служащим гуманно, справедливо и все возложенные на него обязанности исполнял аккуратно и добросовестно, беспристрастно к существующей власти», т. е., по-видимому, делал свое дело и не занимался политикой. В одном из документов его рукой написано: «… жажду мирного обновления дорогой родины без пролития братской крови».

---

[45] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 20. Д. 273. Л. 79; Ф. 154. Оп.15. Д. 813. Л.3; Дунин-Горкавич А.А. Указ. соч. Т. 1. Прил. 1.

[46] Городская хроника // Сибирский листок. 1906. 17 авг.; Сибирский листок. 1909. 13 авг.

Аполлоний Павлович Новицкий

Журналист Валентина Патранова в «Новостях Югры» рассказала в 2007 году со ссылкой на книгу «История казначейской системы Тюменской области» о случае, бывшем в Таре в июне 1918 г. Отряд красногвардейцев, прибывший из Омска, ворвался в казначейство и потребовал выдачи всей наличности. Новицкий потребовал от руководителя подтверждения полномочий, выдал 107 тысяч рублей и, сказав, что это вся наличная сумма, потребовал расписки в получении денег. «Но «экспроприаторы экспроприаторов, – продолжает автор, – как оказалось, захватили лишь малую часть того, чем располагало Тарское казначейство. Его сотрудникам удалось убедить Усиевича и Эйдемана, что в сундуках хранятся лишь процентные бумаги, хотя на самом деле там был так называемый разменный капитал в сумме 1 млн 934 тысячи рублей и разменное серебро на сумму 7 тысяч рублей». Окажись начальники красногвардейского отряда чуть менее доверчивыми, и не миновать бы В.П. Новицкому расстрела.[47]

Тобольскую духовную семинарию окончил в 1904 г. и Константин Павлович Новицкий. Любопытна такая деталь его биографии, сообщенная «Сибирским листком»: в 1901 г. воспитанник семинарии купеческий сын Константин Новицкий высочайше удостоен серебряной медали для ношения на груди на владимирской ленте с надписью «За спасение погибавших». После семинарии он служил псаломщиком в одной из церквей Курганского уезда, а в 1907 г. подал заявление о приеме на медицинский факультет Томского университета. Звание хирурга получил в 1912 г., в дипломе знания почти по всем дисциплинам оценены как «весьма удовлетворительные». О врачебной службе его известно очень мало: в 1917 г. заведовал больницей Анжерской копи Томской железной дороги, оттуда перешел врачом в Барнаульскую железнодорожную больницу – вот и

[47] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 13. Л. 16; Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 17; Жиров А.А. Новицкие в Таре // Югра. 2003. № 1. С. 33 – 35; Патранова В. Казенные деньги // Новости Югры. 2007. 6 – 12 дек.

Группа студентов в Москве

все. В деле Константина Павловича есть строчка, сообщающая о том, что сестра его Павла служила учительницей Курганской гимназии, т. е. имела, очевидно, тоже хорошее образование.[48]

О том, что Аполлоний Новицкий также учился в Тобольской духовной семинарии, удалось узнать из статьи Д.И. Копылова об участии тобольской молодежи в революционных событиях 1905 г., среди участников нелегального собрания социал-демократической группы он называет семинариста А.П. Новицкого. Окончив пять классов семинарии, он поступил в 1908 г. в институт Московского общества распространения коммерческого образования.

Некоторые подробности об учебе Аполлония в этом институте получены через тюменского издателя Ю.Л. Мандрику. В Государственном архиве Томской области он разыскал «Временное выпускное свидетельство», выданное экономическим отделением института купеческому брату Аполлонию Павловичу Новицкому. Купцом был, по-видимому, старший брат Алексей. Из этого документа, подписанного 15 октября 1914 г., видно,

[48] Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 9. С. 175; Городская хроника // Сибирский листок. 1901. 3 мая; Гос. архив Томской области. Ф. 102. Оп. 2. Д. 3254; Ф. 3. Оп. 70. Д. 2805.

Весенний отстой рыбацких судов в Абрамовской речке (Тобольск)

что он прослушал полный курс, получил зачет за 8 полугодий, участвовал в практических занятиях и выдержал все установленные переходящие испытания. В коммерческом институте он возглавлял организованное в 1909 г. студенческое землячество, насчитывавшее около 30 выпускников средних учебных заведений Тобольской губернии.

Как раз в год окончания Новицким этого «общественного» института, 3 июня 1912 г., он по высочайше утвержденному положению был преобразован в Московский коммерческий институт. Аполлоний был перечислен в число его действительных слушателей и получил право в течение первых трех лет после выбытия подвергнуться окончательным испытаниям. Но, видимо, не воспользовался им и в 1915 г. поступил на юридический факультет Томского университета. Сведений об учебе в университете найти не удалось, известно только, что в 1922 г. А.П. Новицкий заведовал в Томске губернским отделом статистики. В сентябре этого года он был арестован, но в ноябре дело прекратили за недоказанностью предъявленного обвинения.

По нашим данным, Аполлоний Новицкий в начале XX в. был одним из авторов «Сибирского листка». 27 июля 1903 г. газета опубликовала его корреспонденцию «От Тобольска до Борового», а в 1916 г., 22 мая и 26 июня, – статью «Тобольские рыбаки» и путевой очерк «В родной дебри». О том, что писал именно Аполлоний, а не какой-либо другой Новицкий, свидетельствуют несколько характерных признаков. Во-первых, автор осведомлен о жизни рыбаков Тобольского Севера не в общих чертах, а в подробностях. Похоже, он знает ее изнутри, от этого так живо воссоздана в тексте картина подготовки рыбаков, многие из которых селились по берегам протекавшей через город Абрамовской речки, к долгому плаванию вниз по Иртышу и Оби. Это весеннее оживление речных берегов он мог наблюдать и из здания находившейся поблизости духовной семинарии, и из окон собственного дома. Чувствуется, что эта картина знакома автору с детства, и он рад видеть ее вновь. Кроме того, он свободно владеет промысловой терминологией северных рыбаков, знает условия промысла.

С другой стороны, автор сам явно не рыбак, а человек образованный. Он всесторонне анализирует положение рыбного дела – его риск, зависимость от изменчивых природных условий, нестабильность рынка, сложность взаимоотношений с наемными рабочими, неумение мелких и средних рыбаков объединить усилия для успешного конкурирования с крупными промышленниками.

Образованность автора выдает и то, что он порой непрочь щегольнуть витиеватой фразой, словечком из лексикона интеллигентного человека, употреблением латыни.

Эти же черты свойственны и слогу очерка «В родной дебри», само название его говорит о том, что пишет тоболяк, а не заехавший издалека путешественник. Отдельные фразы прямо свидетельствуют об этом.

«Конечно, благодарение судьбе, что хотя в восемь суток мы все-таки имеем возможность проехать на пароходе по родному весеннему половодью всего только 1720 верст от Тобольска до Томска».

«Воды в низовьях Иртыша значительно меньше прошлогодней».

«С потерей из виду Тобольска – ощущение, будто вырван из культурной среды».

Оба текста напечатаны в газете с промежутком в один месяц и больше материалов А. Новицкого в «Сибирском листке» не встречено. Можно предположить, что на литературный труд его подвигло лишь обычное студенческое безденежье. Жаль, если он не имел продолжения, потому что и статья, и очерк характеризуют автора как человека пытливого и наблюдательного, сумевшего донести до современного читателя яркие подробности жизни нашего края почти столетней давности.

По счастливому стечению обстоятельств мы имеем возможность иллюстрировать текст фотографиями самого автора из альбома, приобретенного в Новосибирске президентом общества «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимовым. Фотографии предоставлены новым владельцем альбома. Альбом имеет название, возможно, авторское – «Тобольск в старое дореволюционное время».[49]

Не менее удивительным образом сложилась судьба Кузьмы Павловича Новицкого, родившегося 1 июля 1887 г. в Полновате: он смог получить высшее образование за границей. По выходе в 1904 г. из третьего класса Тобольской духовной семинарии он поступил в инженерную академию в немецком городе Фридбурге. В начале 1911 г. газета «Сибирский листок» опубликовала в нескольких номерах объявление следующего содержания: «Германский электроинженер Косьма Павлович Новицкий

[49] Копылов Д.И. Нелегальные рукописные журналы тобольской учащейся молодежи в годы первой русской революции // Земля Тюменская. Тюмень, 1965. Вып 4. С. 67; Сибирский листок. 1909. №. 146; Боль людская. Томск, 1994. Т. 4. С. 218.

предлагает услуги по части проектирования установок электрических машин, освещения, других видов канализации электрической энергии, технической агентуры, дачи разнообразных сведений в области электротехники. Адрес: Москва, Замоскворечье, Офицерский пер., д. 18, кв.6».

А через четыре года «Сибирская торговая газета» со ссылкой на тот же «Сибирский листок» сообщила, что «г. Новицкий, окончивший курс за границей и устроившийся очень хорошо на одной из российских железных дорог, как только представилась возможность, пожелал посвятить свои знания и труд родному городу».[50]

В Тобольске К.П. Новицкий около полутора лет заведовал городским водопроводом и электростанцией и успел за это короткое время стать востребованным в городе специалистом, в июле 1915 г. городской думой он был приглашен в состав военно-промышленного комитета, потом по семейным обстоятельствам покинул город и перешел на службу в Киев, в связи с чем «Сибирский листок» выразил свое сожаление. Правда, не прошло и года, как Кузьма Павлович возвратился в Тобольск к прежней своей должности.[51]

Позднее стали встречаться упоминания об активном участнике революционных событий К. Новицком, входившем в группу тобольских социал-демократов. В конце июня 1918 г., после ухода из Тобольска большевиков, он был арестован вместе с И.И. Филипповым, Е.Л. Писаревским, М.Л. Киселевичем, С.С. Волокитиным, но вскоре освобожден. 23 июля эта группа снова была арестована и увезена в Омск, вместо Новицкого временное заведование городской электростанцией военное начальство города поручило студенту Петроградского политехникума Бетехтину. И в августе в «Сибирском листке» появилось сообщение, что ввиду открывшихся новых улик против арестованных они переводятся в Тобольск и будут содержаться в городской тюрьме до окончания следствия.[52]

В Тобольском архиве встретился «Отзыв коллектива рабочих водоэлектростанции в отношении тов. К.П. Новицкого» от 1 февраля 1920 года, из которого видно, что Новицкий оставался на прежней позиции сторонника советской власти и вновь был выслан из Тобольска. Рабочие характеризовали его как хорошего организатора, ручались за его благонадежность и выражали желание видеть его вновь «как специалиста техника и лучшего

[50] Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 10. С. 214; Сибирский листок. 1911. 6 февр.; Сибирская торговая газета. 1915. 11 февр.

[51] Городская хроника // Сибирский листок. 1915. 12 июля; 1916. 20 нояб.; Сибирский листок. 1917. 27 июня.

[52] Городская хроника // Сибирский листок. 1918. 16 (29) июня; 7 авг. (25 июля); 9 авг. (27 июля); 22 (9) авг.; К-ов М. Развитие Октября в Тобольске // Наш край . 1924. № 3. С. 6.

нашего товарища» заведующим станции.[53]

В 1935 г. К.П. Новицкий был еще жив, но уже находился далеко от родных мест. Об этом говорит поступивший в Березово запрос об его социально-имущественном положении из управления строительством Ашхабадской электростанции, где он работал. Борец за советскую власть, он, будучи инженером, человеком непролетарского происхождения, как видно, находился под подозрением.[54]

Путь Кузьмы Павловича диаметрально разошелся с путем старшего брата Алексея Павловича, который не только не приветствовал советскую власть, но и агитировал против нее и, по сведениям, требующим уточнения, весной 1921 г. был расстрелян в Березовском уезде большевиками.

Новицкие Семен Алексеевич и Зоя Ипатьевна

У Алексея Павловича Новицкого, как и у его отца, была большая работящая семья. Опорой главы семейства был сын Семен (род. в 1891 г.), окончивший, по-видимому, в Березове высшее начальное училище и занимавшийся промыслом рыбы и торговлей. За это советская власть лишила его избирательного права и вынудила к перемене рода занятий. Как это ни удивительно, но с середины 20-х годов он стал учителем. В 1940 – 1941 учебном году, когда Семен Алексеевич преподавал в школе юрт Пашторских Березовского района, его педагогический стаж насчитывал уже 15 лет. Он принимал деятельное участие в работе окружной комиссии по созданию литературного хантыйского языка, записывал по ее поручению сказки, песни, пословицы и загадки.[55] В отличие от чиновников и местной сельской интеллигенции рыбопромышленники, как правило,

[53] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 317. Оп. 2. Д. 11.

[54] Гос. архив Югры. Ф. 74. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.

[55] Гос. архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4 об.; Ф. 5. Оп 1. Д. 93. Л. 85; Д. 156. Л. 121; Д. 171а. Л. 30, 35, 56 об.

Новицкие Иван Алексеевич, Лидия Алексеевна и Серафима Иосифовна

неплохо владели языками коренных местных народов.

Учителем стал и его брат Иван Алексеевич (род. в 1893 г.), окончивший Тобольскую семинарию и женившийся на учительнице Серафиме Иосифовне Семяшкиной. Он преподавал в селе Шурышкары, так же, как и Семен Алексеевич, знал хантыйский язык, за общественную деятельность и хорошую постановку работы интерната представлялся на персональную ставку. По окончании семи классов Тобольской женской гимназии, в 1915 или 1916 г. стала преподавать в Березовской второклассной школе и их сестра Новицкая (впоследствии – Котовщикова) Елена Алексеевна. В 1926 – 1927 учебном году она работала в Полноватской школе.[56]

Сыновья Алексея Павловича Павел и Алексей разделили судьбу большинства представителей своего социального слоя. В 20-е годы Павел как человек грамотный служил в Кушеватском исполкоме делопроизводителем, затем в кооперации, в «Хлебопродукте» агентом, заведовал Кушеватской факторией госторга. Затем Кушеватским сельским Советом он и его жена Мария Афанасьевна, урожденная Протопопова, как имевшие в рыбопромысловый сезон рабочих были лишены избирательного права, переехали в Казым, и там он был принят на работу секретарем туземного совета. Этот «непорядок» заметили. В начале 30-х гг. Березовский райисполком получил «сигнал» из Кушеватского туземного районного совета о том, что П.А. Новицкий – «сын крупного кулака и эксплуататора и ярый бандит 1921 г.» и что «таковой, чтобы скрыть свое прошлое, убыл». В результате П. Новицкий в 1933 г. был отстранен от должности секретаря тузсовета и зачислен в Казымскую культбазу помощником моториста катера. В 1934 г., после настойчивых хлопот, избирательное право было ему возвращено.[57]

---

[56] Гос. архив Югры. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 124, 125, 182, 191; Кугаевская Л. Село на Оби // Югра. 2001. № 11. С. 47.

[57] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 393. Оп. 2. Д. 135; Гос. архив Югры. Ф. 65. Оп. 2л. Д. 31. Л. 3, 8, 16 – 20; ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 170. Л. 137 об.

Самый младший из братьев Алексей (после гибели отца в 1921 г. ему было, по свидетельству одного из односельчан, «лет 8 – 9», а по его собственному утверждению – 6) после того, как все братья разъехались и он остался с матерью и младшей сестрой, в 1930 г. вступил в колхоз. Ловил рыбу, зимой возил на лошадях почту и пассажиров. В 1931 г. Алексея «вычистили» из колхоза, поставив в вину по сути дела одно только его кулацкое происхождение и существование до вступления в колхоз на «нетрудовые доходы». В 1931 г. ему было не более 18 – 19 лет, и фактически односельчане переложили на Алексея-младшего «грехи» отца.

Новицкий Павел Алексеевич

В 1932 г. в комиссию по рассмотрению крестьянских жалоб поступило письмо от 18-летнего Алексея и его 16-летней сестры Лидии. Это был вопль о несправедливости. «... братья и сестры, – жаловались они, – работают с основания советской власти на разных работах учителями, учительницами, здесь же на севере живут без принуждения, без притеснения, а мы с сестрой Лидией ... выросли при советской власти, а места и покою нет нам, считают нас классовыми врагами...». В декабре 1932 г. комиссия по рассмотрению крестьянских жалоб при президиуме Остяко-Вогульского окрисполкома нашла необоснованным решение Шурышкарской районной комиссии о лишении избирательных прав Новицкого Алексея Алексеевича и отменила его.[58]

Подробное исследование истории этой ветви родового древа Новицких провел уроженец Березова Александр Константинович Михайленко, живший в г. Западная Двина Тверской области. Опираясь на информацию, полученную от жительницы Санкт-Петербурга Риммы Павловны Гураловой и Веры Николаевны Ксенофонтовой из Подмосковья – продолжательниц этой ветви рода, он опубликовал в березовской газете «Жизнь Югры» занимательный краеведческий очерк «Новицкие».[59]

[58] Гос. архив Югры. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 57; Оп. 1. Д. 95.

[59] Михайленко А.К. Новицкие // Жизнь Югры. 2002. 23 июля.

История фамилии обросла легендами, для которых еще нужно искать документальные подтверждения либо опровержения. Прежде всего это касается вопроса о том, как Новицкие появились на Тобольском Севере. Среди ныне живущих продолжателей рода и фамилии бытует версия, будто Алексей Павлович Новицкий, сведения о котором даны выше, был сослан в Сибирь из Варшавы якобы за революционную деятельность. Об этом мне сообщил А.К. Михайленко. В конце 1990-х гг. я получил от него письмо, в котором сообщалось, что эта легенда воспроизведена 13 августа 1997 г. в березовской газете «Жизнь Югры» в статье «Как свет далекой звезды». Нет надобности повторяться. Имеющиеся документы, в том числе и те, что использованы в настоящей публикации, подтверждают сказанное здесь: Алексей Павлович Новицкий – прямой потомок отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого, поселившегося в Шеркалах во второй половине XVIII столетия, сын шеркальского рыбопромышленника Павла Васильевича и внук Василия Михайловича Новицких (см. о них выше).

Причина устойчивого бытования многих подобных легенд, вероятно, в том, что в советское время граждане вынуждены были под страхом преследований со стороны государства за «неправильное» происхождение скрывать многие факты семейной истории и с годами утратили родовую память. К тому же их приучили верить, не спрашивая обоснований.

В каком году Новицкие поселились в Шеркалах, пока не установлено. Но в XIX веке сами члены семейства в беседах с заезжими чиновниками и путешественниками утверждали, что ведут свой род от Григория Ильича Новицкого – автора «Описания о народе остяцком», сосланного в Сибирь около 1712 г. за участие в заговоре гетмана Мазепы и сопутствовавшего митрополиту Тобольскому и Сибирскому Филофею Лещинскому в его поездках для крещения остяков. Позднее он был послан для наблюдения за исполнением новокрещеными остяками их христианских обязанностей и убит ими около 1725 г.

По-видимому, эта широко распространившаяся версия шеркальских Новицких об их происхождении от Г.И. Новицкого породила попытки найти ей документальное подтверждение или опровержение. Судя по всему, ни того, ни другого до сего дня не найдено. В 1893 г. журналистом и историком *Е.В. Кузнецовым* были опубликованы в «Тобольских губернских ведомостях» «Сказки 1750 года о семье ссыльного украинца Григорья Новицкого». Их текст констатирует, что законных детей Г.И. Новицкого в Сибири с ним не было, но незадолго до убийства к нему приехала жена с крещеным и воспитанным им Лукьяном Григорьевым. После смерти Новицкого он служил конюхом в Тобольском архиерейском доме.[60]

[60] По тобольским архивам // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 44. С. 724.

В 1894 г. еще одну попытку разобраться в этом вопросе сделал упомянутый выше священник *Иоанн Кузнецов*. На основе записей в документах церкви он составил родословную Новицких, в основание которой поставил отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого, жительствовавшего в селе Шеркальском, по его словам, с 1802 г. Документ этот хранится в фонде тобольского губернатора – вполне вероятно, что и работу священник выполнил по губернаторскому запросу.[61] Однако названная им дата опровергается данными ревизии 1782 г., зафиксировавшей проживание в Шеркалах отставного солдата Павла Яковлева Новицкого, его жены Екатерины Захаровой и детей Григория, Матвея, Дмитрия, Михаила и Татьяны.

Как-то в середине 2000-х гг. я спросил ныне уже покойную Г.И. Макарову, знавшую едва ли не всех старожилов Октябрьского района, живут ли Новицкие в Шеркалах в наше время. По ее словам, на весь район остался лишь один Новицкий в поселке Перегребное. У меня была возможность увидеться в Перегребном с Владимиром Григорьевичем Новицким, но это был сын высланных в 1940 г. из Тернопольской области на Ямал Г.П. и М.Д. Новицких. В Шеркалах же Новицких нет, остался лишь построенный ими двухэтажный дом, переживший своих хозяев, фотографию его мне прислала в 2003 г. директор Шеркальского музея Н.В. Крюкова. Но род не умер. В 2003 г. на публикацию упомянутого очерка А.К. Михайленко откликнулась жительница г. Белоярского Н.Г. Ильчук и дополнила рассказанное им, а в 2004 г. в редакцию «Югры» прислал статью об истории семьи В.В. Кошелев – тоже из Новицких и тоже житель Белоярского. Есть Новицкие и в Березове, и в Тобольске, и в Тюмени.

Подп.: Е. К.

[61] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 6.

Из сартыньинского гнезда (Бешкильцевы)

1. Пастыри сосьвинских манси

Из каких мест перебрались в Березовский край Бешкильцевы – неизвестно, но можно предполагать, что с юга Тобольской губернии.

У *К.Д. Носилова* есть описание села Бешкильцева на р. Исети, неподалеку от Ялуторовска, между Яром и Скородумом, современное его название – Слобода-Бешкиль. Автор статьи «Предполагаем жить (Из истории села Слобода-Бешкиль)» Анатолий Емельянов пишет: «…сегодняшнее население Слободы-Бешкиль в истории не сильно. Дедов ещё помнят, а дальше – тьма, беспамятство. Можно лишь согласиться со старожилами, которые полагают, что на месте слободы когда-то существовало татарское поселение, названное по местности Беш-Киль – Пять озёр… Первый же письменный документ датирован 1668 годом. Казачий сын Данила Егренев и оброчный крестьянин Савва Косачёв просили у царя Алексея Михайловича повеления «завести государеву слободу в Тобольском уезде на Исети по нижнюю сторону речки Нижнего Бешкиля вниз по Исети до Сингульского озера, а вверх по Бешкилю до Пышминского озера…».[1] Вероятно, от названия речки образовалась и фамилия.

Можно предполагать, что оттуда и происходил служитель православной церкви Бешкильцев, перебравшийся в первой половине XVIII столетия на р. Северную Сосьву в село Сартыньинское, или Сосьвинское (теперь – с. Сартынья Березовского района). В «Справочной книге по Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г.» указано время открытия прихода Сосьвинской Христорождественской церкви – 1714 й год.

Вот как выглядела Сартынья почти два века спустя, в 1897 году, когда её проезжал березовский фельдшер *Л.А. Кориков-Михайлов*: «Это

[1] Носилов К. Д. По Туре, Тоболу и Исети // Лукич. – Тюмень, 2002. – № 3. – С. 162 – 164; Сибирский тракт. Тюмень, 1994. – № 1. – С. 104.

село стоит на высоком увале, окружённом мелким хвойным лесом, из-за которого с реки видны кресты столетней деревянной церкви (она построена в 1798 году), двухэтажный дом местных торговцев, предки которых поселились здесь с самого основания села, здание бывшего приёмного покоя да ещё дома два–три обывателей; над увалом на низменном берегу чуть заметны несколько деревянных летних юрт вогулов, а на склоне увала зеленеют огороды».[2]

Финский ученый *Август Алквист*, путешествовавший по Тобольскому Северу, писал в 1877 г. о Бешкильцевых: «Русская семья... 150 лет назад поселилась здесь, в самом крайнем форпосте русской культуры в этой части Сибири и до последнего часа из членов семьи выходили священники».[3]

Фамилия «Бешкильцев» часто встречается в описях фонда Тобольской духовной консистории, который хранится в Государственном архиве г. Тобольска[4]. Наиболее ранние из замеченных автором упоминаний о служителях церкви, носивших эту фамилию, относятся к 60 – 70-м годам XVIII в.

В это время в церквах Березовского края служили Алексей Бешкильцев и его сыновья Федор и Василий. Алексей в 1776 году уже был уволен от должности дьячка Сосьвинской Христорождественской церкви, в этом же году произведен в дьячки Федор и определен на место Алексея. В 1783 г. он в возрасте между 20 и 30 годами стал священником этой же церкви.[5] Сыновья Алексея Василий и Егор унаследовали отцовское дело и передали его своему потомству.

Федор Алексеевич прожил недолго, чуть более 30 лет, но о нем мы знаем немного больше, чем об отце и братьях, т. к. в Государственном архиве г. Тобольска нашлось «Дело 1806 года по сообщению его превосходительства господина тобольского гражданского губернатора Богдана Андреевича [Гермеса] о чинимых якобы с остяков священником Бешкильцевым сборах соболей и белок». Листки этого дела донесли до наших дней любопытную картинку далекого прошлого.

А дело вот какое. Губернатору *Б.А. Гермесу* представили жалобу остяка Федора Сайнахова[6] и еще нескольких человек на священника Сосьвинской Христорождественской церкви Федора Бешкильцева. Среди

[2] Кориков Л. По Сосьве (Из путевых заметок) // Сибирский листок. – 1897. – 28 сентября.

[3] Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. – Томск, 1999. – С. 114.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156

[5] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 835, 1071, 2753.

[6] В то время остяками именовали как ханты, так и манси; население бассейна Северной Сосьвы составляли преимущественно манси.

остяков распространился ужасный слух, будто их детей будут отбирать у родителей и отправлять в школу при церкви – учить русской грамоте. Но те, кто не хотят отдавать детей, могут откупиться соболиными мехами, которые надо отдавать священнику. Чтобы оставить детей при себе, родители были готовы на все, но размер откупа они считали чрезмерным – отсюда и произошла жалоба.

Дело было начато весной 1806 г. Губернатор передал жалобу архиепископу, и духовная консистория поручила расследование священнику Наумову.

Разбор дела совершался медленно, ему препятствовали и дальность расстояний от Березова до селений остяков, и ограниченность транспортных средств, а более всего то, что остяки были в отлучке – кто вел промысел на Оби, а кто откочевал для пастьбы оленей к Камню, как тогда называли Урал, «поэтому нет ни малой возможности к спросу их», констатировал документ. Нужно было ждать их возвращения, только тогда священник Наумов мог исполнить данное ему поручение.

А другая сторона ввиду большей доступности была уже допрошена. Священник Бешкильцев вины не признал и в свое оправдание рассказал об издавна сложившейся на Северной Сосьве практике отношений между духовенством и аборигенами:

«1-е. О обучении ясашных детей грамоте русской в школу не устрашивал и … собирать соболей никому и не при ком не приказывал да и разговора о сем с ними не имел. Кроме того, как они с общего рыбного промысла обратно в свои селения паромами возвращались и называли многие сами (о именах коих упомнить не могу), что наслышались там, будучи на промысле, якобы детей их велено обучать русской грамоте при церквах в школе. С ними говорил, что по всей Российской империи учреждаются в приходах для того школы, о чем в духовном правлении и по светской команде указы получены.

2-е. С каждой души по 5 белок и ныне сами, да и не они только, но и предки их [1 нрзб.] издревле с общего согласия священникам за исправление мирских треб между собою установили и давали, а иные и ничего не давали, за крещение, погребение и венчание браков по 5 белок и горносталей и по неимению оного оленьими и лосиными лапами, а за посещение в домы их единожды в год со святою водою по одной белке, потому что они денежного обороту да и денег у себя не имеют и в государственную казну платят ясак, также и в церкви свечи покупают тою белкою, поставляя в одну копейку ценою, по каковому предков своих установлению и прежде бывшим священникам и причетникам сами они доброхотно дают, другие же по неимению съестными припасами производили …». Белкой же, объяснял священник, остяки расплачиваются за приобретаемые товары, за

оленей, наем писцов и пр. – словом, беличья шкурка была вроде денежной единицы.

Допрос собранных с немалым трудом жалобщиков также не установил вины священника, манси ссылались на других лиц, от которых якобы слышали о требовании собирать соболей, а чтобы оно исходило от Бешкильцева – никто не подтвердил. Дело закончилось только через два года. 31 марта 1808 г. березовский иерей *Иоанн Вергунов* доложил консистории, что Федор Бешкильцев «признан от дела свободным по недоказанию на него во взятках». Священнику сделан выговор и он «обязан подпискою дабы отнюдь не осмеливался преждевременно объявлять высочайшие повеления, а тем самым тревожить простолюдинов, и всевозможно старался бы изъяснять истинность каждого дела, потребного для их сведения, не вмешивая неясных и многозначительных речений».

А из Тобольского губернского правления в консисторию поступило уведомление о том, что Тобольская уголовная палата решила ясашных остяков Сайнахова, Хатанева, Анадеева, Кочина, Котлехумова, Данилова и Афанасьева за ложный донос на священника выдержать в тюрьме: Сайнахова – месяц, а прочих, кроме Кочина и Афанасьева, по две недели, и наказать бадогами по 10 ударов.[7]

Словом, все объяснено недоразумением. Справедливо ли было разрешено дело, судить теперь невозможно. Нельзя исключать и того, что какой-то грамотный человек, недоброжелатель священника, подстрекнул остяков на жалобу в своих корыстных интересах. Для нашего же рассказа это дело интересно тем, что высвечивает одну из сторон жизни Северной Сосьвы более чем вековой давности и дает возможность через приоткрывшееся окошечко взглянуть на отношения северного священника и его паствы, которую почти полностью составляли аборигены.

Ухабистый жизненный путь прошел Василий Алексеевич Бешкильцев (ок. 1758 – 1829). В 1776 г. он был произведен в пономари и служил в Христорождественской церкви, а в 1782 г. он уже дьякон Березовской соборной Одигитриевской церкви, а затем и священник. Карьеру отца Василия портили свойства его характера: он был далеко не смиренным человеком и не однажды получал взыскания от епархиального начальства за различные проступки – оскорбление заседателя Березовского уездного суда В. Резанова, отказ от женитьбы своего сына на сосватанной уже дочери дьячка С. Краскова и др. Наконец, в 1800 г. за пьянство было запрещено священнослужение одновременно и ему, в то время священнику, и дьякону И. Вологодскому. Отец Василий занял скромную должность дьячка Березовского Воскресенского собора. В 1805 г. он попросил

[7] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1675.

о рукоположении его в дьяконы и определении в Спасскую церковь села Бронниковского Тобольского уезда. Просьба была уважена, и Бешкильцев переехал на новое место службы, но в 1810 г. вернулся на север в качестве священника Троицкой церкви Куноватской волости Березовского ведомства. Через некоторое время он перебрался в родную Сартынью, где и умер. А его сыновья Василий и Николай остались в той же Троицкой церкви: первый – священником, второй – дьячком. Позднее, в 1860-е гг., Николай некоторое время служил в Обдорской духовной миссии.[8]

Брат Василия Алексеевича Егор, который был моложе примерно на 10 лет, начал службу в 1784 г. с должности дьячка в родном селе, в Христорождественской церкви. Там же в этой же должности он оставался и в 1834 г., в 67 лет. Старший его сын Василий Егорович (ок. 1798 – 1876) после окончания класса словесности Тобольской духовной семинарии в 1826 г. поступил пономарем в Христорождественскую церковь, затем был дьячком Березовского Одигитриевского собора. С 1833 г. он – священник Казымской Успенской церкви, а с июня 1835 служил в Сосьвинской Христорождественской. В Сартынье он и умер заштатным священником, будучи уже слепым.

В 1819 г. священник В. Бешкильцев и дьячок Е. Бешкильцев, оба, по-видимому, с детства владевшие мансийским языком, заслужили благодарность благочинного *И. Вергунова* за перевод господних заповедей с русского языка на мансийский. «Из представленного вашего перевода, – писал благочинный, – … я заметил ваше усердие на пользу богоугодного дела к распространению и познанию Закона Божия … и уверен, что вы таковую же деятельность употребите на перевод из евангелиста Матфия … чем вы себя пред высшим правительством отличите».[9]

Гостем Василия Егоровича в 1858 г. был упоминавшийся выше *Август Алквист,* записавший в путевом дневнике: «Церковное селение Сартынья – это первое и одновременно единственное место на Сосьве, где встречается русское население. Кроме священника, церковного служки и торговца, там живет еще несколько человек; вся колония состоит из шести–семи маленьких домов, рядом с которыми стоят с десяток вогульских юрт. Впрочем, место это в высшей степени дикое и бедное, но после перенесенных тягот оно произвело на меня благоприятное впечатление». Здесь же Алквист обратил внимание на одну характерную черту семейства

[8] Там же. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1055; Оп. 5. Д. 31, 299, 337, 638; Оп. 6. Д. 385, 1983; Ф. 154. Оп. 8. Д. 42. Л. 78; Д. 532. Л. 44 об., 62 об.; Ф. 156. Оп. 24. Д. 196. Л. 84 об.; Путевые журналы миссионеров Обдорской духовной миссии (60-е – 70-е гг. XIX в.) – Тюмень, 2002. 0 С. 40.

[9] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1822, 2754; Оп. 24. Д. 196; Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 2 об., 57 об.; Православные приходы … С. 239.

Бешкильцевых: «... эта семья – почти как вогульская. Вогулизмы в их русском произношении были налицо, и только те из семьи, кто посещал школу, были в состоянии немного корректнее обращаться с русской речью».[10]

В духовенство вышли и сыновья Василия Егоровича Антип и Михаил. У Антипа Васильевича церковная карьера не сложилась: начал он службу пономарём, а закончил заштатным псаломщиком Никольской церкви села Няксимвольского. В семье были сыновья Карп, женатый на дочери местного инородца, и Кирилл. Ветвь рода, пошедшая от Кирилла, жива и поныне. Его дочь Александра вышла замуж за Аркадия Николаевича Лоскутова, присланного в 1920-е гг. в Сартынью учителем и ставшего впоследствии известным в округе партийным и государственным деятелем, а позднее – директором окружного краеведческого музея. О брате Александры Кирилловны Прокопии, всю жизнь прожившем в родных сосьвинских местах, – немного ниже.

Вышеописанный случай со священником Федором Бешкильцевым говорит о том, что семейный достаток северного духовенства держался не только на получаемом от церкви жалованьи, но и на торговых отношениях с аборигенами. И некоторые церковнослужители оставляли службу и становились торгующими крестьянами или мещанами. Наверное самый красноречивый пример – семейство племянника отца Федора Михаила Васильевича (1823 – 1904), в котором было четверо сыновей (Иоаким, Нестор, Иван и Калистрат) и множество внуков. Оно знаменовало собой решительный выход Бешкильцевых из духовного сословия.

Оставаясь ревностными православными христианами, поддерживавшими церковь пожертвованиями (за это упомянутые четверо братьев в 1910 г. удостоились благословения Святейшего Синода), никто из представителей этой ветви родовой фамилии уже не принадлежал к духовенству. Они вступали в выгодные браки и заводили полезные связи, занимались рыбным промыслом, торговали, а в свободное от основных дел время вели домашнее хозяйство – растили картофель, огурцы на навозных грядках, репу, редьку. Кроме того, Бешкильцевы были в числе русских жителей Березовского края, имевших значительные стада оленей. Когда Тобольскому Северу в 1896 г. огромный урон нанесла копытная болезнь оленей, не только в тобольском «Сибирском листке», но даже в петербургской газете «Сибирь» сообщалось, что сартыньинский оленевод Бешкильцев из стада в 800 голов потерял 700 животных.[11]

---

[10] Алквист А. Указ. соч. С. 25, 114.

[11] Алквист А. Указ. соч. С. 120 – 121; Н.С. Копытная болезнь оленей // Сиб. листок. – 1896. – 14 июля; Бедствие на Севере // Сибирь. – СПб., 1897. – 25 июля.

То, что Бешкильцевы занимались таким полезным, но и диковинным для населения бассейна Северной Сосьвы делом как огородничество, было замечено *А.А. Дуниным-Горкавичем* в начале XX века. Вот что сообщал он в одной из своих работ, посвящённых северному земледелию: «Жители села Сартыньинского занимаются огородничеством все, и небольшой огород есть у каждого. Почва в огородах песчаная и супесчаная. Из овощей садятся главным образом картофель и репа, которые являются общеупотребительным продуктом и находят всегда большой спрос. В огороде священника находится небольшой парник, а у Н.С. Бешкильцева – паровые гряды, где успешно растут огурцы. К 9-му июня картофель дал всходы, а огурцы уже цвели. Главным тормозом к более успешному выращиванию растений, по мнению обывателей села Сартыньи, является резкое колебание температуры; но несмотря на это занятие огородничеством возможно».[12]

Особенно приметна в этом семействе фигура Ивана Михайловича Бешкильцева (ок. 1862 – 1921). Именно его, тогда еще пятнадцатилетнего мальчика, выбрал в качестве переводчика с вогульского языка и спутника в своем путешествии по Сосьве *А. Алквист*. И весьма лестно его характеризовал: «В моем молодом вогульском переводчике я нашел чрезвычайно полезного знатока языка, которого не мог смутить никакой вопрос. Он читал в школе русскую грамматику, и это значительно облегчало наши совместные усилия по составлению вогульской грамматики. В таком сложном языке, как вогульский, подобная работа отнюдь не легка. <...> Однако Ваня Бешкильцев как знаток языка оказался пригодным лучше лучшего вогула; чего ему не хватало по возрасту, он более чем достаточно возмещал грамматическим усердием, которое ему привили, а также ясностью природного ума, характерной для детей».[13]

Повзрослев, Иван Бешкильцев обзавелся семьей и успешно повел домашнее хозяйство. В мирное дореволюционное время к зажиточному, преуспевающему Ивану Михайловичу нередко обращались за содействием местное духовенство и интеллигенция. Он и сам не прочь был пожертвовать частью нажитого богатства. Так, однажды он обратился в епархиальный училищный совет с предложением устроить на собственный счет здание для церковно-приходской школы в своем селе. Примерно с 1905 по 1910 г. он состоял действительным членом Тобольского губернского музея и сделал личный вклад в накопление его коллекций.

---

[12] Дунин-Горкавич А.А. Сборник трудов. 1907 – 1911. – Екатеринбург, 2010. С. 78.

[13] Алквист А. Указ. соч. С. 115 – 116.

2. Изгои

Большие потери понес род Михаила Васильевича в первые же годы после установления советской власти, которой сплоченный родственный клан не мог принять, так как не понимал классовой борьбы, диктатуры пролетариата, экспроприации экспроприаторов и вообще большевистских лозунгов. Да, они арендовали у сосьвинских манси закрепленные за ними рыбные угодья, нанимали работников, но за все платили. Эквивалентным ли был этот обмен – это отдельный сложный и, скорее всего, вечный вопрос, но не он породил Гражданскую войну.

Войной экономика была подорвана, и никаких производств сиюминутно большевистская власть создать не могла, поэтому в первые послереволюционные годы не в состоянии была обойтись без этих состоятельных и умелых людей. Необходимые для каких-либо ее действий средства могли быть получены только от имущих – не по-хорошему, так «по-плохому».

При этом власть испытывала острую нехватку грамотных работников для организации управления уездом и вынуждена была призывать на службу в новые учреждения, хотела она того или нет, Бешкильцевых и других – тех, кого немного времени спустя станут называть «бывшими». Один из сыновей Михаила Васильевича, Калистрат, некоторое время заведовал Сосьвинским волостным отделом народного образования, его племянник Иван Нестерович назначался секретарем волисполкома, Кирилл Антипович выполнял в 1921 году поручение организовать сельский ревком в Няксимволе, Аввакум Иванович после восстания служил в Березовском политбюро, а Сильвестр Иоакимович был секретарем Сосьвинского волревкома.[14]

Аввакум Иванович Бешкильцев с женой и сыном Александром

Бешкильцевы пытались сотрудничать с местной советской властью. Так, в октябре 1919 г., когда Сосьвинский волостной исполком обратился к

[14] Гос. архив Югры. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1. Л. 206 – 208, 220, 232.

жителям села с просьбой пожертвовать для открываемого при сартыньинской школе детского приюта картофель и посуду, на нее откликнулись братья Николай, Спиридон и Сильвестр, Таисья Васильевна (жена Ивана Михайловича), Нестор и Калистрат Михайловичи и Алексей Бешкильцевы.

Но сотрудничество не выстраивалось, чем дальше, тем было хуже. Своими действиями советская власть отталкивала Бешкильцевах от себя, демонстрируя глухое недоброжелательство. В августе 1920 г. она отмежевалась от сартыньинской церкви, и гражданам села пришлось подписать договор с волостным военно-революционным комитетом о том, что они принимают в пользование уже не церковь, а «Христорождественское богослужебное здание». Очевидно, имелось в виду, что если «в пользование», то когда захотят, тогда и отнимут. Не прошло и двух лет, как ценности церкви, львиная доля которых была собрана Бешкильцевыми, были изъяты от имени государства местной властью под благовидным предлогом необходимости подать помощь голодающему народу Поволжья.

Березовский уездный ревком был хорошо осведомлен об отношении Бешкильцевых к новой власти. Было известно, что сын Нестора Михайловича Иван во время военных действий 1919 года ушел с колчаковцами и в 1920-м укрывал дезертиров. Его двоюродный брат Аввакум Иванович «в 1918 и 1919 гг. бежал». До бегства он «был председателем земской управы и эвакуировал все дела, а также очень богатые запасы лекарств Сартыньинской инородной амбулатории». В 1920 г. – дезертир, укрывался 6 месяцев с братом Василием, бежавшим из отряда Лепехина и умершим в лесу, и другими военными дезертирами, ждавшими переворота. Калистрат Михайлович, как утверждают документы уездного военревкома, в 1918 и 1919 гг. «бежал с Колчаком», перед восстанием «вел секретную работу вместе со своей снохой Феклой», арестовывался вместе с сыном Василием за контрреволюционную агитацию.[15]

В 1921 г. Бешкильцевы совершенно определенно приняли сторону повстанцев. Привожу краткую сводку фактов, составленную на основе документов Березовского уездного военно-революционного комитета.

Калистрат Михайлович «вел агитацию среди населения против советской власти», «первый проводил мобилизацию до прихода бандитов и собрал оружие у населения», «во время восстания проводил аресты лично сам». Сын Ивана Михайловича Георгий был помощником начальника боевого участка в Сартынье, об его братьях Василии и Аввакуме сказано выше. Сын Нестора Михайловича Иван числился среди участников восстания. Сын Иоакима Михайловича, умершего за несколько лет до революции, Сильвестр «служил у бандитов (был мобилизован)», в 1922 г. «находился

[15] Гос. архив Югры. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 254; Оп. 2. Д. 5. Л. 60 – 61; Д. 3. Л. 92.

под следствием..., судом оправдан», его брат Спиридон «работал у банды на заготовке оленей».[16]

Такая позиция и такое поведение вполне логично вытекают из того, что в то же самое время в Березове их родные – Иван Михайлович, Нестор Михайлович и Николай Иоакимович – находились в заключении в качестве заложников, а затем были расстреляны большевиками, вынужденными сдать город повстанцам. В результате Гражданской войны, обрушившейся на край, несколько столетий до этого живший мирно, Бешкильцевы потеряли пятерых близких. Из сыновей Михаила Васильевича остался только один Калистрат.

В окружном архиве хранится анкета, заполненная Сильвестром Иоакимовичем Бешкильцевым во время его службы в Сартыньинском волвоенревкоме. На службу он пришёл не добровольно, а по мобилизации. Вот несколько его ответов, красноречивых в своем лаконизме: «Как вы смотрите на советскую власть?» – «Как на власть советов». – «Как вы смотрите на красный террор?» – «Как на террор». – «Необходима ли она или нет, почему?» – «Необходима, только крайности заменить можно другим».[17]

Но и это было еще не все. Советская власть не оставила Бешкильцевых в покое и в мирное время. Вскоре после подавления восстания, 8 и 9 июля 1921 г., прошли обыски в семьях Бешкильцевых, в которых участвовали председатель волвоенревкома *Богданов*, член ревкома Бабиков, следователь Березовского политбюро Егоров, три милиционера, служившие и при повстанцах, и двое понятых. И что нашли? Пистоны к патронам, несколько фунтов пороху, мешок дроби, 12 свинцовых пуль-«своеделок», около 4 аршинов шерстяной материи. У дочери расстрелянного Нестора Михайловича Клавдии докопались до деталей мотора катера. Вот и весь «арсенал». У страха глаза велики. Каково было секретарю ревкома Сильвестру Бешкильцеву подписывать «С подлинным верно» на протоколах обысков в домах его погибших дядей и родного брата?[18]

За обысками последовали описи имущества. Собственность Бешкильцевых бралась на учет: двухэтажный дом с пристройками, несколько сотен оленей, 6-сильный паровой катер, мебель... У Ивана Нестеровича, жившего в Игриме, среди описанных вещей числились ручная швейная машина фирмы «Зингер» и неводник грузоподъемностью в 30 пудов, у Калистрата Михайловича – счеты, папка для бумаг, крючковой безмен, хрустальная чернильница, 20 учебников, «кузница с разными

[16] Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 112. Л. 32; Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 254; Оп. 2. Д. 3. Л. 17 – 18, 92; Д.5. Л. 60 – 61.

[17] Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3. Л. 17 – 18.

[18] Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 100. Л. 106 – 107.

обломками железа», винт катерный медный и пр.[19] Все это могло сгодиться, и власть искала оснований для конфискаций.

Вскоре они нашлись. Через недолгое время у семьи расстрелянного Ивана Михайловича по постановлению президиума Березовского уездного исполкома от 4 сентября 1922 г. была конфискована шестая часть оленьего стада, шесть венских стульев и четыре стола. При этом было принято во внимание, что младший из двух оставшихся в живых сыновей – Михаил – служил в Красной армии. У их родственников в 1922 г. конфискованы, кроме оленей, столы, стулья, диваны, стекла для керосиновых ламп и другие вещи, нужные, видимо, для начальственных кабинетов новых уездных учреждений. Братьям Спиридону и Сильвестру Бешкильцевым было предложено: если они отдадут свой катер, им будет возвращено ранее конфискованное имущество. Однако власть не утерпела и вскоре вожделенный катер «Федя» также был конфискован.[20]

Однажды пробужденный аппетит к чужой собственности остановить трудно. 12 ноября 1921 г. Березовский уисполком предлагал Сосьвинскому волисполкому «представить материалы, которые могли бы вполне доказать участие в восстании Бешкильцева Калистрата и его «скрывательство», и если это не голословный факт, то что задержало старый состав волисполкома привести в действие приказ уисполкома № 21 от 8 апреля 22 г. о конфискации имущества, как у остальных участвовавших в бандитизме».[21] А что? Почему бы не отнять у скрытого врага его собственность и не разделить по своему усмотрению, если сила за нами?

Естественно, хозяева стремились понадежнее спрятать наиболее ценное из семейного имущества. Ввиду этого начало 20-х годов стало временем увлеченного «кладоискательства». Один из таких искателей под именем «селькор» с торжеством сообщал 29 июля 1925 г. в тобольской газете «Северянин»: «В начале июля милиция произвела обыск у бывших пароходовладельцев и промышленников Бешкильцевых. При обыске обнаружено в двух мешках с мукой золота царского на 835 р., серебра царского около 500 р.; на крыше дома зарыто серебра советского 594 р. 80 к. и червонцев на 420 р. В ю. Тоболдиных был найден в лесу сундук и чемодан все тех же Бешкильцевых. В чемодане оказались ценные вещи на 1000 р. Всего найдено денег и вещей больше чем на 6000 р.».[22]

При всем этом Бешкильцевы оставались в Сартынье едва ли не самыми полезными членами общества. Так, уездному ревкому необходимо

[19] Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 256; Д. 5. Л. 6 – 8.

[20] Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 – 11, 254.

[21] Там же. Л. 171.

[22] Спасители не спасли // Северянин. Тобольск, 1925. 29 июля.

было в короткий срок преодолеть транспортный кризис, и активными участниками выполнения этой задачи были именно они, так как имели лошадей. В «Ведомости находящихся граждан в исполнении совгоньбы в районе Сосьвинском» за ноябрь 1921 г. вписаны в качестве контрагентов, обеспечивавших перевозки, Спиридон Иоакимович и Иван Нестерович, ямщиком – Карп Антипович.[23] В том же 1921 г. выйти из еще одного кризиса – рыболовного – опять помогали Бешкильцевы, опытные рыбаки. Об их участии, хотя и подневольном, в налаживании управления уездом сказано выше.

Несмотря на все это вслед за конфискациями последовали обложения жесткими «твердыми» заданиями, лишения избирательных прав. Сведение счетов с Бешкильцевыми как людьми с иным мировоззрением советская власть продолжала как минимум по 1937 год. Братья Спиридон и Сильвестр были высланы с семьями в Обдорск как кулаки. В 1937 г. оба расстреляны. Во время следствия на допросе 6 октября 1937 г. Спиридон с тем же прямодушием, что и его брат в анкете 1921 года, заявил: «Советской властью я очень недоволен, это потому, что советская власть уничтожила моего брата, двух дядей, кроме того, бесплатно забрала все имущество... что у меня есть на душе, я об этом молчу и разговаривать ни с кем не буду».[24]

3 ноября этого же года был расстрелян в Тюмени работавший бухгалтером Тюменской судоверфи и ложно обвиненный в принадлежности к офицерской повстанческой организации Михаил Иванович Бешкильцев. В начале 20-х гг. он работал делопроизводителем Березовского военкомата, и тогда это послужило смягчающим обстоятельством при конфискации имущества семьи в 1922 г.[25]

Ни один из троих расстрелянных виновным себя не признал.

В Тюмени Михаил Иванович жил со своей матерью Таисьей Васильевной, и в это время там же жил его брат Аввакум Иванович. Ему, по-видимому, судьба благоволила: какой-то сведущий человек в Березове предупредил его о серьезной опасности, и семья в один день собралась и уехала на пароходе.

А в военные сороковые годы крепкий ещё недавно старинный род понёс новые потери: из призванных на фронт Бешкильцевых семеро не вернулись домой.[26] Несмотря на столь большие утраты среди своей мужской половины, сартыньинский род продолжал выдвигать достойных, уважаемых людей.

[23] Гос. архив Югры. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2. Л. 111.

[24] Там же. № 6750. Л. 8.

[25] Архив управления ФСБ по Тюменской области. № 10013. Т. 2. Л. 256.

[26] Память: Т. 3. Тюменская область. [Б. м.], 1994.

Незадолго до Октябрьской революции до Березова, а затем и до Обдорска была проложена телеграфная линия, и в уезде появилась новая профессия – телеграфист. Среди первых местных жителей, овладевших ею, был и представитель от Бешкильцевых – Александр Львович, в декабре 1917 г. он был уже помощником начальника почтово-телеграфной конторы. В пору отрочества он три года отработал у купца Плеханова и на скопленные деньги смог прожить те шесть месяцев, что потребовались для учебы на телеграфных курсах, помощи ждать ему было неоткуда. Впоследствии он освоил еще и бухгалтерское дело и стал очень нужным человеком. В предпенсионные годы работал главным бухгалтером Березовской районной конторы связи. Как ценный и безупречный работник в 1954 году он был награжден орденом Ленина.[27]

Из тех, кто прошёл войну и возвратился на родину, упомяну троих. Это внук расстрелянного Ивана Михайловича Бешкильцева Александр Аввакумович. После окончания школы колхозно-промысловой молодёжи в Берёзове в 1931 г. он поступил в Тобольский рыбопромышленный техникум и в 1936 г. окончил его, получив специальность техника-рыбовода. Проработав два года инспектором Обьрыбвода, в мае 1938 года был принят лаборантом-ихтиологом в научно-исследовательское учреждение – Тобольскую рыбохозяйственную станцию. Затем призван на армейскую службу на Тихоокеанский флот. В октябре 1942 года отправлен на Сталинградский фронт, где получил тяжёлое ранение в голову. Летом 1943-го уволен из армии, и возвратился к работе научного сотрудника-ихтиолога, исследовал рыбные водоёмы во многих районах Тюменской области.[28]

Сын Карпа Антиповича, Василий Карпович рос и взрослел в 20-е годы, разделяя все тяготы жизни с оставшимися родными старшего поколения. Окончил четыре класса – пошел охотиться, рыбачить, в 14 лет вступил в колхоз. Из колхоза смог выйти благодаря дефициту учителей: в новом социалистическом поселке Сосьва, построенном для помещения в нем мансийской культурной базы, он поступил на учительские курсы и уже через три месяца был отправлен в юрты Оурья, оттуда – в Сангитур, Беткащ, Сосьву, учил грамоте манси, в том числе и взрослых. А в 1940 году призвали в армию, на Дальний Восток. Прошел всю войну и вернулся в Сосьву. Вскоре его избрали председателем колхоза деревни Кимкьясуй. Колхозом он вполне успешно руководил много лет, а затем, имея безупречный авторитет, возглавил Сосьвинский рыбоучасток. С детства живший среди манси, он не только владел их языком, но и перенял навыки рыбака,

---

[27] Кузнецова А. На груди их орден Ленина // Путь к коммунизму. 1956. 22 апреля.

[28] Гос. архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

охотника и оленевода и на традиционных олимпиадах национального творчества, проводившихся культбазой, не раз побеждал в гонках на оленях.[29]

Упомянутый выше Прокопий Кириллович Бешкильцев (1922 – 2002), родился в Сартынье, но ещё до войны переехал в новый посёлок Сосьва. Здесь прожил большую часть жизни. В Берёзовском районе он был известен как великолепный мастер рыбного промысла, в этом он оказался достойным продолжателем дела своих предков-рыбопромышленников. В августе 1941-го его призвали в армию. На фронте он был разведчиком, снайпером, бойцом роты автоматчиков, радистом, отстаивал Ленинград, Москву, воевал в Карелии. Только в 1947 году удалось вернуться в Сосьву. В первые послевоенные годы работал киномехаником красного чума, лесничим, а с 1950 года рыбачил и охотничал в колхозе. В 1961 г., когда, объединив два колхоза, образовали из них рыбоучасток, перешел в него и уже трудился здесь постоянно, больше 30 лет.

Рыбацкое дело было знакомо Прокопию Кирилловичу с 12 лет в многочисленных его тонкостях, и бригада, которой он руководил, всегда выполняла планы, нередко даже добывала вдвое и втрое больше, чем требовалось, за что и был он награжден орденом Октябрьской революции.[30]

Тонкий знаток жизни местных водоемов, Прокопий Кириллович был увлечен промыслом и со своими напарниками переконструировал орудия промысла, делал их более уловистыми. Однажды придумали, как перехитрить чебака, и начали облавливать одну очень богатую им речку. С первого же раза попалось 15 тонн. И тут многоопытный рыбак Бешкильцев получил нежданный урок. Когда из речки вычерпали уже 70 тонн чебака, рассказывал он, подошел местный рыбак-манси Василий Иванович Лелятов: «В этой речке, – говорит, – своя рыба, чужая сюда не заходит. Эту выловите и до конца жизни больше не увидите». Прокопий Кириллович рассказал об этом предупреждении начальнику участка, но тот махнул рукой: «Что ты всех слушать будешь? Твое дело план выполнять. Чем больше выловишь, тем лучше». На третий год рыбы действительно не стало. Не появилась она и еще через несколько десятков лет. Вот красноречивый пример, с одной стороны, мудрости местных манси и, с другой, практики хозяйствования тех лет.[31]

---

[29] За большевистские колхозы. Березово, 1950. 30 марта; 1952. 1 апреля; Путь к коммунизму. Березово, 1958. 26 февраля, 30 марта; 1975. 11 февраля.

[30] Рыскужин И. Всегда впереди // Тюменская правда. 1980. 5 янв.; Вагатова М. Земля красна людьми… // Ленинская правда. 1985. 6 марта; Бешкильцев П. Летчиком быть я не хотел // Новости Югры. 2000. 9 мая.

[31] Бешкильцев П. Поруганный край непуганых // Жизнь Югры. 1999. 26 мая.

Прокопий Кириллович охотно включался в разговоры с журналистами, от него можно было услышать много интересного и поучительного. Благодаря этому мы имеем возможность проиллюстрировать его словами глубину забвения советскими людьми собственной истории. Память российского народа омертвела в XX столетии, и представления о прошлом так причудливо искажены, что отделить подлинное от лукавого – совсем непростое дело. И можно только горько посетовать на нашу общую утрату живой связи с прошлым.

По чьим-то рассказам у Прокопия Кирилловича сложилось представление, будто в Сартынье до начала XX века жили казаки, что, конечно, не так. А вот записанная с его слов корреспондентом «Жизни Югры» картина революционных событий в Сартынье.

«В январе 1918 года пришла в Сартынью нежданно беда. Приехали солдаты под командованием М. Богданова и объявили населению, что власть сменилась, она стала советской, красноармейцы приехали наводить порядок. Их сопровождали на оленьих нартах оленеводы, завербованные по дороге от Ивделя. Напуганные жители Сартыньи подчинились. По заказу Богданова олени с нартами были отобраны у населения. Меховую одежду, пушнину, продукты из казенного амбара тоже забрали, и все было погружено на грузовые оленьи нарты. Что приглянулось, тоже взяли.

Перед отъездом собрали народ и предупредили, что кто против советской власти, будет строго наказан. Для примера связали семью Бешкильцева Нестера – более десяти человек – взрослых, детей, женщин вывезли на реку и живыми столкнули в прорубь под лед. Отъехав три километра от Сартыньи в сторону Няксимволя, расстреляли всех проводников-оленеводов... Через несколько лет выяснилось, что это были не красноармейцы, а бандиты.

Летом 1918 года, дождавшись парохода, напуганные казаки уехали на большую землю. В Сартынье остались от Бешкильцевых Спиридон с женой и сыном Василием, который не имел права оставлять Сартынью без указания сверху».

Редакция газеты нашла нужным заметить, что воспоминания «несколько фрагментарны, не всегда увязаны в единую цепь событий, и мы не можем с уверенностью судить об их исторической достоверности». И все же напечатали, хотя это и не воспоминания, а отрывочный пересказ слышанного, поставив рассказчика в неловкое положение. Одно дело – сказать собеседнику с глазу на глаз, а совсем другое – всем читателям.[32] Подобные случаи нередки, и это понятно: люди были принуждены к забвению; помнить о «неправильных» лицах и событиях, а тем более говорить о них вслух было опасно. Старшие берегли младших от «лишнего» знания.

---

[32] Поруганный край непуганых // Жизнь Югры. 1999. 26 мая.

В.В. Фарносова, участвовавшая в 2008 году в экспедиции «Славянский ход», в книге «Предназначение» сообщает о встрече в Сосьве с сыном П.К. Бешкильцева Игорем Прокопьевичем: «На вопрос, какое отношение Игорь Прокопьевич имеет к богатому сартыньинскому Бешкильцеву, он ответил лукаво: «Дом его разбирал, первый этаж в Сосьву перевезли, детский сад из него построили. Когда обшивку снимали, нашли долговую книгу. Родней нашей вряд ли он был, может, дальней, мы бедно жили».[33] Между тем его отец в воспоминаниях, записанных сосьвинской учительницей и создательницей местного музея А.М. Хромовой, сообщает: «Под контору рыбкоопа перевезли двухэтажное здание, купленное у Бешкильцева Калистрата Михайловича, брата моего дедушки».

Приходится признать, что наше прошлое для нас – сплошное белое пятно. Мы невежественны в этой области, потому что местная история до сих пор плохо изучается, мы до сих пор боимся нарушить установленные когда-то ложные каноны. А изучать и знать ее по меньшей мере так же необходимо, как отечественную историю. Хочется верить, что когда-то настанет для этого светлое время.

3. Родовая стойкость

Публикуя в течение нескольких лет в журнале «Югра» материалы по истории русских старожильческих родов, я нередко получал отклики. Ныне живущие отпрыски этих родов сообщали новые подробности фамильных историй. Однажды позвонила из Тобольска педагог и научный работник Вера Александровна Тихомирова, по рождению – Бешкильцева. Ей хотелось продолжить разговор, начатый в пятом номере журнала «Югра» за 2006 г. Некоторое время спустя удалось встретиться с ней и ее сестрой Маргаритой Александровной Степановой. В долгой увлекательной беседе открылись новые повороты судеб Бешкильцевых – как драматические, так и счастливые.

В начале 30-х годов, после раскулачивания родственников, семья Аввакума Ивановича, деда сестер Бешкильцевых (некоторые сведения о нем даны выше), была вынуждена спешно уехать из Березова. Собирались буквально перед отходом парохода. Дед пришел с работы и сказал: «Немедленно собирайтесь, мы должны на этом пароходе отплыть». И увез он свою большую семью в Тюмень, где жил и его брат Михаил, позднее репрессированный, с матерью Таисьей Васильевной.

[33] Фарносова В.В. Предназначение: Статьи. Очерки. Интервью. Екатеринбург, 2011. С. 37.; Хромова А.М., Хромов В.В. Живой очаг культуры: очерки из истории Сосьвинской культбазы. Ханты-Мансийск, 2000.

Жили в Тюмени очень бедно. Вера Александровна рассказывает, что ее отец Александр Аввакумович, поступив в Тобольский рыбтехникум, и летом, и зимой носил марлевые подштанники и тапочки на резиновой подошве, зимнего пальто не было, его заменял легкий плащ. «Когда он провожал маму из техникума домой в подгорную часть Тобольска, – пересказывает она воспоминания матери, – мама спрашивала, не замерз ли он, и папа бодро отвечал: «Что ты, я очень тепло одет». Потом уж, когда поженились, мама говорила: «Да где же тепло-то! В марлевых штанах». Маме тоже пришлось несладко: семья ее была репрессирована, и ее удочерил дядя Сеня, бывший священником. Он же поддерживал и семью деда в Тюмени, которая во время войны очень нуждалась. Сохранилось письмо отца с фронта, в котором он благодарил дядю Сеню за эту поддержку».

Поженились родители в 1936 году, после окончания техникума, а в 1939-м Александра Аввакумовича забрали в армию. В сорок втором из Владивостока, где он служил сигнальщиком на флоте, отправили под Сталинград, в район Калача. Провоевал недолго, так как получил тяжелое ранение в голову из-за того, что на задание полз, держа в зубах каску с патронами, и голова оставалась незащищенной. Ранение оказалось очень серьезным, но профессор Лурье в челябинском госпитале его спас: сделал какую-то уникальную операцию. Лурье говорил, что он недолго проживет.

«В годы моего детства, – продолжает Вера Александровна, – у папы бывали приступы эпилепсии. Бился в судорогах. Мы ухаживали за ним и очень жалели. Недалеко от нас жил врач Тутолмин, он лечил папу. Постепенно эпилептические приступы стали проходить, и со временем папа стал совсем нормальным. Только на рентгенограмме головы было видно темное пятно, а если погладить рукой, слышалась пульсация.

Когда папа вернулся с фронта, он стал работать по своей специальности рыбовода, и начались его длительные экспедиции. За свою жизнь он объездил весь Тюменский Север и очень хорошо его знал. Он с гордостью вспоминал, что однажды у него проводником был ненец Вануйто, которого позднее избрали депутатом чуть ли не Верховного Совета.

Жили мы, как и до войны, у дяди Сени на улице Володарского. Папа любил нас с Ритой, рисовал нам картинки, делал игрушки».

Маргарита Александровна добавляет: «В 1945 году на день рождения он устроил мне праздник: на кусочки черного хлеба положил соевые конфеты и такими пирожными угощал. Помню это до сих пор».

Далее привожу рассказ Веры Александровны Тихомировой полностью со всеми его подробностями.

«В 1945 году, когда родилась я, мама питалась плохо, голодала, и я была слабой. Мама потом вспоминала, что сидела возле меня и плакала, потому что я уже ничего в рот не брала. Папа приходил с работы и все говорил: «Корми ее. Корми». Когда жить стало чуть-чуть полегче, мама

стала позволять себе забеливать чай молоком. Я с изумлением восклицала: «Разве мамы молоко пьют?» Тогда у нее были единственные юбка с кофточкой, в субботу она их стирала, в воскресенье сушила и в понедельник шла на работу.

Расскажу о папиной семье. Очень сильной женщиной была его мать. Во время войны ее сын Володя заболел туберкулезом. Бабушка в то время работала на фабрике швеей по 12 часов в смену. Потом приходила домой и ночью шила какую-то стеженую фуфайку. Утром дед шел на рынок и менял эту фуфайку на буханку хлеба, а бабушка снова шла на работу. Кроме того, она еще бесплатно шила для врача, чтобы он выписал больному Володе лишнюю порцию рыбьего жира. Тяжелый груз лег на ее плечи. Видимо, от переутомления у нее начались приступы летаргического сна. Тогда на фабрике ей стали выделять 15 минут, чтобы она могла немного поспать на стульях.

Бабушка была верующая и всегда говорила: «Меня Бог поддерживает». Заболев раком кишечника, она стойко переносила боль, считая болезнь испытанием, посланным от Бога. Она все стерпела без единого обезболивающего укола.

Хотя семья дедушки спешно переехала в Тюмень, бросив все в Березове, и пришлось заново налаживать семейное хозяйство, все дети получили образование.

Дядю Ваню мы не знали. Он окончил физико-математическое отделение Тюменского педагогического института. Началась война, его взяли в артиллерию, и он погиб под Ленинградом. Тетю Фаю, старшую папину сестру, я тоже не застала, она умерла в 1943 или 1944 году. Дядя Костя окончил, по-видимому, Омский педагогический институт, тоже физико-математическое отделение, и во время войны тоже служил в артиллерии. В конце войны оказался на Дальнем Востоке, потом был переведен в Балтийск и Таллин. Службу закончил в чине полковника. Будучи студенткой в Москве, я на праздники летала к дяде Косте в Таллин. Он был очень добрым, внимательным, водил меня по городу.

Дядя Сережа, Сергей Аввакумович Бешкильцев, художник, окончил Свердловское художественное училище. На войне был ранен в левую руку, но правой кисть держал хорошо и до последнего времени рисовал. Ездил в Тобольск к своему другу художнику Григорию Бочанову на этюды.

Мы любили слушать интересные рассказы дяди Сережи, когда он бывал у нас в Тобольске. Последние 12 лет он работал художником в Главтюменьгеологии. И уже лет пять он не работает. (11 апреля 2008 г. «Тюменская правда» опубликовала сообщение о смерти С.А. Бешкильцева на 84-м году жизни. – В.Б.). Его сын Володя – архитектор, участвовал в проектировании школ для Ханты-Мансийского округа.

Тетя Юля всю жизнь проработала бухгалтером, живет в Тюмени.

Дядя Володя – архитектор. Окончил Свердловский архитектурный институт, приехал в Тюмень и здесь дослужился до должности главного архитектора области. Потом переехал в Москву.

Вернусь к нашей семье. Мы с Ритой с медалями окончили школу в Тобольске, потом институты. Рита получила специальность горного обогатителя, работала в Красноярске в одном из исследовательских институтов, но потянул к себе родной Тобольск. Вернулась. Преподавала химию в школе, организовала лабораторию на нефтехимкомбинате.

Ее сын Алеша учился в физико-математической школе, потом с отличием окончил Новосибирский университет, работал в Институте математики в Академгородке, написал диссертацию, посвященную алгебраическим кольцам. Эта диссертация вместе с двумя работами его новосибирских коллег была опубликована в США отдельной книжкой. Теперь он в Тобольске заведует кафедрой алгебры в пединституте.

А я, младшая в семье, окончив в 1963 году с золотой медалью школу рабочей молодежи в Тобольске, поехала в Москву поступать в университет, на химфак. Срезалась на математике, но сдала вступительные экзамены в Московский химико-технологический институт имени Менделеева. В приемной комиссии сказала, что хотела бы заниматься биохимией – мне предложили поступать на инженерно-химико-технологический факультет. Пошла туда. Оказалось, что спецфак «менделеевки» готовит специалистов по ракетному топливу. В 1969 году окончила институт и по распределению приехала в Пермь, где и проработала около 30 лет в оборонной промышленности, стала кандидатом технических наук. Теперь я доцент Тобольского филиала Новосибирской водной академии. Муж, Борис Кузьмич, – тоже кандидат наук, доцент, преподает в индустриальном институте. В Тобольске же работает и наш сын.

Вот так и случилось, что, вылетев много лет назад из родного гнезда, мы снова «слетелись» в Тобольске...».

Снова я имел случай убедиться, что мои земляки, коренные северяне, претерпевшие преследование за свое непролетарское происхождение и прошедшие через большие потери и многочисленные мытарства, вынесли всё с достоинством и в конечном счете смогли возродиться.

Сухоруковское древо (Протопоповы)

1. Андрей Степанович

Фамилия Протопоповы, указывающая на первоначальное происхождение из духовенства, постепенно проникла в другие социальные слои и широко распространилась. В нашем крае поначалу она тоже была почти исключительно «поповской». В XVIII и первой половине XIX в. Протопоповы концентрировались в Самарово, это были священники и дьяконы Покровской церкви. Но особенно плотно они населили обское село Сухоруково, расположенное ниже по течению от Самарова. Так, в 1762 г. дьякон церкви Покрова Пресвятой Богородицы Самаровского яма Семен Протопопов был произведен в священники и отправлен в село Сухоруковское Самаровского заказа. Здесь он служил и 20 лет спустя.

Перепись населения (так называемая «ревизия») 1782 года зафиксировала в Сухорукове семейство бывшего дьякона местной церкви Сошествия Святого Духа (Духосошественской, Духовской) Матвея Протопопова, имевшего сыновей Петра, Семена, Василия и Андрея. Все они в разное время находились при той же церкви, и от них пошли новые поколения сухоруковцев. Сам Матвей еще в 1753 г., тогда дьячок, по просьбе сухоруковцев произведен в священники и остался в Духовской церкви, позднее здесь же служил дьяконом.

Еще одно семейство Протопоповых, к которому принадлежали братья Иван и Илья Васильевичи, тоже происходило из священноцерковнослужителей. Илья Васильевич был дьячком Сухоруковской церкви. По его же стопам пошли сыновья Михаил и Иван. А Иван Васильевич, женатый на дочери местного священника Семена Протопопова, в 1790 г. был причислен к березовскому купечеству с объявленным капиталом в 1025 рублей. Трое его сыновей принадлежали к местному крестьянскому обществу,

Андрей Степанович Протопопов

а четвертый в 1813 г. был отдан в рекруты. Были Протопоповы и среди казачества – как в Березове, так и в Обдорске.[1]

Предстоит еще разобраться в разветвлениях родословной Протопоповых, а пока приведу некоторые сведения об одном из ее отростков, который идет от Степана Васильевича Протопопова – возможно, внука только что упомянутого купца Ивана Васильевича. У него было три сына: Платон, Афанасий и Андрей. Последний из Сухорукова перебрался в Обдорск – к более богатым рыбой местам низовья Оби. Там он арендовал несколько рыболовных угодий – одни в компании с братом Афанасием, другие – с промышленниками *Мещеряковой* и И.А. Нижегородцевым – и весьма успешно вел промысел и торговлю, был одним из наиболее заметных местных участников Обдорской ярмарки и выезжал в середине зимы на Ирбитскую ярмарку, в 1890-е годы был даже купцом второй гильдии.

При этом Андрей Степанович не принадлежал к числу крупных промышленников и многое на промысле делал сам – например, прекрасно солил рыбу. Тобольская газета «Сибирский листок» опубликовала однажды в хронике такое сообщение: «Протопопов, плывший за льдом, успел засолить большое количество рыбы». По известным нам фактам создается впечатление, что это был умный, предприимчивый и изобретательный хозяин. *А.А. Дунин-Горкавич,* останавливавшийся во время своего путешествия на промысловом заведении Протопопова Сангомы, писал: «На этом заведении нам впервые пришлось увидеть укупорку рыбы в плетеные таловые корзины. Сделаны они очень практично, напоминая собою носилки, что облегчает переноску рыбы при нагрузках и выгрузках». Известен случай, когда, торопясь в Обдорск ко дню бракосочетания дочери, он попал в шторм, и его лодку, шедшую под большим парусом, сильным порывом ветра перевернуло кверху дном. Андрей Степанович не растерялся, сумел выкарабкаться на днище и продержался на нем, пока не подобрали проплывавшие мимо рыбаки.[2]

---

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1456; Оп. 2. Д. 455; Ф. 154. Оп. 8. Д. 274, 532. Л. 33 об.; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 3. (Н – Р). Кн. 3. Новосибирск, 1997. С. 61.

[2] Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства. СПб., 1909. С. 36, 62; Городская хроника // Сибирский листок. 1901. 14 июня; Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника. Шадринск, 1993. С. 31.

Успеху промыслового дела, видимо, способствовали природная сметливость А.С. Протопопова, его знание реки и добрый нрав. У него были хорошие отношения с ханты, он свободно владел их языком; по свидетельству современника, слыша разговор со стороны, трудно было определить, русский говорит или природный остяк. Ханты звали его Ай-Андрей (Маленький Андрей).

Семьи Афанасия Степановича Протопопова (второй справа) и Александра Николаевича Седельникова (второй слева)

В Обдорске Андрей Степанович был авторитетной личностью. Уважение он заслужил прежде всего как деятельный православный христианин. С 1896 г. он шесть трехлетий подряд избирался церковным старостой Обдорской Петропавловской церкви и, кроме этого, был в начале XX столетия заботливым попечителем церковно-приходской школы и членом местного миссионерского братства. Храму он сделал несколько дорогих пожертвований. В середине 1890-х гг. помог построить интернат для инородческих детей при духовной миссии, согласившись вместе с *П.Ф. Тележкиным* вырубить необходимый для постройки лес, приплавить его по весне 1900 г. и построить здание. За отличия на этой службе в 1910 г. Андрей Степанович был награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, а в 1915 г. получил звание личного почетного гражданина.[3]

Мирские общественные дела также не были безразличны Андрею Степановичу и распространялись они не только на Обдорск, но и на Березов. Из «Отчета Березовского уездного училища о состоянии учебно-воспитательной работы за 1901/1902 учебный год» узнаём, что А.С. Протопопов уже не попечитель обдорского училища, а почетный блюститель березовского. «Плата за помещение училища, нанятое у купца Равского, – говорит документ, – производилась за счет взноса почетного блюстителя. […] А.С. Протопоповым передано в распоряжение педагогического совета 100 р. на устройство для учащихся развлечений и на снабжение бедных учеников одеждою и учебными пособиями… Кроме того, он сделал взнос как почетный блюститель 200 р.» А инспектор народных училищ Тобольской

[3] Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 15; 1900. № 6; 1910. №11; 1914. № 1; 1915. № 5, 9, 24; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 27. Л. 10 об. – 11; Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Нижневартовск, 2008. С. 196.

губернии А.И. Гуляев после проведенной проверки училищ Севера счел нужным заметить, что «г. Протопопов… не стесняется довольно значительными средствами в пользу училищ».[4]

Живя на краю огромной губернии, А.С. Протопопов не был замкнутым в узком мире личных интересов провинциалом, ему были близки и экономические, и культурные её интересы и нужды. В 1910 г., когда тоболяки и северяне ходатайствовали о проведении железной дороги до Тобольска, он направил в Тобольск заявление в поддержку этого ходатайства. В 1895 г. обдорское общество поручило ему возглавить депутацию для приветствования от местных жителей членов гидрографической экспедиции во главе с подполковником *Вилькицким*.[5]

С середины 90-х годов А.С. Протопопов помогал Тобольскому губернскому музею собирать коллекцию. Одним из ценных его пожертвований были шкурки песца, по которым можно было проследить все возрастные стадии его развития. Сначала Протопопов представил их на Курганскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку 1895 года, организованную губернским агрономом *Н.Л. Скалозубовым*, после чего и пожертвовал музею. Есть денежный вклад Андрея Степановича и в строительство в Тобольске здания просветительного учреждения – Народной аудитории, которое возводилось на средства не только тоболяков, в нем участвовали лучшие люди из разных мест губернии. Это здание не сохранилось, в советское время в нем помещался театр.[6]

Кроме того, Андрей Степанович состоял в Тобольском отделении Императорского общества судоходства и избирался почетным мировым судьей.

Необходимо сказать и о том, что Андрей Степанович, судя по сохранившимся воспоминаниям его дочери Марии Андреевны, был добрым, заботливым и умным главой семейства. На главном своем рыбном угодье – песке Сангамы – он построил дом на всю семью, чтобы не разлучаться и летом, в промысловую пору. Дети, Андрей и Мария, конечно, не занимались непосильным для них взрослым трудом, но все же, как и все на песке, добывали рыбу специально приготовленным детским неводом. За долгие три месяца довольно однообразной жизни на берегу большой реки они неспешно, не мимоходом сживались с родной северной природой.

[4] История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 271, 273; Городская хроника // Сибирский листок. 1900. 14 дек.

[5] К вопросу о сравнительных преимуществах шлюзования рек Туры и Тобола и железной дороги до Тобольска // Сибирский листок. 1910. 25 июля; Городская хроника // Сибирский листок. 1895. 4 окт.

[6] Отчет консерватора Тобольского губернского музея Н.Л. Скалозубова за 1896 год // Сибирский листок. 1897. 16 окт.; Сибирский листок. 1899. 9 сент.

Занятый рыбацкими делами, Андрей Степанович и на промысле оставался заботливым отцом. «Перед 22-м августа, т. е. перед днем именин девочки, – пишет Мария Андреевна в своих воспоминаниях, – отец, встав пораньше, что-то пилил, строгал, долбил, вообще что-то мастерил из дерева, готовил какой-то подарок дочке. Когда в день именин девочка получила окрашенную суриком кроватку для своей куклы, она была счастлива: о лучшем подарке она не могла и мечтать».[7]

Дома, в Обдорске, они также имели ежедневные трудовые обязанности: мытье посуды, уборка снега во дворе, доставка воды с реки на собачьей упряжке. Вот как начиналось зимнее утро в семье:

«Андрей Степанович вышел из дверей своего крепко сколоченного дома, стал сбрасывать снег с крыльца и прокладывать пока узкие дорожки по обширной ограде. Было еще совсем темно… На помощь отцу выбежали его дети… Им не полагалось долго засыпаться по утрам, и в семь часов они были уже на ногах. Имея в руках небольшие легкие лопаты, они бойко принялись за дело. Часов в восемь на крыльцо вышла мать и, посмеявшись над мужем, у которого с усов и бороды свешивались длинные ледяные сосульки, делая его похожим на фантастического Деда Мороза, позвала работников к первому чаю».

После утренней уборки снега дети под руководством домашнего учителя из политссыльных обучались арифметике, чтению и письму. Когда они подросли, отец отдал сына в Тобольское духовное училище, а дочь – в Мариинскую женскую школу. Для получения права на её поступление Андрей Степанович стал платить ежегодно известную сумму гильдейского сбора и в течение шести лет её обучения был купцом второй гильдии. Зимами он приезжал повидаться с ними за полторы тысячи верст. В одну из таких поездок Андрей Степанович привёз тобольским косторезам несколько мамонтовых клыков и получил в обмен красивый письменный прибор в стиле северных картин: тут были олени, нарта, чум, который служил крышкой для чернильницы. Ветвистые же рога оленя служили для того, чтобы класть на них ручки и карандаши.[8]

Спустя многие годы дочь с благодарностью вспоминала, как отец ненавязчиво, без нравоучений прививал ей и брату открытость миру, желание познавать окружающее, не замыкая себя в кругу домашних интересов. После окончания дочерью женской школы в Тобольске Андрей Степанович благословил ее на брак с березовским учителем *Федором Филипповичем Ларионовым*, который оказался счастливым. Эта молодая семья вскоре стала одним из центров духовной жизни уездного городка.

---

[7] Ларионова М. Девочка Маша // Подорожник. Екатеринбург, 2007. С. 97.

[8] Указ. соч. С. 85 – 86, 92, 100.

Супруги К.И. и М.А. Протопоповы. Тобольск, 1925 г. («Юганский культурно-санитарный отряд»)

Мария Андреевна была ближайшей помощницей Ф.Ф. Ларионова в его школьных делах, кроме того, она опубликовала работу об обдорских свадебных обрядах и записала несколько свадебных песен.[9]

В этом же духе Ларионовы вырастили и двух своих сыновей. Оба получили образование сначала в Тюменском реальном училище, а затем в Томском университете и стали крупными специалистами: один в области биологии, другой – медицины.

2. Просветитель

В Обдорске Протопоповы оставались и после Октябрьской революции. Андрей Степанович как человек умный и не амбициозный, видимо, сразу понял, что общественная деятельность при новой власти требует совсем иных качеств и бывает наказуема, и жил незаметно. По словам правнучки А.С. Протопопова Марии Михайловны Протопоповой, он умер приблизительно в 1935 году и завещал дом ее отцу Михаилу Андреевичу Протопопову (1900 – 1969) – крупному деятелю просвещения и организатору краеведческого движения на Тобольском Севере в 1920-е и 1930-е годы, от которого последний отказался.

По окончании Тобольской гимназии в 1919 г. Михаил Андреевич избрал для себя путь учителя и начал его с преподавания в обдорской школе первой ступени. Но вскоре оказалось, что деятельной натуре Протопопова невозможно ограничиться одним добросовестным исполнением учительских обязанностей. Во внеурочное время он стал читать на самообразовательных учительских курсах лекции, а еще большую часть своего досуга отдавал местному музею.

[9] Ларионова М. Зырянская и русская свадьба в Обдорске // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1905; Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984.

М.А. Протопопов (крайний слева в переднем ряду) среди участников 1-го Обдорского районного ученического съезда. Январь 1925 г. На заднем плане – плакат: «Прочь с дороги, мир отживший...»

В 1919 г. музей, открытый в начале XX в. по инициативе настоятеля Обдорской духовной миссии *Иринарха Шемановского*, был изъят из ведения миссии. К тому времени он уже пришел в запустение. «Сибирский листок» сообщал 23 июля 1919 г.: «Ныне разборкой коллекций и приведением музея в порядок занялся М.А. Протопопов, – работая по 14 часов в сутки, он с помощью сотрудников привел в порядок уже зал коллекций и занялся порядочной библиотекой музея... Обдоряне народ богатый, им следует прийти на помощь музею и оказать всяческое содействие таким ревнителям просвещения Тобольского Севера, как М.А. Протопопов».

В Обдорске Протопопов учительствовал до лета 1923 г., после чего был освобожден от занятий «на предмет выезда для дальнейшего образования». В Государственном архиве Югры есть документ, в котором отразилась обеспокоенность Березовского уездного отдела народного образования судьбой обдорского музея в связи с отъездом заведовавшего им учителя в Томский университет и отсутствием лица, которому можно было бы передать его.

Преподаватели и ученики Тобольской гимназии.
Михаил Протопопов – четвертый слева в среднем ряду

Но что-то воспрепятствовало осуществлению мечты молодого учителя о высшем образовании. Скорее всего, его репутация ценного практического работника. Вместо Томска он оказался в Тюмени, где опять утонул в школьных делах, вступив в заведование школой первой ступени. Этим же летом ему пришлось совершить поездку в Москву с группой представителей коренных народов Дальнего Севера на Всероссийскую выставку. За год жизни в Тюмени Михаил Андреевич обогатился новым учительским опытом, а кроме того, в Тюмени он впервые начал публиковать в местных газетах статьи на темы народного образования.

Из Тюмени Протопопов был приглашен в Тобольск на должность школьного инспектора Тобольского окроно по Северу. Проработав в этом качестве около года, он, по его собственным словам, «почти всё время провёл в беспрерывных разъездах по школам огромного Северного инспекторского района». В своих поездках Михаил Андреевич видел далёкую от

совершенства постановку образования в сельских школах. Полный желания способствовать улучшению дела, он внимательно приглядывался, нет ли где перспективных ростков нового, на которые можно опереться в развитии северной школы. Один из таких примеров описан им в тобольском краеведческом журнале «Наш край» в статье «Яркий проблеск» – об остяцкой школе в поселке Мулигорт Березовского района.

Мулигортская школа на момент посещения её Протопоповым проработала всего два месяца, и делать далеко идущие выводы было преждевременно. Понимая это, Михаил Андреевич тем не менее как энтузиаст школьного строительства был воодушевлен столь необычным началом. «Остяки – способный и старательный народ, – заключает он. – Причина же длительного культурного сна туземца объясняется, с одной стороны, нашим неумелым и грубым подходом к ним, а с другой – вообще поразительным невниманием, которое мы, русские, проявляли по отношению аборигенов края на протяжении ряда столетий и смотрели на них только как на поставщиков ценной пушнины и ясака. При осторожном и умелом подходе к остякам последние охотно и доверчиво тянутся к свету и ярко проявляют свои способности и старательность к работе».[10]

Возвращаясь из дальних и долгих поездок с подобным багажом, Михаил Андреевич заслужил репутацию «работника научно-углублённого характера», как написано в характеристике, данной Тобольским окроно. Сам же он писал в автобиографии тех лет: «Наиболее целесообразным свое использование мыслю в области работ по народному образованию Дальнего Севера, в работе по составлению всех северных учебников 1-й ступени и научном обследовании северных окраин и Урала». Весьма ответственное поручение подобного характера не заставило себя ждать.

В середине 20-х годов остро встал вопрос о содержании и формах культурной политики государства в отношении малочисленных народов Российского Севера. Тобольский комитет Севера предложил поставить опыт: послать в Сургутский район, национальное население которого особенно нуждалось в медицинской и культурной помощи, передвижной культурно-санитарный отряд. Руководство им было поручено Михаилу Андреевичу. Помимо его опытности в деле просвещения комитет Севера при выборе кандидатуры начальника отряда привлекло то, что Протопопов имел отчетливо определившийся интерес к изучению этнографии северных народов.

Отряд в составе М.А. Протопопова и фельдшера Ефима Алексеевича Калашникова выехал из Тобольска последним рейсом парохода «Усиевич» и в конце октября 1925 года был в Сургуте. В самой гуще туземного населения они провели зиму, весну и половину лета. Вот как подытоживал

[10] Наш край. 1925. № 6(10). С. 28 – 33.

результаты первых четырех месяцев работы, основываясь на информационных письмах отряда, секретарь Тобольского комитета Севера М.П. Копотилов. По его мнению, за это время был собран ценный материал о быте ханты и выработалось представление о методах возможной среди них культурной работы. Чтобы достичь этого, пришлось прежде всего преодолеть недоверие туземцев, стоически и безоговорочно приняв все условия их быта, отбросив даже элементарные культурные привычки, забыв «про брезгливость, прямую возможность заразы и т.д.». В ответ ханты стали охотно обращаться за медицинской помощью, с октября по февраль Калашников принял 304 больных. Проявили они интерес и к беседам о кооперации, государственном страховании и др., которые сопровождались демонстрацией изображений с помощью «волшебного фонаря», задавали много вопросов. Даже стали обращаться в отряд для разбора своих конфликтов. В конце января 1926 г. Протопопов сделал подробный доклад на расширенном собрании представителей окрисполкома и райисполкома и делегатов районного съезда Советов. Работа отряда была признана вполне удовлетворительной.[11]

Этот добросовестнейшим образом проведенный девятимесячный опыт был внимательно изучен специалистами в области межнациональных отношений, и на рубеже 20-х и 30-х годов стали организовываться «красные чумы» – учреждения для культурно-политической работы среди коренных малочисленных народов, обслуживавшие население бассейнов крупных притоков Оби.

Трудный год остался позади, перед членами отряда обозначилась реальная и желанная перспектива учебы. Е.Т. Калашников уже был устроен на медицинский факультет Томского университета, и Тобольский комитет Севера хлопотал об устройстве Протопопова. Председатель комитета К. Желтовский писал 11 августа 1926 г. в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, что стремление Протопопова к получению высшего образования с широким общественно-политическим уклоном остаётся твёрдым, и просил помочь в устройстве его в Московскую академию социального воспитания, хотя бы вольнослушателем, и посодействовать в предоставлении ему работы по туземным вопросам, чтобы обеспечить его существование во время учёбы. Одновременно делались попытки зачисления на педагогический факультет Московского университета и в Ленинградский этнографический институт. Но свободных мест в вузах уже не было, и Михаилу Андреевичу опять пришлось отложить осуществление мечты о высшем образовании до лучших времён.

[11] Копотилов М. Сургутский район: (Работа культурно-санитарного отряда Комитета Севера) // Тобольский край. 1926. № 1. С. 67 – 69; Год среди сургутских остяков (Из опыта работы культурно-санитарного отряда Комитета Севера) // Северянин. 1926. № 89.

Осенью Протопопову была предложена новая работа. Он переезжает в Свердловск и с 9 октября 1926 г. становится сотрудником Уральского комитета Севера, одновременно принимая участие в работе облплана, облоно и областной краеведческой организации по вопросам народного образования на севере Уральской области. В этом же году 3-я Уральская областная краеведческая конференция избрала его членом бюро, а позднее вновь избрала и 4-я конференция. Кроме того, Михаил Андреевич продолжал сотрудничество с редакциями газет и журналов. Его статьи конца 20-х годов были посвящены животрепещущим проблемам культурного строительства на родном Тобольском Севере, все явственнее звучали в них публицистические интонации.

В статье «Северное брожение» Протопопов пишет, что протекающая в настоящий момент «под настоятельным напором назревшей потребности мест» работа на Севере слабее всего идёт у просвещенцев. Главная причина, считает автор, заключается в том, что «в просвещенческом деле мы не имеем северной, достаточно подготовленной трудовой интеллигенции, которая сама смогла бы самостоятельно разрешить все северные просвещенческие вопросы». По мысли автора, оживлению просветработы призван помочь открываемый в журнале «Просвещение на Урале» «Северный отдел», который должен быть «поставщиком бодрящих мыслей на глухой север». Самым активным сотрудником отдела стал Михаил Андреевич, его «бодрящие мысли» шли не из кабинета, а рождались в поездках по самым отдаленным школам Тобольского округа.[12] В этот период статьи и заметки Протопопова на школьные и краеведческие темы постоянно появлялись в «Уральском рабочем», журналах «Красные вехи», «Советская Азия» и других изданиях.

В конце лета 1927 г. по настоятельной просьбе Тобольского окрисполкома Михаил Андреевич был послан в Тобольск на должность разъездного инспектора окроно по просвещению национальных меньшинств, в которой проработал год – с августа 1927 по август 1928 г., одновременно ревизуя финансовую деятельность школ-интернатов, созданных Комитетом Севера. О степени насыщенности его командировок разнохарактерными делами можно составить представление по предписанию, полученному 16 января 1928 г. Наряду с обследованием учреждений народного образования он должен был проверить работы Сосьвинского, Казымского и Шурышкарского туземных советов за 1927 год в области упорядочивания хозяйства туземного населения по широкому перечню вопросов, выяснить состояние врачебного пункта в с. Сартынья, оценить работу государственных хлебозапасных магазинов, деятельность местной кооперации по

[12] Протопопов М. Северное брожение // Просвещение на Урале. 1928. № 9. С. 72 – 74.

обслуживанию туземного населения и вытеснению частника, собрать данные о взаимоотношениях туземного и русско-зырянского населения при использовании промысловых угодий. А кроме того, Протопопов приехал в Тобольск ещё и с удостоверением иногороднего члена Уральского областного бюро краеведения для работы по Тобольскому Северу.[13]

Отработав год в Тобольске, Михаил Андреевич вернулся в Свердловск к обязанностям сотрудника Уральского комитета Севера и следующие два года занимался культурным строительством в северной части области, руководил секцией Севера областной краеведческой организации и много содействовал привлечению к её делам северных работников, участвовал в организации и ведении областной радиогазеты.[14]

В июне 1930 г. Протопопова командировали в Москву для доклада в Центральном бюро краеведения и выяснения ряда вопросов текущей работы. Одновременно несколько дел поручил ему Уральский комитет Севера. Но, наверное, самым главным для Михаила Андреевича было то, что исполнялось его давнее желание продолжить образование – областной комитет Севера командировал его на первый курс северного отделения Ленинградского педагогического института им. Герцена. С 16 июля 1930 г. он числился в длительной командировке без сохранения содержания.

В Ленинграде Протопопов проучился всего два года и при этом, наряду с учебой, заведовал кооперативно-промысловым кабинетом, преподавал политпросветработу и культурное строительство, а в январе 1931 г. его назначили заведующим подготовительным сектором и кабинетом педагогики и политпросветработы. На первой Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера он имел мандат с правом решающего голоса.

10 июля 1932 г. полустудент-полупреподаватель Протопопов был отчислен из института, т. к. вновь экстренно понадобился Свердловску, где его ждали сразу несколько обязанностей: сотрудника Уральского научно-исследовательского института педагогики, инспектора облоно по Крайнему Северу, ответственного секретаря северного совета в Уралплане и члена бюро Уральского комитета Севера. Поле деятельности, как всегда, было необъятным, а поручения подчас чрезвычайно ответственными. Так, в конце августа 1933 г. из-за задержки поставки на Крайний Север учебников, учебных пособий и материалов возникла угроза срыва своевременного начала учебного года в северных школах, и Уралоно срочно

[13] Гос. архив Свердловской обл. Ф. 677. Оп. 1. Д. 31. Л. 90.

[14] См.: Северная радиогазета: (из предыстории окружного радиовещания) // В.К. Белобородов. Обитаемое прошлое: книга негромких приключений. Тюмень, 2011. С. 248 – 250.

командировало его в Тюмень, Тобольск и на станцию Куломзино для разрешения проблемы, наделив правом получить груз на железнодорожной станции и переотправить его пароходами. Дочь Протопопова Маргарита Михайловна рассказывала, что только её болезнь спасла отца от гибели, послужив уважительной причиной для освобождения его от командировки в Берёзовский район в составе бригады для урегулирования конфликта, известного как Казымское восстание, и там погибшей.

Из всего сказанного складывается образ человека, самозабвенно трудившегося на пользу общества и родного северного края, энтузиаста народного просвещения и вполне законопослушного гражданина. В дореволюционное время такие чиновники ценились за усердие в службе, награждались чинами и орденами и жили вполне обеспеченно. Но у Протопопова новое государство, так нуждавшееся многие годы в нём, за беспорочной его службой разглядело скрытые негативные стороны, которые в ноябре 1937 г. дали мнимые основания «тройке» при УНКВД Свердловской области обвинить его в контрреволюционной деятельности и осудить на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Отбыв срок в лагерях Бурят-Монголии и Омска, Михаил Андреевич в 1947 – 48 гг. работал в Омске старшим научным сотрудником областной станции юных натуралистов. Только в 1953 г. судимость вместе со связанными с ней ограничениями была снята, и он получил возможность вернуться в Свердловск к семье. В своем ходатайстве о реабилитации Протопопов, не зная за собой никакой вины, писал: «За время пребывания в лагере я не имел никаких взысканий. Пройдя все виды работ от землекопа и лесовальщика до контрольного десятника, уполномоченного по технике безопасности и, наконец, экономиста-плановика плановой части колонии, я, кроме благодарностей, премий и поощрений, ничего не имел в личном деле». 14 января 1958 г. дело М.А. Протопопова было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления.

Приехав в Свердловск уже в предпенсионном возрасте и с подорванным здоровьем, Михаил Андреевич сумел после большого вынужденного перерыва возвратиться к делам, которым с энтузиазмом отдавался в довоенные годы, и остаток жизни прожил, продолжая дела своей молодости. До выхода на пенсию в 1959 г. работал инструктором областной детской экскурсионно-туристической станции облоно, а после ещё десяток лет, уже безвозмездно, – ученым секретарём областного совета краеведения. В 60-е гг. Михаил Андреевич получил почетные грамоты за многолетнюю активную организаторскую работу по развитию краеведения и за большой вклад в проведение Всероссийского смотра музеев; в 1963 г. ученый совет Свердловского областного краеведческого музея наградил его значком «Уральский краевед». Такова была компенсация за десять лет неволи и отлучения от любимых дел.

До многих подробностей биографии М.А. Протопопова я вряд ли доискался бы, если бы с помощью Александра Константиновича Михайленко не состоялось мое знакомство с его дочерью Маргаритой Михайловной, увы, уже покойной. Сначала мы обменялись письмами, потом удалось встретиться с ней в Москве, а затем и в Свердловске, куда она вернулась после нескольких лет жизни в столице. Общаться с Маргаритой Михайловной было удивительно легко благодаря её замечательной простоте и отзывчивости. При первой же встрече я получил от неё стопку документов и фотографий, которые использовались в публикациях в журнале «Югра» и альманахе «Подорожник» и частично переданы в Государственный архив Югры. Опубликованные работы посылал ей и с благодарностью храню её отзыв в одном из писем: «... Вам удалось сделать то, о чем всю жизнь мечтали мой отец и родственники... в своем сборнике «Подорожник», журнале «Югра»... рассказать людям об изучении жизни северян, их культуре, традициях ... не дать затеряться многим интересным фактам и материалам. Ведь это история жизни целого народа, её нужно обязательно знать, изучать и хранить как летопись, как память. С большим интересом читают все издания мои родные».

3. Крестьяне-рыболовы на рубеже веков

Но вернёмся в село Сухоруковское, откуда началось родовое древо Протопоповых на Тобольском Севере. Семена его, как мы имели возможность увидеть, рассеялись и проросли на широком пространстве. Однако и село не обеднело, продолжая рождать новых незаурядных людей.

Отдельные источники хранят сведения о сухоруковце Якове Васильевиче Протопопове, торгующем крестьянине-рыбопромышленнике, арендовавшем в 1880-е гг. обской песок Белогорский, на котором в рыболовный сезон работало до 25 русских и остяков. Он поддерживал своими пожертвованиями местную церковь, за что удостоился благословения Святейшего Синода. Священник *Петр Попов*, посетивший во время своей инспекционной поездки в 1882 г. Сухоруковскую церковь, писал о церкви и, в частности, о Я.В. Протопопове: «Круг богослужебных книг полный, но для чтения книг весьма мало, что пополнять изъявил своё согласие любитель чтения здешний житель Яков Васильевич Протопопов, воспитанник Кондинской миссионерской школы во временье архимандрита Арсения, весьма сочувственно относящийся к образованию грамотой детей своего прихода и передавший мне лично деньги на выписку из Москвы книг назидательного содержания для приходской своей церкви».

Известен ещё и такой факт благотворительности сухоруковцев: Александра Ильинична Протопопова пожертвовала 15 р. Тобольскому

губернскому комитету по оказанию помощи семьям воинов по подписным листам, разосланным в 1906 г.[15]

К 90-м годам XIX века видными гражданами Сухорукова стали потомки (по-видимому, правнуки) упомянутого в начале очерка Ивана Васильевича Протопопова – Антон и Венедикт Васильевичи, рыбопромышленники и торгующие крестьяне, в простонародье именуемые купцами. Первый из братьев в середине 1890-х гг. арендовал на Оби в трёх верстах ниже села Елизарова совместно с Петром Петровичем *Кайгородовым* рыболовный песок Голец и торговал в родном селе разными товарами. Об его имущественной состоятельности свидетельствует, например, такой факт, замеченный газетой «Сибирский листок»: в 1897 г. Тобольская городская дума приобрела у него для городской пристани за немалые деньги (1850 р.) баржу с якорями, снастями и другими принадлежностями. Вероятно, его дочерью была Еликонида Антоновна, в 1913 г. преподававшая в Берёзовской второклассной церковно-приходской школе.[16]

Его брата Венедикта характеризует как значительного в селе человека уже одно то, что он избирался церковным старостой: эта должность требовала и безусловного признания односельчанами его старшинства, и рачительности, а нередко и щедрости. Гигантскую ломку российской жизни начала XX века Венедикт Васильевич встретил в возрасте «за 50». Революции он не принял, за что и был убит в 1921 году. В конце 1922 г. президиум Березовского уездного исполкома распорядился конфисковать оставшиеся у его семьи кобылу и жеребца с полным комплектом сбруи и передать комитету взаимопомощи. А дальше за выбор отца рассчитывались перед новой властью его сыновья и дочь Марфа, расстрелянная в 1937 г. Об ее трагической судьбе подробно рассказала журналистка Валентина Патранова, к очерку которой отсылаю читателя.[17]

1921-й, год крестьянского восстания, его подавления и окончательного установления советской власти, обернулся для сухоруковцев тяжелыми потерями. Точного числа жертв и полного списка их имён ни в документах, ни в литературе, ни в памяти бывших жителей прежде большого

---

[15] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 239; Тобольские губернские ведомости. 1881. № 35; Путевой журнал протоиерея П. Попова по обозрению церквей Березовского уезда // Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004. С. 133; Тобольские губернские ведомости. 1908. № 11.

[16] Календарь Тобольской губернии на 1897 г.; ГУТО ГА в. г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418; Сибирский листок. 1897. № 7; Краткая энциклопедия … Т. 3 (Н – Р). Кн. 3. Новосибирск, 1997. С. 61.

[17] Тобольские епархиальные ведомости. 1900. 1 апр. (№ 7). С. 60; Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.; Патранова В. Марфа, Мария, Марго… // Наша общая горькая правда: историко-краеведческий сборник. Ханты-Мансийск, 2004. С. 130 – 133; Книга расстрелянных. Тюмень, 1999. С. 106.

богатого села, ныне не существующего, нигде не встречено. Вряд ли он существует. Есть лишь фрагментарные сведения. К тем, что уже названы, прибавлю имя Николая Матвеевича Протопопова, богатого крестьянина, возившего зимами рыбу на продажу в уральское село Гари – он также был расстрелян в 1921 г., имущество, конечно же, конфисковано всё, «кроме женских вещей и кухонных принадлежностей», строения переданы в пользование Елизаровского волостного исполкома, остальное – комитету взаимопомощи.[18]

К некоторым последствиям событий 1921 г. мы ещё вернёмся. А пока – несколько слов о судьбах детей Венедикта Васильевича Протопопова. Информацию я получил из достоверного источника – от его внучки Галины Кузьмовны Сорокиной, жительницы Ханты-Мансийска. Её отец Кузьма Матвеевич Корепанов, которого до сих пор добром вспоминают старые самаровцы, уроженец Сухорукова, – автор трогательной и правдивой истории о любви бедного деревенского парня и дочери купца, оказавшейся счастливой. Эта купеческая дочь, Ираида Венедиктовна Протопопова, и стала матерью Г.К. Сорокиной. Кузьма Матвеевич, чтобы уберечь жену от вполне вероятных неприятностей, не разрешал ей устраиваться на работу: а вдруг да докопаются, что она дочь купца? От Галины Кузьмовны узнал о братьях её матери – Аверкии и Назаре Венедиктовичах. Аверкий будто бы окончил Казанский университет и по возвращении домой хотел стать учителем, но по настоянию отца остался рыбаком, отцовское слово в крестьянской семье трудно было оспорить.

С надеждой узнать подробности студенческой жизни Аверкия я сделал запрос в Национальный архив республики Татарстан и получил разочаровывающий ответ: «В архивном фонде Казанского университета личного дела Протопопова Аверкия Венедиктовича за 1885 – 1916 гг. не обнаружено. В «Списках студентов, посторонних слушателей Императорского Казанского университета» Протопопов Аверкий Венедиктович за 1885 – 1917 гг. не значится». Никаких оснований не верить в то, что он в каком-то высшем учебном заведений учился, нет. Но в каком? – это ещё предстоит выяснить.

В 1921 году Аверкию удалось спастись, но в конце 20-х он вместе с братом Назаром был раскулачен, новые сельские активисты сожгли его библиотеку – «книги в золочёных переплётах», как запечатлелось в семейной памяти. Братьев отправили в так называемую «трудовую армию» в Барабинскую степь на сельскохозяйственные работы. Там Аверкий переболел тифом, и его совсем было уже похоронили, чудом он спасся

[18] Политические репрессии 1930 – 1940-х годов в воспоминаниях: Сборник документов. Ханты-Мансийск, 2004. С. 62; Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.

и через несколько лет смог приехать в Тобольск, куда затем перебралась из Сухорукова и его семья. Подробности подневольной «трудармейской» жизни хорошо переданы в его письмах к жене (см. приложение 9) – по-родственному доверительных, проникнутых любовью и заботой о семье. По словам Галины Кузьмовны, жена Аверкия Дуня звала его Верушко. По письмам отчетливо видно, что писаны они действительно образованным человеком.

От Назара осталась «Книжка ударника» с портретами Ленина и Сталина и заранее отпечатанным в типографии «Обязательством, взятым ударником по договору» – знак того, что знающий с детства цену труда, он не мог работать кое-как даже тогда, когда этот труд стал подневольным. Домой он так и не вернулся.

От той же Г.К. Сорокиной узнал я еще об одной репрессированной сухоруковской семье – Степана Александровича и Варвары Васильевны Протопоповых. В 1929 г. их раскулачили и отправили в Кондинский район, а оттуда в 1932 году – на строительство Магнитогорска. Через год родители умерли и четверо детей оказались беспризорниками, потом были взяты в детдом. Одна из оставшихся дочерей, Серафима Степановна Белова, писала родственнице: «Жизнь мотала, как ветку на шальном ветру… Проклятое «Головокружение от успехов»[19] лишило меня детства, загнало в землю прежде времени родителей. Какая уж тут «счастливая юность» – в кондинской тайге и пыльном и дымном Магнитогорске в бараке с нарами и земляным полом».

По меньшей мере троих Протопоповых потеряло Сухоруково в 1937 году[20] и около десяти – в Великую Отечественную. Из тех, кто вернулся с войны, жители южной части Ханты-Мансийска хорошо знали сухоруковского уроженца Константина Петровича Протопопова. Бывший командир минометного взвода, он сразу после демобилизации стал учительствовать в Самарово, а позднее был директором 4-й восьмилетней школы.

4. Крепкая порода

Еще об одной веточке древа Протопоповых, оторвавшейся от родной почвы, расскажу конспективно.

Осенью 1893 года сухоруковская крестьянка Ефросинья Степановна Протопопова вышла замуж за секретаря Березовского окружного полицейского управления Григория Александровича Пирожникова. Поручителями

[19] Статья Сталина, публикация которой стала началом раскрестьянивания.

[20] Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). В 2 томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 134.

по невесте были сухоруковские крестьяне Антон Васильевич, Семён Степанович и Пётр Антонович Протопоповы. Через несколько лет Пирожников стал сургутским уездным исправником и прослужил в этой должности до самой революции, после которой и он, и дети подверглись гонениям.

Семья Пирожниковых была многодетной, Ефросинья Степановна родила 12 детей, семеро из них выросли. Нескольким удалось дать хорошее образование – сначала в Мариинской женской школе и мужской гимназии в Тобольске, а затем и в институтах. Старшая дочь Пульхерия с отличием окончила медицинский факультет Томского университета, а Александра – мединститут в Омске. Семья эта примечательна еще и тем, что в ней было несколько долгожителей: сам Григорий Александрович умер на 95-м году жизни, больше 90 лет прожили Пульхерия и Александра Григорьевны и младшая из дочерей – Мария Григорьевна, хранительница семейной памяти, родившаяся 5 июля 1911 г.

С Марией Григорьевной познакомился в Екатеринбурге у неё дома. Она встретила очень приветливо, показала старые тома Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена и другие книги и журналы, которые выписывал отец, фотографии, сохранившиеся с начала века перья для писания чернилами, старые шкатулки, ёлочные игрушки, коробочки из-под халвы, от которых веяло стариной. От неё я получил подробные сведения о родителях, сестрах и братьях. Потом мы переписывались несколько лет, до самой её смерти. Мария Григорьевна была удивительно жизнестойкой и мужественной женщиной. Будучи одинокой, она в возрасте далеко за 80 сломала ногу в шейке бедра. Родственники увезли её сначала в Симферополь, затем в Ялту, и там она смогла (!) снова встать на ноги. Оттуда приходили бодрые письма.

«Я от тяжких раздумий, – писала она, – спасаюсь стихами и хорошими песнями. Стихов много знаю наизусть и вновь учу, тренируя старческую память. [...] Моё общее состояние можно считать удовлетворительным, но передвигаться без ходунков не могу. Это приспособление очень удобное, по квартире я шагаю самостоятельно. Стараюсь двигаться, упражнять и массировать ногу». В мае 2000 года, за год до своего 90-летия, Мария Григорьевна извещала меня: «Передвигаюсь с тросточкой. [...] Немного занимаюсь домашними делами: чиню, глажу, мою полы при помощи «лентяйки», читаю немного, главным образом газеты. Устают глаза...».

Таковы Протопоповы, ведущие свое летоисчисление со времени поселения в Сухорукове. И хотя силы рода за 20-е и 30-е годы прошлого века были сильно подорваны, фамилия продолжала заявлять о себе.

5. Иван Лаврентьевич

Из сохранивших верность исконному рыбацкому делу в Сухорукове часто добрым словом поминали в послевоенные годы Ивана Лаврентьевича Протопопова, и не только как искусного рыбака, но и замечательного умельца во всяком крестьянском деле. Вот как писал о нем в окружной газете председатель местной рыбацкой артели М.А. Корепанов: «... Не хватало гребного флота. Надеяться на МРС (моторно-рыболовную станцию. – В.Б.), которая обязана обеспечивать колхоз флотом, – значит остаться без лодок. Мы решили изготовить лодки своими силами. В артели нашелся мастер И.Л. Протопопов, который к весне сколотил два средних неводника и одну городовушку. Теперь у нас нужды в гребном флоте нет».[21]

О многом говорит то, что крепкая дружба связывала с этим человеком бывшего сухоруковского учителя, позднее преподававшего в Ханты-Мансийском педагогическом училище, замечательного педагога и музыканта Петра Ильича Кучкова. Вот как его дочь Маргарита Петровна Фалалеева вспоминала об И.Л. Протопопове в письме к автору:

«Я его хорошо помню. Среднего роста, худощавый, натруженные руки, обветренное лицо, простая одежда – неизменная косоворотка. Только он переступал порог нашего дома, как лицо оживлялось дружелюбием и юмором. Вся его речь была пересыпана пословицами и поговорками – то ли народными, то ли придуманными им самим. В нем была та крестьянская мудрость, которая дается не происхождением и не образованием; она проявлялась во всем – в разговорах, во взглядах на мир, на события, в поступках.

В чем проявлялась их дружба с Петром Ильичом? Ответить непросто, но я понимала, что они очень уважают друг друга. Когда мы уехали из Сухорукова, связь отца с Иваном Лаврентьевичем не прекратилась. Нет, писем друг другу они не писали, но для отца не было большей радости, чем провести отпуск на «вотчине» Ивана Лаврентьевича, т.е. в его промысловой избушке. Петр Ильич приезжал туда и из Ханты-Мансийска, и из Липецка, куда уехал, став пенсионером. Рыбачил, косил сено для лошади. Здесь было все для души: и день, и вечер, и обские просторы, и разговоры у костра.

Иван Лаврентьевич тоже не раз бывал у нас в Ханты-Мансийске. Эти его посещения незабываемы. Вдруг возле дома останавливается кошевка. Иван Лаврентьевич ведет лошадь во двор, дает ей сено и заходит в дом. Выкладывает на кухонный стол «гостинец» – муксуна или нельму. И начинается оживленный разговор. Казалось бы, простая деревенская жизнь в рассказе Ивана Лаврентьевича изобилует наблюдениями, разными историями, приключениями.

[21] Корепанов М.А. Как мы достигли успехов на рыбном промысле // Сталинская трибуна. 1954. 8 июня.

Что значил для нас, младших в семье, приезд Ивана Лаврентьевича? Главное – он был гость отца, а мы бесконечно уважали отца и так же уважали его друга.

До конца дней Иван Лаврентьевич тянул трудовую лямку рыбака, не зная просвета в бесконечном труде. Великий труженик, он и дочерей воспитал честными, трудолюбивыми и добрыми людьми, каким был сам. Старшая, Клава, поступила в фельдшерско-акушерскую школу в Ханты-Мансийске. Каникулы, конечно, проводила в Сухорукове у отца, помогая ему во всем: и в рыбалке, и в засолке рыбы, и в косьбе. Закончив фельдшерско-акушерскую школу, Клавдия Ивановна работала на севере округа, обслуживая несколько деревень, а в 50-е годы переехала в Ханты-Мансийск. Отец страдал сердечными болями, и лечила его всегда Клавдия Ивановна. Да и вообще кто бы ни заболел в нашей семье – лечились у нее.

Младшая дочь Ивана Лаврентьевича Мария живет в Березове. Когда мне пришлось побывать там, разыскала ее дом. В этот момент она с сыном выходила из дома, собралась ехать куда-то на катере. Только я сказала, что я из Воронежа, дочь Петра Ильича, как тут же была отставлена поездка, захлопотали, накрыли стол, угощали. В их доме я побывала как в музее, т.к. здесь прошли последние годы жизни Ивана Лаврентьевича».

Этим сердечным рассказом и закончим наше повествование о Протопоповых.

Телеграфный ключ на родовом гербе (Козловы)

Среди казацких фамилий Березова Козловы[1] была одной из самых заметных. Здесь уже в 1627 г. служили Ивашка Петров Козёл, Лазарко Иванов и Кормашка Иванов Козловы.[2] С тех пор казаки Козловы составляли заметную часть берёзовского населения, постепенно переходя в крестьянство, духовенство и чиновничество, по меньшей мере до начала XX века. В 1873 г. к числу прихожан Воскресенского собора принадлежали 29 Козловых, взрослых и детей.[3]

По дошедшим до наших дней разрозненным упоминаниям о березовцах-носителях этой фамилии невозможно, конечно, составить ясное представление о личностях, но будем дорожить и малыми штрихами черновых портретов-набросков. Жил, например, на рубеже XVIII и XIX вв. казак Алексей Козлов – о нём известно, что он был грамотным человеком и в 1793 г. получал от Березовского духовного правления деньги за письмоводительство.[4] Благодаря любознательности березовского священника *Василия Тверитина* мы знаем об уряднике Степане Михайловиче Козлове – хранителе местных поверий.[5]

Характерно для Козловых, что они пользовались возможностью учить детей в Берёзовском уездном училище, открывшемся в 1818 г. Часть

[1] «Начиная с XV в. эта фамилия бытовала среди бояр и происходила от мирского имени Козёл. В более поздние времена возникла и среди крестьян – на сей раз уже от прозвища Козёл» (Грушко Е.А. , Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. М., 2002. С. 197.

[2] Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 85, 87.

[3] Православные приходы Березовского края… С. 68, 75, 76.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1471.

[5] Тверитин Василий. Тобольской губернии город Берёзов: местные этнографические описания //Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 25 – 26.

из них, получив это небольшое образование, сумела найти ему практическое применение, выйдя из казачества в гражданскую или духовную службу. Так, Василий Прокопьевич Козлов в 1834 г. поступил писарем в Тобольский губернский суд, оттуда вскоре по просьбе отца переведен на эту же должность в Берёзовское окружное казначейство, а уже через полтора года назначен бухгалтером казначейства. Не менее 20 лет отслужил он в этом учреждении, получал денежные награды и признавался «способным и достойным» к продолжению службы. В начале второй половины XIX в. он, по-видимому, перешел на должность кондинского винного пристава.[6]

Встретился и литературный набросок портрета одного из Козловых (к сожалению, не названо его имя) в дневнике сосланной в Березов и прожившей там около двух лет (1839 – 1841) польки *Евы Фелинской*. Она нарисовала образ добродушного, набожного, основательного березовца тех лет и многие подробности его быта. Вот что она записала 1 июня 1839 г.:

«Не имея ни прислуги, ни базара, на котором можно было бы купить еду, мы решили снять квартиру со столом. Искали мы недолго. Мы просто-напросто пришли в дом, который нам рекомендовал полковник *Кржижановский*, в котором он сам жил во время своего 14-месячного пребывания в Берёзове. Это был дом казака Козлова. Мы договорились и сразу же начали перевозить наши вещи, а нам тем временем приготовили отменный ужин… Нам предоставили три очень чистые комнатки, оклеенные бумажными обоями. Мы расположились как у себя дома и начали получать удовольствие от собственного дома».

«Наша хозяйка зажиточна, гостеприимна, хотя и очень проста в обхождении, – продолжает Фелинская знакомство с Козловыми. – Она относится к нам не так, как обычно обращаются с квартирантами в наших городках, у которых пересчитывают куски и стараются, чтобы они как можно меньше стоили. Она относится к нам как к гостям, которых Провидение ей ниспослало. Все, что только есть в доме наилучшего, в нашем распоряжении: хорошее печение, хорошие сливки к чаю, обильный, сытный стол, правда, часто приготовленный не по нашему вкусу. Нам непривычно было, что подают, например, сваренных солёных уток, залитых холодным квасом со сметаной, или же вареники с мясом, сваренные в молоке… ибо здесь такой обычай; однако же дают такое огромное количество еды, что голодным остаться невозможно». Хозяин Фелинской на летние месяцы выезжал на промыслы в низовье Оби, зимой – на Обдорскую ярмарку, содержал постоялый двор.[7]

---

[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 10. Д. 779; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 59.

[7] Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 15, 16, 65.

Но особенно впечатляющий пример даёт история семейства Егора (Георгия) Григорьевича Козлова (1820 – 1907), рядового казака, уважаемого в Березове человека, в конце 1880-х – начале 1890-х гг., уже в преклонном возрасте, – члена городской управы. К сожалению, пока не удалось перелистать метрические книги березовских церквей за первую половину XIX века, поэтому здесь не приводится и достоверных сведений о предках Егора Григорьевича. Н.А. Миненко упоминает о казаках Прокопии и Егоре Козловых, возивших товары в Обдорск.[8] В одном источнике встречено упоминание об отставном уряднике Григории Егоровиче Козлове. Возможно упомянутые лица были предками либо родственниками Е.Г. Козлова.

По воле ли родителя или в силу природных дарований и открытости новому, но пятеро сыновей его не встали на давно проторённый берёзовцами путь рыбака и мелкого торговца, каждый избрал себе иное поприще.

Старший – Николай Георгиевич (Егорович) – вышел в священники. Специального духовного образования он не получил, но по выходе из третьего класса Березовского уездного училища был принят в 1885 г. псаломщиком церкви села Чемаши, расположенного на Оби неподалеку от Березова. Через два года он вернулся в родной город, стал псаломщиком Богородице-Рождественской церкви, а осенью 1892 г. – настоятелем этого храма. С первых лет службы Николай Козлов имел хорошую репутацию. Так, в 1891 г. ему было отказано в переводе в Березовский Воскресенский собор с лестной для него мотивировкой: этот перевод повредил бы качеству богослужения в Богородице-Рождественской церкви. «Чтение и пение знает очень хорошо, – записано в его послужном списке за 1892 г., – катехизис порядочно».

Весной 1900 г. отец Николай был награжден набедренником, а в конце этого же года духовная консистория решила перевести его в другое место. Причиной было, по-видимому, какое-то, говоря современным языком, «нарушение финансовой дисциплины». В чём оно состояло – неизвестно, но ответ можно найти в деле Тобольского архива «О самовольном расходовании церковных сумм священником Берёзовской Богородице-Рождественской церкви Николаем Козловым», которое длилось с августа 1900 по март 1904 года. В деле достаточно информации – 104 листа, но познакомиться с ним не удалось. Прихожане просили не отнимать у них ставшего близким духовного пастыря, но безуспешно. В связи с предстоящим его отъездом уездный исправник ходатайствовал о представлении Н.Г. Козлова к награде «за усердное в течение почти трех лет отправление им богослужений при здешней тюрьме и ведение собеседований с арестантами».

[8] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 71.

Родной север он оставил, по-видимому, навсегда, во всяком случае следующие 17 лет служил далеко от Берёзова – в сёлах Луговском Тюменского, Филинском и Уватском Тобольского уездов, в Тобольске. Одновременно Козлов был и законоучителем – в Филинской сельской школе, в сельскохозяйственной школе в д. Соколовой под Тобольском, в Абалакском училище. Его жена Ольга Ивановна, родившаяся в Тюмени, была дочерью надворного советника. Сын Георгий в 1917 г. учился в Тобольской духовной семинарии. Как сложилась судьба Николая Георгиевича в XX столетии, остается пока неизвестным.[9]

Младший из братьев, Зосима Георгиевич (1872 – после 1936), тоже священник, служил в церквах Тобольского Севера свыше двадцати лет, благодаря чему и более известен. Как и Николай, он не воспитывался в семинарии или духовном училище, а сразу после выпуска из Березовского уездного училища был принят псаломщиком в церковь села Мужи. Потом служил в Обдорске, Чемашах, Кондинске.

Помимо исполнения прямых служебных обязанностей Зосима Георгиевич много занимался школьными делами: с 1898 по 1902 г. был помощником учителя Мужевской школы, позднее заведовал одноклассной церковно-приходской школой при Кондинском Троицком женском монастыре.

Имея большой опыт церковной службы в крае, населенном ханты, манси и ненцами, отец Зосима много размышлял о путях обращения язычников в христиан, писал статьи в «Тобольские епархиальные ведомости»: «Об инородческом севере» (1911. № 6), «Из истории обращения инородцев севера Тобольской епархии в христианство» (1911. № 15) и др. В статье «Об инородческом севере» он отмечает охлаждение инородцев ко храму Божию и объясняет его незнанием священниками наречий остяцкого языка и отсутствием средств на их разъезды по приходам.

«В некоторых приходах, например в Мужевском приходе, – пишет он, – можно ездить только два раза: в декабре и великим постом, потому что в другое время все инородцы уезжают на рыбные промыслы в Обдорск и в другие места. Что можно сделать в такое короткое время? Весной в мае месяце инородцы разъезжаются по разным протокам, по два и по три семейства, для рыбных промыслов; в августе месяце они бывают там же, а некоторые мужчины собираются на пески для неводьбы, а женщины уезжают на сенокос, так что другой раз некому везти священника. Кому тут будешь проповедывать? После крещения, действительно, они бывают в сборе, но горе в том, что у них в то время бывает поголовное пьянство,

[9] Православные приходы Берёзовского края… С. 225, 281 – 282, 367 – 368, 399; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 242 – 243.

потому что к этому времени кончаются ясаки и расчёты рыбные и пушные. [...] Великим постом инородцы опять уезжают в леса на ловлю пушного зверя и до Пасхи не приезжают...».

В статье З. Г. Козлов предлагает и меры для улучшения духовного просвещения инородцев, в частности такую: «Чтобы подготовить своих учителей из местных инородцев и крестьян, для этого хорошо бы было устроить в селе Кондинском, как в среднем пункте, второклассную школу с общежитием и с мастерскими при ней, как то: столярной, сапожной, слесарной, кузнечной; в этом край имеет большую нужду».[10]

Зосима Георгиевич не раз награждался как духовной властью, так и светской, – серебряной медалью в память 25-летия церковных школ, набедренником, скуфьей, крестом в память 300-летия дома Романовых, темнобронзовой медалью за труды по всеобщей переписи населения 1897 г.[11]

С 1914 по 1919 г. отец Зосима – священник Тюменской Крестовоздвиженской церкви, дальше – неизвестность. Удалось только узнать из метрической книги Шеркальской Спасской церкви за 1909 год, что в мае 1936 г. он жил в с. Николо-Павловском Нижнетагильского района Свердловской области и запрашивал оттуда в Березовском райисполкоме справку о рождении дочери Сиклитинии. В следующем году до него, как и до многих других служителей церкви, дотянулась рука НКВД: его арестовали и осудили по статье 58-11 «за участие в антисоветских террористических организациях».

Заметной в Тобольской губернии личностью был Нил Георгиевич Козлов (1861 – после 1920). В юности он хотел стать учителем и держал экзамен в Березове на право преподавания, но из-за недоброжелательства одного из экзаменовавших провалился. Поехал осенью 1882 г. в Тобольск, рассчитывая выдержать экзамен там. На пароходе познакомился с купцом *И.М. Плотниковым*, и тот предложил работу бухгалтера. Козлов согласился. Плотников вскоре убедился, что выбор его удачен. Обнаружив недюжинные способности и усердие, Нил Георгиевич на много лет стал представителем торгового дома «М. Плотников и сыновья» в Тобольске.

В сентябре 1907 г., как сообщал «Сибирский листок», «в местном коммерческом мире состоялось скромное торжество»: торговый дом прислал из Тюмени своего представителя, чтобы отметить 25-летие службы главного бухгалтера и доверенного в Тобольске Нила Георгиевича Козлова.

---

[10] Козлов З. Об инородческом севере // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. 16 марта (№ 6.).

[11] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 380. Л. 41; Д. 511. Л. 68 – 69; Д. 565. Л. 72 – 73.

«Юбиляру, – писал дальше корреспондент, – был поднесен серебряный письменный прибор, выдано 300 руб. процентными бумагами и выигрышный билет дворянского банка. Сослуживцы преподнесли юбиляру икону и роскошный альбом, на крышке которого выгравирована обычная для рыбаков картинка – пароход, ведущий за собой ряд баржей, – со своими фотографическими карточками».

Компетентность и высокую порядочность Н.Г. Козлова по достоинству оценил и Тобольск, где хорошо знали Нила Георгиевича как делового человека. С 1895 года он состоял членом учетно-ссудного комитета Тобольского отделения Государственного банка и через десять лет получил за этот труд звание личного почетного гражданина. А в январе 1916 г., когда директор Тобольского городского общественного банка *С.И. Бронников,* крупный рыбопромышленник, отказался от должности, городская дума предложила занять её Козлову, имевшему опыт в банковском деле и оставлявшему как раз службу в фирме Плотниковых. Он согласился.[12]

Творчество и инициатива, отмеченные особо в юбилейном адресе торгового дома, отличали и Козлова-общественного деятеля. Он не слишком бросался в глаза, но определенно был полезен городу как гласный городской думы, присяжный заседатель по Тобольскому уезду и на других выборных должностях. С начала 1890-х гг. Нил Георгиевич длительное время состоял действительным членом Тобольского губернского музея, избирался членом комитета музея, а в ноябре 1902 г. был избран казначеем. Неоднократно делал пожертвования. Так, в 1896 г. он подарил музею коллекцию образцов рыболовных сетей местного кустарного производства, использовавшихся тобольскими рыбопромышленниками в низовьях Оби.

В 1901 г. он же был одним из самых активных участников совещания рыбопромышленников, созванного для рассмотрения проекта нового устава рыбной промышленности, подал специально подготовленную записку. В ноябре 1903 г., когда новорожденный Тобольский отдел Российского общества рыбоводства и рыболовства избрал его своим председателем, Нил Георгиевич на первом общем собрании сделал сообщение о нуждах рыбопромышленности на севере губернии и мерах, необходимых для ее подъема. В том же году эта весьма содержательная записка была опубликована в Санкт-Петербурге.[13]

В 1911 г. он обратился в городскую думу с письмом об угрожающем положении в обеспечении Тобольска мукой и необходимых мерах, письмо зачитывалось на заседании думы и было напечатано в «Сибирском листке». В эту газету Козлов нередко посылал заметки и статьи по злободневным

[12] Городская хроника // Сибирский листок. 1916. 10 янв., 24 янв., 23 февр.

[13] Городская хроника // Сибирский листок. 1903. 2 нояб.; Труды комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тобольская губерния. СПб., 1903. Т. LIII.

вопросам – всегда деловые, убедительно аргументированные. Глубоко сведущий в коммерческих делах, он не раз подавал местной власти дельные советы, его приглашали на совещания по самым разнообразным вопросам хозяйственной жизни – о казенном пароходстве, Северном морском пути, производстве рыбных консервов, снабжении рыбаков солью, строительстве железной дороги до Тобольска, применении холодильного оборудования, открытии в Тобольске торговой школы, электрическом освещении города и пр.

Все это Нил Георгиевич делал не из конъюнктурных соображений, а по собственной охоте и разумению, как человек внутренне свободный и не чуждый общественному интересу. Во всем участвовать и быть на виду он не стремился, но умел вовремя сообщить что-то полезное, заявить о своем мнении, поддержать делом, сделать пожертвование деньгами – на устройство здания для общественной библиотеки, строительство дома Народной аудитории, в пользу голодающих и на другие нужды.[14]

Крутые перемены в жизни Н.Г. Козлова начались после 1917 года. Тобольским Советом солдатских и рабочих депутатов он был утверждён в должности директора городского общественного банка и в 1919 г. по приказу начальника Тобольского гарнизона и распоряжению городской думы эвакуирован с ценностями банка в Томск. Там местной советской властью направлен на службу в национализированное пароходство, но вскоре переведён в Тюмень, где служил в финотделе и губернском продовольственном комитете, оттуда командирован в Тобольск консультантом Губрыбы по рыбо-консервному делу.

Возвратившись в Тобольск, Нил Георгиевич узнал, что новая власть в революционной эйфории в его отсутствие успела уже распорядиться его собственностью: национализировала дом и раздала имущество – курсам всевобуча, горхозу, Завальному училищу и детскому саду № 1. В заявлении Тобольскому военно-революционному комитету Козлов просил освободить от национализации дом и имущество. Результат неизвестен, как и вся его дальнейшая судьба.[15]

Биография Архипа Георгиевича Козлова (1868 – 1910) оказалась столь же необычной, как и у братьев. В 1882 г., по окончании курса в Березовском уездном училище, он, совсем еще мальчик, был принят на казенную стипендию в Омскую центральную фельдшерскую школу. Через три года окончил ее. Первые полтора года служил в Сургутском округе, оттуда был перемещен в слободу Черную Тобольского округа.

---

[14] Тобольские губернские ведомости. 1897. № 24. С. 375; Сибирский листок. 1898. 19 марта; 1899. 18 апр.; 1902. 24 нояб.; 1905. 6 янв.; 1908. 9 окт., 26 окт.

[15] ГУТО ГАТО. Ф. 1818. Оп. 2. Д. 838; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 317. Оп. 1. Д. 315.

Медициной Архип Георгиевич занимался недолго – неполных пять лет, и в феврале 1890 г. попросился в штат Тобольского губернского управления, куда и был определен губернатором. Став чиновником, он сделал заметную карьеру. Подробности до недавнего времени не были известны, но в июле 2005 г. удалось отыскать формулярный список, охватывающий весь период его службы.

Способности молодого чиновника первым заметил в 1896 г. губернатор Л.М. Князев и стал поручать Архипу Козлову ответственные дела: делопроизводство губернского управления, надзор за казенными зданиями присутственных мест. Позднее наряду с исполнением основной обязанности по делопроизводству ему удалось познакомиться еще со многим: временно заведовать губернским статистическим комитетом, типографией, в годы Русско-японской войны работать в комитете по оказанию помощи семьям воинов и ревизовать деятельность уездных распорядительных комитетов и попечительств о семьях нижних чинов, призванных в войска.

Менялись губернаторы, но за Козловым оставалась репутация надежного, безотказного работника. В 1906 г. новый губернатор Н.Л. Гондатти возложил на него заботы о постройке в губернии церквей и школ на средства фонда императора Александра III. Помимо этого Архип Георгиевич принял под свое наблюдение библиотеки и типографии, вошел в состав благотворительного комитета по оказанию помощи переселенцам, но и не освобождался от выполнения поручений, данных прежними губернаторами.

В конце 1908 г. А.Г. Козлов получил новое назначение: старшим чиновником особых поручений при томском губернаторе – переведенном из Тобольска Н.Л. Гондатти – и сразу же «оброс» дополнительными нагрузками: делопроизводством в губернском попечительстве детских приютов, обществе Красного Креста, правлении общества защиты женщин «Пчельник», председательствовала в котором жена губернатора М. Гондатти. За неимением конкретных примеров, характеризующих служебную деятельность А.Г. Козлова, приходится ограничиваться обозначением круга его занятий. Но и за сухим канцелярским слогом архивного дела о службе чиновника чувствуется уважительное к нему отношение.

В 1910 г. у Архипа Георгиевича обнаружилось тяжелое заболевание, скорее всего, запущенное из-за его беспредельной занятости. Ему предоставили возможность поехать для лечения на Кавказ. Там он вскоре и умер. Начальство энергично хлопотало о назначении вдове (детей у Козловых не было) пенсии в «усиленном размере». В ходатайстве говорится: «... в течение всей своей продолжительной и разносторонней службы при совершенно безупречном, всегда выделявшем его из среды сослуживцев поведении, к исполнению своих служебных обязанностей относился с редким усердием и выдающейся аккуратностью, соединенными притом с широким служебным опытом и знанием...».

За свою службу Архип Георгиевич Козлов награжден орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й и 2-й степеней.[16]

Антон Борисович Козлов

И еще об одном из сыновей Георгия Григорьевича Козлова – Борисе Георгиевиче (1865 – 1909), вернее, об его потомстве. Ему выпала нелегкая доля почтальона – с весны до глубокой осени, в любую погоду пробирался в лодке по Оби от Березова до Самарова и обратно. От него пошла целая поросль связистов. Его сын Антон Борисович (1905 – 1955), начавший трудовой путь учеником в Березовской почтово-телеграфной конторе и затем телеграфистом-морзистом, в 1925 г. переехал в Самарово, оттуда – в новый поселок Остяко-Вогульск и здесь дослужился до должности начальника окружной конторы связи, которую занимал с 1943 по 1955 год. За заслуги награжден медалями, орденом Трудового Красного Знамени и высшей наградой тех лет – орденом Ленина. По рекам округа до недавнего времени много лет ходил почтовый катер, названный его именем.

Юлия Моисеевна Козлова

Телеграфисткой, еще в Березове, была и жена Антона Борисовича Юлия Моисеевна, как и ее братья Евгений, Алексей и Лаврентий. Позднее, в Ханты-Мансийске, она много лет преподавала на курсах радистов.

«Жили Козловы рядом с радиостанцией, – пишет журналистка Альбина Глухих, – и мальчишки все время торчали там. Отец казался им волшебником… В его руках аппаратура, старая, почти утильная, оживала. Петр и Борис часто стояли возле отца в восхищении, так все ладно делали отцовские руки и так хотелось самим что-нибудь смастерить. Карманы у них, да и младших братьев вечно

[16] Гос. архив Томской области. Ф. 3. Оп. 70. Д. 752; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 224.

Борис Антонович Козлов

Станислав Антонович Козлов

были наполнены гайками, шестеренками и прочими нужными вещами». (С этой публикацией окружной газеты почти сорокалетней давности познакомила автора дочь Ю.М. и А.Б. Козловых Галина Антоновна Попова).

В такой домашней атмосфере и дети Козловых, а их было семеро, не мучались вопросом «Кем быть?». Первым ступил на родительский путь старший – Петр: в 1943 г. прошел курсы радистов, потом окончил военные училища связи в Уссурийске и Ульяновске (последнее – с отличием). Оставил службу в звании подполковника.

Второго сына, Бориса Антоновича, многие хантымансийцы помнят до сих пор, хотя он уже давно ушел из жизни, не только как руководителя городского радиоузла и мастера своего дела, но и как увлеченного радиолюбителя, участника всесоюзных соревнований. А еще он много лет блестяще играл в шахматных турнирах, получал призы. Награжден знаком «Отличник связи СССР».

Всеволод Антонович, выпускник Ленинградского института связи имени В.В. Бонч-Бруевича, в 1955 – 1964 гг. работал заместителем начальника окружного узла связи в Ханты-Мансийске, отсюда приглашен в Тюменское областное производственно-техническое управление связи, где в должности заместителя начальника был 37 лет. В 70-е и 80-е годы много способствовал становлению телевидения и радиовещания в области. Наградами и он не обойден: знак «Почетный радист», медали (среди них – «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири»), орден «Знак Почета», звание «Заслуженный связист РСФСР».

Галина Антоновна окончила электротехникум связи, трудилась в Ханты-Мансийске, Тюмени.

Младший брат Станислав Антонович окончил высшее инженерное радиотехниче-

Почтовый катер «Козлов» (назван в честь Антона Борисовича Козлова). г. Тюмень, июнь 1984 г.

ское училище в Киеве, готовил офицеров связи. Увлекшись лыжами еще во время учебы в средней школе № 1 Ханты-Мансийска, стал мастером спорта.

Закончив на этом рассказ о казаке Георгии Григорьевиче Козлове и его потомстве, упомяну ещё об одном Козлове – Александре Ивановиче (ок. 1861 – после 1921), жившем в селе Кондинском Берёзовского округа (ныне – райцентр Октябрьское), где он в 1880-е гг. служил волостным писарем и, скопив некоторый капитал, занялся предпринимательством. В 90-е гг. он арендовал три рыболовных песка близ остяцких юрт Низямских – Полудённый, Северный и Налимий, сбывал добытую рыбу, торговал в с. Кондинском разными товарами и слыл среди местного населения купцом, позволяя себе даже делать единовременные благотворительные пожертвования и состоять членом Тобольского губернского музея.[17]

Вот такой сложился коллективный портрет Козловых, пришедших в Березов как служилые люди. На любом поприще они добивались успеха и заслуживали уважение коллег и земляков.

---

[17] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. Приложение 1. С. 10; Краткая энциклопедия… Т. 2 (Ж – К). Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 22; Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 61.

Друг самоедов
(Старковы)

До последнего времени все откладывалось и откладывалось писание статьи о людях этой одной из самых заметных березовских фамилий из-за того, что не располагал сколько-нибудь значительным материалом и не мог выстроить хотя бы схематическую родословную. Но жаль было оставлять в безвестности некоторые яркие факты, поэтому и решил написать о Старковых кратко и отрывочно.

Фамилия эта в Березове одна из старейших и известна еще с XVII в., в именной книге 1627/1628 г. среди пришедших на сибирский север донских казаков числится Марко Старков. В 1703 г. здесь же служил Михайло Старков, в 1720 – казак Алексей Старков и Иван Старков из детей боярских. «В 1782 г. в городе живут 11 Старковых-домохозяев из числа крестьян, мещан, отставных, – пишет Н.А. Миненко, – а также 6 только известных нам казаков».[1]

Встречались упоминания о казаке Ямышевской крепости Семипалатинского уезда Никифоре Старкове (1807 г.) – тоже, возможно, выходце из Березова, т. к. городовые казаки Тобольского Севера в то время нередко отправлялись в дальние и долгосрочные командировки, о 70-летнем отставном казаке Иване Матвеевиче Старкове – кавалере ордена Святой Анны 3-й степени (1877 г.).[2]

И казаки, и мещане имели торговые отношения с коренными жителями настолько тесные, что владение языками аборигенов среди них было

[1] Березово (Очерки истории с древности до наших дней). С. 85, 117, 185; Миненко Н.А. Указ. соч. С. 38.

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 6. Д. 868; Письмо дьякона Обдорской Петропавловской церкви Николая Силина с обвинениями в адрес игумена Аверкия // «И здесь появляется заря христианства…» (Обдорская миссия (30-е – 80-е гг. XIX в.): источники. Тюмень, 2003. С. 299.

широко распространено. Например, в 1869 г. отставной урядник Иван Андреевич Старков участвовал в крещении самоедов Юильского городка в качестве переводчика, а мещанин Платон Старков в 1870 г. присутствовал при попытке игумена Амоса крестить самоеда Алкапчу в том же Юильском городке.[3]

Известные нам факты указывают на тяготение Старковых к Обдорской волости. 5 июня 1863 г. священник Обдорской миссии Евфимий Пономарев, продвигавшийся вверх по реке Полуй, записал в путевом журнале: «... ночью сего числа приехали сюда для рыбопромышленности сургутский мещанин *Семен Бронников*, а вместе с ним толмач его березовский отставной казак Яков Старков. Сомневаться было не в чем, дело само собою уяснилось. В Малороссии жиды, а здесь березовские казаки и некоторые члены других сословий в этом отношении походят друг на друга. И как раз Старков является ко мне с объяснением, что им привезена ¼ ведра упомянутому остяку [Елисею Шиберову] по заказу его, и просил меня не считать его винопродавцем».[4]

В это время в Березове жили по меньшей мере три Якова Старковых, но здесь упомянут, по всей вероятности, Яков Иванович. В 1863 г. ему было 38 лет и он имел сына Петра, родившегося 4 октября 1862 г.[5] Вот с Петром мы и познакомимся поближе с помощью архивного дела «О связях некоего Старкова с политссыльными в г. Березове и с. Кондинском».

Под подозрение он попал в середине 1879 г., когда тобольский губернатор получил от березовского окружного исправника Попова совершенно секретный рапорт следующего содержания. Наблюдая за проживавшими в Березове государственными преступниками, исправник заметил, что их посещает молодой казак Петр Старков, и стал расспрашивать хозяев квартир о цели посещения их Старковым, но ответы были сбивчивыми и неясными. Тогда исправник направил Петра на обучение оспопрививанию, предложил ему занять должность «оспенника» и командировал в Кондинский и Обдорский участки, надеясь таким путем выяснить его связи.

Вскоре они и открылись. По прибытии в села Старков сразу встретился с *Громовым* и *Гервасием*, хотя до приезда не был с ними знаком, и показывал привезенные письма и книги. По сообщению управляющего Кондинским участком Кузьмина, Громов передал Старкову письмо и какие-то книги для живших в Березове *Стаховского* и *Ляховича*. В сентябре

---

[3] Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2006. С. 170, 195 – 196, 198.

[4] Путевые журналы... С. 33.

[5] Православные приходы... С. 81.

полицейский надзиратель Козлов в рапорте исправнику доносил: служащий Березовской казачьей команды Петр Старков, бывший оспенный ученик, обращался к рассыльному полицейского управления Николаю Ускову, отправлявшему почту в Обдорск, с просьбой доставить Ивану Гервасию журнал «Отечественные записки» за 1879 г. и книгу П.А. Соколовского «Очерк истории сельской общины на севере России». Журнал был доставлен адресату, а «Очерк истории…» как недопущенный цензурой рассыльный оставил у себя.

Губернатор распорядился «иметь за Старковым строжайшее наблюдение и о всем замеченном немедленно донести».[6]

Новая встреча со Старковым, склонен думать, что тем же самым, состоялась на странице «Сибирского листка» за 2 февраля 1895 г. Со ссылкой на «Ирбитский ярмарочный листок» газета сообщала следующее:

«… у многих самоедов, кочующих близ рр. Таза и Пура, ныне весь улов рыбы и зверя был отчасти скуплен, а частью взят на комиссию березовским мещанином Старковым, постоянно живущим и промышляющим близ устья р. Таза и имеющим громадное значение среди местных инородцев. Лет 15 – 18 тому назад на берегах Тазовской губы, войдя в близкое и тесное соприкосновение с самоедами, Старков женился на самоедке и получил вместе с ее рукою большую половину всех угодий, какими пользовался род его жены. Это обстоятельство, а также отсутствие сильных проявлений эксплуататорской деятельности создали Старкову сначала популярность среди самоедов, а потом уважение и влияние. И теперь вот уже несколько лет, как Старков приезжает во главе целого самоедского рода на Сургутскую ярмарку и имеет громадное значение. Как мы слышали, он намеревается перевести из Сургута ярмарку в более близкое место, где не было бы по соседству винной торговли (верст на 100 – 120), а для сдачи ясака отправлять в Сургут одних лишь старшин. Эту идею Старков намерен осуществить на будущий год, и уже, как нам известно, вошел в соглашение с некоторыми крупными северными торговцами о доставке в известный район муки, соли, печеного мерзлого хлеба, вина и т. п. При том громадном влиянии, каким пользуется Старков среди самоедов, ему, по всей вероятности, удастся сделать это, и тогда самоеды будут спасены».

В коллекции фотографий А.А. Дунина-Горкавича, хранящейся в музее Природы и Человека, есть снимок с надписью: «Группа у самоедского чума (Старкова) на Каиме, верстах в 25 севернее Сургута».

Слишком рискованно было бы связывать воедино Старкова-«оспенника» и Старкова-радетеля о благе самоедов, если бы не нечаянная находка: в метрической книге Сургутской Троицкой церкви мне встрети-

---

[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. Д. 219.

лась запись о смерти 11 января 1898 г. Петра Яковлевича Старкова. Эта запись дает основание думать, что речь здесь шла об одном и том же лице. Возможно, окончательный ответ даст одна из метрических книг той же Троицкой церкви, если именно в ней зарегистрирован брак Старкова и той тазовской самоедки, что стала его женой. Вероятно нахождение сведений о Старкове и в отделе письменных источников Тобольского музея-заповедника в фонде А.А. Дунина-Горкавича. Хотелось бы знать и обстоятельства убийства П.Я. Старкова как раз в зимнее ярмарочное время – может быть, где-то хранится судебное дело или даны некоторые подробности в тобольских газетах?

Позднее, уже в начале XX века, в Березовском уезде жил еще один заметный среди местных жителей носитель этой фамилии – Федор Николаевич Старков, полицейский урядник. Он служил в Елизаровской волости, в Чемашах и характеризовался как исправный работник. Известна такая подробность его биографии: в 1917 году Березову требовался сборщик денег в небогатую городскую казну за причаливание судов к городской пристани, выгрузку кладей, извозный промысел и пользование береговыми участками, и собрание городских уполномоченных решило, что во всем городе есть только один человек, способный справиться с этим делом – Ф.Н. Старков. Ему положили жалованье 40 рублей в месяц на период с июня по октябрь и выдали квитанционные книги.[7]

По-видимому, Ф.Н. Старков отличался стойким неприятием большевизма, и за это березовская советская власть во время крестьянского восстания 1921 г. взяла его в заложники, а при отступлении из Березова расстреляла.

Еще об одном березовце Старкове рассказал в «Тобольских епархиальных ведомостях» священник Александр Тверитин (см. приложение 10).

[7] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 755. Оп. 1. Д. 33.

Бремя победы

Считаю необходимым отдельно сказать о жизни северян во время коренной перемены общественного устройства в начале XX века, когда население Березовского уезда оказалось в таких экстремальных условиях, какие вряд ли переживало когда-либо прежде. Да, выпадали тяжелые годы наводнений, эпидемий, скудных условий существования, когда люди страдали и умирали, но такого, чтобы они разделились на две смертельно противоборствующие стороны, никогда не бывало.

В публикуемых беглых очерках истории березовских русских родов, как, надеюсь, заметил читатель, есть нечто общее: все они так или иначе понесли потери в результате Октябрьской революции и Гражданской войны. С 1917 г. началась пора если не угасания, то прозябания. Пора расцвета осталась позади. Несчетное число раз воспетая как славная страница российской истории, Гражданская война с ее героями (в действительности зачастую – просто несчастными жертвами, искусственно героизированными), тачанками, лихими эскадронами, бронепоездами и прочими «яблочками на тарелочке» была в сущности самоуничтожением народа во имя его же «счастья».

В каком положении находилось население Березовского уезда в 1921 г., после подавления восстания, видно из дошедших до наших дней документов истории. В основу представленной схематической картины положены документы 429-го фонда Государственного архива Югры «Березовский уездный военно-революционный комитет».

В итоге военных действий победившая в уезде большевистская власть оказалась у разбитого корыта. Она вроде бы утвердилась, но страх не ушел. В массе населения она не чувствовала поддержки. В лесах еще оставались наиболее стойкие противники большевизма, несмотря на предложение уездного ревкома сдать оружие под гарантию личной неприкосновенности, хотя положение их было плачевно. Некоторые из них, как коман-

дир отряда повстанцев Есаулков и сартыньинский крестьянин Георгий Бешкильцев, видя безнадежность сопротивления, застрелились.

По-видимому, в большинстве своем северяне-участники восстания были подневольными бойцами, и многим из них пришлось побывать как на той, так и на другой стороне под угрозой суровой кары. Бывший начальник 3-го района советской милиции Березовского уезда Суслов в докладе ревкому писал: «После отступления Красной армии в с. Няксимволь милиция, которая была, разошлась по домам … через сутки прибыла разведка **бандитов Народной армии** (не странное ли словосочетание? – В.Б.), которые производили мобилизации от 18 до 35 лет, а также и нас мобилизовали, меня, т. е. Суслова, назначили делопроизводителем команды разведчиков, а бывшие милиционеры Ворошилов Аркадий Николаевич был выбран каптенармусом в команду, а Собянин Родион назначен в ряды войск».[1]

Город, села, деревни и юрты переживали горечь потери близких (только Елизаровская волость, по данным волостного ревкома, потеряла убитыми и пропавшими без вести более 100 человек) и тяготы послевоенного упадка хозяйства. Ведь военные как той, так и другой стороны брали лошадей, продовольствие, одежду и любое нужное им имущество без лишних церемоний. Председатель Сосьвинского волостного военно-революционного комитета *Иван Богданов* докладывал уездному ревкому в июне 21-го года: после подавления восстания на складе местного отделения потребительского общества «Экономия» совершенно не оказалось продовольственных припасов, «инородцы все поголовно голы и босы, каждый день приступают о ходатайстве для них одежды и обуви», «требуется необходимо фельдшер … нет учителей...».

Везде, чего ни коснись, было критическое положение. Не хватало хлеба. Населению было объявлено, что оно снято с продовольственного снабжения, особые комиссии проверяли наличие запасов муки у крестьян. Необходимо было заново налаживать транспорт, прежде всего в интересах власти – для управления уездом. Ощущался острый дефицит дров: летом и особенно осенью – для пароходов, буксировавших с севера баржи с рыбой, зимой – для отопления домов. Существовала угроза распространения эпидемий, а в некоторых волостях не было лекарств и фельдшеров, как и учителей…

Особенно болезненным для населения последствием войны был дефицит работников в семьях, ведь тем же самым крестьянским семьям и предстояло преодолеть разруху – прямое следствие большевизма, руководствовавшегося лозунгом «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!». Введена была трудовая повинность, т. е. принудительный

[1] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 101. Л. 76 об. – 77.

труд, население мобилизовано на преодоление кризисов. В Березове и в волостях составлялись списки обязанных нести повинность.

Так как единственным производственным предприятием в уезде было потребительское общество «Экономия», организованное на кооперативных началах в предреволюционное время, и у него не хватало рабочих, уездный ревком приказом от 8 июля 1921 г. распорядился прислать людей из волостей: из Саранпауля – 12 человек, из Сартыньи – 10 и т. д., «не занятых общественно полезным трудом и не состоящих в рыбных артелях». В приказе содержалась угроза: селения, не выполнившие этих требований, будут лишены возможности получения муки от «Экономии».[2] Подобные угрозы и ссылки на «законы военного времени» неоднократно встречаются в приказах уездного ревкома 1921-го года. Осуществлялся лозунг «Кто не работает, тот не ест», а тот, кто работал на себя, не считался трудящимся.

Рыбный промысел, бывший под особым контролем губернского начальства, требовал ежедневных забот и на него, в особенности в Обдорскую волость, были брошены лучшие работники, собранные из волостей, в том числе и так называемые «военнопленные», т. е. плененные повстанцы. Все это сильно сказалось на положении крестьян. Болезненно отразился на деревне упадок частного рыбного промысла.

Вот зов о помощи от Елизаровского ревкома: у волости большие людские потери, более 40 человек захвачены в плен и отправлены на обдорские промыслы, некому работать, и это «...значительно отражается на благосостоянии крестьянского хозяйства... Ввиду минувших событий рыбопромышленность пала, весенние промысла не использованы, и в настоящее время за отсутствием материалов, предметов рыбопромышленности таковая задерживается, и есть основание предполагать, что на нынешний сезонный промысел рассчитывать сильно не приходится...».[3]

В сентябре председатель этого ревкома *Н.П. Емельянов* докладывал собранию представителей сельских организаций: «... уменьшение населения и при том наиболее трудоспособного весьма сильно отразилось как на остальном населении, так и на хозяйственной жизни всей волости. Дровяную заготовку приходится выполнять беременным женщинам и малолетним детям, некоторые хозяйства не в состоянии будут не только выполнить сенной налог, но и прокормить свой скот даже до ползимы. Из организовавшихся в прежние годы рыболовных артелей теперь не хватает народу и на половину неводов... Собрание просит чрезвычайную следственную комиссию как можно скорее произвести следствие тех пленных из жителей Елизаровской волости, за которыми не найдено вины, и отпустить для работы в своей волости...».[4]

---

[2] Там же. Д. 95. Л. 14 об. – 15.

[3] Там же. Д. 101. Л. 10.

[4] Там же. Д. 100. Л. 207 – 208 об.

В декабре, когда в Кондинске задержалась отправка мороженой рыбы в Тобольск, волостной ревком получил по телеграфу нагоняй от заместителя председателя «Областьрыбы» Ротермеля: «… за дальнейшую задержку рыбы на местах ответственность возлагаю на вас… распоряжением губернии всякие премирования отменены и рыбоперевозки производятся в порядке трудмобилизаций… исполнение безоговорочно случае каких-либо изменений вашей стороны привлекаю ответственности персонально предревкома заврыботделом заврайконторой…».[5]

Для организации транспорта при уездном ревкоме был организован транспортно-материальный отдел (трамот) и такие же отделы – при волостных ревкомах, а обеспечить перевозки опять-таки должно было население. Уездревком приказом от 8 июня распорядился взять на учет «имевшееся в наличности количество рабочих лошадей, оленей от трех лет, а также сбруи… саней, телег» и пр. Все требования приказа квалифицировались как боевые задания, для исполнения давался кратчайший срок, за каждое промедление ревком грозил ответственностью «по всей строгости военного времени». Зимой население обязывалось не только прокладывать дороги, но и расставлять вдоль них вехи, исправлять спуски и подъемы, ограждать полыньи.

А пятью днями раньше всем волостным и сельским ревкомам, начальникам милиции и милиционерам предписывалось: «Ввиду дровяного кризиса в навигацию 1921 г. рейсирование пароходов в требуемом размере невозможно, вследствие чего север обречен остаться без продуктов продовольствия, предметов первой необходимости, а также не представится возможным вывезти рыбу в центр, который в таковой нуждается, а потому приказываем в недельный срок со дня получения приказа на местах провести дровяные заготовки в порядке обложения трудоспособного населения…». Каждый работник должен был заготовить от полутора до трех погонных саженей дров в зависимости от места проживания. За неисполнение приказа грозило лишение «трудпайка».[6]

17 ноября – еще один приказ по транспортному вопросу: «Ввиду острого кризиса и почти совершенно[го] неимения на складах дров, чем грозит остановка мельницы, замораживание больных, находящихся в больнице, детском доме, школ, дом[а] старчества, советских учреждений, во избежание этого ненормального явления военно-революционный комитет приказывает всем гражданам города Березова в течение двух недель со дня объявления настоящего приказа вывезти заготовленные дрова…, настоящий приказ является боевым».[7] А когда же на себя-то работать, на семью?

[5] Там же. Д. 117. Л. 213.

[6] Там же. Д. 7. Л. 20.

[7] Там же. Д. 95. Л. 5 об. – 6, 46 об.

Подобными боевыми лозунгами и военной лексикой (штурм, прорыв, фронт, правофланговый, шеренга и т. п.) советская власть пользовалась для мобилизации населения на труд вплоть до 1990-х гг.

Рабочих рук не хватало. Часть населения уклонялась от принудительного труда, и в сентябре в Березове была введена должность уполномоченного по борьбе с трудовым дезертирством. 5 июля ревком своим приказом запретил предприятиям и учреждениям мобилизовывать рабочую силу без разрешения стола труда, а всех не занятых «общественно-полезным трудом» обязывал в течение трех дней в Березове и двух недель в уезде зарегистрироваться в столе труда уездного ревкома. Санкцией за уклонение от регистрации было лишение продовольственного пайка.

В этих условиях выяснилось, что приведенная революцией новая власть не может обойтись без помощи «бывших» как в обеспечении деятельности волостных и сельских ревкомов, так и в организации рыбного промысла и деятельности кооперативов потребительского общества «Экономия». Обнаружилось, что эти ненавистные «классовые враги» – самые умелые и надежные работники, и они то и дело назначались и переназначались на всякие ответственные дела. Вот для примера рыбопромышленник средней руки, кооператор Василий Федорович Мотошин. Сначала его как человека грамотного заставили заниматься чуждой ему работой, поручив обязанности секретаря Кондинского волревкома. Потом уполномоченный из уезда отстранил Мотошина от работы и на его место назначил 16-летнего паренька. Тот не справился с делом – затребовали Мотошина обратно. Через некоторое время уездный ревком получил из Тобольска телеграмму с просьбой возвратить взятых на службу Василия Мотошина и Назара Попова в Мало-Атлымский кооператив, т. к. из-за их отсутствия «тормозится работа кооперации».[8] В декабре 1921 г. Мотошин и Попов были откомандированы в распоряжение общества потребителей.

Аналогичным образом бросали на прорывы братьев Спиридона и Сильвестра Бешкильцевых, потерявших в 1921 г. погибшими несколько близких родственников. 5 сентября Сосьвинский волревком доводил до сведения уездного ревкома, что «Бешкильцев от должности секретаря был уволен 24 июля по специальности как рыбопромышленник и он же был организатором Мугырсорской артели, но первоначально был задержан до 27-го июня для установления дел канцелярии волревкома, а взамен его был отправлен в Мугырсор брат его Спиридон Бешкильцев, который был артельным старостой Елбыньинского рыбопромышленного песка, где в настоящее время работает и находится Бешкильцев Сильвестр, и потому как рыбопромышленник и в момент промысла такового отдерги-

[8] Там же. Д. 117. Л. 186.

вать не вправе от промысла».[9] А 8 ноября этого же года общее собрание Сосьвинской волости единогласно постановило «сдать подряд советской гоньбы Спиридону Иоакимовичу Бешкильцеву ввиду того, что мы не имеем скота исполнять гоньбу».[10]

Каким было отношение «идейных» советских руководителей к таким подчас незаменимым людям, видно из следующего письма председателя Сосьвинского ревкома *Богданова* в отдел управления уездного ревкома: «Прошу разъяснения как поступить в районе Сосвинском проживают и находятся граждане, которые под видом рыбопромышленников не приносят никакой пользы РСФСР, а только собатируют (так в тексте. – В.Б.) – указывают на свое хозяйство имея 2 или 3 коровы ставят сено целое лето, несмотря на то, что сено ставить и кроме его в семье найдутся трудоспособные работники. Притом здесь проживает поп, содержание выдает ему общество, он неисполняет никаких обязанностей ничего неделает указывает на свои года (56 лет). Как поступить с означенными лодырями и лентяями, если есть работа в Березовом, и как поступить прошу точного разъяснения».

И вот какое пришло разъяснение: «... продовольствия не выдавать, что же касается попа, то он свободен, но за отсутствием технических работников может быть взят в работу, в противном случае, если ему нет 55 лет и он не хочет работать, то также продовольствия не выдавать, давая ему только 12 фунтов в месяц».[11]

В этой переписке ясно просматривается новая социально-психологическая установка: раньше они нас эксплуатировали – теперь мы их. Рабство остается, но на новых «идейных» основаниях. Отношение к «единоличнику» (вошел в обиход и такой «термин») как чужаку, подозрительной и неполноценной личности во всей красе проявилось во время коллективизации. Но и в 1921 г. к тем, кого обязали нести трудовую повинность, относились подчас откровенно издевательски, об этом свидетельствует один из первых комсомольцев Березова Николай Михайлов: «... по центральным улицам города вели под конвоем бывших купцов, рыбопромышленников и полицейских принудительно отбывать всеобщую трудовую повинность. Как правило, их заставляли производить наиболее трудную и грязную работу вплоть до очистки уборных в учреждениях».[12] Невозможно без отвращения читать эти полные самодовольного торжества строки, написанные 64-летним ветераном революции.

[9] Там же. Д. 117. Л. 100.

[10] Там же. Д. 100. Л. 179.

[11] Там же. Д. 117. Л. 28 – 59 об.

[12] Михайлов Н. Беспокойные сердца // Путь к коммунизму. Березово, 1958. 16 ноября.

Несмотря на то, что исполнение трудовой повинности дезорганизовывало частное хозяйство, крестьяне понимали: восстанавливать разрушенное придется их руками, помощи со стороны ждать не приходится, лишь бы только не мешали. Это видно по ответам призванных на службу в ревкомы крестьян на вопросы распространенной уездным ревкомом анкеты.

Еще одним болезненно воспринятым новшеством, принесенным советской властью, было принципиально иное, чем прежде, непривычное для северянина, нигилистическое отношение к собственности. Первое его проявление – отъем собственности у бывших повстанцев, жертв красного террора и их наследников в форме конфискации и национализации. Местные ревкомы руководствовались специальным циркулярным распоряжением о порядке конфискации со ссылкой на декрет Совнаркома от 16 июля 1921 г. Конфисковывались охотничье оружие, олени и средства передвижения, предметы роскоши, мебель и др. ценности. Мотивации при этом были иной раз самые неуклюжие. Например, Сосьвинский волревком 11 октября 1921 г. решил: «Назначается для общежития для детей вниз дом М.Н. Бешкильцева, так как последний никем не занят и более удобный».[13] Умолчали только о причине незанятости: несколько бывших обитателей этого дома расстреляны. Человека убивали, потом его имущество объявляли «бесхозяйственным».

Осенью 21-го года Березовский ревком предлагал уездному отделу милиции «доставить сведения, кто является владельцем имущества (расстрелянного Е.К. Горкушенко. – В.Б.), если Мария Петрова, жившая под фамилией Горкушенко, то она Устюжанина, а не Горкушенко и в замужестве за Горкушенковым не состояла, а потому имущество его является бесхозяйственным».[14] Ревком видел за собой больше прав на собственность убитого Горкушенко, чем его жена на том только основании, что она носила другую фамилию.

30 ноября уездный ревком направил в с. Чемаши заведующего хозяйственной частью Иконникова «для принятия бесхозяйственного имущества Цессеса», тоже расстрелянного. «Оприходована» была и баржа «Нина», принадлежавшая ранее рыбопромышленнику И.С. Новицкому (см.: «Бабушкино слово») и стоявшая в сентябре 21-го близ Березова с рыбой в трюме в ожидании парохода для буксировки в Тобольск.[15] Ревком даже находил в волостях «бесхозяйственных» лошадей и гужевой инвентарь. Известно, как в следующие десятилетия «хозяйственно» использовались обобществленные лошади и другое имущество в колхозах.

---

[13] Там же. Д. 100. Л. 118.

[14] Там же. Д. 117. Л. 133.

[15] Там же. Д. 95. Л. 39.

Революционное насилие со стороны советской власти проявилось и в разных формах обложения населения. Продразверстку государство заменило налогом, но существенного облегчения это не дало, разве что поборы стали не столь бесцеремонными и издевательскими. Население облагалось налогами на мясо, масло, шерсть, сено. Некоторые из них, по-видимому, губернская власть разрешила устанавливать местной власти по ее усмотрению и в соответствии с ее нуждами. Так, в докладе о деятельности Кондинского волревкома сообщается, что «даны распоряжения о сборе ягод с населения». Встречались упоминания о дровяном и гужевом налогах, хотя, вероятно, под налогами иногда понимались трудовые повинности или просто требования властей. Налоги поступали плохо, волостные и сельские ревкомы докладывали о непосильности для крестьян некоторых из них ввиду их бедственного положения.

26 октября 1921 г. Елизаровский волостной съезд сельревкомов, на котором присутствовало 8 человек, обсудил вопрос о забойке скота населением, несмотря на её запрет, и записал в постановлении: «... принимая во внимание то обстоятельство, что сено заготовлено в недостаточном количестве ввиду бывшей эпидемии холеры и проч. болезней, к тому же урожай трав был плохой и сено поставлено большей частью осенью, а потому более половины населения прокормить своего скота до весны 1922 г. не в состоянии. Во избежание скрытой забойки скота населением, каковая ожидается по волости, бороться сельревкомам с последней затруднительно. Съезд постановил ходатайствовать перед Березовским уревкомом о разрешении населению забойки скота, не подлежащего к уплате продналога. Запрещение убойки скота вызовет за неимением сена к весне 1922 г. большой упадок скота, что в данный момент съезд не может допустить ни под каким видом».[16]

Из доклада о деятельности Кондинского волостного ревкома 25 сентября 1921 г.: «Приехавшим инструктором по продналогу Бутылдиным оставлены инструкции и формы списков плательщиков продналога на масло и по приезду инспектора Черепанова вводится продналог на сено, шерсть и мясо, также составляются [списки] на плательщиков. По взысканию продналога на масло является затруднение, так как масла у населения почти что вовсе нет, что объясняется плохими условиями жизни скота на севере и малым количеством последнего, так что население, которое держит коров, едва может получить молока для удовлетворения своих потребностей, не думая, чтобы скопить сколько-нибудь...».[17]

Для содействия успешному выполнению продналога Елизаровский съезд сельревкомов предлагал выполнить продналог пушниной и просил

[16] Там же. Д. 100. Л. 208.

[17] Там же. Д. 101. Л. 37 – 39 об.

Березовский ревком выслать конфискованное у населения волости охотничье оружие – тогда «будет использован осенний сезон и лежащий продналог по волости будет внесен полностью».

Сверх налогов от населения требовали еще и пожертвований в помощь голодающим центральной части России. Скрупулезно точные отчеты в прессе об использовании пожертвованного, практиковавшиеся в дореволюционное время, были упразднены как «буржуазный предрассудок».

Население, оказавшееся под таким прессом, не могло не роптать. 9 декабря власть была вынуждена опровергнуть слух, будто готовится введение нового налога, угрожала арестом его распространителям и поручила политбюро и милиции «строго следить за врагами революции». А на следующий день в новом приказе уездный ревком с раздражением констатировал, что население «приказы и воззвания проигнорировало», потребовал составить списки неплательщиков и объявил ударный трехдневник по продналогу. В приказе содержалась угроза: «С невыполнившими продналога советская власть церемониться не будет».[18]

Нужно еще напомнить, что до революции население Березовского уезда имело свои представительные органы: в городе – городскую думу, городскую управу, а позднее – собрание городских уполномоченных, избираемые собственниками недвижимого имущества, а в сельской местности – общественные сходы. Теперь же его представляли назначенные волостные и сельские ревкомы, которые в 1921 г. хотя еще и отстаивали интересы населения, но приходящие по «вертикали» требования сверху были для них весомее, и для вышестоящей власти волостные и сельские ревкомы были в первую очередь средством проведения в жизнь ее требований.

Управление Березовским уездом в 1921 г. вряд ли можно назвать удовлетворительным. По сути дела власть не была готова к осуществлению своих функций и училась управлять на ходу, методом проб и ошибок. Во главе его стояли люди откуда-то присланные, «проверенные», но не знавшие севера и северян, в особенности коренных. В январе 1924 г. на первой районной партийной конференции выступавшие все еще говорили, что не нашли путей влияния на тех, кого раньше называли «инородцами». Но аппарат эти люди вынуждены были набирать на местах, тут уже «проверенных» на должности председателей и членов волостных и сельских ревкомов не хватало. Ну а для делопроизводства тем более выбирать было не из кого, любой грамотный человек годился, даже если он был «скрытой контрой».

Сетования на такое положение дел часто встречаются в документах.

---

[18] Там же. Д. 95. Л. 50.

Председатель Сосьвинского волревкома *И. Богданов*, июнь 1921 г.: «Необходимо требуется сюда работник твердого политического характера для постановления дела, в настоящее время нет ни одного партейца и некому организовать ячейки или союз молодежи, некому разъяснить. Мною было предложено т. Бабикову как председатель ячейки организовать ячейку, привлекать, вести агитацию, но как т. Бабиков при старости лет, не может ничего работать, а во-вторых малограмотный. …в настоящее время я чувствую сильные заболевания, слабое свое здоровье, прошу снять с меня работу».[19]

Елизаровский волревком, октябрь 1921 г.: «…работа сельревкомов протекает ненормально за неимением технических работников на местах, что создает волокиту и непроизводительный труд, и общий тормоз в работах волревкома. Кроме этого, замечается, что более опытные технические силы сельревкомов перегружены работой и разного рода перепиской, доставлением статистических сведений и работой по продналогу».[20]

Кондинский волревком, сентябрь 1921 г.: «… загроможденность технической работой требует напряженного труда многих рук, а не такого ничтожного количества технических работников, полагаемых по штату, из-за чего является тормоз в скорейшем доставлении сведений, просимых не только уездом, но и другими районными учреждениями и должностными лицами и губернией, которые немыслимо представлять аккуратно к тому числу, к которому они требуются».[21] На свою жалобу, предполагавшую сочувствие и помощь, Кондинский ревком получил такой ответ: «Эта жалоба доказывает, что волревком как власть военно-революционная не на высоте своего назначения, что волревком распустил вожжи, что его не слушают и не исполняют его распоряжений».[22]

Насколько слаба была революционная власть в волостях, видно из следующего циркуляра уездного ревкома: «Ввиду того, что по настоящее время ни один председатель, несмотря на неоднократные разъяснения, не представил ни одного более или менее обоснованного доклада по своей волости, что они обязаны делать ежемесячно, а потому уездвоенревком, препровождая общую форму доклада, приказывает представлять таковые ежемесячно, в противном случае виновные председатели и секретари волревкомов будут предаваться суду по законам военного времени».[23]

---

[19] Там же. Д. 101. Л. 71 – 72 об.

[20] Там же. Д. 100. Л. 207 – 208.

[21] Там же. Д. 101. Л. 37 – 39 об.

[22] Там же. Л. 43.

[23] Там же. Д. 101. Л. 105.

В этих условиях ревкомы никак не могли обойтись без привлечения к технической работе тех, кого стали называть «бывшими», и в документах Березовского уездного ревкома то и дело встречаются фамилии его работников – коренных русских березовцев, уже много раз упомянутые в этой книге: Первовы, Шаховы, Добровольские, Бешкильцевы, Нижегородцевы, Плехановы и др. Так, в докладе о работе Кушеватского ревкома инструктор уездного ревкома А. Преснецов сообщал: «Работа в военном отделе совершенно не велась и некому было вести; только с 1 октября привлечен к работе в военном отделе освободившийся из рыболовной артели Новицкий».[24] Речь здесь идет о Павле Алексеевиче Новицком, сыне крупного рыбопромышленника Алексея Павловича Новицкого, согласно некоторым архивным документам, расстрелянного. Еще факт: учительница Юлия Равская, сестра расстрелянного заложника П.Ф. Равского, за неимением в волости фельдшера делала прививки против оспы. Подобных примеров известно немало.

Постепенно местные кадры старой выучки, востребованные советской властью в первые послереволюционные месяцы, вымывались из ее аппарата. В ряде случаев люди сами искали возможности, чтобы уйти. Так, заведующий уездным финансовым отделом М.Н. Солярский, старый финансист, мотивировал свою просьбу об увольнении ослаблением зрения. А.Н. Бешкильцева, служившая в Сосьвинском ревкоме, дочь расстрелянного заложника Нестора Михайловича Бешкильцева, просила уволить ее ввиду желания выехать для продолжения учебы.

Были и другие мотивы для уклонения от службы, которые также свидетельствуют о плачевном положении с кадрами ревкомов. А.А. Михайлов 16 июля 1921 г. свою просьбу о переводе на рыбный промысел объяснял тем, что он «истинный рыбак, занимающийся этим делом с малолетства», и не хочет «сидеть в канцелярии и вести то дело, с которым не знаком».[25] А вот заявление члена Сосьвинского волисполкома Василия Монина, поданное 20 декабря 1921 г.: «… я совершенно человек темный неграмотный совершенно не знаю русского языка в чем и прошу Сартыньинский волостной исполком освободить меня от членов в чем прилагаю свою тамгу».[26]

Не лучше было положение с кадрами и два года спустя, об этом свидетельствует «госинфсводка» о состоянии Тобольского округа на 10 октября 1923 г.: «В работе УИК (уездного исполнительного комитета. – В.Б.) замечается слабость, что объясняется материальными условиями и ненормальной связью ввиду отдаленности, отсутствием на местах опытных

[24] Там же. Д. 101. Л.80.

[25] Там же. Д. 7. Л. 36.

[26] Там же. Д. 117. Л. 212.

работников, ибо население севера в большинстве случаев состоит из инородцев и безграмотное. Волисполкомы также работают слабо, что же касается сельсоветов, то таковые совершенно бездействуют, ибо в большинстве члены сельсоветов совершенно безграмотны или из числа инородцев».[27]

Поскольку наиболее образованная часть населения была отнесена к классовым врагам или подозрительным личностям, не приходится удивляться, что во главе управления уездом и волостями не видно стало таких незаурядных деятелей, как бывшие исправники *И.В. Евсеев* и Л.Н. Ямзин, руководители волостей – земские заседатели и становые приставы *Ю.И. Кушелевский*, А.В. Титов, Н.Т. Кушников. При этом надо еще заметить: бывшие чиновники не имели таких канцелярий, зато большая часть их владела языками инородцев, а уж местные рыбопромышленники и торговцы – в большинстве.

Безусловно болезненным для населения стал подрыв авторитета церкви как института отмежевавшимся от нее новым, невиданным еще безбожным, богоборческим государством. Впервые в березовской истории священник Воскресенского собора *Федор Мещеряков* был вынужден просить ревком «благоволить дать разрешение» на проведение 14 августа 1921 г., после литургии, обычного для города крестного хода с иконами до пристани на р. Сосьва.[28] Прежде открытое и многолюдное празднование Рождества, Пасхи, Троицы и других церковных праздников постепенно переставало быть общественным явлением, уходило в подполье, сходило на нет. Взамен предложили праздновать годовщину Октябрьской революции и День международной солидарности трудящихся всех стран.

Слово «священник» заменили пренебрежительным «поп», и оно вошло в лексику официального документа. При этом власть нередко оказывалась вынужденной «брать в работу» церковнослужителей, потому что без них была как без рук: выпускник духовного училища *А.Н. Надежницкий* служил секретарем ревкома в Мужах, священник Я.Д. Новицкий – в Полновате, псаломщик *Н.М. Невалов* – в Елизарово.

Уже упоминавшийся Н. Михайлов вспоминал: когда после отступления из Березова под давлением повстанцев сторонники советской власти вернулись 1 августа 1921 г. в Березов и шли по городу, то слышали в свой адрес: «Варнаки-то, безбожники-то опять приехали». Вскоре «варнаки» пригодились при изъятии церковных ценностей, хотя то, что называлось «изъятием» было откровенным ограблением, ведь церковное убранство принадлежало не частным лицам, а всем прихожанам и создавалось за счет пожертвований. Н. Михайлов далее рассказывает, что в районном

[27] ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 55 об.

[28] Ф. 429. Оп. 1. Д. 117. Л. 74.

партийном комитете летом 1922 г. было созвано совещание уполномоченных по изъятию церковных ценностей, в котором участвовали он и его ровесник Федор Усков. «17-летний Ф. Усков, – повествует Михайлов, – закончив изъятие серебра в сартыньинской церкви, вместе с членами Сартыньинского ревкома поднимались по Северной Сосьве на гребях» до Няксимволя, и там они тоже опустошили церковь.[29]

Вслед за этим вскоре настала пора закрытия церквей, веселого и бесшабашного сбрасывания с них крестов и колоколов, отъема у верующих церковных зданий. Здания эти наполнялись новым «содержанием». Зачастую их переквалифицировали в клубы – места для плясок, пения частушек и постановки пошлых антирелигиозных спектаклей, – а то и в склады, пекарни, мастерские и пр., в чем обнаруживалась сиюминутная потребность. Место православия заняли атеизм и «научный коммунизм».

После сказанного нетрудно представить, какими были настроения в массе населения Березовского уезда. Инструктор уездного ревкома И.С. Кузьмин вернулся в Березов из Казымской волости с таким впечатлением: «Во всей волости нет ни одного партийного работника и склонить кого-либо из обывателей не представляется возможным из имеющейся части русского населения почти не пропитаны революционным духом, есть неблагонадежные, а частью несознательные, живут все в лесу как дикари, волость далеко отсталая в культурно-просветительном отношении».[30]

Из Елизаровского ревкома летом 1921 г. сообщали: «В политическом отношении настроение населения волости не революционное, а скорее оппозиционное, замечается какая-то подавленность, по волости, несмотря на изданные приказы, циркулируют всевозможные контрреволюционные провокационные нелепые слухи…».[31]

Инструктор А. Преснецов сетовал: «По населению совершенно не чувствуется рвения к чему-либо новому, лучшему данной замкнутой жизни и вряд ли ласкается (так в тексте. – В.Б.) какая-нибудь общая цель, связанная с переживаемым моментом ихнего существования».[32] В интонации докладчика слышится голос юного революционного романтика, устремленного к счастью народа, но человека пришлого, очень немного понимавшего в жизни северного крестьянина и инородца.

В агентурных информационных сводках эти настроения регистрируются и в последующие годы. Приведу для примера два сообщения.

«Кулаки не покидают надежды, что Соввласти скоро будет конец и не проч (так в тексте. – В.Б.) иной раз поддержать или распростра-

[29] Михайлов Н. Беспокойные сердца // Путь к коммунизму. 1958. 16 ноября.

[30] Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 101. Л. 101.

[31] Там же. Л. 10 об.

[32] Там же. Л. 80.

нить вымышленный слух, указывает на то, что Соввласть за все деньги берет, не смотря на то, что все обещала дать народу без платно, бедняки конечно поддаются на их удочку и также в свою очередь выражают свое недовольство, говоря, что и за воду, т. е. за рыбопромысловые угодья и за лес деньги берут, а также и землю приходится выкупать. [...] Гражданин с. Елизаровского *Кайгородов П.П.* всегда высказывается против кооперации и сельхозналога, говоря «Соввласть рада шкуру содрать с нас за эти налоги, хоть голодом сиди, а плати».

[Березовский район] «Политнастроение бедняцкого населения, отношение их к Соввласти и РКП(б) в общем удовлетворительное, только лишь заметно недовольство своим слабым экономическим положением против средняка. Отношение средняков к Соввласти и РКП(б) часть удовлетворительное и часть безразличное. Во взаимоотношениях между бедняками и средняками заметно расслоение, бедняк видит в средняке человека совершенно другого лагеря, пользующимся благами жизни в достаточной мере, чего бедняк несмотря на все свои усилия не может достигнуть. Средняк в бедняке видит лентяя, который не хочет работать».[33]

Установки на социальное примирение не было, лозунг оставался прежний: борьба. Людей, разделявших принцип «Худой мир лучше доброй ссоры», революция привела к противоречиям, преодолеть которые оказалось выше их сил.

В ходе работы в какой-то момент стал замечать, что завершение очерка сопровождается тяжелым чувством, будто начал за здравие, а кончил за упокой. Границей, за которой наступало это ощущение пустоты, были 1917 – 1921 годы. Нередко повествование становилось похожим на мартиролог. Действительно, трудно найти в российской истории период, подобный этим годам революционной ломки по количеству страданий и степени разобщения людей. Крупные состоятельные семьи, прочность которых еще недавно казалась незыблемой, несли людские потери, распылялись, сходило на нет их влияние на жизнь местного социума. Люди, еще недавно наведывавшиеся друг к другу «на чашку чая», вместе справлявшие свадьбы, праздновавшие крещение младенцев, становились на разные стороны «баррикад». Немного позднее наступило время конфискаций и раскулачиваний, травли, вынужденных перемен мест жительства, ссылок и репрессий 1937 года. Читатель найдет в книге много конкретных примеров.

Наступило время всеобщего усреднения в силу принципа «социальной справедливости». Люди, прежде во всех отношениях состоятельные, вытеснялись на обочину жизни, растворялись в массе народа. Те, кто раньше жил открыто, переходили к потаенному существованию, избавлялись от

[33] ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 156 – 157, 216, 217.

внешних примет своего прошлого. Атрофировались имена и отчества, все стали «товарищами Ивановыми». Даже книги новоучрежденных отделов записи актов гражданского состояния стали удручающе бедными как по содержанию, так и по внешнему виду в сравнении с церковными книгами.

Постепенно в советское время исчезали и родовые гнезда. Ничего не осталось от когда-то богатого Сухорукова – места жительства Протопоповых и Корепановых, от Базьян, где доминировали Башмаковы, от Конева, Кушниковой и других сел и деревень. Не только в Шеркалах, но и во всем Октябрьском районе несколько лет назад я не мог найти никого из прежде мощного рода Новицких.

«Не скажут ни камень, ни крест, где легли…»

Самая дорогая цена, заплаченная народом за революцию, – это, конечно, жизни людей. Чтобы вполне оценить стоимость принесенных революции жертв, нужно видеть не серую массу, а каждого из таких «лишних» людей по отдельности, в полный рост. Много лет назад, перелистывая метрические книги березовских церквей, я нашел длинный список захороненных в один день мужчин. Это были не принявшие советской власти люди, взятые ею во время восстания 1921 года в заложники и расстрелянные перед бегством от повстанцев из Березова.

В списке были и знакомые фамилии, но никогда не приходилось ни слышать, ни читать ни об одном из них как о жертве Гражданской войны. Стал искать подробности их жизней. Постепенно вырисовался ряд достойных и авторитетных в березовском обществе личностей, «виноватых» лишь в том, что они не прониклись коммунистическим духом. Было видно: выбор заложников делался обдуманно и прицельно. То, что смог узнать, публиковалось в альманахе «Подорожник» (вып. 1, 12), было сообщено в 2009 г. на Меншиковских чтениях в Березове. Но за последние годы отыскались некоторые новые факты. Надеюсь, что они привлекут внимание березовского читателя и воспроизвожу ранее публиковавшиеся биографические справки с поправками и дополнениями.

Алмазов Валентин Иванович (1889 – 1921)

На Тобольском Севере появился в 1920 г. Первоначальным источником информации о нем была издававшаяся в Тобольске повстанческая газета «Голос Народной Армии». В номере за 26 марта 1921 г. помещен некролог «Валентин Иванович Алмазов». В нем сообщается, что Алмазов – старый партийный и общественный работник, принадлежавший к партии

эсеров, по профессии журналист. В 1917 г. в Поволжье после октябрьского захвата власти большевиками перешел на нелегальное положение и был известен как Валентин Павлович Разумовский. В 1918 г. участвовал в антикоммунистическом восстании в Казани, работал в Москве. В 1919 г. приехал в Сибирь, работал инструктором кооперации сначала в Закупсбыте, затем в Центросоюзе. В 1920 г. Алмазов принял предложение Центросоюза заняться научной работой по экономическому исследованию Тобольского Севера. «В интересах дела, – пишет автор некролога, – он переезжает в Березов, где и принимается за энергичную работу по изучению нашего края. И вот… печальная весть: Валентин Иванович расстрелян. Вечная память новой жертве коммунизма!». В номере этой же газеты за 1 апреля 1921 г. дополнительно сообщается, что В.И. Алмазов был избран членом Учредительного собрания от Симбирской губернии.

В корреспонденции «Вести из Березова» в «Голосе Народной Армии» за 1 апреля 1921 г. сообщается, что тела В.И. Алмазова-Разумовского и П.Ф. Равского погребены в отдельных могилах рядом с братской могилой.

После публикации этих сведений в статье «Лишние люди» (Подорожник. Вып. 12) были найдены еще некоторые подробности биографии этого человека. В списке служащих Тобольской конторы Сибирского отделения Центросоюза, составленном 2 октября 1920 г., Валентин Павлович Разумовский значится как инструктор инструкторской группы[1], что дает основание предполагать, что Алмазов был членом экспедиции для изучения Обь-Урало-Печорского Севера.

Позднее открылся еще один источник, сообщавший, что В.И. Алмазов – сын дьякона, учился в Симбирской духовной семинарии, из которой был исключен в 1905 г. за организацию беспорядков. В 1907 г. занимался революционной пропагандой в селах Симбирского уезда. Был арестован и в 1908 г. выслан на два года под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию. После возвращения в Симбирск стал одним из главных сотрудников, а затем редактором местной либеральной газеты «Волжские вести». В 1917 г. – делегат 3-го съезда партии социалистов-революционеров и 2-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Участник заседания Учредительного собрания 5 января, в 1918 г. – член комитета Учредительного собрания. Разочаровался в политике и ушел в науку. В Березове обследовал рыбные промыслы. Расстрелян «на всякий случай», поскольку мог оказаться полезным «бандитам».[2]

К сожалению, практически ничего не известно о том, чем Алмазов занимался в Березовском уезде. Новые подробности жизни и деятельности

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 317. Оп. 2. Д. 14. Л. 292.

[2] Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 201 – 202.

В.И. Алмазова можно попытаться отыскать в Государственном архиве Омской области в фондах кооперативных организаций.

Бешкильцевы Иван Михайлович, Нестор Михайлович и Николай Иоакимович.

См. о них в очерке «Из сартыньинского гнезда».

Горкушенко Ефим Константинович

Житель с. Кондинского (ныне райцентр Октябрьское). Поселился здесь, по-видимому, в конце XIX в., в метрической книге церкви с. Полноват за 1900 г. записан как тобольский мещанин. Занимался рыбным промыслом и торговлей. В селе до сих пор его помнят, называя по-местному Горкушовым или Коркушовым. Селу от него остался просторный красивый дом, в 2001 г. в нем помещался детский сад.

7 сентября 1922 г. президиум Березовского уездного исполкома распорядился в отсутствие расстрелянного хозяина конфисковать все его имущество, за исключением одного амбара, дома с пристройками и мебель сдать Кондинскому волостному исполкому, весь рыболовный инвентарь и постройки на рыболовном песке передать в распоряжение на правах аренды под ответственность председателя волисполкома.[3]

Григорьев Алексей Степанович (1891 – 1921)

Происходит из семейства обрусевших остяков с. Малый Атлым Березовского уезда, известных как культурные и зажиточные хозяева. Малоатлымский крестьянин Яков Григорьевич Григорьев в 1895 г. промышлял на рыболовном песке Кондинского монастыря.[4] В 1898 г. он уже числился в березовских купцах и торговал в Малом Атлыме. Тобольский купец *А.А. Сыромятников*, проезжавший в 1892 г. мимо Малого Атлыма, записал в дневнике: «Прекрасный картофель, который мы видели у Григорьева, служит доказательством, что он может хорошо здесь родиться».[5]

Алексей Степанович выбрал себе профессию учителя и окончил курс в Омской учительской семинарии. Известно, что в 1912 г. он преподавал в школе с. Елизарова Березовского уезда, построенной местными крестьянами в 1907 г.[6] По данным А.А. Петрушина, до ареста заведовал в Березове уездным отделом народного образования.

[3] Гос. архив Югры. Ф. 67. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418.

[5] Поездка на Северный Урал летом 1892 г. – Тюмень, 2004. – С. 23.

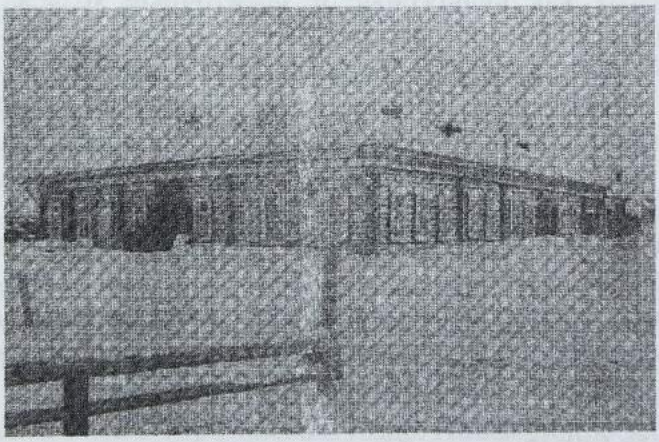
[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 156. Оп. 24. Д. 550. Л. 433 об.

Гурьянов Филипп Артемьевич

Предприниматель. Попал в Сибирь из г. Хвалынска Саратовской губернии, где был осужден «за намерение учинить поджог дома управляющего имением» и после отбывания наказания сослан в г. Ялуторовск Тобольской губернии. Оттуда вскоре перебрался в Тюмень, где обратил на себя внимание тем, что через подставных лиц вел бойкую беспатентную торговлю вином. Получил предписание губернатора вернуться в Ялуторовск, но т. к. с его исполнением не спешил, то местом его высылки был назначен северный город Березов. После этого Гурьянов исчез. Полиция около двух лет искала его, но он в 1897 г. объявился сам и был препровожден в Березов.[7]

Здесь он быстро освоился, открыл на имя матери виноторговлю, а после освобождения от гласного надзора стал заниматься развозной торговлей, рыбным промыслом, поставкой дров для пароходов, открыл в своем доме кинотеатр. Действовал Гурьянов смело, балансируя на грани между дозволенным и незаконным, и порой восстанавливал против себя некоторых березовцев.

Отвечая на запрос губернатора по поводу одной жалобы, уездный исправник Л.Н. Ямзин дал Гурьянову такую характеристику: «...ничего особенного в поведении Гурьянова, что бы вызывало такую меру, как выселение его из Березова, нет; вся эта нетерпимость основывается на личной антипатии к нему некоторой части городского населения, тогда как другая часть жителей г. Березова, насколько я мог убедиться, ничего против Гурьянова не имеет. Могу сказать про Гурьянова, что это ловкий, изворотливый торговец, очень сведущий в тяжебных делах и потому представляющий из себя для городского управления в тяжбах сильного противника».[8]

Дом Гурьяновых в Березове

Филипп Артемьевич Гурьянов

[7] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 15. Д. 46.

[8] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 142.

Любопытная деталь биографии Ф.А. Гурьянова: в январе 1920 г., после изгнания с территории Березовского уезда подразделений армии Колчака, он был введен в состав уголовно-следственной комиссии, а после ее роспуска в марте уездная советская власть возложила на него обязанности судебного следователя, хотя он «как старый трактирщик и спекулянт» не был специалистом по следственному делу.[9]

В октябре 1922 г. Березовский уездный исполком постановил из имущества Гурьянова конфисковать приглянувшиеся ему «пожарную и прачешную машины и два амбара, остальное имущество оставить в пользовании семьи ...».[10]

У Ф.А. Гурьянова была большая семья. Четверо его сыновей – Владимир, Георгий, Михаил и Петр – погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Потомки его живут в Березовском районе, в Тобольске и, по-видимому, во многих других местах.

По сообщению А.К. Михайленко, побывавшей в Березове в июне 2006 г., внучки Ф.А. Гурьянова Галина Владимировна Чернова и Зинаида Владимировна Чупрова привели ее на место, где были похоронены расстрелянные заложники, которое под большим секретом показала им мать.[11]

Колесников Иван Семенович

С 1905 по 1916 г. – преподаватель ремесленного отделения Березовского городского трехклассного училища, с 1 января 1914 г. преобразованного в высшее начальное училище. До этого жил в Тобольске, имел свою столярную мастерскую, с 1904 г. преподавал в Тобольской сельскохозяйственной школе и был хорошо знаком с ее организатором *Н.Л. Скалозубовым.* В Тобольском архиве, в фонде Скалозубова, сохранился договор между ними об изготовлении витрины для губернского музея.

Талант и мастерство Ивана Семеновича высоко ценил смотритель Березовского училища *Ф.Ф. Ларионов*. О дружеской близости этих двух семей говорит, например, то, что *Мария Андреевна Ларионова* была крестной сына Колесниковых Павла, а Федор Филиппович – поручителем по жениху при регистрации брака Ивана Семеновича. Много лет спустя, в 1950 году, Ларионовы просили В.И. Таскаева: «... дайте нам кое-какие сведения о двух наиболее близких нам семьях покойного В.П. Поленова и И.С. Колесникова...». В своей книге «Семейная хроника» Ф.Ф. Ларионов

[9] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 59.

[10] Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

[11] См. о Гурьяновых: Белобородов В. Неподдающийся Гурьянов // Югра. 2007. № 7. С. 72–74; Михайленко А. Гурьяновский род // Югра. 2007. № 8. С. 58 – 61.

многие строки посвятил Колесникову, активно участвовавшему во всех общественных делах. В частности, когда при Березовском училище открылась общественная Пушкинская библиотека, Колесников сделал для нее добротные шкафы, впоследствии они перешли в собственность районной библиотеки. Иван Семенович был незаменимым участником постановки любительских спектаклей, он устраивал сцену, декорации, занавес, изготавливал театральный реквизит. «Всякая работа спорилась в ловких руках Ивана Семеновича», – писал Ф.Ф. Ларионов.

Колесников, как и Ларионов, был страстным охотником, и это его увлечение тоже оказалось полезным для уездного училища: он делал чучела птиц, служившие учебными пособиями. В 1910 г. он даже, по сообщению «Сиб. листка», предлагал изготовленные им 20 экземпляров чучел птиц разных видов, весенней и осенней окраски, и коллекцию яиц послать на Западно-Сибирскую выставку в Омск.

Вскоре после отъезда Ларионовых в Тюмень, 1916 г., И.С. Колесников оставил службу в училище и принял участие в экспедиции И.И. Эльпорта на Ямал. Занимался он и предпринимательством: завел смолокуренный завод в Игриме, переданный после гибели хозяина потребительскому обществу «Экономия», участвовал на паях в сооружении лесопильного завода в Березове.

После гибели И.С. Колесникова его семья осталась на Тобольском Севере. Сын Павел Иванович (р. 1909), мастер спецпосола рыбы, работал на Тазовском и Салехардском рыбзаводах. Михаил Иванович (1912 – 1962) был начальником Полноватского рыбучастка. Пожалуй, наиболее заметный след оставил старший сын Георгий Иванович (1904 – 1950). В год гибели отца он окончил школу в Березове, затем курсы учителей. До 1932 г. работал учителем в Березове. В эти годы много занимался краеведением, печатался в журнале «Просвещение на Урале» и др. периодических изданиях Уральской области. Потом был охотоведом в североустроительной экспедиции на Ямале, научным сотрудником Тобольского музея, преподавателем и директором торгово-кооперативной школы в Ханты-Мансийске, директором учебного комбината Госрыбтреста в Тобольске. Жизненный путь Г.И. Колесникова заслуживает отдельного описания.

Колташков Николай Федорович

Уроженец Кондинской волости, вероятно, хантыйских юрт Леушинских, в которых доминировали носители этой фамилии.[12]

---

[12] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 61. Список граждан Кондинской волости, обязанных нести трудовую повинность. Юрты Леушинские.

Корепанов Михаил Дмитриевич

Сын видного березовского рыбопромышленника Дмитрия Васильевича Корепанова, которого горожане избирали и городским головой (1884), и старостой Воскресенского собора (1889 – 1892), и уполномоченным городского собрания (1904).

М.Д. Корепанов. Фото из семейного архива Добровольских

Добрую память об ученике Михаиле Корепанове сохранил *Ф.Ф. Ларионов*, который писал в 1950 г. *В.И. Таскаеву*: «Сходите к жене покойного Миши Корепанова и справьтесь, сохранились ли там от Миши фотографии, из которых многие могут иметь краеведческое значение...».

Как пишет историк В.В. Цысь, после установления в Березове весной 1918 г. советской власти «сторонники Временного правительства попытались привлечь на свою сторону ханты близлежащих селений». К ним были направлены «торговец М.Д. Корепанов и писарь инородной управы М.В. Усков». Они должны были привести вооруженных аборигенов, чтобы с их помощью освободить арестованных Л.Н. Ямзина и С.П. Шахова, авторитетнейших людей Березова, но не смогли этого сделать и сами были арестованы.[13]

После окончательного установления советской власти Березовский уездный исполком постановил 2 октября 1922 г.: «По акту № 3 расстрелянного Корепанова [1 нрзб.] конфисковать $^1/_3$ всего [2 нрзб.] оказавшегося в наличности и передать в уземотдел верхний этаж дома и мягкую мебель и 1 стенное зеркало».[14] Впоследствии в верхнем этаже муниципализированного дома Корепановых размещался народный суд.[15]

[13] Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны 1917 – 1921 гг. Нижневартовск, 2005. – С. 53 – 54.

[14] ГАХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об. – 19.

[15] Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры, 1997. – 23 апреля.

Кузнецов Александр Прокопьевич (ок. 1880 – 1921)

Переселился в Березов с Урала, в 1908 г. еще числился членом мещанского общества г. Ирбита. В том же году был избран членом Березовского раскладочного присутствия, что говорит об его осведомленности в торгово-промышленном деле. В 1910 г. женился на дочери березовского купца Ольге Ивановне Добровольской.

1 июня 1912 г. собрание городских уполномоченных рассмотрело его заявление о покупке за 200 р. земли, находящейся в 18-м квартале по Мещанской улице в Богородицком ручье с северной стороны дома Гурьяновой по улице к церковному дому Богородице-Рождественской церкви. Постановлено продать с торгов.

22 октября 1915 г. он совместно с П.А. Плехановым, П.Ф. Равским и И.С. Колесниковым обратился к собранию городских уполномоченных с заявлением о предоставлении в аренду на 20 лет участка земли на правом берегу Сосьвы против города длиною в 200 и шириною в 60 саженей для постановки ветряной лесопилки.[16] Участок был приобретен, лесопильный заводик к 1921 г. уже действовал.

2 октября 1922 г. Березовский уездный исполком постановил: «По акту расстрелянного Кузнецова конфисковать амбары, остальное возвратить наследникам.»[17]

Кузьмины Григорий, Илларион и Лука Тимофеевичи

Ревизской сказкой 1 декабря 1859 г. был зафиксирован причисленный к Кондинскому крестьянскому обществу Березовского округа по с. Мало-Атлымскому 57-летний крестьянин Яков Арефьев Кузьмин с рожденными в Сибири сыновьями Ильей, Ксенофонтом, Иринархом и Тимофеем.[18] От них и пошел обширный малоатлымский род богатых крестьян Кузьминых.

Историей этого рода основательно занимался праправнук Якова Арефьевича Валериан Тимофеевич Кузьмин (1925 – 1993), она подробно прослежена в его книге «Земля Кодская», изданной в Ханты-Мансийске в 1995 г. Повествование в значительной своей части построено на воспоминаниях старших членов семьи и родственников, ссылок на письменные источники сведений по истории рода в тексте нет. По словам В.Т. Кузьмина, его прапрадед в первой половине XIX в. был откуда-то сослан в ю. Карымкарские и с 1860-х гг. стал работать доверенным у местного купца,

[16] Михайленко А. Будни северного городка // Югра. 2007. № 4. С. 61.

[17] Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

[18] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 996. Л. 1об.

а скорее у торгующего крестьянина Прокопия Андреева и по его просьбе переселился в Малый Атлым. Отца затем сменил старший сын Тимофей, и остальные сыновья – Илья, Ксенофонт, Илларион, Иринарх и Лука тоже работали у Андреева. В 1890 г. на свадьбе внука Якова Арефьевича Капитона, своего крестного, подарил ему стрежевой песок ниже юрт Карымкарских и участок земли в селе. Вместе с братьями Капитон построил в местечке Озерки большой дом, склады, ледник для хранения и помещение для обработки рыбы, бондарную мастерскую, конюшню, позднее приобрел катер для доставки добытой и скупленной на песках рыбы в село. Таким было до революции семейное хозяйство Кузьминых.

С приходом советской власти в Малом Атлыме в 1920 г. организовалось потребительское общество «Самопомощь» для скупки у населения рыбы и пушнины и снабжения продовольственными и промышленными товарами. Первым его председателем односельчане избрали Ивана Кузьмина, а в январе 1921 г. на его место выдвинули Павла Ильича Кузьмина. Кузьмины все еще принадлежали к верхушке сельского общества. Но уже весной в Кондинской волости развернулись военные действия, Кузьмины приняли сторону повстанцев, за что и поплатились.

Дома и прочие постройки расстрелянных братьев в 1920-е гг. были муниципализированы.[19] Семейство понесло тяжелые утраты, и они не ограничились расстрелом троих братьев-заложников. Но об этом – немного позже.

Двое из сыновей казненных – Александр Илларионович, 1914 года рождения, и Евгений Григорьевич, 1910 года рождения, – погибли в годы Великой Отечественной войны.[20]

Кушников Николай Тихонович (1871, г. Сургут – 1921, г. Березов)

Выходец из сургутского казачьего рода. Чиновник. Службу начал в 1892 г. в родном Сургуте с должности канцелярского служащего окружного полицейского управления. Затем служил в г. Тюкалинске Тобольской губернии, снова в Сургуте. Оттуда «для пользы службы» перемещен становым приставом в с. Кондинское Березовского уезда, потом был помощником тобольского и березовского уездных исправников.[21] В 1917 г., когда полицейское управление было упразднено, Кушников получил назначение

[19] Набокова Л. Как создавалась муниципальная собственность // Жизнь Югры, 1997. – 23 апреля.

[20] Память. Т. III. Тюменская область. [Б. м.], 1994.

[21] Белобородов В. Кушниковы // Югра, 2002. № 3. С. 29 – 33.

Семья Николая Тихоновича Кушникова.
Фото из семейного архива внучки Н.Т. Кушникова Т.М. Кулинич

на должность начальника уездной милиции. С 1 октября 1918 г. служил бухгалтером Березовского казначейства.

Имел большую семью, четверо из девятерых его детей учились в средних учебных заведениях Тобольска. В 1919 г. старший сын Александр, поручик 6-го Сибирского степного кадрового полка, погиб в бою с красными на территории Березовского уезда. Редакция «Сиб. листка» в № 31 за 1919 г. напечатала стихотворение тобольской гимназистки *Нины Салминой* «В память незабвенного героя Александра Николаевича поручика Кушникова»

В алфавите граждан Березова, обязанных нести трудовую повинность во второй половине 1921 г., записаны четверо детей Н.Т. Кушникова: Ксения (учительница, служила в уездном отделе народного образования), Мария, Константин и Ксенофонт. В последующие годы судьба разбросала их далеко от родных мест.

В декабре 2010 г. на музейной биеннале в Ханты-Мансийске москвич С.Б. Леонов сделал совершенно неожиданное сообщение, основанное на тексте неоконченной «Автобиографии» младшего сына Н.Т. Кушникова Михаила. Мне удалось связаться с дочерью автора «Автобиографии» Татьяной Михайловной Кулинич, она прислала несколько семейных фотографий, две из которых публикуются. С ее же разрешения публикуем «Автобиографию», повествующую о Березовском периоде жизни семьи Н.Т. Кушникова. (См. приложение 11).

Лапотников Василий Иванович

Выходец из большого Березовского казачьего рода. В начале 1917 г. был избран в состав Обдорского комитета общественной безопасности – нового органа местного управления, введенного после образования Временного правительства. Арестован 28 февраля 1921 г., позже других, и объявлен заложником 1-й категории.

Мищенко Глеб Федорович (ок. 1890 – 1921)

Учитель физики Березовского высшего начального училища. Информацию о Г. Ф. Мищенко помогло найти упоминание о нем в книге «Березово. Очерки истории с древности до наших дней». Затем удалось найти текст воспоминаний его сына Льва Глебовича Мищенко «Пока я помню», изданных в Москве в 2006 г. В публикуемом отрывке (см. приложение 12) автор рассказывает о судьбе родителей, погибших в Березове в 1921 г. Неразгаданной остается причина смерти матери автора воспоминаний Валентины Алексеевны. По версии сына, она была расстреляна, но произошло это раньше, чем были казнены заложники. В метрической книге Богородице-Рождественской церкви есть запись: «1 февраля 1921 г. умерла Валентина Алексеевна Мищенко, гражданская жена», т. е. жена гражданина. Причина смерти не указана. Это еще одно свидетельство того, что расстрелы без суда и следствия не были из ряда вон выходящим явлением.

Охранов Алексей Григорьевич (ок. 1877 – 1921)

Священник. Из обрусевших инородцев Яганокуртских или Нагакарских юрт Кондинской волости Березовского уезда. В метрической книге Шеркальской Спасской церкви записан «инородец юрт Юган – курт Никита Григорьевич Охранов» – возможно, брат Алексея Григорьевича. Среди Охрановых были и грамотные. Так, в дни переписи населения 1897 г. в инородческом пансионе при Тобольском Знаменском монастыре жили воспитанники из Березовского округа Василий Григорьевич и Павел Васильевич Охрановы.[22]

А.Г. Охранов в 1894 г. окончил двухклассное училище. В 1904 – 1905 учебном году был учителем миссионерской инородческой школы в Обдорске и состоял в переводческой комиссии для создания учебников и литературы на инородческих языках при братстве во имя святителя Гурия Казанского и Свияжского чудотворца.[23] Осенью 1903 г. А.Г. Охранов передал в библиотеку братства рукописи инородца Качакарских юрт Котской волости Березовского округа Григория Афонасьева Охранова (по-видимому, своего

[22] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

[23] Еремеева О.И. О влиянии православной церкви на духовное развитие народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 43 – 44.

отца) «Предание, исторический рассказ Котцкого княжества Алачевых» и «Население Котцкого монастыря или Кондинского села русским народом». Обе хранятся в архиве Русского географического общества. Опубликованы Ю.Л. Мандрикой в пятом выпуске «Подорожника». С 1905 г. служил дьяконом, с 1907-го – священником. С 1908 г. – священник Няксимвольской церкви. Дочь А.Г. Охранова Евдокия Алексеевна в 1921 г. была учительницей Няксимвольской школы. В списке граждан села Кондинского, обязанных нести трудовую повинность, насчитывается восемь Охрановых.

Равский Петр Феликсович

Род. в 1885 г. в г. Березове в семье купца 2-й гильдии Феликса Осиповича Равского (ок. 1848 – 1903), происходившего из дворян Гродненской губернии. 16-летним юношей он «за бытность в шайке мятежников проводником... лишен всех... прав и преимуществ и сослан на житье в Тобольскую губернию».[24] В Березове стал торговать оптом и в розницу хлебом, вином, мануфактурой, бакалейными, галантерейными и др. товарами. Как о купце о нем встречаются противоречивые высказывания, что для этого рода занятий и неудивительно. Были сетования на устройство им в с. Шеркалы кабака, на дороговизну продаваемого хлеба.[25]

В то же время в другом источнике читаем: «Цены на все страшные и только благодаря конкуренции Ф.Р. можно еще кое-что купить посходнее, т. е. не отдавая за 2 к. 20 к., как это принято за норму в доморощенных березовских магазинах П. и Ц., где за всякую дребедень берут самую дикую цену...» Еще отзыв: «...в прошлом году... было учреждено временное экстренное собрание из более «сильных» града сего, на котором и была подана святая мысль об устройстве нового помещения или об арендовании частного дома для больных, количество которых со дня на день увеличивалось, но никто из городских кулаков не дал согласия... но вот нашлась одна добрая душа в лице г. Р-го, которая сделала предложение построить больничное помещение на свои собственные средства, что г. Р. и выполнил, поставив довольно чистенькое и уютное помещение на одной линии с инородческой больницей...».[26] Поддерживал Равский денежными взносами и некоторые другие благие начинания, а также не чужд был общественной деятельности.

У Феликса Осиповича и его жены Александры Викторовны, дочери В.В. Добровольского, было четверо детей: сыновья Петр и Валентин и дочери Калисфения и Юлия. Старший сын Петр окончил в 1906 г.

---

[24] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 531. Оп. 1. Д. 6.

[25] Восточное обозрение. 1888. 10 апр.; ТГВ. 1893. № 6.

[26] Сиб. листок. 1891. № 82, 83.

Тобольскую гимназию и поступил на юридический факультет Томского университета. Когда вслед за отцом умерла и мать, ему пришлось оставить учебу, вернуться в Березов, чтобы содержать семью и продолжать торговые дела семьи. В 1914 – 1916 гг. он, кроме того, некоторое время преподавал в местном училище, дело об его службе имеется в Тобольском архиве.[27]

Весной 1917 г. началась политическая деятельность П.Ф. Равского: он был избран в Березовский уездный исполнительный и общественной безопасности комитеты, а летом 1917 г. – городским головой.[28] В сентябре 1918 г. заместитель тобольского губернского комиссара назначил его членом Березовской следственной комиссии, которая должна была оценить деятельность свергнутой большевистской власти.

Вплоть до начала 1921 г. П.Ф. Равский был одним из местных руководителей. Еще за год с небольшим до расстрела он был необходим советской власти, уездный ревком в январе 1920 г. назначил его, «бывшего промышленника, приглашенного на советскую службу в качестве спеца», заведующим вновь организованным городским хозяйством. При этом Равский не оставлял предпринимательской деятельности. 1 июля 1919 г. проезжавший через Березов путешественник записал в дневнике: «На другой стороне Сосвы, против города, лесопильный завод и мукомольная мельница. Мельница работает, смалывая в свой 10-часовой рабочий день до 200 пудов зерна. На днях хотят пускать в ход лесопилку. Завод принадлежит частному товариществу, членом которого – местный городской голова Равский».[29] Все это вскоре после расстрела владельцев бесплатно досталось возвратившейся советской власти.

После смерти Равского «Голос Народной Армии» напечатал некролог, автор которого, подписавшийся псевдонимом «Северянин», назвал его «одним из виднейших общественных деятелей» и «редким по своим качествам человеком». «Не было такого дела, – говорится в некрологе, – в которое бы он не вложил свою душу, на которое бы он не пролил света своих знаний, и город Березов не забудет его заслуг и в своей истории отведет покойному почетную страницу». Приходится с горечью констатировать, что пророчество это не сбылось и вместо личности было оценено имущество. 2 октября 1922 г. президиум Березовского уисполкома постановил: «По акту № 4 расстрелянного Равского имущество конфисковать, за исключением амбара, принадлежащего брату Валентину, комода, гардероба и стола, принадлежащего сестре его Юлии. Рояль передать в распоряжение

---

[27] Ф. 5. Оп. 1. Д. 84.

[28] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 722. Оп. 1. Д. 41, 51.

[29] Дмитриев-Садовников Г. М. Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 году // Лукич. 2000. – № 4. – С. 8.

наробраза».[30] Каждый трудящийся получил возможность в свободное от работы время помузицировать.

Что стало с остальными членами семьи Равских – братом Валентином, бывшим студентом Томского технологического института, сестрами-учительницами Юлией и Калисфенией – неизвестно, вскоре после 1921 г. их имена перестали встречаться в документах березовской истории. Только в третьем томе книги «Память» по Тюменской области встретилась запись о гибели в бою 14 ноября 1942 г. лейтенанта Равского Владимира Петровича, родившегося в Березове в 1918 г., единственного сына Петра Феликсовича и Евгении Васильевны Равских.

Старков Федор Николаевич

Служащий Березовского полицейского управления. Поступил в березовскую полицию младшим городовым 10 ноября 1897 г. С 7 июля 1903 г. назначен полицейским урядником и состоял в разных участках Березовского уезда до расформирования полиции в 1917 г., характеризовался как исправный служащий. В 1917 г. собрание уполномоченных г. Березова нашло такое применение способностям Ф.Н. Старкова. Городу требовался сборщик денег в небогатую городскую казну за причаливание судов к городской пристани, выгрузку кладей, извозный промысел, пользование береговыми участками. Собрание решило, что в Березове есть только один подходящий для такого дела человек – Ф.Н. Старков, положило ему на период с июня по октябрь по 40 р. в месяц и постановило выдать квитанционные книги.

Хатанзеев Кузьма

Эту фамилию носили ненцы Архангельской губернии. Среди них были переселенцы в Березовский уезд, один из них упомянут в метрической книге Богородице-Рождественской церкви. Каких-либо сведений о Кузьме Хатанзееве пока найти не удалось.

Шахов Семен Прокопьевич

Человек с новаторским складом личности, автор смелых хозяйственных инициатив. Имел серьезный вес в березовском обществе, многие годы избирался городским старостой и на другие руководящие должности, в марте 1917 г. назначался уездным комиссаром Временного правительства. См. о нем в очерке «След рода в истории города».

---

[30] ГАХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

По сообщению «Голоса Народной Армии» от 3 апреля 1921 г. С.П. Шахов был расстрелян первым из заложников. Газета воспроизводит содержание приказа Тобсеввоенревкома, приведенного в исполнение в ночь с 21 на 22 февраля: «...В Березове нашими врагами были пущены провокационные слухи о положении происходящего. Тобсеввоенревком приказал Березовскому уревкому расстрелять одного из заложников в Березове, дабы все негодяи поняли, что северные коммунары издают приказы и приводят их в жизнь. Пусть трещат душонки наших врагов. Сегодня расстрелян один, завтра, если повторятся подобные слухи, а главное, будет пролита хоть одна капля крови коммуниста, тогда Тобвоенревком прикажет утопить в реке не одну сволочь, а десятки и не только в Березове, Обдорске, но и во всех увоенревкомах и волвоенревкомах. На основании приказа Тобсеввоенревкома Березовский увоенревком расстрелял и утопил заложника-гражданина Шахова Семена Прокопьевича. За точное беспрекословное выполнение приказа... Березовский уревком занесен первым на боевую красную доску и ему от имени воли всех славных коммунаров Севера приносится благодарность, в частности, предревкому товарищу Сироте, главкому Данилову и всем товарищам, помогавшим выполнить приказ, об этом будет донесено Совнаркому и Предреввоенсовета товарищу Троцкому...». Более красноречивой иллюстрации к теме «Большевики в Гражданской войне» трудно подыскать.

С.П. Шахов не записан в церковной метрической книге среди погребенных. По-видимому, тело его не было найдено.

21 марта 1921 г. повстанцы вошли в город. В этот же день был образован временный городской совет, который извлек из прорубей тела погибших. 27 марта они были преданы земле.[31] Лишние ли эти люди для березовской истории – это должны решить нынешние граждане Березова.

* * *

Через многие испытания прошли пережившие революционное время носители березовских русских фамилий, о которых рассказано в книге со сложной смесью чувств от удивления и восхищения до печали и горечи. XX век разделил семьи, разбросал людей по таким местам, о которых домовитые березовцы прежде и не слыхали, лишил ощущения, что держат собственную судьбу в своих руках, некоторых довел до нищеты. И тем отраднее было находить следы родовой силы, стойкости, живучести. Надеюсь, и читатель заметил это на примерах семей Шаховых, Бешкильцевых, Нижегородцевых, Протопоповых, Козловых… И не только. Многие из прочитавших эти страницы наверняка и сами могут привести аналогичные свидетельства.

[31] Вести из Березова // Голос Народной Армии. 1921. 1апр.

Хозяева и гости полуночной земли

Краткий биографический словарь

Абрамов Николай Алексеевич (1812, г. Курган – 1870, г. Семипалатинск) – педагог, краевед. Окончил Тобольскую духовную семинарию (1832), преподавал татарский язык. С 1842 г. по 1850 г. – штатный смотритель уездного училища в г. Березове. Наряду с учебной работой занимался исследованием архива Березовской воеводской канцелярии, собирал местные предания, изучал быт и культуру северных народов. Автор «Описания Березовского края» и многих других работ. Отыскал в Тобольском архиве и подготовил к печати «Краткое описание о народе остяцком» Г.И. Новицкого.

В 1842 – 1849 гг. успешно разводил в Березове картофель. В 1849 г. вырастил до полной спелости пшеницу, овес и коноплю на участке, защищенном строениями с северной стороны. С 1842 по 1850 г. вел регулярные метеорологические наблюдения. Оказывал содействие в научных поисках *М.А. Кастрену*, М. Ковальскому, *Э.К. Гофману*. После Березова служил в Ялуторовске, Тюмени, Омске, Семипалатинске, продолжал научные исследования. Состоял в Русском географическом и Русском археологическом обществах, награждался медалями этих обществ.

Аверкин Федор Никанорович – торгующий крестьянин с. Сухоруковского Березовского уезда. Прибыл из д. Зуевой Верхотурского уезда Пермской губернии. В 1895 г. арендовал песок Осетровый.[1] Член Тобольского отдела Императорского общества судоходства, действительный член Тобольского губернского музея. Пострадав от пожара, в 1914 г. переехал в Тобольск, где также занимался торговлей. Имел собственный дом, в котором в 1918 г. размещался книжный киоск местного отделения партии народной свободы.

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878 – 1943) – партийный и государственный деятель, член ЦК партии эсеров. В октябре 1905 г. делегирован в Петербургский совет рабочих депутатов, за что был судим и сослан в Обдорск. В 1907 г. эмигрировал в Париж, где занимался партийной и литературной деятельностью. После Февральской революции 1917 г. возвратился в Россию. В 1917 г. – председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов и Предпарламента, член Учредительного собрания. В 1918 г. избран председателем Временного Всероссийского правительства («Уфимской директории»). Во время белогвардейского переворота в Омске арестован и вскоре выслан за границу, где продолжал политическую деятельность. Автор научных трудов по философии.[2]

Алексеев Петр Петрович – предприниматель. Поселился в с. Саранпауль Березовского уезда в 1890-е гг. как приказчик купца *А.М. Сибирякова.* Около 1900 г. завел собственное дело. В бассейне Северной Сосьвы торговал мукой и другими товарами, занимался рыбным промыслом, имел сенокосные угодья, лавки, амбары, дома, баржи. Любой свежий человек, оказавшийся в этих местах, не мог не заметить Алексеева. Его имя встречается и на многих страницах путевого дневника исследователя Тобольского Севера *Г.М. Дмитриева-Садовникова* «Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 году»[3]. В 1905 г. Петр Петрович вступил в члены Тобольского губернского музея, позднее в – Тобольское отделение Императорского общества судоходства.

Представление о личности Алексеева и содержании его отношений с Сибиряковым дают две заметки «Сибирского листка», опубликованные 3 октября 1893 и 29 декабря 1894 гг. Воспроизводим их в хронологической последовательности.

«Шкуна «Север» …прибыла в Березов 4 августа. Через несколько дней в этот город прибыл с севера и владелец шкуны А.М. Сибиряков. Из Березова г. Сибиряков отправился 15 августа в Тазовскую губу, куда прибыл 31 августа. Здесь у устья р. Таза экспедицию встретил г. Алексеев, приказчик г. Сибирякова. Г. Алексеев приехал туда из Туруханска на лодке сначала по р. Хете (приток р. Енисея), а потом по р. Тазу… Между верховьями рр. Таза и Хеты пришлось идти волоком. Волок между бассейнами рр. Таза и Енисея небольшой – лишь несколько верст. Ввиду наступления морозов г. Сибиряков решил поскорее вернуться назад, иначе экипажу шкуны пришлось бы провести зиму в замерзшем море. В будущем году, весной, шкуна «Север» вторично отправится в Тазовскую губу и тогда постарается пройти по р. Тазу насколько это будет возможно. […]».

[2] Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С.10,11.

[3] Лукич. 2000. № 4.

«А.М. Сибиряков, стремясь к созданию новых водных путей сообщения Сибири, не жалеет средств на их открытие и исследование. После того как окончательно выяснилось, что Обь-Енисейский канал, несмотря на затраченные на него три с лишним миллиона рублей и 12-летний каторжный труд не может выполнить своего назначения и для торгово-промышленной жизни страны является величиной отрицательной, А.М. Сибиряков задумал отыскать другой путь, который соединил бы две громадные водные системы и тем оживил край, причем имелся в виду северный путь, по которому бы можно было через волоки Ляпин-Печерский и Илыч-Сосвинский направлять грузы в Россию, а через Обскую губу в заграничные порты. Ввиду этого г. Сибиряковым в течение двух лет посылался г. Алексеев. В прошлом году последний, доехав до Енисейска, в легкой лодочке с четырьмя проводниками-самоедами поднялся по р. Хете, а оттуда по небольшим речкам, таща через волоки лодку на себе, он добрался до р. Таза, где встретился с г. Сибиряковым, ждавшим его на своем пароходе «Север». Ныне из Енисейска г. Алексеев отправился в экспедицию 4-го июня вместе с А.М. Сибиряковым на пароходе «Анна», имея при себе небольшой паровой катер. На пароходе путешественники спустились до притока Енисея Турухана, по которому поднялись частью на пароходе, частью на катере до р. Русской, впадающей в Турухан. Здесь 15 июня г. Сибиряков оставил г. Алексеева, а сам на пароходе возвратился в Енисейск. Г-н Алексеев, оставшись, приспособил для дальнейшего путешествия остяцкую лодку и с пятью рабочими отправился в дальнейший путь. В течение более чем двух месяцев, перетаскивая по болотам и водоразделам лодку из речки в речку, не встречая на пути никого, кроме самоедов, не понимающих русского языка, г. Алексеев наконец достиг р. Пура, а затем и Таза; отсюда, местами в лодке, местами таща и багаж, и лодку на себе, путешественники добрались до с. Обдорска, откуда г. Алексеев в почтовой лодке поднялся до с. Самаровского. Здесь его ждало уже новое поручение – исследовать вершины р. Ваха, притока р. Оби. Сев на пароход и доехав до г. Сургута, откуда, спустившись (неверно, должно быть – «поднявшись». – Ред.) до устья р. Ваха, П.П. Алексеев в остяцкой лодке поднялся более 700 верст вверх по этой реке. Начинались холода, и плыть далее было опасно, вследствие чего г. Алексеев возвратился в Сургут. Г. Алексеевым нанесены на карту все пройденные речки и волоки. В этом путешествии немало помогло г. Алексееву знание им самоедских наречий, благодаря чему он мог ориентироваться в этой массе неизвестных речек, которые протекают по тундрам. К сожалению, результаты произведенных г. Алексеевым изысканий не могут быть опубликованы. На следующий год А.М. Сибиряков намерен вновь послать сведущих лиц для изыскания нового пути».

Алквист Карл Аугуст (1826 – 1889) – профессор финского языка и литературы, ректор Хельсинкского университета. Совершил три научных путешествия в Северо-Западную Сибирь с целью изучения языков вогулов и остяков. После смерти Алквиста вышли в свет составленный им словарь вогульского языка (1891), образцы вогульской речи и грамматика вогульского языка (1894).[4]

Ануфриев Серапион Терентьевич (ок.1868 – 4 мая 1916) – крестьянин с. Мехченского Печорского уезда Архангельской губернии. В 1887 г. его отец Терентий Григорьевич получил разрешение на жительство в Березовском округе и поселился с семьей в с. Няксимволь. В 1915 – 1916 гг. Серапион Терентьевич служил здесь псаломщиком Николаевской церкви. Рано овдовев, остался с четырьмя дочерьми. Семья эта интересна своими родственными и прочими связями, образовавшимися после замужества дочерей.

Старшую дочь Домнику после смерти матери удалось устроить в приют в Тобольске, по выходе из которого она стала учительницей и преподавала в школах Березовского уезда. В сентябре 1917 г. вышла замуж за псаломщика Березовской Богородице-Рождественской церкви Евгения Моисеевича *Шилова,* переквалифицировавшегося вскоре в телеграфиста и участвовавшего в установлении советской власти в уезде.

Дочь Анна в июле 1918 г. вышла замуж за Аркадия Николаевича *Ворошилова* из с. Никито-Ивдельского, поручителем жениха был его весьма состоятельный земляк Филарет Степанович *Рогалев*, оба жили в Няксимволе.

Дочь Агния вышла замуж за ссыльного *Т.Д. Сенькина*, от которого родила сыновей Владимира, Якова и Петра. Судьба Агнии в центре неоконченной повести *Ю.М. Козловой* «Сенькин».

Ануфриева Домника Серафимовна (1889 – 1984) – учительница, дочь *С.Т. Ануфриева*. Окончила курс в начальном училище с присвоением звания учителя церковно-приходских школ. В начале XX в. преподавала в Троицкой и Няксимвольской школах Березовского уезда. Сотрудничала с Тобольским губернским музеем. Музей получил от нее 22 окаменелости из предгорьев Урала и ряд вещей для пополнения коллекции предметов вогульского быта с объяснением ряда узоров по бересте и приложением их рисунков.[5] В девятом выпуске «Подорожника» опубликованы ее воспоминания «Жизнь на севере политико-ссыльного т. Сенькина Тихона Даниловича и его партизанского отряда», написанные в 1972 г.

---

[4] См: Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки / пер. с нем. и публикация доктора истор. наук Н.В. Лукиной. Томск, 1999.

[5] ЕТГМ. Тобольск, 1917. Вып. 28. С.10.

Баклунд Олег Оскарович – геолог, астроном, магистрант Петербургского университета. В 1909 г. руководил состоявшей под покровительством Академии наук Карской экспедицией для исследования Северного Урала. Как сообщал «Сибирский листок», экспедиция прошла на оленях от р. Собь на север вдоль Урала до Ледовитого океана и вывезла несколько коллекций: геологическую, ботаническую, энтомологическую и др. Экспедиция была организована на средства московских купцов-частноторговцев Николая и Григория Кузнецовых. Ценное содействие экспедиции оказал березовский исправник Л.Н. Ямзин.[6]

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788 – 1847) – тобольский губернатор в 1825 – 1828 гг. В декабре 1826 г. выезжал на север губернии для примирения обдорских остяков и самоедов, волнения среди которых возникли из-за непосильного ясака и других казенных податей и раздоров из-за кочевий в тундре. Конфликт был погашен. Занимался исторической наукой и литературным трудом. Автор «Словаря достопамятных людей земли русской» и др. сочинений.

Бартенев Виктор Викторович (1864, Костромская губ. – 1921, г. Архангельск) – общественный деятель. В 1886 – 1890 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. В 1891 г. за политическую деятельность выслан на 4 года в Обдорск. Написал обширный очерк «На крайнем северо-западе Сибири», в котором дал всестороннюю картину жизни Обдорского края, статьи «Понятия обдорских остяков о грехе» и «Погребальные обычаи обдорских остяков». Освобожден из ссылки в 1895 г. Жил в Пскове, в 1907 г. переехал в Архангельск, где активно участвовал в деятельности Общества изучения русского Севера, редактировал журнал общества. Дважды издал сборник обдорских песен.[7]

Баушкин Павел Сергеевич (1908 – 1995) – краевед. Родился в Тобольске в семье письмоводителя губернского управления, переведенного в 1911 г. на должность смотрителя Березовской уездной инородческой больницы. Окончил единую трудовую школу в Березове, работал монтером электростанции, а с 1928 по 1968 гг. – в кинофикации. Продолжительное время собирал материалы по истории района, участвовал в формировании музейных коллекций. Создал значительный личный архив фотодокументов. Почетный гражданин поселка Березово.

---

[6] Городская хроника // Сиб. листок. 1909. 29 сент.

[7] См. Бартенев В.В. На крайнем северо-западе Сибири // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1988. С. 112 – 217.

Бельский Мамерт Казимирович (1866 – после 1920) – акцизный чиновник. Службу в Березовском уезде начинал в первое десятилетие XX в. с должности старшего штатного контролера в с. Елизаровском. Потом служил в Березове помощником акцизного надзирателя, а после установления советской власти в 1921 г. по законам военного времени был мобилизован и назначен кассиром финансового отдела уездного ревкома.

Богданов Иван Александрович – председатель Сосьвинского волостного военно-революционного комитета с 14 июня 1921 г., бывший машинист парохода. 2 июля этого же года получил благодарность от уездного ревкома «за точное исполнение распоряжений соввласти и добросовестное отношение к исполнению своих служебных обязанностей».

Богданович Николай Модестович (1856 – 1903) – тобольский губернатор с декабря 1892 по март 1896 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Принимал энергичные меры для ликвидации последствий голода и эпидемии холеры 1891 – 1892 гг., развития сельского хозяйства , рыбных промыслов, улучшения экономического быта инородцев северных округов. В 1897 г. – уфимский губернатор. 6 мая 1903 г. убит террористом.

Бронников Семен Иванович (? – 1916) – тобольский купец 2-ой гильдии, крупный рыбопромышленник. В одном из документов 1863 г. был упомянут как сургутский мещанин, прибывший в Березовский округ по рыбопромысловым делам. Арендовал рыболовные угодья в нижнем течении Оби, торговал хлебом, пушниной, галантерейными и др. товарами, имел магазины в Тобольске и Обдорске. Несколько лет руководил Тобольской ремесленной школой со времени ее основания в 1875 г., позднее занимал должность директора Тобольского общественного банка. В 1880 г. на его промысле Нанги побывал итальянский путешественник С. Соммье, отметивший в дневнике: «Нанги и Халей-пугор – две единственные стоянки, где я видел сделанные из прутьев запруды перед домами для облегчения причаливания лодок и предохранения берега от размывания».[8]

Буторины – березовский казачий род, прослеживающийся по метрическим книгам Воскресенского собора с 1-ой половины XIX в. Не менее 20 лет занимали они высшие должности в местной казачьей роте. Так, в 1846 г. ротным командиром был Павел Гаврилович Буторин, умерший в 1861 г. Казачьими сотниками были Михаил Еремеевич Буторин (ок. 1877 – 7 янв. 1855) и его сын Александр Михайлович.

[8] Соммье С. Лето в Сибири. С. 417 – 418.

Обширное потомство Михаила Еремеевича имело широкое представительство и в местной светской власти. Сын его Григорий Михайлович в 1830 – 1860-е гг., начав с должности писаря, стал столоначальником и секретарем земского суда, а в начале 1860-х некоторое время был сургутским участковым заседателем в чине коллежского регистратора (Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 г.), а его сын Аполлон Григорьевич – писцом земского суда. Другой сын Михаила Еремеевича Флорентий в 1860-е гг. занимал должность столоначальника земского суда, а внук Николай Флорентьевич служил городовым в уездном полицейском управлении, в Государственном архиве Тобольска есть дело об его службе в 1900 – 1912 гг.[9] В 1918 г. он все еще оставался на службе, теперь уже в Березовской уездной милиции.[10] Один из Буториных занимал выгодную должность вахтера хлебозапасного магазина в с. Сосьвинском.

Сотника А.М. Буторина и его жену Анну Кузьмовну до сих пор помнят в Березове как щедрых благотворителей, на чьи деньги, оставленные по завещанию на строительство кладбищенской церкви, была построена школа-церковь, здание которой сохранилось до сего дня, как и памятник супругам Буториным на местном кладбище. В Воскресенский собор были переданы портрет Буторина, два его ордена и медаль, 12 икон, подсвечники, свечи, лампады и др. Долгая история исполнения духовного завещания супругов Буториных подробно отражена в недавно опубликованных архивных документах[11], а отголоски ее нашли отражение в легенде, пересказанной *П.С. Баушкиным*.[12]

Важенин Степан Максимович – богатый торгующий крестьянин с. Малый Атлым. Служил продавцом казенной винной лавки.[13] Здесь же жил его брат Егор Максимович. Уроженец села В.Т. Кузьмин писал о нем в книге «Земля Кодская»[14]:

«Купец Важенин в Малом Атлыме построил двухэтажный дом на берегу Оби ниже церкви. Дом его, как и церковь, был обшит досками и окрашен в белый цвет. На верхнем этаже в просторных светлых комнатах жил сам с семьей, на первом этаже в одной половине размещался магазин, в другой была кухня. Около дома на берегу Оби было построено несколько складских помещений… За домом, в Юртошном логу, построил поперек

[9] Ф.171. Оп. 1. Д.5.

[10] Тот же архив. Ф.И-755. Оп.1. Д.11.

[11] См.: сб. «Православные приходы Березовского края…»

[12] Школа в Березове // Югра.1992. № 3. С. 36 – 38.

[13] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И – 583. Оп. 1. Д. 983, 1451.

[14] Ханты-Мансийск, 1995.

лога большой амбар, где размещалась водяная мельница. Около этого амбара соорудил плотину для задержки воды, стекающей по логу, и когда ее накапливалось достаточное количество, открывал задвижку и молол зерно на муку. [...] При советской власти она проработала недолго. Не было специалиста, кто за мельницей бы следил, вовремя ее ремонтировал. [...] Купец Важенин обеспечивал население Матлыма и окрестных юрт зерном, мукой, фуражом и другими товарами... Завозил он все это на собственной барже с юга губернии. К началу уборки урожая, договорившись с пароходскими, на барже добирался до хлебородных мест... Погрузив закупленное на баржу, завозил попутными или специально нанятым пароходом до Малого Атлыма. Брат его, живший немного выше по берегу от его дома, занимался рыбным промыслом, состоял в паях в одной из артелей. Оба брата держали коров, лошадей, овец, разрабатывали огороды, выращивали картофель и другие овощи. Во время эвакуации белой армии с Севера, летом 1919 года, они погрузили свои семьи, часть имущества на баржу и уехали с ними в Томск, оставив дома, мельницу, склады и другое имущество. Уехав из села, они спасли свои жизни и избежали расправы над семьями.

Дома их и постройки перешли в собственность советской власти. В этих зданиях в разное время размещались школы, магазины, сельский совет, пекарня. Двухэтажный дом старшего брата в 70-е-х гг. пришел в негодность и был разобран, а дом младшего брата сохранился до наших дней в ветхом состоянии» (С. 27, 28).

В третьем томе книги «Память» по Тюменской области есть запись о гибели 16 ноября 1941 г. Андрея Степановича Важенина, родившегося в 1896 г. в Малом Атлыме.

Варпаховский Николай Аркадьевич (1862 – 1909) – ихтиолог. В конце 1894 г. был командирован Министерством земледелия и гос. имуществ в Тобольскую губ., где описал местных промысловых рыб, орудия лова, исследовал явление замора на Оби и ее притоках. Собранная им коллекция орудий рыболовства демонстрировалась на Всероссийской Нижегородской выставке 1896 г. Автор работ «Зимние заграждения на р. Оби» (1896), «Рыбный промысел в бассейне реки Оби» (1896), «Рыбы бассейна р. Оби (1899).

Ваули Пиеттомин – руководитель восстания ненецкой бедноты в 30 – 40-е гг. XIX в., ненец с р. Таз. Во главе вооруженной дружины вел борьбу против местных князьков, богатых оленеводов, купцов и царских чиновников. В январе 1841 г. с отрядом из 400 человек подступил к Обдорску. Обманным путем он и его ближайшие товарищи были взяты в плен и сосланы на каторгу в Восточную Сибирь.

До сих пор в фольклоре ненцев Ваули представляется могучим богатырем. Спасаясь от врагов, он, как паутинки, рвет толстые веревки, ныряет в поданный ему ковш с водой, исчезая с глаз стражи, и летит по воздуху, как птица. Литературная версия восстания дана в романе М.К. Анисимковой «Ваули».[15]

Вергунов Иоанн (Иван Иванович) – священник. Устойчивое гнездо Вергуновых образовалось в Сургуте еще в XVII в., что отмечено екатеринбургскими историками А.Т. Шашковам и А.Г. Мосиным в словнике «Югорские фамилии». Первое упоминание фамилии Вергунов (Вергун) они датируют 1626 годом. Вергуновых было много в духовенстве Тобольской епархии, одним из видных представителей этой плеяды был И.И. Вергунов, в 1810 – начале 1830-х г. – протоиерей в Березове.

Имеющиеся в источниках сведения о нем противоречивы. Один архивный документ отмечает «безлестное к нему уважение не только крещенных, но и самих язычников»[16]. При нем некоторые священнослужители его благочиния и сам он занимались переводами священных текстов на языки ханты и манси. В 1814 г. он был награжден бронзовым крестом на ленте Святого Владимира[17].

Есть свидетельство иного рода – будто Вергунов скупал у аборигенов пушнину за бесценок. Косвенно оно подтверждается архивным источником. От пожара, случившегося в августе 1830 г., отец Иоанн понес ущерб, который сам он оценил в 10880 р. В составленном им реестре сгоревших вещей из 41 пункта числится шуб лисьих и медвежьих на 1200 р., мехов собольих, лисьих, недопесцовых, крестоватичьих, беличьих, колонковых и медвежьих на 2600 р., струи бобровой на 250 р.; кроме того – токарный, столярный инструмент и книги богословские, философские, исторические, географические и др. Примечательна реакция на прошение Вергунова о возмещении ущерба генерал-губернатора Вельяминова: «Что же касается до убытков, показываемых протоиереем Иоанном Вергуновым, … то поелику оные состоят наиболее в мехах, кожах и чаю, коими он без всякого сомнения торговал, что в его звании неприлично, то к сему убытку и не должно, по моему мнению, иметь уважение»[18].

Были в XIX в. в Березовском крае и другие священноцерковнослужители с этой фамилией: священники отец Михаил в с. Мужи (1840), отец Александр в Малом Атлыме (1855), отец Василий в Кушевате, а также поно-

[15] См.: Церкви Обдорска. Вып. II. Ч.1.С. 278.

[16] ГАОО. Ф.3. Оп. 12. Д. 17592. Л.42 об.

[17] Церкви Обдорска. Вып. I. С. 155, 156.

[18] ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17663. Л.1, 5, 6.

мари и псаломщики. Есть, например, в Тобольском архиве, по-видимому, небезынтересный документ «О битии священником с. Малоатлымского Александром Вергуновым подводчиков инородцев Томиных» на 24 листах[19].

Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858 – 1913) – гидрограф-геодезист, генерал-лейтенант. Руководил гидрографическими исследованиями от устья Печоры до Енисея. В 1896 г. его экспедиция провела детальную съемку Обской губы, нашла закрытую бухту Находка для перевалки грузов с морских на речные суда, помогла обеспечить безопасность дальнейших плаваний, создала новую карту побережья Карского моря, Обской губы, Енисея и Енисейского залива. В 1907 – 1913 гг. А.И. Вилькицкий возглавлял Главное гидрографическое управление.

Волков Владимир Македонович (1894, г. Березов – 1987) – сын *М.И. Волкова.* Окончил в 1915 г. Тобольскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию (1919). С 1921 г. преподавал в школах Сергиева Посада, с 1924 – в системе профтехобразования, был ректором сельскохозяйственного института. В 1955 г. начал работать в библиотеке Московской духовной академии. В некрологе от имени совета академии сказано, что он «... оставил о себе самую добрую память среди студентов и преподавателей Академии и Семинарии. Его трудолюбие, энергия, обходительность с людьми незабываемы. За плодотворную деятельность на благо Церкви Христовой он был награжден орденами Святого равноапостольного князя Владимира III степени и преподобного Сергия Радонежского III степени.[20]

Волков Македон Иванович – учитель истории и географии Курганского, затем, в 1890-е гг. – Березовского уездных училищ, выпускник Тобольской гимназии. Директор училищ Тобольской губернии Петр Панов так характеризовал его в письме к попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «... Волков нравственности прекрасной, труженик примерный, усердия замечательного...»[21]. В Березове был непременным участником любительских спектаклей. Женился на дочери березовского купца А.С. Плеханова Федоре, в 1894 г. у них родился сын Владимир, ставший крупным деятелем Русской Православной церкви.

---

[19] Ф.156. Оп. 25. Д. 141.

[20] См.: Журнал Московской патриархии. 1988. № 5. С. 32.

[21] Гос. архив Томской обл. Ф. 126. Оп. 1. Д. 396.

Воропай Иван Михайлович (1829 – 1914) – межевой инженер. В 1850 г. окончил Константиновский межевой институт. В 1886 г. проводил по заданию *А.Д. Голохвастова* обследование части Северного Урала, на которой предполагалось строительство железной дороги. Прошел путь от р. Войкар через Урал до побережья Хайпудырской губы. Путевые заметки были опубликованы в 1900 – 1901 гг. в журнале «Природа и охота» и недавно вышли в свет отдельным изданием.[22] Его рассказы и очерки печатались в журналах «Природа и охота», «Псовая и ружейная охота», «Охотничий вестник».

Ворошилов Аркадий Николаевич (1893 – 1938) – гражданин с. Никито-Ивдельского Пермской губ., проживавший в Березовском уезде. Окончил три отделения сельской школы. Знал остяцкий и зырянский языки. В послереволюционные годы служил милиционером. Был женат на Анне Серапионовне *Ануфриевой*. В 1937 г. арестован и приговорен «тройкой» Омского УНКВД к расстрелу. Расстрелян в Ханты-Мансийске 21.01.1938 г. В 1959 г. реабилитирован.

Газенвинкель Константин Борисович (ок. 1850 – 1896) – тобольский губернский прокурор, исследователь местной истории, автор работ по истории, экономике и этнографии. Завещал личную библиотеку, состоявшую из трудов о Сибири, Тобольскому губернскому музею.

Гасфорт Густав Христианович (1784 – 5.05.1874) – генерал-губернатор Западной Сибири (1850 – 1861 гг.). Родился в г. Белостоке Виленской губ. Имел инженерное образование. Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813 – 1814 гг.; был награжден орденом Св. Георгия III степени, золотой шпагой «За храбрость». В 1850 г. был назначен генерал-губернатором Западной Сибири. В период его управления в Обдорском отделении Березовского округа произошли выступления остяков против русского населения; остяки требовали снесения с. Обдорского, т.к. оно находилось на их родовых угодьях. В конце 1852 – начале 1853 г. Гасфорт совершил поездку в с. Обдорск, рассмотрел жалобы остяцких князей и старшин и смог приостановить конфликт. Гасфорт обратился с ходатайством к императору Николаю I, который повелел оставить с. Обдорск на своем месте. За эти заслуги в 1859 г. в Обдорске был поставлен памятник Гасфорту. Кроме этого, он содействовал развитию пароходства на р. Обь, преобразованию Сибирского казачьего войска. С 1861 г. – член

[22] См.: Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана / предисл. и коммент. Н.А. Повод. Ханты-Мансийск, 2008. Автор «Записок об охоте на севере России, Архангельской губернии, Шенкурского уезда» (Москва, 1871; Пермь, 1892).

Государственного совета, почетный член Академии наук, Вольного экономического и географического обществ. Умер в г. Санкт-Петербурге.[23]

Герасимов Василий Николаевич (1870 или 1871 – 1901, с. Шеркальское Березовского уезда) – священник, краевед. Представлял собой яркое, единственное в своем роде явление среди северного духовенства не только своей чистотой, бескорыстием и жаждой познания, но и происхождением: он принадлежал к ненецкому роду Югомпелик. Его отец *Николай Герасимов* в 1869 – 1874 гг. служил священником Тазовского стана Обдорской духовной миссии. По стопам отца пошел и сын. Василий поступил в Тобольскую духовную семинарию, но не доучился, в 1894 г., после окончания пятого класса, оставил семинарию и вернулся в Обдорск, где служил священником Петропавловской церкви и первым помощником настоятеля миссии. В этом качестве на первом же году службы Василий Герасимов вместе с казанским профессором *А.И. Якобием* объехал Надымский край и участвовал в выборе места для нового миссионерского стана. Вместе с этим он жил и полнокровной светской жизнью: писал корреспонденции в тобольские газеты под псевдонимом «Югомпелик», записывал русские песни и свадебные обычаи, изучал в местном архиве материалы по истории Обдорска, впоследствии изданные, собрал небольшой гербарий для Тобольского губернского музея, составил русско-остяцко-самоедский словарь. Об этом словаре несколько лет спустя консерватор музея *Н.Л. Скалозубов* писал: «Несколько десятков названий растений по-самоедски и остяцки я выбрал из рукописного словаря, составленного членом Тобольского музея св. отцом В. Герасимовым. Рукопись эту я нашел в 1905 году в числе книг покойного священника, хранящихся при Березовском полицейском управлении».

В 1896 г. В.Н. Герасимов был переведен в с. Щекурьинское Березовского уезда священником Богоявленской церкви, где прослужил до конца своей короткой жизни. Здесь, как и в Обдорске, он не ограничивал себя сочинением проповедей и отправлением повседневной службы. В эти последние четыре года имя его запечатлелось в сообщениях «Ежегодника Тобольского губернского музея», в местных газетах. В глухом углу, население которого составляло всего несколько десятков человек, он занимался изучением края, сбором коллекций для музея, сведений о динамике численности вогулов по Щекурьинскому приходу за 1876 – 1895 гг., участвовал в переписи населения в 1897 г., за что был награжден медалью и получил благодарность губернатора (в том же году он был удостоен и серебряной медали на Александровской ленте за беспорочную службу) и даже выпускал

[23] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч.1. С. 276.

рукописный журнал «Югорский край». Замечательно то, что отец Василий не только сам лично принес большую пользу губернскому музею, но и привлек в помощники псаломщика Щекурьинской церкви Н.М. Дмитриева и некоторых других односельчан. Сам Василий Николаевич скромно оценивал собственные труды, зато руководители музея с благодарностью отмечали его большой вклад в пополнение этнографической коллекции, весьма полезное участие в сборе экспонатов для Парижской выставки, а об его археологических раскопках Н.Л. Скалозубов сделал сообщение на общем собрании членов музея 24 февраля 1900 г.[24]

Герасимов Николай Герасимович (ок. 1842 – 1874) – священник-миссионер, отец *В.Н. Герасимова*. Историк сибирской церкви *А.И. Сулоцкий* писал о нем: «… кончил курс семинарии один самоед, в детстве воспринятый от купели крещения и помещенный в училище тогда березовским военно-окружным начальником… *Колпаковским*. В настоящее время самоед тот священствует в Обдорске[25].

В духовное звание Н.Г. Герасимов был принят еще в 1859 г., а в 1868 г. он окончил полный курс Тобольской духовной семинарии[26], прибыл в Обдорск и был назначен в Тазовский миссионерский стан, куда отправился в сентябре 1870 г. О том, насколько тяжела была эта служба, мы имеем возможность судить по опубликованным путевым журналам за 1871 и 1873 гг. Так, 20 ноября 1871 г. Герасимов записал в журнале: «Ветер в одной силе, запас дров кончается, пытались было рабочие сходить по дрова, которые очень близки от дома, но воротились безо всего, ибо невозможно даже дух переводить, делать нечего – начали снимать с сеней бревна и в избе рубить»[27].

---

[24] [Герасимов В.Н.] Хронологические сведения из жизни Обдорска (1499 – 1895 гг.). – Обдорск, 1895. – 120 с. – 2 с. табл. (ТГИАМЗ, рукописный фонд, архив А.А. Дунина-Горкавича).

Свадебные обычаи и песни в Обдорске // Тоб. губ. ведомости. – 1897. – № 2. – С. 21, 22 ; № 3. – С. 38 – 40 ; № 4. – С. 53 – 56 ; № 5. – С. 69 – 72.

Маленькая заметка об авторе «Конька-Горбунка» // Сиб. торговая газета. – Тюмень, 1909. – № 75.

Обдорск: исторический очерк. – Тюмень, 1909. – 88 с.

Кладбищенская литература и тобольские могилы: рукопись – [Б.м., б.г.] – 11 с. (ТГИАМЗ, отдел письменных источников, архив А.А. Дунина-Горкавича).

[25] Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // А.И. Сулоцкий. Соч. в трех томах. Т. 2. Тюмень, 2000. С. 265.

[26] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 299 об.

[27] См.: Путевые журналы…С. 130 – 150, 169 – 195.

В 1874 г. Н.Г. Герасимов был освобожден от миссионерской службы и осенью отправился в Тобольск для получения нового назначения. В пути умер и похоронен в с. Бронниковском[28].

Настоятель Обдорской миссии иеромонах *И. Шемановский* так писал о нем: «Это по справедливости был труженик, более других миссионеров в предшествовавшее его смерти пятилетие поработавший на духовную пользу своих соотечественников самоедов. Состоя почти четыре года тазовским миссионером, он был единственным из всех служивших на этом стане миссионеров человеком, свято, по силе возможности, исполнявшим свой трудный долг. Из всех, называвшихся тазовскими миссионерами, только он один разъезжал по своему стану, нередко совершал двух- и даже трехмесячные путешествия! На непомерно тяжелой службе он заболел, и, можно сказать, скончался на своем миссионерском посту»[29].

Гервасий Иван Андреевич – политссыльный. Отбывал наказание в Обдорске с февраля 1884 г. В 1886 г. освобожден. В ссылке женился на дочери местного крестьянина, сельской учительнице Анне Павловне Росляковой.

Гермес Богдан Андреевич (1758 или 1759, г. Вильно – 1839, г. Москва) – тобольский губернатор в 1802 – 1806 гг., действительный тайный советник, сенатор. Из Тобольска переведен губернатором в Пермь. С 1823 г. – главный директор Межевой канцелярии.

Гетте Петр Эрнстович – инженер путей сообщения, действительный статский советник. В 1900 г. руководил экспедицией, изучавшей трассу проектируемой железной дороги от Оби до берега Ледовитого океана (Белковской губы). Автор работ «Обь-Обдорский торговый путь» (СПб., 1899) и «Полярно-Уральская железная дорога и Северный сибирский торговый путь» (СПб., 1901). По расчетам длина рельсового пути не должна была превышать 380 верст. В конечных пунктах дороги планировалось устройство речной гавани (устье р. Соби, притока Оби) и морского коммерческого порта (Медынский заворот на побережье океана).

Гинц Петр Иванович (ок. 1814, Лифляндская губ. – 1869, г. Березов) – березовский военно-окружной начальник. С марта 1858 г., сменил в этой должности *Г.А. Колпаковского.*

---

[28] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д.17. Л. 26 об.

[29] Шемановский И. История Обдорской духовной миссии // Ямальский меридиан. 1993. № 2. С. 32.

В службу вступил в 1830 г., после окончания 1-го кадетского корпуса, в Брестский пехотный полк. В 1831 г. участвовал в боевых действиях на территории Царства Польского против повстанцев. В 1841 г. начался длительный период его службы в военных учебных заведениях – Павловском, Тульском, Александровском, Орловском и 1-м кадетских корпусах. В мае 1857 г. переведен в Сибирский линейный № 6 батальон, откуда и был назначен в Березов.

«За отлично усердную службу» награжден орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени с бантом. «За смотр, бывший в присутствии Государя Императора, удостоился получить высочайшее благоволение, объявленное в 1854 г.»[30]. Во время службы в Березове произведен в генерал-майоры.

П.И. Гинц был холост и жил уединенно. Вот так характеризовал его посетивший Березов чиновник К. Губарев: «Незавидно положение главного тамошнего начальника, соединяющего в себе гражданскую и военную власть. Он человек образованный, очень порядочный, выписывает журналы и много читает, но, держась системы невмешательства в администрации, в общественной и домашней жизни, он встречает мало сочувствия и остается почти всегда один, не заявляя себя».[31]

Умер в Березове 14 сентября 1869 г., могила неизвестна.

Гобирахашвили Георгий Заалович (1895 – 1922) – участник Гражданской войны в Березовском уезде. Родился в г. Гори Тифлисской губ. Окончил Горийское духовное училище и поступил на завод Нобеля в Баку. За организацию боевой «красной сотни» и хранение оружия в 1907 г. выслан в Обдорск. В 1916 г. добровольно ушел на фронт. Через год возвратился в Обдорск и был избран председателем продовольственного комитета. В 1919 г. поехал в Тобольск сдавать рыбу в Центросоюз, но из-за отступления колчаковцев на восток рыбный караван отправили в Омск. Только весной 1920 г. Гобирахашвили приехал в Тобольск и был мобилизован на работу в Областьрыбу секретарем отдела снабжения.

После занятия Тобольска повстанцами штаб Народной армии направил его на север губернии для «информации населения о происходящих событиях, содействия мобилизации населения для борьбы с коммунистами, принятия мер к установлению дисциплины, реорганизации на местах власти, если таковая не соответствует своему назначению, организации сбора оружия и снабжения…». В Обдорске он возглавил отряд, который преследовал отступавший обоз коммунистов и разгромил его в селении Ошвор.

---

[30] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 329. Оп. 2. Д. 195.

[31] Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1869. Т.94. № ½. С. 376.

После подавления восстания некоторое время скрывался, но в сентябре 1921 г. сдался новой власти и содержался в обдорском арестном доме. Умер от сыпного тифа.[32]

Гоголев Гавриил – псаломщик Обдорской духовной миссии в 1872 г., «природный самоедин, уволенный по прошению из высшего отделения Тобольской семинарии при конце первого учебного года, состоя в должности псаломщика, он подвергся временному умопомешательству и покушался на самоубийство, почему и отправлен в Тобольскую городскую больницу на испытание и излечение…»[33].

Голев-Лебедев Дмитрий Иванович – тобольский купец второй гильдии. Поставлял хлеб на север губернии, торговал рыбой, солью, винными, бакалейными и другими товарами. Не позднее начала XX в. его пароходы начали совершать регулярные рейсы в низовья Оби, способствовавшие, по отзыву «Сибирского листка», снижению в Низовом крае цен на предметы первой необходимости. В 1910 г. взял подряд на содержание казенных срочных пароходных рейсов между Тобольском и низовьями Оби на 1911 – 1921 гг. В 1909 г. хлопотал в Министерстве путей сообщения о строительстве железной дороги до Тобольска. С 1911 г. руководил Тобольским отделением общества рыбоводства и рыболовства. Имел большой двухэтажный дом в Обдорске, три склада, хлебопекарню.

Голохвастов А.Д. – автор одного из первых проектов соединения Оби и Печеры железной дорогой. 2 апреля 1887 г. ему было высочайше дано разрешение на постройку и эксплуатацию железной дороги между Обью и берегом Ледовитого океана, лежащим западнее Карского моря. Проект не осуществлен.

Голошубин Иван Степанович (1866, г. Тобольск – 1922, г. Омск) – священник. Родился в семье отставного унтер-офицера. В 1888 г. окончил духовную семинарию и рукоположен в сан священника. С февраля 1891 г. – священник Березовской Богородице-Рождественской церкви и благочинный городских и окружных церквей. 4 августа 1892 г. определен настоятелем Березовского Воскресенского собора. Выполнял обязанности наблюдателя по церковно-приходским школам Березовского округа. Позднее служил в Тюкалинском уезде Тобольской губернии. Указом

---

[32] Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Кн. 2-я. Тюмень, 2004. С. 197 – 200, 208, 219 – 222.

[33] И здесь появляется заря христианства…С. 269.

Омской духовной консистории от 8 июля 1913 г. «за неуважительное отношение к Священному Синоду и епархиальному Епископу Иоанну» было запрещено в «священнослужении и рясо- и крестоношении». С этого времени Голошубин порвал с церквью, занялся писательским трудом. В 1917 – 1919 г. преподавал латынь в Омской фельдшерской школе.

В березовский период жизни сотрудничал с Тобольским губернским музеем, участвовал в пополнении библиотеки музея, собирал материалы для составления этнографического описания инородческого края, писал статьи на краеведческие темы в местные периодические издания. Позднее, в годы службы в Тюкалинском уезде, собирал русский фольклор, часть песен включены в его работу «Общий тип деревенской свадьбы Тюкалинского уезда».

Голубев Фотий Иванович – председатель Березовского уездного ревкома с 1 янв. 1920 г., был назначен на эту должность «как подвергавшийся репрессиям со стороны белогвардейцев». Ранее служил надзирателем местной тюрьмы. В 1921 г. – председатель Березовского подгородного волостного ревкома.[34]

Гондатти Николай Львович (1863, Москва – 1945, Харбин) – государственный деятель. После окончания Московского университета совершил поездку на Север Западной Сибири для антропологических, этнографических и зоологических исследований. С мая 1885 по апрель 1886 г. посетил Березов и Обдорск, обследовал бассейны Северной Сосьвы и Казыма, где собрал коллекцию из 321 предмета. По окончании экспедиции награжден золотой медалью Московского общества любителей естествознания.

С начала 1906 до середины 1908 г. – тобольский губернатор, в 1908 – 1910 – томский губернатор, в 1911 – 1917 – генерал-губернатор Приамурского края. Почетный гражданин Березова, Сургута, Тюмени, Томска.

Городков Борис Николаевич (1890, г. Тобольск – 1953)[35] – ботаник и физико-географ, доктор наук, профессор. Окончил Петербургский университет. Совершил экспедиции по рр. Конда (1910), Салым (1911), Вах (1913), Полуй (1914), Северная Сосьва и Манья (1915). Руководил ЗападноСибирской экспедицией Академии наук 1923 – 1924 гг. и Северо-

---

[34] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 58.

[35] См. о нем: Козин В.В. К верховьям неведомых рек: жизнь и путешествие Б.Н. Городкова. М., 1981.

Уральской экспедицией Академии наук и Уралплана в Березовский район 1924 – 1926 г. Состоял в обществе изучения края при музее Тобольского Севера с 18 сентября 1922 г.

Гофман Эрнст Карлович (1801 – 1871) – геолог. В 1847 – 1848 гг. руководил экспедицией, исследовавшей Северный Урал, по материалам которой написана работа «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (СПб., 1856). Электронная версия ее выпущена Ханты-Мансийским музеем геологии, нефти и газа. Важнейший его труд – геологическая карта горных уральских округов с подробным геологическим описанием.

Графеев Иван Никифорович – начальник Самаровского почтово-телеграфного отделения. В 1914 или 1915 г. переведен начальником почтовой конторы в Березов.

Григорьев С. – ученик Тобольской сельскохозяйственной школы. Летом 1907 г. был откомандирован школой в Березов в помощь *В.Ф. Николаеву.* 15 и 16 августа производил за городом вспашку поля с целью демонстрации и выяснения качества работы плугов, 17 и 18 августа вспахал и взбороновал два огорода у жителей Березова.

Григорьевы – ханты Кондинской волости Березовского уезда. Отличительной особенностью этого рода было то, что некоторые его представители занимались предпринимательством. Один из них, Яков Григорьевич, в 1895 г. арендовал рыболовный песок Кондинского монастыря, во второй половине 1890-х гг. торговал разными товарами. В 1892 г. участники экспедиции тобольского купца *А.А. Сыромятникова*, останавливавшиеся в Малом Атлыме, видели в огороде одного из Григорьевых «прекрасный картофель», доказывающий, «что он может хорошо здесь родиться». Об этом же человеке в отчете экспедиции сказано:

«Здесь проживает местный крез Григорьев, добрый старик лет 70-ти, года три тому назад ослепший. Он большой хлебосол и пользуется популярностью среди остяков за то, что не прижимает при расчетах. Он дает за рыбу дороже всех других рыбопромышленников и продает дешевле, и в то же время пользуется хорошими барышами. Объясняется это тем, что капитал скорее обращается, так как у него охотнее покупают, тем более, что у него рыба прекрасного засола. Вообще в своих отношениях к инородцам он представляет выдающееся явление среди рыбопромышленников, которые весьма мало стесняются в своих отношениях с остяками и весьма мало заботятся о доброкачественности своего товара. Особенно досадно видеть, с какой небрежностью производится грузка рыбы на баржи. Обыкновенно

баржа останавливается довольно далеко от берега, рыбу из сарая выносят на носилках, сваливают в лодку, из лодки в люк баржи вытаскивают в корытах, сваливают в кучу, затем уже в свободное время разбирают и укладывают в стопы. Такой грузкой отнимается много времени и сильно мнется рыба. Ну отчего бы не устроить хотя мостков, чтобы рыбу носить на носилках и прямо сваливать в баржу»[36].

О выходце из этого же рода учителе А.С. Григорьеве см. в разделе «Не скажет ни камень, ни крест, где легли…».

Громов Григорий Игнатьевич – политический ссыльный. Отбывал наказание в с. Кондинском Березовского округа и в Обдорске с октября 1877 г., в мае 1884 г. освобожден.

Грязнов Петр Никандрович – педагог. В 1896 г. переведен из г. Каинска Томской губернии в Березов на должность штатного смотрителя уездного училища и училищ Березовского округа. Сверх этого исполнял обязанности члена Березовского отделения Тобольского епархиального училищного совета, действительного члена губернского статистического комитета, члена комитета по постройке училищных зданий в Березове, заведовал метеорологической станцией и вел наблюдения, за что в 1903 г. Академия наук утвердила его корреспондентом Николаевской главной физической обсерватории. В 1899 г. был среди инициаторов устройства в Березове Пушкинской общественной библиотеки и заведовал ею. Активно участвовал в воскресных народных чтениях. Проработав в Березове 10 лет, Петр Никандрович был переведен в Курган, затем работал в Бийске и Томске. В березове у Грязновых родилось трое сыновей. Средний из них – Михаил (1902 – 1984) – стал крупным археологом, доктором исторических наук, профессором, исследователем Алтая, Казахстана.[37]

Демин Александр Гаврилович (ок. 1834 – после 1888) – педагог. Окончил Тобольскую гимназию. С 1858 г. преподавал в Омском уездном училище, в 1881 – 1886 гг. – учитель истории и географии Березовского уездного училища. Публиковал очерки жизни Севера в «Тобольских губернских ведомостях». Состоял членом губернского статистического комитета. Член-учредитель Тобольского губернского музея. Записанные им по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества остяцкие сказки хранятся в ГАОО и публиковались в «Подорожнике»[38].

---

[36] Поездка на Северный Урал…. С. 15, 16, 23.

[37] См.: Белобородов В. Грязновы // Подорожник. 2008. Вып. 9. С. 35 – 37.

[38] Вып. 5. Тюмень, 2005. С. 60 – 82.

Деспот-Зенович Александр Иванович (1825 – 1895) – тобольский губернатор в 1863 – 1867 гг. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1852 г. служил в Главном управлении Восточной Сибири. В 1867 г. отозван из Тобольска в Петербург и зачислен в Министерство внутренних дел, где заведовал сибирскими делами. Почетный гражданин Тобольска.

Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич (1885, Тобольск – 1921) – педагог, исследователь Тобольского Севера, литератор. В 1904 – 1913 гг. преподавал в Ларьякском сельском начальном училище в Сургутском уезде. С 1913 по 1917 г. – учитель Обдорского сельского училища. Активно участвовал в 1916 г. в организации потребительского общества «Приполярный край» в Обдорске, публиковал статьи об его деятельности в «Сибирском листке», в частности, в корреспонденции «Из обдорской жизни» в номере за 10 марта 1916 г. касался темы разраставшегося конфликта в связи с якобы необоснованно высокими ценами на товары в Обдорске. Около полутора десятилетий плодотворно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, участвовал в экспедициях музея по рр. Вах, Полуй, Надым, Северная Сосьва, в музейном «Ежегоднике» печатались сообщения об их результатах и статьи по этнографии ханты. В фонде ТГИАМЗ хранится большая коллекция его фотографий. В 1920 г. Дмитриев-Садовников работал в составе экспедиции Наркомвнешторга для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера. В 1917 – 1920 гг. он – один из наиболее активных сотрудников тобольских газет «Земля и воля», «Тобольское народное слово», «Северное сибирское кооперативно-народное хозяйство», журнала «Северосоюз». Погиб в 1921 г.[39]

Драчинский С.И. – бактериолог, ветеринарный врач. В 1912 г. был командирован Министерством внутренних дел на север Тобольской губернии для выяснения причин падежа оленей. В 1913 г. вновь возглавлял экспедицию в Обдорскую волость в те места, где в 1911 г. был сильный падеж оленей. В походной лаборатории Драчинский выделил из почвы бактерию сибирской язвы и привил ее нескольким оленям, которые вскоре погибли. Таким образом экспедиция установила причину массового падежа оленей, выполнив поставленную перед ней задачу[40].

Дубров Эраст Демьянович (1892 – ?) – с 25 ноября 1922 г. работал в Обдорске в должности зам. начальника Облгосрыбпрома.

---

[39] См.: Дмитриев-Садовников Г.М. Версты и строки. Екатеринбург, 1998.

[40] Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 году // ЕТГМ. Тобольск, 1915. Вып. 24. С. 1 – 22.

Дудиновы – березовские мещане, поселились здесь не позднее 1780-х гг. Переписью 1834 года отмечено проживание в Березове 43-летнего Ивана Степановича Дудинова. В семействе его сына Харлампия Ивановича заметными личностями были сыновья Иван, занимавший в Кондинском волостном правлении весьма выгодную по тому времени должность писаря (ум. в 1890 г. в возрасте 24 лет) и Авраамий (Абрам). Последний по окончании местного уездного училища поступил в штат Березовского полицейского управления, с 1897 г. был его секретарем и в этом году участвовал во всеобщей переписи населения. Получил за это награду – специально учрежденную темнобронзовую медаль.

В 1913 г. Абрам Харлампиевич был назначен *приставом* 1-го *стана* Сургутского уезда, а в следующем году – помощником сургутского уездного исправника. В сентябре 1917 г. он – помощник сургутского *уездного комиссара*.

А.Х. Дудинов не чужд был и общественной деятельности. Впервые в поле нашего зрения он попал при составлении словаря «Ученые и краеведы Югры» как действительный член Тобольского губернского музея. В Березове он безвозмездно исполнял обязанности казначея уездного отделения училищного совета, за что в 1911 г. награжден орденом Святого Станислава 3-й степени.

Дунин-Горкавич Александр Александрович (1854 – 1927) – исследователь Тобольского Севера. С 1890 г. – на службе в Тобольской губернии: заведовал Самаровским лесничеством, был чиновником для особых поручений при Министерстве земледелия и государственных имуществ. Активно участвовал в деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, Тобольского губернского музея, местных отделений Российского общества судоходства, Российского общества рыбоводства и рыболовства, губернского статистического комитета. После 1917 г. – научный консультант Уральской плановой комиссии, Тобольского окружного комитета Севера, государственного рыбопромышленного треста, почетный член общества изучения края при музее Тобольского Севера. Преподавал в Тобольском зооветтехникуме. Автор около 70 трудов по географии, экономике, этнографии, в том числе трехтомного исследования «Тобольский Север».

Евсеев Иринарх Владимирович (1862 – после 1921) – чиновник. Сын фельдшера. Окончил Тобольское уездное училище, служил в Тобольске, Тюмени. В 1899 – 1904 – сургутский уездный исправник, в 1904 – 1907 – исправник в Березовском уезде, освобожден от этой должности в

связи с побегом из ссылки Л.Д. Троцкого.[41] С 1 мая 1907 г. назначен архивариусом Тобольского окружного суда и затем в течение десяти лет служил на разных должностях в Тобольске.

В конце XIX – начале XX в. – действительный член Тобольского губернского музея, содействовал формированию и пополнению его коллекций, в том числе и для Парижской выставки 1900 г. Состоял в Тобольском отделении Императорского общества судоходства и Обдорском миссионерском братстве.

На протяжении ряда лет сотрудничал с А.А. Дуниным-Горкавичем. Летом 1908 г. участвовал в его экспедиции по исследованию низовьев Оби (метеорология, гидрография, фотографирование и описание селений, промыслов, чем-либо выдающихся местностей, сбор статистических данных о рыбном промысле). Предоставил Дунину-Горкавичу материал, на основе которого он изложил в третьем томе «Тобольского Севера» «Вогульскую легенду о сотворении мира и о происхождении человека». А.А. Дунин-Горкавич высоко ценил полезную деятельность И.В. Евсеева на посту уездного исправника.

С марта 1917 г. вновь непродолжительное время служил на Севере податным инспектором Березовско-Сургутского участка, а в 1921 г. – канцеляристом уездного ревкома. Здесь же в уездном отделе народного образования работали его дочери Мария, Ангелина и Зоя[42].

Евсеев Вениамин Иринархович (1905, г. Березов – 1957) – агроном, специалист по кормам и пастбищам. Сын березовского уездного исправника *И.В. Евсеева*. Его крестными были начальник Березовской местной команды Ю. В. Кондратович и жена протоиерея А.А. Вишневская.

Как видно из личного листка, копия которого была получена по запросу Государственной библиотеки Югры из Гос. архива Оренбургской обл., до конца 1925 г. Евсеев учился в вечерней школе для взрослых и одновременно служил курьером. В 1927 – 1930 гг. он – студент Самарского сельскохозяйственного института при кафедре луговодства, а в 1930 – 1931 – факультета кормодобывания Оренбургского института крупного мясного скотоводства, где и получил диплом агронома по кормодобыванию.

По окончании института Вениамин Иринархович поступил в Оренбургский институт молочно-мясного скотоводства, в котором прошел путь от лаборанта до заместителя директора по научной части.

---

[41]Об увольнении И.В. Евсеева с должности исправника см.: Дело березовского исправника // Сиб. тракт. 1994. Сент. С. 128.; Белобородов В. Круги на воде // Подорожник. Тюмень, 2007. Вып. 8. С. 54 – 61.

[42] Гос. архив Югры. Д. 429. Оп. 1. Д. 65; Ф. 432. Оп. 1. Д. 16, 19.

За научные работы, способствовавшие укреплению сельского хозяйства, в 1945 г. В.И. Евсеев награжден орденом «Знак Почета».

О последующих этапах его жизненного пути сотрудники Оренбургского архива ничего не сообщают, т.к. личный листок заполнен 14 марта 1950 г., а другими документами архив не располагает.

Личные фонды В.И. Евсеева имеются в Гос. архиве Оренбургской обл. (Ф. Р-1413, 48 ед. хр., 1931 – 1970) и Оренбургском краеведческом музее (51 ед. хр., 1928 – 1970 гг.).

Егоров Иоанн (Иван Ефимович) (25.02.1862 – после 1918) – священник, педагог. Окончил Омскую учительскую семинарию (1879), до 1891 г. служил учителем сельских и городских училищ. В 1891 г. рукоположен в сан дьякона и отправлен в Обдорскую Петропавловскую церковь. С 1894 – священник, помощник настоятеля Обдорской духовной миссии. Его докладную записку епископу Агафангелу от 18 мая 1894 г. о состоянии Обдорской миссии с предложениями по улучшению ее деятельности и дневник миссионерской поездки летом 1895 г. см. в книге «Из истории Обдорской миссии», с. 228 – 267. Автор первых учебников на ненецком и хантыйском языках, изданных в Тобольске: «Книга для обучения остяцких детей читать и писать» (1898), «Книга для обучения самоедских детей читать и писать» (1899), «Священная история на остяцком языке» (1900), «Священная история по-самоедски» (1903). Публиковался в «Тоб. губ. ведомостях», в частности, в № 7 за 1897 г. откликнулся на выход в свет книги *В.В. Бартенева* «На крайнем северо-западе Сибири». В статье он полемизировал с автором по вопросу оценки деятельности Обдорской миссии. В № 22 за этот же год опубликован ответ Бартенева Егорову.

В 1905 г. перемещен из Обдорска священником церкви с. Шеркальского, в этом же году – в Курганский уезд. В 1915 г. избран пожизненным членом общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии.

Едренкин Артемий Александрович (1873 – после 1925) – березовский мещанин, брат *Ф.А. Едренкина*. Был почтальоном Березовской почтовой конторы. В марте 1900 г. перемещен в штат Самаровского почтового отделения, затем вернулся в Березов, с марта 1905 г. служил в уездном полицейском управлении. В середине 1921 г. занимал должность бухгалтера Березовского уездного военно-революционного комитета. В анкете служащего ревкома сообщал о себе следующее: до империалистической войны занимался рыболовством, хозяйством и «во время крайней нужды служил на канцелярской службе», в 1914 – 1916 гг. по выбору общества служил на казенной, общественной и кооперативной службе, в начале 1921 г., когда

власть в городе принадлежала повстанцам, «был членом городского совета по выбору граждан бесплатно»[43]. В 1926 г. – служащий Уралгосторга.

Едренкин Филипп Александрович (ок. 1881 – 1907) – волостной писарь Казымской волости, до этого – учитель Шеркальской церковно-приходской школы Березовского уезда. Сын березовского мещанина. Его дед Александр Нестерович умер в Березове в 1863 г. в возрасте 85 лет; отец, Александр Александрович, в 1888 г. служил секретарем Березовской городской управы. Ф.А. Едренкин не был чужд общественной деятельности. Известно, что в 1902 г. своим взносом в 1,5 р. он оказал поддержку обществу взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, в 1906 г. состоял действительным членом Тобольского губернского музея. *Н.Л. Скалозубов* представляет его в дневнике так: «Филипп Александрович Едренкин… бывший учитель церковно-приходской школы, слушавший мои лекции по ботанике на курсах. Страстный охотник». В Березове в 1906 г. Едренкин знакомил Скалозубова с северной природой и весенним промыслом птицы, 27 июня 1907 г. Ф.А. Едренкин, как гласит запись в метрической книге Березовского Воскресенского собора, «застрелился в ненормальном состоянии» в возрасте 26 лет. В № 65 «Сибирского листка» за 1907 г. появилось следующее сообщение: «Из Березова идут слухи о крупной растрате и самоубийстве некоего Ядренкина, служившего в одном из тамошних учреждений и также жившего на по средствам».

Емельянов Н.П. – председатель Елизаровского волостного военно-революционого комитета в 1921 г. До этого заведовал в Елизарове мельницей Самаровской районной конторы Обь-Иртышского союза кооперативов.

Енбаев Георгий Андреевич – акцизный чиновник. С 1893 г. (или несколько ранее) служил в Березове помощником надзирателя акцизных сборов 1-го акцизного округа Западной Сибири. Активно участвовал в общественной жизни города – любительских спектаклях, воскресных народных чтениях. Позднее – надсмотрщик спичечной фабрики акцизного общества В. Логинова в Тюмени.

Ерлыков Яков Антонович – мещанин, член семейства обдорских старожилов, перебравшихся на север из Тобольска не позднее начала XIX в. Родился ок. 1838 г., старший сын мещанина Антона Андреевича Ерлыкова. Вел промысел рыбы на обских угодьях, торговал. Немалую пользу принес Обдорской миссии как знаток языков аборигенов, в 1868 г. участвовал

[43] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 102. Л. 6 – 7.

в проверке «Остяко-самоедско-русского словаря», составленного священником *Петром Поповым*. В 1893 г. миссия так отозвалась о нем: «Между обывателями, хорошо знающими инородческие [языки], следует указать на гг. Нижегородцева, Ерлыкова и Дружинина. Два первых из них – лучшие в Обдорске лингвисты и стоящие выше других по подготовке к названному [переводческому. – В.Б.] труду, к великому сожалению, люди торговые и, следовательно, не всегда свободно распоряжающиеся временем». Члены миссии просили епархиальное начальство со своей стороны обратиться к упомянутым лицам с просьбой «во имя любви к ближним и славы божией о принятии ими на себя означенного труда…»[44]. Я.А. Ерлыков был одним из наиболее ревностных прихожан Петропавловской церкви, в 1896 г. он пожертвовал храму «роскошную плащаницу и серебряную икону Божией Матери»[45].

Житков Борис Михайлович (1872 – 1943) – зоолог, географ, охотовед, писатель. Окончил Московский университет. Руководил экспедицией РГО на Ямал в 1908 г., собрал материалы по этнографии ненцев и ханты. Автор труда «Полуостров Ямал» (1913) и монографии «Северный олень как домашнее животное».

Заборовский Иоанн Матвеевич (1804 – 24 апр. 1884, г. Березов)[46] – священник, сын священника. Окончил Тобольскую духовную семинарию (1828). С 1830 г. – священник Богородице-Рождественской церкви, с 1831 г. – протоиерей Воскресенского собора в г. Березове, одновременно был законоучителем. Имел церковные награды, в частности, за открытие училища для остяцких детей в с. Ларьякском в 1843 г. и в том же году – «за ревностное содействие по предмету остяцких училищ», в 1861 г. – за открытие в Березове женской школы и приобретение для нее удобного дома. 10 лет был штатным смотрителем училищ Березовского уезда. Награжден орденом Святой Анны 3-й и 2-й степени.

Забелинский Михаил Абрамович – тобольский мещанин, рыбопромышленник. В 1909 и 1911 гг. избирался казначеем Тобольского отдела Российского общества рыбоводства и рыболовства. В начале 20-х гг. – заместитель начальника Областьрыбы. Был обвинен в подрывной деятельности и приговорен судом к расстрелу. Верховным судом РСФСР расстрел заменен десятью годами лишения свободы. Дальнейшая судьба неиз-

---

[44] Из истории Обдорской миссии…С. 33, 197, 198.

[45] Пожертвования на храм в Обдорске // ТЕВ. 1896. 16 нояб. (№ 22). С. 507, 508.

[46] См. о нем: Православные приходы… С. 249, 250, 344, 345.

вестна. Отец М.А. Забельского Абрам Моисеевич, живший в Тобольске, в 1890-е гг. числился березовским купцом и вел рыбный промысел в районе Обдорска.

Зальмунин Израиль Ицкович (1861 – 1914) – врач. После окончания в 1883 г. Тобольской гимназии поступил на медицинский факультет Казанского университета. По окончании его в 1890 – 1893 гг. служил объездным врачом в Обдорске. Затем переехал в Семипалатинскую область. Оттуда попросился обратно в Тобольскую губ. и 2-ю половину 1899 г. проработал сельским врачом в Самарово, после чего был в должности врача для командировок – выезжал в Курганский уезд, в Обдорский участок для прекращения эпидемических заболеваний и другие места губернии. С конца 1901 г. осел в Березове и отсюда в 1905 г. вышел в отставку «по тяжкой и неизлечимой болезни».

По архивным документам воссоздается образ врача, свято выполняющего клятву Гиппократа, постоянно разъезжающего по самым отдаленным местам, неустанно хлопочущем о народном здравии. Об этом говорят его обстоятельные рапорты о состоянии дел на вверенных участках, его настойчивые попытки санитарного просвещения местного населения. В 1891 г. в Обдорске он составил программу чтений для народа по медицине и гигиене. Вот как об этом пишет *В.В. Бартенев* в книге «На крайнем северо-западе Сибири: очерки Обдорского края»: «В самом Обдорске во время эпидемии дифтерита многие жители отказывались подчиняться требованиям врача по части дезинфекции, вследствие чего врач задумал прочесть несколько популярных лекций о заразных болезнях и необходимости предупредительных мер против их распространения. Но на поданное им Попечителю Западно-Сибирского округа прошение он получил отказ. Попечитель нашел чтение таких лекций «неудобным». И только год спустя, когда в Тобольской губернии свирепствовала холера, была прочтена тем же врачом превосходная популярная лекция, выслушанная обдорянами с большим интересом и вызвавшая с их стороны принятие разного рода мер. Лекция эта была прочтена исключительно с разрешения местной администрации».

Обдоряне ценили молодого врача. В 1892 г., когда предполагалось его откомандирование, они обратились во врачебную управу с ходатайством об оставлении Зальмунина в селе, т.к. опасались распространения эпидемии, а в 1893 г., перед отъездом его на новое место службы, вручили трогательное благодарственное письмо.

При всей занятости исполнением своих прямых обязанностей Зальмунин немало трудился для общественного блага и в других областях. Тот же В.В. Бартенев упоминает о проведенной им в ноябре 1891 г.

в Обдорске переписи населения. Писатель К. Лагунов в повести «Иринарх» пишет об участии Зальмунина в работе переводческой комиссии при Обдорской духовной миссии. Как действительный член Тобольского губернского музея он неоднократно передавал в его фонды предметы для антропологической коллекции.

Змановский Стефан Иванович (ок. 1835, с. Самарово – ?) – церковнослужитель. Учился в Самаровском приходском училище. В 1857 г. принят в духовное звание. В 1856 – 1860 гг. служил безвозмездно писцом в Березовском духовном правлении и одновременно пономарем Богородице-Рождественской церкви. В 1865 г. переведен к Воскресенскому собору дьяконом. С июля 1866 до сентября 1867 г. в Березовском уездном училище обучал детей церковному чтению и пению. В этом же году переведен в Обдорскую миссионерскую Петропавловскую церковь для обучения инородческих детей в миссионерском училище русской грамматике. В 1874 г. переведен в Тобольскую Загородную церковь. Воспитал сыновей Тихона, Александра, Ивана[47].

Иванов Василий Мокеевич – политический ссыльный. Находился в Березове с апреля 1885 по июнь 1891 г. С 1886 г. вел здесь метеорологические наблюдения.

Иванцев Павел Иванович (1885 – после 1920) – учитель, краевед. Сын псаломщика. С 1909 г. активно сотрудничал с Тоб. губ. музеем. В 1916 г. вместе с *Г.М. Дмитриевым-Садовниковым* выезжал в составе экспедиции музея на р. Надым, собрал гербарий (840 листов), до 500 образцов мхов, лишайников и древесных грибов, около 5000 насекомых. Преподавал в Обдорском сельском училище. В 1918 г. был избран гласным 1-го Тобольского губернского земского собрания от Березовского уезда. Из Обдорска переехал в Тобольск, где в 1920 г. был воспитателем трудовой коммуны дефективных детей, и осенью этого же года командирован на продовольственный фронт – в Тобольское управление Райрыбы счетоводом, затем зав. отделом снабжения.

Игленкин Ипатий Сазонович – медицинский фельдшер. Родился в Кондинской волости Березовского уезда в хантыйской семье. Образование получил в Омской фельдшерской школе. Службу начал в Березове в должности лекарского ученика. В 1863 г. переведен в Кондинскую дистанцию и там в декабре 1872 г. подал в отставку. С января 1873 г. уволен и причислен в «первобытное состояние» в родные юрты Малоатлымские, в этом же

[47] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 24. Л. 1а; Д. 25. Л.300 об. – 303.

году принят лекарским учеником в качестве вольнонаемного. См. о нем: Белобородов В. «…судьбу этих людей можно устроить лучшим образом» // Подорожник. Тюмень. 2005. Вып. 3. С. 48, 49.

Иконников Александр Иванович (1833, Ирбит – 1917, г. Чердынь Пермской губернии) – чиновник. Окончил Пермскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. Вскоре после ее окончания поступил на гражданскую службу. Летом 1862 г. как руководитель нелегальной политической организации был выслан в г. Березов, где работал над архивными источниками, собирал статистические данные, писал статьи в «Тобольские губернские ведомости», участвовал в общественной жизни города. В 1864 г. переведен в Курган, оттуда – в Тюмень. Около 1880 г. возвратился на родину в Ирбит, где много сил отдал общественной деятельности в земских учреждениях и учебных заведениях города, был мировым судьей.

Иринарх (Шемановский) – настоятель Обдорской духовной миссии в 1898 – 1910 гг., выпускник Новгородской духовной семинарии. За годы службы в Обдорске много сделал для просвещения местного населения. При нем и с его активным участием были организованы и действовали миссионерское инородческое училище-пансионат, переводческая комиссия, миссионерское братство во имя святителя Гурия, богадельня для немощных и престарелых инородцев, заезжий дом для инородцев, совет по изучению крайнего северо-запада России, библиотека, этнографический музей, впервые в Обдорске высажен сад. Иринарх популяризировал огородничество, содействовал ученым экспедициям.[48]

Кайгородовы – крестьяне обского с. Елизаровского Березовского уезда, преобладающая фамилия в этом селе, известная с XVII в. Наиболее заметной личностью среди них был Петр Петрович Кайгородов, занимавшийся в конце XIX – начале XX в. рыбным промыслом в родном селе и близлежащем с. Кондинском. Он арендовал у местных ханты песок Шушкин в 3 верстах ниже ю. Сухоруковских за 150 р. в год. Среди рыбопромышленников и торговцев в это время был также известен Тимофей Ефимович Кайгородов.

В марте 1938 г. Елизарово потеряло сразу семерых Кайгородовых, расстрелянных в Остяко-Вогульске – Василия Васильевича, Ивана Андреевича, Климентия Семеновича, Михея Федоровича, Семена Петровича, Тимофея Андреевича и Харитона Андреевича.[49]

[48] Лагунов К.Я. Иринарх. Сургут, 1993.

[49] Книга расстрелянных Т. 2. С. 98, 99.

Кайдалов Николай Яковлевич – священник. В 1817 г. окончил Тобольскую духовную семинарию и рукоположен в священники Березовской Богородице-Рождественской церкви. В следующем году, с открытием в городе уездного училища, стал одновременно преподавать в нем рисование. В 1830 г. переведен в Сургут, но в 1832 вернулся в Березов уже в качестве протоиерея Воскресенского собора (по-видимому, сменил *Иоанна Вергунова*). Сверх этого в 1832 – 1841 гг. – смотритель уездного училища, а с 1839 – благочинный Кондинского Троицкого монастыря. В 1841 г. переведен священником Ишимского Богоявленского собора, где прослужил по 1867 г. Много раз получал церковные награды, в том числе за перевод инородческих прав и нескольких глав из евангелиста Матфея на их язык. С 1869 г. жил в г. Петропавловске у сына, священника Алексея Николаевича Кайдалова.[50]

В Березовском крае в разное время служили также священник Андрей Кайдалов в с. Мужи (1856,1857), пономарь Воскресенского собора Иван (ум. в 1856 г. в 46 лет), канцелярист духовного правления Ефим (1839) и лекарский ученик Евмен (ум. в 1870 г.). Кайдаловы, по-видимому, выходцы из Сургута.

Канкаровы (Канкоровы, Конкоровы) – довольно часто упоминаемая в церковных метрических книгах и других источниках по г. Березову фамилия. По данным А.Т. Шашкова и А.Г. Мосина, она известна на Тобольском Севере с 1628 г. среди фамилий служилых людей. В частности, отставной сержант Данила Канкоров в 1782 г. выдал дочь Акулину за купца Тимофея Матвеевича Москвитина. (Березово….С. 123 – 124). В 1788 г. Богородице-Рождественская церковь была построена на средства прихожан и отставного унтер-офицера Дометия Конкорова.[51]

Капустин Владимир Иванович (1883 – после 1951) – выпускник Тобольской сельскохозяйственной школы 1904 г. Летом 1907 г. был приглашен *А.А. Дуниным-Горкавичем* «для демонстрирования машин и орудий, для собирания статистического материала и для преподания советов и указаний по ведению огородной и земледельческой культуры в селениях самой северной части Тобольского уезда…»[52]. Выполнив это поручение, обследовал состояние огородничества в Березовском уезде вплоть до Обдорска. В 1910 г. на опытном поле в Березове проводил испытания овощных куль-

[50] Сведения из Ф. И-2. Оп. 1. Д. 18, 19 ГАТО сообщил ишимский краевед Г.А. Крамор.

[51] Православные приходы… С. 366.

[52] Дунин-Горкавич А.А. Современное состояние сельскохозяйственного дела на Тобольском Севере. Тобольск, 1908. С. 2.

тур в парнике и открытом грунте. Сеял картофель и зерновые. Устроил огород при городском училище. Усилия В.И. Капустина способствовали распространению огородничества среди местных жителей.

В 1923 г. предполагалось его назначение руководителем хозяйства упраздненного Кондинского монастыря. В связи с этим он подал записку в Березовское земельное управление, в которой намечалась программа создания образцового многоотраслевого хозяйства[53].

Карвовский Александр Антонович (ок. 1860 – 1910) – бухгалтер Березовского окружного казначейства в конце XIX – начале XX века, позднее – бухгалтер Тобольского казначейства. Активно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, участвовал в пополнении его коллекций присылкой вещей. Составил по просьбе музея гербарий флоры окрестностей Березова из 57 листов. Известно и об его растениеводческих опытах. Губернский агроном *Н.Л. Скалозубов* писал о них: «Огородничество в Березово могло бы получить большое развитие, если бы жители им больше интересовались. Местный казначей А.А. Карвовский, любитель огородничества, получал прекрасные результаты: картофель получался очень вкусный, по весу родился сам десять… Интересно, что овощи, выращенные из семян, выписанных с Кавказа, родились лучше, чем от семян московских». Убит в Тобольске.

Кастрен Матиас Александр (1813 – 1852) – финский лингвист. Доказал родство уральских (финно-угорских и самодийских) языков, выдвинул гипотезу о родственности финно-угорских, самодийских и тюркских (урало-алтайских) языков, обосновал теорию происхождения самодийских и финно-угорских народов.

Кашпиревы – одна из старых березовских фамилий. Ревизией 1782 г. зафиксировано проживание в Березове 47-летнего дворянина Александра Яковлева Кашпирева, его жены, дочери, дочери березовского протопопа Марьи Андреевой и сыновей Якова, Василия, Семена и Николая.[54] В 1839 г. служил в Березовском земском суде коллежский регистратор 25-летний Петр Николаевич Кашпирев и в этом же году умер в Березове в возрасте 68 лет экспедитор Николай Александрович Кашпирев – вероятно, его отец.[55] Петр Николаевич служил в Березове и в 1861 г. в должности корчемного.

---

[53] Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 216 – 218.

[54] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 42. Л. 2.

[55] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 9.

Историк С.А. Белобородов в статье «Книжная жемчужина Севера»[56] упоминает об Александре Кашпиреве, подарившем много книг библиотеке Березовского уездного училища.

Киргизов Василий Иванович – торгующий крестьянин с. Кондинского Березовского уезда. В 1883 г., будучи кондинским волостным старостой, просил у березовского исправника разрешение на поездку в Тобольск и Ирбит «по собственной надобности». Делал единовременные пожертвования на благотворительные дела, состоял действительным членом Тобольского губернского музея. В 1914 г. были подготовлены документы к поездке его в Палестину, состоялось ли паломничество, неизвестно. Был расстрелян как противник советской власти, по-видимому, в 1921 г.[57]

Клепиковы. Фамилия известна на Тобольском Севере с XVII в., главным образом в Сургуте, но были Клепиковы и в Березовском крае и среди них весьма заметные личности. Так, в 1747 г. отправлен в Березов за воеводу тобольский дворянин Александр Клепиков.[58] В 1840-е гг. 4-й казачьей сотней в Березове командовал Андрей Яковлевич Клепиков (1798 – после 1856), остался он в городе и по выходе в отставку. В 50-е гг. в Березове состоял в гражданской службе его сын Ефим – сначала писарем, потом столоначальником земского суда.[59]

Клыков Алексей Александрович – политссыльный, уроженец г. Кургана, находился в ссылке в с. Кондинском Березовского округа с июня 1888 по октябрь 1890 г. После освобождения остался в Сибири.

Кнуньянц Богдан Мирзаджапович – (1878 – 1911) – один из организаторов социал-демократического движения в Закавказье с 1897 г., большевик. Участник революции 1905 – 1907 г. (Петербург). Умер в тюрьме.

Кожевников Николай Афанасьевич – педагог. Уроженец Березовского округа. Учился в Тобольской гимназии, с 1851 г. – учитель. Преподавал историю и географию в Березовском уездном училище в 1860-е гг., здесь же в 1865 г. учительствовал Петр Афанасьевич Кожевников. Со второй половины 1860-х гг. – штатный смотритель бере-

[56] Югра. 1998. № 5. С.8.

[57] Гос. архив Югры. Ф. 61. Оп.1. Д.2. Л.12.

[58] Церкви Обдорска. Вып. I. С. 30.

[59] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп.1. Д. 12, 13.

зовских училищ.[60] В 1873 г. в Березове жил 65-летний отставной чиновник Афанасий Гаврилович Кожевников.

Козлова Юлия Моисеевна (урожд. Шилова) – телеграфистка и преподавательница на курсах телеграфного дела при Остяко-Вогульской окружной конторе связи, которой в 1943 – 1955 гг. руководил ее муж Антон Борисович Козлов. В 1950-е гг. работала над художественно-документальной повестью о жизни Березовского края, главным героем которой был участник революционных событий *Т.Д. Сенькин*. Работа не была закончена. Фрагменты рукописи опубликованы в 6-м выпуске краеведческого альманаха «Подорожник».

Кокоулины[61] – березовская казачья фамилия, основа которой – «кокоуля» – означает земледельческий инструмент для вспашки земли, разновидность сохи. Кокоулиных в березовской истории, особенно XVII и XVIII веков, так много, что в словарной статье приходится ограничиться лишь упоминанием отдельных имен и ссылкой на источники.

Служилый человек Ивашка Васильев Кокоулин, отличившийся как ясачный сборщик (1631 – 1632). Атаман Божен Кокоулин (1641). Березовский городничий Андрей Кокоулин (1701, 1713). Дети боярские Иван и Федор Кокоулины (1720). Еще один атаман Иван Кокоулин, начавший службу в 1772 г. рядовым. Священник Сосьвинской Христорождественской церкви Матвей Кокоулин (1782). Казак Яков Кокоулин, прикомандированный в 1830-е гг. к экспедиции историка *Г.Ф. Миллера* толмачом. Дьякон Федор Кокоулин, пострадавший за связь с опальными березовскими изгнанниками Долгоруковыми и отбывший ссылку в Охотске на солеварных работах (1838, 1843).

Колпаковский Герасим Алексеевич[62] (1819, Харьковская губ. – 1896, Санкт-Петербург) – березовский военно-окружной начальник в 1855 – 1858 гг.

В службу вступил рядовым в 1835 г. В первой половине 1840-х гг. участвовал в экспедициях генералов Викторова, Гурко, Фрейтага, Богаевского

---

[60] Гос. архив Томской обл. Ф. 125. Оп. 1. Д. 203. Л. 16 – 17.

[61] О Кокулиных см.: Очерки истории Югры. С. 166, 170 – 171; Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII – XVIII вв.) // Русские старожилы. С. 273 ; Перевалов В.А. Березовские архивы XVI – XVIII веков // Югра. 1998. № 12. С. 24.; Перевалов В.А. Три березовских документа XVII в. Из РГАДА // Источники по истории Западной Сибири. Часть II. Материалы региональной научной конференции. Сургут, 2003. С. 12, 13.

[62] См.: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 113.

против горцев Северного Кавказа в районе селений Аргун, Шали, в Ханкалинском ущелье. Бывал в рукопашных схватках и перестрелках, на строительстве укрепленных лагерей и передовых линий, рубках леса. Здесь в 1841 г. за отличия по службе получил первый офицерский чин. В 1848 г. был в походе для водворения порядка и спокойствия в княжествах Молдовии и Валахии.

17 января 1852 г. назначен адъютантом командующего отдельным Сибирским корпусом генерал-лейтенанта *Г.Х. Гасфорта*. Через три года направлен на службу в Березов. К этому времени Колпаковский имел чин майора и был кавалером орденов Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и 3-й степени и серебряной медали за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 г.[63]

В Березове Г.А. Колпаковский оставил по себе благодарную память как начальник справедливый, заботливый и отечески относившийся к народу. Здесь он по поручению Г.Х. Гасфорта изучал возможности возделывания зерновых культур и содействовал юганскому священнику И.Я. Тверитину в его опытах хлебопашества, возбуждал ходатайство об открытии ежегодной ярмарки в с. Самарово с целью улучшить для населения Березовского округа условия сбыта рыбы в начале зимы и тем самым облегчить его экономическое положение. Стремился повлиять на культурное развитие края. При нем в Березове оживилась театральная самодеятельность.

После 1858 г. служил в Средней Азии, был военным губернатором Семипалатинской и Семиреченской областей. Развивал в казачьих поселениях хлебопашество, огородничество, садоводство. С учреждением Степного генерал-губернаторства с центром в Омске 25 мая 1882 г. назначен генерал-губернатором. В годы службы в Омске многое сделал для развития Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, избран почетным членом РГО и Уральского общества любителей естествознания.

В 1883 г. Колпаковский получил согласие бывших березовских казаков на передачу хранившегося в Воскресенском соборе знамени, по преданию, принадлежавшего дружине Ермака, знамя было перевезено в Омск.

В октябре 1889 г. освобожден от этой должности, переведен в Петербург и назначен членом Военного Совета. В 1892 г. прислал в дар Березовскому Воскресенскому собору три полных священнических и дьяконских облачения ценою в 500 р. в связи с приближающимися юбилеями: столетия собора и трехсотлетия Березова. 2 апреля в соборе при большом стечении народа совершен торжественный молебен по случаю освящения этих даров.

---

[63] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1193.

Кольштедт[64] – геолог, исследователь Урала. В 1885 г. на средства тобольского купца А.А. Сыромятникова совершил поездку на Северный Урал для проверки сообщения о находках медной руды по р. Большая Харута и подтвердил наличие рудопроявления.

Кондратович Владислав Каэтанович – березовский окружной исправник в 1890 – 1895 гг., выпускник Тобольской гимназии 1856 г. В апреле 1890 г. получил благодарность «за заботы к облегчению тяжелого положения жителей Березовского округа вследствии неурожая трав, скудных промыслов и недостатка хлеба». После службы в Березове вышел в отставку. Один из учредителей Тобольского губернского музея, участвовал в подготовке экспозиции Тобольской губернии для Всероссийской Нижнегородской выставки 1896 г. Его сын Юлиан Владиславович в конце 1890-х гг. был начальником березовской воинской команды.

Корепановы – березовские мещане и купцы. Появились в Западной Сибири в XVII в., вероятно, при основании Самаровского яма или вскоре после него и сосредоточились в селах Самарово и Сухоруково, но уже в начале XVIII в. жили и в Березове. В конце этого же столетия Василий Егорович Корепанов, выходец из ямщиков Сухоруковского погоста, записался в березовские купцы и вел промысел на арендованном у ханты рыболовном песке. Известен еще один купец Корепанов – Кузьма Васильевич (1834).

Купеческие семьи Корепановых прослеживаются в Березове как минимум до середины XIX в., но постепенно переходят в зажиточные мещане. Заметной была семья мещанина Василия Гавриловича Корепанова (род. ок. 1800 г.), особенно его сыновья. Дмитрий Васильевич (род. в 1843 г.) в 1860-е гг. служил писарем инородной управы, в 1880-е – городским головой, в начале 1890-х – старостой Воскресенского собора. Занимался и рыбным промыслом. Как человек сведущий, он пригодился *А.А. Дунину-Горкавичу*, написавшему во втором томе «Тобольского Севера»: «По сообщению … Д.В. Корепанова, посетившего Юильский городок в первый раз в 1864 г., он видел в башнях пол и потолки, но крыш уже не было. Родственник же Корепанова передавал ему, что, по рассказам стариков, башни были построены казаками в XVIII ст[олетии] на открытой безлесой местности. Теперь же на ней вырос столетний сосновый лес…» (С. 242).

Сын Дмитрия Васильевича Михаил весной 1921 г. оказался среди заложников, расстрелянных большевиками перед отступлением из Березова (см. «Бремя победы»).

---

[64] См.: Поездка на Северный Урал летом 1892 г. Тюмень, 2004. С. 115 – 123.

Старший брат Д.В. Корепанова Петр был известен в Березове как судья словесного суда.

Кориков-Михайлов Леонид Александрович (1876, г. Тара – после 1917) – медицинский фельдшер. Учился в Омской центральной фельдшерской школе. Работал по специальности на рыболовных песках Тобольского Севера, заведовал Кушеватским временным лечебным бараком. В 1896 – 1899 гг. служил фельдшером в селах Сартыньинском и Щекурьинском Березовского уезда. Посылал с Севера сообщения в «Ежегодник» губернского музея, заметки и корреспонденции в «Сибирский листок». Две его работы – «Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа» (1898) и «В тумане веков (из вогульских преданий)» (1906) – выпущены в Тюмени отдельными изданиями. Передал несколько десятков собранных на Севере предметов в Тобольский музей. В 1906 г. оставил медицинскую службу и перешел в штат Тобольского окружного суда.

Корнилов Иван Николаевич (ок. 1834 – 17 июня 1890) – тобольский купец 1-й гильдии, основатель торгового дома. Имел рыбные промыслы в низовьях Оби, в начале 1870-х гг. открыл собственное пароходство. Организовал факторию на р. Надым.

После смерти И.Н. Корнилова рыбный промысел и торговлю в Березовском уезде вела его жена Феликитата Васильевна, арендовавшая угодья, главным образом, из тех, что были закреплены за ненецким родом Югомпелик, из которого вышли священники *Н.Г. и В.Н. Герасимовы*.

Коровьи-Ножки Кузьма Илларионович[65] – березовский крестьянин, потомок ссыльных, поселившихся здесь не позднее середины XIX в. В метрических книгах Воскресенского собора есть следующие записи о членах этой семьи: 21 октября 1869 г. у Евдокима Коровьи-Ножки и незаконной его жены Анны Федоровны старообрядческого вероисповедования родился сын Ларион; 21 июня 1892 г. умер крестьянин Илларион Евдокимович в возрасте 51 год. Есть в книге и упоминания о Кузьме Илларионовиче и членах его семьи: 23 июля 1895 г., в 31 год, он женился на Христине Михайловне Поздеевой, родились дети Николай (ум. в 1902 г.), Анна (р. 1897), Александр (1900), Евдокия (1902), Николай (1904), Василий (1906), Наталья (1912). Был у него брат Илларион Илларионович.

[65] См. о нем: Созонов Ю.Г. Еще раз о герое революции Троцком и гражданине из города Березова по фамилии Коровьи-Ножки // Югра. 1994. № 2. С. 27 – 28. ; Коняев Н. Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки // Лукич. 1999. № 1. С. 10 – 41.

В Березове К.И. Коровьи-Ножки занимался производством кирпича. Особо примечательным фактором его жизни, неоднократно описанным, является то, что в 1907 г. он содействовал побегу из ссылки *Л.Д. Троцкого*. Позднее Кузьма Илларионович участвовал в событиях гражданской войны на территории Березовского уезда, в 1920 г. был членом уездного ревкома.

Котовщиковы – березовские купцы и мещане. Переселились из Тобольска в 1-й половине XIX в. В 1830 – 1840-е гг. закрепилась на севере семья купца 3-й гильдии Ивана Ивановича Котовщикова. После его смерти в 1845 г. торговое и рыбопромышленное дело отца унаследовали сыновья Николай и Алексей, оба тоже были купцами 3-й гильдии.[66] От Николая Ивановича осталось большое семейство: вдова, Акилина Прокопьевна, ее дети Петр с женой и тремя детьми, Павел, с двумя сыновьями и дочерью, Александр с женой и дочерью, Федор и дочь Анна.[67] Иван стал купцом, купеческий сын Петр в 1864 г. был городским старостой.

Особенностью Котовщиковых, выделявшей их среди других семей Березова, было радение о благолепии Воскресенского собора, пожертвования после смерти Николая Ивановича продолжали поступать от Акилины Прокопьевны.[68]

Березовское гнездо Котовщиковых отличалось значительной численностью и на рубеже XIX и XX вв., только среди прихожан Воскресенского собора было более десяти потомков купца Николая Ивановича, взрослых и детей. Из них Александр Николаевич служил лесным объездчиком по Куноватской волости и за отличие имел похвальный лист (1905 г.) и серебряную медаль на Станиславской ленте «За усердие» (1911 г.). В 1913 г. лесным объездчиком стал и его сын Афиноген.

В списке граждан г. Березова, составленном по требованию уездного ревкома в период между 10 мая и 31 декабря 1921 г., значатся Петр, Николай и Иван Павловичи, рыбаки, с женами и детьми и, кроме них, еще три семьи – всего более 30 человек.

В ГУТО ГА в г. Тобольске имеется «Дело по прошению мещанина Ф. Котовщикова о засвидетельствовании завещания вдовы А. Котовщиковой 1896 – 1897 гг.»[69]

---

[66] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 753; Краткая энциклопедия… Т. 2. Кн. 2. С. 90.

[67] Православные приходы… С. 82. 1873 г.

[68] Православные приходы… С. 317, 320, 331, 335, 339.

[69] Ф. 152. Оп. 37. Д. 295.

Крижановский (Кржижановский) Северин Фаддеевич (14.07.1787 – 1.08.1839) – подполковник польского гвардейского Конно-егерского полка[70].

Долгое время считалось, что декабристов, находившихся в ссылке в Березове, было четверо: А.В. Ентальцев, И.Ф. Фохт, А.И. Черкасов и О.В. Горский. Крижановский не упомянут даже в книге П.И. Рощевского «Декабристы в тобольском изгнании» (Свердловск, 1975) – возможно, потому, что среди историков того времени не было единой точки зрения на то, считать ли декабристами членов польских тайных обществ начала XIX в.

В 1995 г. мне встретилась в «Тюменской правде» заметка «Декабрист из Варшавы». В ней со ссылкой на книгу историка-декабристоведа М.В. Нечкиной «Декабристы» сообщалось о пятом березовском изгнаннике – Северине Фаддеевиче Кржижановском, руководителе польского патриотического общества, близкого по целям к российским Северному и Южному.

Есть и другой авторитетный источник информации о Кржижановском – справочник «Декабристы», статью из которого привожу здесь качестве справки для краеведов.

«Из шляхты. Род. в д. Пархамовке Сквирского повета на Украине. Отец – Тадеуш Кржижановский, мелкий помещик, мать – Мария, урожд. Шернель. Воспитывался дома. Нелегально перейдя границу, поступил добровольцем в создаваемый в Герцогстве Варшавском 4 п[олк] Надвислянского легиона с чином сержанта – 12.08.1808, участник испанской кампании 1809 – 1811, подпоручиком в 9 пех[отном] п[олку] – 1.07.1809, поручик – 24.04.1811, капитан – авг. 1811, капитан-адъютант-майор – 1.10.1811, командирован в Варшаву – 1811, участник войн 1812 – 1814. С начала 1815 в Варшаве в 7 пех. п. армии Царства Польского, переведен в ранге старшего капитана в формируемый гв[ардейский] эскадрон – авг. 1815, в гв. Конно-егер. п. командиром эскадрона – 27.09.1817, подполковник – 1.06.1825. Масон, член варшавской ложи «Щит Севера».

По некоторым данным, участник польских тайных организаций уже в 1815 (Общество истинных поляков), член Патриотического общества (июнь 1821), с осени 1822 – его фактический руководитель. С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин познакомились с ним в Киеве на контрактах в янв. 1824 г. и пытались через него установить контакты с польским тайным обществом.

---

[70] См.: Сотников В. Декабрист из Варшавы // Тюменская правда. 1995. 17 июня; Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 15.

Арестован в Варшаве 20.02.1826 и вместе с другими членами Патриотического общества предан суду сенаторов Царства Польского. По обвинению в государственной измене оправдан, но за принадлежность к тайной организации в мае 1828 приговорен к трем годам и трем месяцам тюремного заключения с зачетом предварительного заключения во время следствия. Как уроженец Российской империи еще до утверждения приговора Николаем I был затребован в Петербург и доставлен в Петропавловскую крепость, откуда по высоч[айшему] повелению в 1830 отправлен на жительство в Березов. В нач. 1832 по ходатайству ген[ерал]-губ[ернатора] Вельяминова переведен в Ишим. В связи с болезнью ног (впоследствии паралич) и признаками душевного расстройства ок[оло] 1837 – 1838 ему было разрешено для консультации с врачами прибыть в Тобольск, где он вскоре умер, почти полностью потеряв рассудок.[71]

Кудрины – тобольские мещане, переселившиеся в Обдорск не позднее 1-го десятилетия XIX в. Главой обдорского семейства Кудриных был, по-видимому, Марк Алексеевич, умерший в 1843 г. Его сыновья Федор и Павел продолжали числиться в тобольских мещанах. Павел Маркович известен как знаток языков местных инородцев и в 1868 г. принимал участие в проверке остяцко-самоедского словаря, составленного священником *П. Поповым*. У него были дети Николай, Елена и Федор. Возможно, его же сыном был и Г.П. Кудрин – обдорский крестьянин, толмач Обдорской миссии, участвовавший в качестве переводчика в экспедиции *Б.М. Житкова* по Ямальской тундре.[72] В документах встречаются упоминания о переводчике Гавриле Кудрине, начиная с 1889 г.

Трое Кудриных – Михаил, Петр и Устим Самойловичи, призванные на фронт из Ямало-Ненецкого округа, – числятся в книге «Память» по Тюменской обл. среди погибших в 1942 г.

Кузнецов Евгений Васильевич (1848 – 1911) – литератор, журналист, краевед. Сын священника, учился в Тобольской духовной семинарии. В 1891 – 1897 гг. редактировал (с перерывами) неофициальную часть «Тобольских губернских ведомостей», был секретарем губернского статистического комитета. Много занимался исследованием местной старины, состоял членом-соревнователем Тобольского губернского музея. В 1997 г. тюменским издательством «СофтДизайн» издана книга «Литературные фантомы», в которую вошла подборка стихов и прозы Е. Кузнецова, а в 1999 г. в приложении к журналу «Лукич» вышел том «Сибирский летописец».

---

[71] Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 91 – 92.

[72] Липатова Л. Борис Михайлович Житков и его книга «Полуостров Ямал» // Лукич. 1999. Ч. 6. С. 141.

Кузнецов Иоанн Георгиевич – священник, с конца 1877 г. – настоятель Спасской церкви в с. Шеркальском. В 1884 – 1886 одновременно выполнял обязанности настоятеля Кондинского Троицкого монастыря. В 1888 г. составил «Летопись Кондинского монастыря». Составитель родословной шеркальского рода Новицких. *И.М Воропай* писал о нем»: «Священник села Шеркалинского, человек очень любознательный, собирает всевозможные сведения об остяках и об истории здешнего края. За отсутствием братии в Кондинском монастыре он же заведывает монастырем, где есть небольшая школа для инородцев».[73]

Кузьмин Григорий Васильевич (ок. 1860 – после 1934) – березовский мещанин, общественный деятель, сын В.И. Кузьмина. Окончил Березовское уездное училище. В 1880-е – начале 1890-х гг. жил в с. Сартынья, занимался рыбным промыслом, оленеводством. В 1889 – 1892 гг. в его доме помещалась церковно-приходская школа, в одном из отчетов отмечалось, что помещение удобное и школа пользуется им бесплатно. Из Сартыньи Кузьмин переехал в Березов. По имеющимся сведениям, он был человеком умным, опытным и открытым, многие подробности местной жизни узнал от него *Н.Л. Скалозубов*, бывший в ссылке в Березове в 1906 г. С его слов сартыньинский фельдшер *Л.А. Кориков-Михайлов* записал в 1897 г. инородческое предание и опубликовал его в «Сибирском листке».

В Березове Скалозубов и Кузьмин настолько сблизились, что когда березовцы возложили на последнего нелегкое бремя обязанностей городского старосты (как староста Кузьмин занесен в «Памятные книжки Тобольской губернии» на 1908, 1909, 1911, 1913 и 1915 гг.»), он не раз обращался к Николаю Лукичу, уже члену Государственной Думы, с просьбой о помощи городу, остро нуждавшемуся в поддержке государства. В «Письмах депутатов» в «Сибирском листке» 24 июня 1910 г. Н.Л. Скалозубов подробно рассказывает о своих действиях в ответ на просьбу березовского старосты.

«Продолжаю о своих посещениях ведомств, – пишет он. – Давно у меня на совести были отчаянные вопли из г. Березова... Городской староста Г.В. Кузьмин в течение зимы прислал мне несколько записок о бедственном положении городского управления, у которого при бюджете, кажется, 3000 р., дефицит определяется суммой 1443 р., а между тем военное ведомство обязало в определенный срок ремонтировать казармы. Город возбуждает ходатайство об ежегодном в течение пяти лет пособии от казны в размере 1500 рублей на неотложные обязательные для города расходы…

---

[73] Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана. С. 15.

...Насколько знаю лично Березов, я характеризовал его благосостояние, припомнил умилительные картины, как обыватели, исполняя распоряжение уездного исправника о мощении тротуаров, за неимением средств на лес раскрывают крыши своих амбаров и этими досками устилают тротуары...

Полагая возможным настоять на единовременной субсидии городу в этом году, г. Анциферов порекомендовал мне оживить этот вопрос в департаменте государственного казначейства Министерства финансов. Вместе с тем он полагал, что главное управление обратится с просьбою к тобольскому губернатору обсудить на месте вопрос о будущем Березова и мерах к поднятию его благосостояния».

Полученными от Кузьмина сведениями *Скалозубов* воспользовался также, чтобы обрисовать положение Березова в статье «Угасающий и оживающий центры сибирской колонизации в Тобольской губернии» (сравниваются Обдорск и Березов).

Не оставил Николай Лукич без внимания и ходатайство Г.В. Кузьмина о скорейшем разрешении земельного спора между мещанами и бывшими казаками, возникшего в результате упразднения в 1881 г. березовской казачьей команды, и наделении землей всех жителей города и выгоном – самого города. Об этом речь идет в другом депутатском письме, опубликованном в той же газете 27 июня 1910 г.

В августе 1917 г. Г.В. Кузьмин был избран городской думой представителем в Березовский земельный комитет, а в ноябре думой же освобожден по его просьбе с выражением глубокой признательности за труды по земельному комитету. В 1910 г. в письме на имя тобольского городского головы он высказал как личную позицию, так и общее мнение городских уполномоченных за проведение железной дороги до Тобольска, т. к. она дала бы возможность более «свободного во всякое время года передвижения грузов из Березовского уезда».

Ю.М. Козлова в набросках к повести «Сенькин» пишет об увлечении Кузьмина театральным искусством и его участии в любительских спектаклях. При этом она называет его «крестьянином-бедняком, всю жизнь работавшим на «черных» работах, чаще плотником». Если он и стал бедняком, то только после Октябрьской революции, а в 1906 г. он имел, по свидетельству Н.Л. Скалозубова, 180 оленей.

У Григория Васильевича были сыновья Дмитрий и Василий (вероятно, сведения, которыми я располагаю, неполны) и много внуков. На березовском кладбище сохранились могилы их и их жен.

Кузьмины – березовские крестьяне и мещане, поселившиеся в городе не позднее второй половины XVIII в. Фамилия в документах встречается в нескольких вариантах написания: Козмины, Козьмины, Кузьмины. В ревизской сказке 1795 г. записан Иван Савинов Козмин, умерший в 1794 г. в возрасте около 57 лет. В документе 1847 г. встречено упоминание о мещанине Александре Иванове Козмине. В 1860 г. зарегистрирован брак Василия Ивановича Козьмина и дочери отставного урядника Марии Степановны Козловой, в 1862 г. у них родился Иван.

О Василии Ивановиче есть возможность сообщить такую подробность его биографии. В конце XIX в. он служил инородческим писарем Сосьвинской волости и жил в селе Сартыньинском. В 1882 г. протоиерею *Петру Попову*, ревизовавшему церкви Березовского уезда, пришлось разбирать жалобу «… на его произвольные, стеснительные и разорительные для инородцев действия» и на удаление из Сартыньинского прихода псаломщика Антипы Бешкильцева против желания прихожан.[74] Есть основания считать, что до назначения волостным писарем В.И. Козьмин был в 1876 г. березовским полицейским надзирателем.[75]

Кушелевский Юрий Иннокентьевич[76] (1825 – ?) – чиновник, исследователь Тобольского Севера. С 1848 г. – в штате Тобольского губернского суда, затем до 1854 г. – заседатель в Обдорске. После 1859 г. вышел в отставку и переехал в Петербург. В 1862 г. по поручению *М.К. Сидорова* обследовал вариант зимней дороги для доставки графита с северных притоков Енисея, где он добывался, на р. Таз и далее через Обдорск и Полярный Урал в Печорский морской порт. В 1863 г. по пройденному экспедицией Кушелевского пути началась доставка графита на Печору. В 1863 и 1864 гг. совершил еще две экспедиции на Ямал. Автор путевых записок «Северный полюс и земля Ямал», изданных в Петербурге в 1868 г.

Лапотниковы (Лаподниковы) – служилые люди, купцы, мещане, крестьяне, численно одна из доминировавших в дореволюционное время русских фамилий Березовского края. По данным А.Т. Шашкова и А.Г. Мосина, поселились здесь еще в XVII в., к примеру, в 1634 г. воротником служил Митька Емельянов Лапотников.[77] В XVIII в., как считает

---

[74] См.: Подорожник. Вып. 10. С. 222 – 226.

[75] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 329.

[76] См. о нем: Липатова Л. Ямальские экспедиции Кушелевского // Лукич. 1998. № 2. С. 137 – 146; Утков В. Г. Предвестники: Связь времен. М., 1982. С. 97 – 103; Огрызко В. В. Североведы России: Материалы к биографическому словарю. М., 2007. С. 236.

[77] Очерки истории Югры. С. 187.

Н.А. Миненко, Лапотниковы принадлежали к верхушке городского общества. За три с лишним века выходили из них и атаман по имени Петр, и толмач Андрей, и купец Афанасий Афанасьевич, староста городового купеческого и мещанского общества, и чиновник, вышедший в российские дворяне (имя неизвестно).

Из документа середины XIX в. удалось узнать немногие подробности о службе Василия Ивановича Лапотникова (род. ок. 1806 г.). Он окончил полный курс Березовского уездного училища и в 1821 г. поступил на службу казаком. Выпало ему служить вахтером полноватского магазина с 1832 по 1834 г., в 1836-м назначен писарем, в 1840-е гг. произведен в урядники. В 1863 г. Тобольская казенная палата назначила его присяжным счетчиком Березовского окружного казначейства.

В конце 1890-х гг. в Самаровской школе рыбообработки В.Т. Земцова учился Михаил Иванович Лапотников, окончивший до этого Березовское приходское училище. Работал ли он по приобретенной специальности, неизвестно. Полицейским урядником был в 1900-е гг. Нестор Иванович Лапотников, ему же с середины 1921 г. пришлось послужить в уездной милиции за неимением у советской власти собственных кадров.

За три с лишним века Лапотниковы распространились по Березовскому краю, были они и в Обдорске, и в Кондинске, и в Полноватe, и в других местах. Живя бок о бок с коренным населением, некоторые из них брали в жены хантыйских женщин, что не было редкостью в то время.

Ларионов Федор Филиппович[78] (1876, с. Карагат Каинского окр. Томской губ. – 1951, г. Ленинград) – педагог. Из крестьян. Окончил приходское уездное училище в г. Каинске. В 1896 г. окончил Омскую учительскую семинарию. 1897 – 1903 гг. – учитель русского языка в Березовском уездном училище. При его активном участии в начале 1900 г. в Березове открылась первая библиотека, Ларионов исполнял в ней обязанности библиотекаря на общественных началах.

В 1903 – 1905 гг. учился в Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета. Во время летних каникул 1904 г. совершил вместе с настоятелем Обдорской духовной миссии *Иринархом (Шемановским)* месячную поездку в низовье Оби. Этим же летом Тобольский музей получил от него из Обдорска гербарий из 98 листов, собранный в селении Хэ и окрестностях Обдорска, и коллекцию насекомых.

---

[78] См. о Ф.Ф. Ларионове: Михайленко А.К. Учитель с большой буквы // Югра. 1996. №2. С. 12 – 16.

После окончания университета в 1906 – 1914 гг. снова служил в Березове учителем русского языка и физики, инспектором городского трехклассного училища, в течение пяти лет заведовал метеорологической станцией. Летом 1913 г. совершил путешествие с ботаником проф. Поле по р. Казым.

С 1914 по 1920 г. заведовал высшим начальным училищем в Тюмени. В 1920 – 1921 гг. – губернский инспектор школ национальных меньшинств по Березовскому и Сургутскому уездам, с середины 1921 г. недолгое время заведовал подотделом национальных меньшинств Березовского наробраза. В этот период занимался изучением языка и быта остяков. По итогам этой многомесячной командировки составил остяцко-русский и русско-остяцкий словари.[79]

В 1921 – 1940 гг. работал в Тюмени, преподавал в педагогическом техникуме и педагогическом институте. После выхода на пенсию жил в Минске и Ленинграде. В эти годы при участии жены Марии Андреевны написал «Семейную хронику», часть которой издана в 1993 г. в серии «Библиотечка журнала «Югра», другие части опубликованы позднее в альманахе «Подорожник» с некоторыми сокращениями (вып. 2, 9, 10).

Двое сыновей Ларионовых получили образование в Тюменском реальном училище и Томском университете. Леонид Федорович (1902 – 1973) – онколог, профессор, лауреат Государственной премии (1951) за открытие противоракового препарата, член-корреспондент АМН, Вячеслав Федорович (1903 – 1975) – зоолог, доктор биологических наук.

Ларионова Мария Андреевна (1883 – 1958) – дочь обдорского рыбопромышленника А.С. Протопопова, жена Ф.Ф. Ларионова. Училась в Тобольской Мариинской женской школе. Разделяла краеведческие интересы мужа: собирала вместе с ним гербарий, помогала вести метеорологические наблюдения, интересовалась местным фольклором и этнографией. Ее статья «Зырянская и русская свадьба в Обдорске» опубликована в «Ежегоднике Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете» во время учебы Федора Филипповича в Петербурге (СПб., 1905), а две из записанных ею песен – в сборнике «Русская свадебная поэзия Сибири» (Новосибирск, 1984). Участвовала в создании «Семейной хроники» и заканчивала работу над ней после смерти мужа. Ее воспоминания «Девочка Маша», вошедшие в «Семейную хронику», напечатаны в 7-м выпуске «Подорожника» (с. 85 – 107).

---

[79] См.: Ларионов Ф. Еще год на Севере (1920 – 1921) // Югра. 1993. № 1. С. 29 – 32.

Локиц Антон Иванович (ок. 1870, Гродненская губ. – после 1924) – фельдшер. Как видно из «Семейной хроники» Ларионовых (с. 6), в 1897 г. Локиц уже служил в Березове фельдшером инородческой больницы. В 1921 г. он заведовал уездным отделом здравоохранения Березовского уездного ревкома и был членом комиссии по назначению пособий пострадавшим от контрреволюции, пайков семьям красноармейцев, пенсий.[80] Замещавший его во время болезни врач Шубинский позднее положительно оценивал его работу, отметив, что в больнице «сохранилось много старинных патентованных медикаментов… благодаря заботам старого фельдшера Локиц, живущего в Березове около 30 лет. Большой шкаф полон хирургических инструментов»[81]. В 1920-е гг. переехал в Тобольск, работал в окружном отделе здравоохранения.

Лукин Петр Александрович (ок. 1816 – 1855) – учитель. Происходил, как указано в формулярном списке, «из канцелярского звания». С 1825 г. учился в Тобольской гимназии, окончил полный курс. С 1830 г. преподавал в Ялуторовском уездном училище искусства, вел занятия в приготовительном и первом классах. С конца 1835 г. – в Курганском уездном училище, где сверх упомянутых занятий получил право на преподавание арифметики и геометрии, «за ревностную службу» был награжден 200 р., ассигнациями. В начале 1837 г. переведен в Тюменское уездное училище. В 1849 г. «за отличный способ преподавания» заслужил благодарность губернатора. 24 февраля 1851 г. определен смотрителем березовских училищ. «За отлично усердную службу» 24 дек. 1853 г. получил вознаграждение – 285 р. Пожертвовал Березовскому Воскресенскому собору престольное одеяние, шитое золотом.[82] В марте 1855 г. подал прошение об отставке и через полгода умер.

Любопытно, что в 1839 г. выпускник Тобольской гимназии К.М. Голодников, определенный в Ялуторовск учителем уездного училища, начальником своим имел Ивана Александровича Лукина, который происходил из остяков Березовского края (эту фамилию носили ханты бассейна р. Салым, который в то время входил в состав Березовского округа – В.Б.), получив каким-то редким в то время случаем образование в Тобольской гимназии.[83] Были ли Петр Александрович и Иван Александрович братьями – это еще предстоит выяснить.

---

[80] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 95. Л.1, 8

[81] Шубинский А. О положении медицинского дела на Севере // Наш край. 1924. №1. С. 19.

[82] Православные приходы… С. 331.

[83] Голодников К. Декабристы в Тобольской губернии // Лукич. 1998. №4. С. 71.

Ляхович Митрофан Яковлевич отбывал ссылку в Березове с января 1878 по ноябрь 1879 г., после чего отправлен в Восточную Сибирь.

Макаревский Алексей Николаевич (1863 – после 1931) – ветеринарный врач. За участие в народовольческих организациях был сослан в Якутскую область. В 1904 – 1909 гг. работал по ветеринарии в Томске и Тобольске. Сотрудничал в сибирских газетах. В 1909 г. переведен в Омск, позднее – профессор Белорусского ветеринарного института.

Мамеев Михаил Алексеевич – тобольский, а со второй половины 1860-х гг. – березовский мещанин. Вел торгово-промышленную деятельность в бассейнах рр. Таз и Пур, где имел избу, пожертвованную им в 1868 г. Обдорской духовной миссии. Прежде близ этой избы стоял столб, обозначавший границу между Тобольской и Енисейской губерниями. Неоднократно выполнял обязанности переводчика с ненецкого языка и проводника. Первым из русских проехал с самоедами по водораздельному пространству между верховьями рр. Пура, Надыма, Агана и Трем-Агана, а затем в начале 1879 г. сопровождал по этому же маршруту омского топографа Хондажевского.

В 1860-е гг. в Обдорске жил тобольский мещанин Никанор Алексеевич Мамеев – брат Михаила Алексеевича.

Матиясевич Николай Степанович – обдорский становой пристав в 1898 – 1902 гг., один из наиболее деятельных членов Тобольского губернского музея, для которого собрал значительный этнографический материал. Прочитал в музее доклады «Краткий обзор быта северных инородцев» и «Объяснение коллекций севера губернии, предназначенных для Парижской выставки 1900 г.». В 1902 г. переведен в Вологодскую губернию. В 1918 г. возвратился в Сибирь и осенью этого года был назначен помощником тобольского уездного комиссара.

Мещеряков Федор Александрович (ок. 1872 – 1921) – священник. Окончил уездное училище. С 1892 г. – псаломщик Березовской Богородице-Рождественской церкви, с 1902 г. – дьякон. Вот как характеризовал начинающего церковнослужителя священник этой церкви Николай Козлов: «… псаломщик Федор Мещеряков своевременно являлся к богослужению и к исправлению церковных треб. Жизнь ведет трезвую, в поведении… недостатки имеет: 1) на клиросе делает соблазн смехом, 2) страсть к осуждению ближнего без всякого к тому повода самым низким образом, не стесняясь ни званием, ни состоянием, ни возрастом…».[84] Это не помешало однако

[84] Православные приходы… С. 375.

переводу его в 1904 г. священником Сосьвинской Христорождественской церкви на место умершего от тифа в 34 года старшего брата священника Дамиана Мещерякова. Здесь же умер в 86 лет их отец, березовский мещанин Алексей Иосифович Мещеряков. С 1914 по 1921 г. отец Федор – священник Березовской Богородице-Рождественской церкви.

Мещеряковы (Мещаряковы, Мещариковы) – березовские казаки, мещане, обдорские крестьяне. В.А. Никонов в «Словаре русских фамилий» так объяснил происхождение этой фамилии: «... мещеряк (как сибиряк, туляк) – житель Мещеры – так называлась территория восточнее Рязани, по этнониму народа мещера, который русские застали там в IX в. ...». В 1627 г. среди служилых людей Березова было уже несколько Мещеряковых.

В XIX в. из местных Мещеряковых выделялись несколько семей, соединенных между собой родственными связями. Это братья Яков и Алексей Иосифовичи. Первый, вероятно, был казачьим атаманом в 1872 г. Березовская история сохранила имена его сыновей. Кирилл Яковлевич вместе со своим дядей Алексеем Иосифовичем были известны как рыбопромышленники, вместе они облавливали песок «Непкинские ямки».[85] Кирилла, человека достаточно по тому времени образованного, окончившего уездное училище, березовцы в 1912 г. делегировали в Тобольск для избрания от губернии депутата Государственной Думы. Его брат Михаил Яковлевич также принадлежал к уважаемым людям Березова, в конце 80-х – начале 90-х гг. он – городской голова, в конце 90-х – староста Воскресенского собора. У Алексея Иосифовича оба сына – Дамиан и Федор – стали священниками Христо-рождественской церкви с. Сосьвинского, к ним и перебрался в свои преклонные годы отец, оставив рыбацкое дело.

Родственники Якова и Алексея Иосифовичей Мещеряковых Платон Семенович и его сын Самуил жили в Обдорске и тоже занимались рыбным промыслом. Мещеряковых отличали серьезные культурные потребности. Дочь Самуила Платоновича Евдокия в 1915 г. окончила курс Тобольской Мариинской женской гимназии.[86] Обдорские Мещеряковы были среди тех, кто пробовал развивать на Крайнем Севере животноводство и огородничество.

А.А. Дунин-Горкавич писал: «В Обдорске имеется только один огород, а между тем, несмотря на неблагоприятные климатические условия Обдорска, занятие огородничеством там было бы возможно. Вышеуказанный огород принадлежит местному обывателю А.С. Мещерякову. Во время моего осмотра этого огорода 24-го августа [1907 г.?] там были: репа, морковь, свекла, редька и картофель. Все эти овощи были уже зрелы...».[87]

---

[85] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418.

[86] Городская хроника // Сиб. листок. 1915. 24 мая.

[87] Дунин-Горкавич А.А. Сборник трудов. 1907 – 1911. Екатеринбург, 1910. С. 76 – 77.

Миллер Герард Фридрих (1705 – 1783) – историк и археограф, член Петербургской академии наук. В 1733 – 1743 гг. участвовал в Камчатской экспедиции, описал архивы более 20 городов Сибири и Приуралья, в том числе Тюмени, Тобольска, Березова. Автор труда «История Сибири». Собранные им в экспедиции материалы хранятся в РГАДА («Портфели Миллера»).

Михалев Павел Николаевич (ок. 1823 – ?) – чиновник. С 1852 по 1860-е гг. занимал в Березове должности заседателя окружного суда, окружного казначея, городничего, земского исправника.[88] В 1860 г. пожертвовал собственный дом для размещения женской школы в Березове.[89] Делал пожертвования и Воскресенскому собору: ризу ценой 75 р. серебром, епитрахиль парчовой материи, подризник в 25 р. серебром. Дочь П.Н. Михалева Екатерина, родившаяся в Березове в 1857 г., выпускница Тобольской Мариинской женской школы, была женой березовского исправника Л.Н. Ямзина.

Молоков Василий Иванович (ок. 1857, с. Сосьвинское Березовского окр. – после 1900) – священник. Сын дьячка. В 1875 г. определен к Березовскому Воскресенскому собору. С 1876 г. служил в Мало-Атлымской Преображенской церкви, с 1885 – в Щекурьинской Богоявленской. С 1892 г. – священник Христорождественской церкви в родном селе Сосьвинском. В ведомости о церкви за 1901 г. особо отмечено: «Знает прекрасно остяцкий язык, ляпинское наречие, почему служба его в здешнем приходе особенно полезна» (Православные приходы… С. 389 – 390). Его отец Иван Иосифович Молоков в 1853 – 1860 гг. – дьячок Сосьвинской церкви, затем до октября 1877 г. служил в Шеркальской Спасской церкви, оттуда переведен в Обдорскую Петропавловскую.[90]

Молчанов Н.И. – специалист сельского хозяйства, выпускник Тобольской сельскохозяйственной школы. В 1906 г. был приглашен руководителем по устройству хозяйства и мастером маслоделия на ферму С.П. Шахова, расположенную в 20 верстах восточнее Березова на правом берегу Малой Оби.

Москвитины – служилые люди Сургута и Березова начала XVII в. Вероятно, участвовали в походах на восток и колонизации новых сибирских земель. Историк И.Л. Манькова сообщает о пятидесятнике

[88] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.152. Оп.30. Д.153.

[89] Гос. архив Томской обл. Ф.125. Оп. 1. Д. 116. Л.1.

[90] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 121, 126, 127.

И.Ю. Москвитине, возглавлявшем в 1639 – 1641 гг. поход из Томска до устья Амура для поиска серебряной горы, длившийся два с половиной года.[91]

Назову некоторых носителей этой фамилии – березовцев, упоминающихся в исторических источниках.

Москвитин Тимофей Матвеевич (1751 – 1797) – родом из крестьян, в 1775 – 1795 – березовский купец 3-й гильдии. Воспитал детей Гавриила, Александра, Авдотью и Арину. Гавриил умер в 1798 г., а Александр в 1806 переведен в мещане и в 1813 переехал с семьей в Тобольск.[92]

Священник Андрей Москвитин. В конце XVIII в. был монахом Кондинского монастыря. Его сын Никифор в начале XIX в. – пономарь Сосьвинской Христорождественской церкви.[93]

В списке прихожан Воскресенского собора 1873 года названы члены семей казаков Никифора Васильевича и Ивана Игнатьевича Москвитиных – 15 человек.[94]

Обдорский лекарский ученик Москвитин. В 1888 г. обращался к настоятелю Обдорской миссии с предложением не отпевать в церкви людей, умерших от скарлатины и дифтерической ангины, чтобы не допустить распространения эпидемии.[95]

Чиновник Кондинского почтово-телеграфного отделения Николай Андреевич Москвитин – по-видимому, внук упомянутого Ивана Игнатьевича (Метрическая книга Шеркальской Спасской церкви).

Книга «Память» по Тюменской области отмечает гибель в 1941 и 1942 гг. на фронтах Великой Отечественной войны троих березовцев Москвитиных – рядовых Александра, Арсения и Евгения Трофимовичей.

Мотошин Алексей Егорович – рыбопромышленник. Арендовал в конце XIX в. рыболовные пески на Оби в пределах Кондинской волости Березовского уезда. Собрал и представил в Тобольский губернский музей для художественно-промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде коллекцию из 74 предметов, характеризовавшую быт ханты, был награжден дипломом выставки. Участвовал в собирании коллекции для Парижской выставки 1900 г.

---

[91] Манькова И. Л. Поиски серебра и золота в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке русскими землепроходцами в XVII в. // Русские старожилы. С. 184.

[92] Краткая энциклопедия… Т. 3. Кн. 1. С. 142; Березово, с. 204, 206.

[93] Березово, с. 121.

[94] Православные приходы… С. 70, 72.

[95] Церкви Обдорска. С. 260.

Мотошин Федор Петрович – крестьянин-рыбопромышленник. Вероятно, выходец из иртышского села Реполово Тобольского округа, откуда перебрался в с. Малый Атлым к более богатым рыбой местам. Вот что пишет о нем В.Т. Кузьмин в книге «Земля Кодская»: «Купец Мотошин Федор Петрович являлся крупным рыбопромышленником, ему принадлежали все рыбные угодья от юрт Сосновых и до Кодска, ныне Октябрьского. Нанятыми артелями рыбаков вел он добычу рыбы и торговлю ею. Впоследствии, в конце 19-го века, ввиду плохих уловов рыбы, он разорился и хозяйство его было продано «с молотка». В последующие годы работал у купца Андреева «башлыком», по-современному – инженером лова. Направлял стрежевые невода, чистил стрежевые пески, следил (делая пробные тони) за подъемом рыбы, набирал в артели рыбаков, руководил добычей рыбы и сохранностью ее в «садах». Дом его стоял при подъеме по Малоатлымскому взвозу с правой стороны. В нем позднее размещалась контора «Омпушнина», жили работники рыбкоооопа. Дом Мотошина, как и другие дома, конфискованные или оставленные ими, пришли в негодность».

Сын Ф.В. Мотошина Василий Федорович в годы революции как грамотный человек был мобилизован, оторван от семейного хозяйства и служил секретарем Кондинского волостного совета.[96]

Надежницкий Александр Николаевич (1880, с. Булашево Тобольского уезда – ?) – секретарь Мужевского волостного военно-революционного комитета в 1921 г. Сын священника, окончил духовное училище, со второй половины 1890-х гг. служил псаломщиком.

Назин Иван Григорьевич – медицинский фельдшер, выпускник Омской фельдшерской школы 1858 г., ханты из юрт Насиных Салтыковской волости Березовского округа. Начал службу с должности младшего лекарского ученика Березовской инородческой больницы, откуда был переведен в обдорское отделение. В мае 1861 г. он женился на дочери березовского крестьянина А.В. Бешкильцева Александре.

Сначала Назин подавал надежды и даже поощрялся: в марте 1863 года был награжден 30 рублями серебром, в этом же году назначен старшим лекарским учеником, но в 1873 г. разжалован в младшие. В 1875 г. Назин был перемещен в Тобольск и в начале следующего года командировался в Карачинскую волость для прекращения эпидемии оспы. Вскоре после его прибытия на место назначения Тобольское окружное полицейское управление донесло врачебной управе о его предосудительных поступках: в августе 1876 года тобольский окружной врач докладывал

[96] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 103. Л. 47 – 48.

врачебной управе о том, что его помощник, несмотря на все убеждения, «не отстает от этого порока, по которому подпал под суд... По таковому поведению, – резюмировал окружной врач, – [Назин] вовсе бесполезен как для Тобольского округа, так равно и [для] врача». В этом же месяце медицинская карьера Назина закончилась. Он был уволен в отставку и, как не выслуживший срока, дающего право на производство в первый классный чин, зачислен в тобольские мещане.

Невалов Николай Максимович (1882 – после 1921) – псаломщик. Как указано в документе, «сын инородца остяка Обдорского прихода из Тобольской образцовой Кирилло-Мефодиевской школы». С 1898 г. – псаломщик Тобольского Знаменского монастыря. В 1903 г. – псаломщик Щекурьинской Богоявленской церкви. С 1909 г. служил в церкви с. Няксимвольского, в 1917 – в с. Романовском Тобольского уезда. Любопыт-ная надпись сделана в клировой ведомости: «Во время исполнения обязанностей псаломщика Николай Максимов Невалов самовольно ушел 26 декабря 1917 г. неизвестно куда». Сам он в анкете 1921 г. писал: до 1914 г. – псаломщик, в 1914 – городовой Березовского полицейского управления, с июня 1915 – вновь псаломщик по 1 сентября 1918 г. Впоследствии служил в советских кооперативных организациях: счетоводом Шеркальского кредитного товарищества, Елизаровского общества потребителей и Карымкарского кредитного товарищества.

Нейберт Георгий Георгиевич – врач, доктор медицины. В 1896 г., во время службы обдорским объездным врачом, опубликовал в № 10 «Тобольских губернских ведомостей» статью «К вопросу о положении рыбопромышленности в Низовом крае», вызвавшую оживленную полемику. По этому вопросу в газете высказали свои мнения тобольский врач Почтарев, два неизвестных автора, подписавшихся псевдонимами «А.Ю.» и «Ив. Бул-в» (№ 13), обдорский священник *И. Егоров* (№ 35 и 36).

В этом же году Нейберт перешел на должность ялуторовского окружного врача и уже из Ялуторовска прислал в редакцию «Тобольских губернских ведомостей» статью «По поводу «копытной болезни оленей» в Обдорске» (1897. № 32). В 1900 г. он уже на службе в Тобольске – директор повивально-фельдшерской школы, старший врач губернской больницы, почетный мировой судья, член совета тобольской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. В 1904 г. перешел на службу в Олонецкую губернию. В 1905 г. корреспондент из Обдорска писал в «Сибирский листок»: «Приобдорские остяки у нас прекрасно помнят ласковых и добрых к ним докторов. Таковыми в Обдорске были г. Нейберт, и нынешний березовский врач г. *Зальмунин*» (1905. № 73).

Непряхин Михаил Георгиевич (1887 – 1980, г. Москва) – председатель правления Обь-Тазовского государственного треста для эксплуатации рыбных и пушных промыслов Тобольского Севера (Обьтреста) с 4 мая 1922 г. по 31 октября 1925 г. Будучи активным сотрудником газет с начала первого десятилетия XX в., печатался в тобольских газетах, «Уральском рабочем», «Правде», московских журналах, ставил на повестку дня актуальные вопросы экономики Тобольского Севера. В частности, во второй книге журнала «Северная Азия» за 1926 г. опубликована его статья «Социальная подпочва пушного и рыбного промысла Тобольского Севера». С 1922 г. состоял в обществе изучения края при музее Тобольского Севера.

После 1925 г. работал в Москве. Материалы об его жизни и деятельности имеются в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-9426), личное дело в – Гос. архиве Тюменской обл.[97]

Низковский Александр Леонидович (1886 – после 1920) – служащий. С 1899 г. учился в уездном училище в г. Березове, где с 1893 г. служил полицейским надзирателем его отец Леонид Федорович Низковский, выпускник Тобольской духовной семинарии. Как писал в анкете сам А.Л. Низковский, профессия его – «письмоводство». Неизвестно, где он служил до этого, но после 1912 г. – в учреждениях Филинской волости Тобольского уезда и Елизаровской волости Березовского уезда. В 1921 г. – секретарь Елизаровского ревкома.[98]

Никитин Михаил Дмитриевич (11 июля 1872 г., г. Березов – после 1921) – березовский торгующий мещанин, рыбопромышленник. Сын казака Дмитрия Ивановича Никитина (ок. 1829 – 1899), также рыбопромышленника, арендатора рыболовного песка. В 1881 г. он пожертвовал 10 р. на исправление иконостаса Воскресенского собора.

М.Д. Никитин выступал за бережное использование рыбных запасов низовьев Оби, участвовал в полемике на страницах «Сибирского листка» по этому вопросу (см. очерк «От Шеркал до Тобольска» («Не бери лишнего»). В 1906 г. обращался к сосланному в Березов *Н.Л. Скалозубову* как, по его мнению, будущему члену Государственной Думы с просьбой похлопотать о принятии закона о запрещении лова поднимающейся из Обской губы рыбы в низовьях Оби до 5 июля с целью сбережения рыбных запасов. В Березове Никитин имел двухэтажный дом «по улице Мещанской и Садовой на углу от Стрижачьего ручья», в котором сдавал в 1916 г. меблированные комнаты приезжающим.

---

[97] Ф. 1818. Оп. 2. Д. 1120. Анкета на работника печати Уральской обл.

[98] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп.1. Д. 105. Л. 1.

Михаил Дмитриевич был одним из авторитетных, общественно активных горожан, избирался помощником городского старосты, церковным старостой, в 1912 г. березовцы выдвинули его выборщиком депутатов IV Государственной Думы. В метрических книгах березовских церквей часто встречаются упоминания о нем как восприемнике при крещении младенцев и поручителе жениха либо невесты при бракосочетаниях. Его сын Даниил служил надсмотрщиком почтово-телеграфного отделения в с. Кондинском и там в 1915 г. вступил в брак с местной учительницей Марией Петровной Плехановой.

Семья Павла Ивановича и Таисьи Борисовны Никитиных. Из семейного архива Добровольских

Никитины – березовские казаки, впоследствии мещане. Поступали на службу, по данным А.Т. Шашкова и А.Г. Мосина, не позднее второй половины XVII в. (Словник). В середине XVIII века на службе состоял пушкарь Иван Никитин. Источник сообщает: «… в 1749 году оберегали Обдорск 50 человек казаков при годовщике «сыне боярском» и 14 человек при пушкаре Иване Никитине; в 1742 году посланы были в Обдорск «2 пушки железныя со станками и колесами»[99].

Длительное время Никитины выдвигались на командирские казачьи должности. В источниках разных лет упоминаются сотник Иван Артемьевич, пожертвовавший в 1758 г. Воскресенскому собору серебряный дискос, Афанасий (1782), Андрей (1795), казачий атаман Александр (1823) Никитины.

В XIX и XX в. Никитины – одна из численно преобладавших в Березове фамилий.

[99] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. Прил. I. С. 3.

Никитский Михаил Васильевич (1859 – 6 июля 1922, г. Березов) – архитектор. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Был тобольским епархиальным архитектором. В 1921 – 1922 гг. – преподаватель искусств в Березовской школе 1-й ступени[100] и «зав. библиотекой, б. Пушкинской»[101].

Николаев В.Ф. – специалист сельского хозяйства. В 1906 г. окончил курс Тобольской сельскохозяйственной школы. По рекомендации педагогического совета школы на лето 1907 г. был приглашен *А.А. Дуниным-Горкавичем* инструктором по ведению огородной и земледельческой культуры в Березовском уезде. Демонстрировал работу сенокосилок. Выезжал в с. Кондинское. Помог крестьянину д. Белогорской Звягину, купившему сенокосилку, привести ее в действие и ознакомил с ее конструкцией других крестьян.

Новицкий Григорий Ильич (? – ок. 1725, Кондинская волость) – историк, этнограф. Сослан в Сибирь как бывший полковник войска гетмана Мазепы. В 1712 г. принял участие в миссии митрополита Филофея Лещинского к ханты и манси. В 1715 г. завершил «Краткое описание о народе остяцком», написанное по заданию сибирского губернатора князя М.П. Гагарина. В конце жизни служил в должности надзирателя за исполнением христианских обычаев новокрещеными остяками Кондинской волости, где и был убит.

Носилов Константин Дмитриевич (1858 – 1923) – путешественник, писатель. С конца 70-х гг. изучал Российский Север. Совершил две экспедиции для выяснения возможности устройства путей сообщения между Обским и Печорским речными бассейнами. Три года изучал природно-климатические условия на Новой Земле. Обследовал нижнее течение Оби, полуостров Ямал, верховья р. Конды. С 1884 г. – член Русского географического общества. Статьи, очерки и рассказы Носилова печатались во многих журналах и газетах. Сборники его очерков и набросков «У вогулов», «На Новой Земле» изданы в 1997 г. в Тюмени издательством «СофтДизайн». В музее писателей Урала в Екатеринбурге есть личный архивный фонд К.Д. Носилова, насчитывающий 71 единицу хранения.

В печати встречаются противоречивые отзывы современников о К.Д. Носилове. Неоднократно высказывались критические замечания по его адресу в «Сибирском листке». Негативную характеристику дает ему

[100] Гос. архив Югры. Ф. 432. Оп. 1. Д. 19.

[101] Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

межевой инженер *И.М. Воропай*, обследовавший в 1886 г. район предполагаемого строительства железной дороги через Северный Урал.[102]

В 1919 – 1922 г. в Березовском уезде жил сын К.Д. Носилова Петр Константинович, содержавший катер для перевозки грузов, по-видимому, по р. Сосьва, в связи с чем он имел дело с налоговой инспекцией.[103]

Нужин Никита Адрианович – акцизный чиновник[104]. Службу начал в 1887 г. в с. Ашлыкском Тобольского округа, затем служил в Тобольске, Омске. Около 1915 г. переведен в с. Обдорское, где стал одним из организаторов и председателем общества потребителей «Приполярный край». В 1917 г. избран заместителем председателя комитета общественной безопасности. Вместе с *Т.Д. Сенькиным* инициировал конфликт со становым приставом *В.Н. Тарасовым* и обдорскими купцами.

Его сын Леонид Никитович (р. 1896) после окончания Тобольского высшего начального училища был почтово-телеграфным работником, с 10 марта 1922 г. – народный следователь Березовского уезда, с 24 сентября 1923 г. – в этой же должности в Сургутском уезде.[105]

Оводов Тарас Дмитриевич – запасный ефрейтор из крестьян с. Луговского Троицкой волости Тюменского уезда. Переехал в Березов не позднее 1910 г. В 1916 г. служил писарем Казымской инородной управы, путешественник *И.Н. Шухов* благодарил его за ценную помощь «при сборах» в экскурсии по р. Казым в 26-м выпуске ЕГГМ. Состоял в березовском потребительском обществе «Экономия». А.А. Петрушин во второй книге «На задворках Гражданской войны» ошибочно называет Оводова среди жертв массового красного террора. На самом деле он после подавления восстания 1921 г. приказом Березовского уездного военно-революционного комитета был определен членом комиссии по назначению пособий пострадавшим от контрреволюции.[106]

---

[102] Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана. Ханты-Мансийск, 2008. С. 178 – 179.

[103] См.: Политические репрессии 1930 – 1940-х годов… С.38 – 40.

[104] См.: Лискевич Н. А. О недовольстве обдорскими торговцами в 1916 г. // Подорожник. Тюмень, 2009. Вып. 11. С. 51 – 78; Белобородов В.К. У истоков обдорского большевизма // Там же С. 79 – 116.

[105] Гос. архив Тюменской обл. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68. Л. 37; Д. 69. Л. 7, 33.

[106] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 95. Л. 8 об.

Окунев Степан Трифонович (ок. 1840 – 24 янв. 1913) – березовский 2-й гильдии купец. Прибыл на Тобольский Север из Тарского округа, где были известны и другие купцы, носящие эту фамилию, в частности Екатерина Петровна Окунева, которая торговала хлебом в с. Малокрасноярском. Как купец Степан Трифонович занимался в основном поставками и продажей хлеба в Низовом крае. Так, в августе голодного 1891 года он обязался перед губернским правлением дополнительно завезти в Обдорский, Березовский, Кушеватский, Кондинский и Елизаровский инородческие хлебозапасные магазины 13500 пудов. Как сообщает «Календарь Тобольской губернии на 1897 г.», на юге, в с. Малокрасноярском, С.Т. Окунев имел мельницу.

В периодике неоднократно встречались сообщения, что цена на хлеб и другие товары у него были зачастую ниже, чем у конкурентов. Например, корреспондент из Обдорска писал: «Цена на хлеб в настоящее время сильно повысилась до 1р. 20 к. за пуд. Причина та, что один из хлеботорговцев, Окунев, получил подряд на поставку хлеба в казенные магазины, а другие торговцы, видя его устраненным от конкуренции, повысили цены» (Сибирский листок. 1891. 6 окт.). Десятью годами раньше березовский корреспондент сообщил: «Важной новостью… было открытие купцом Окуневым в гостином дворе новой лавки с бакалейными товарами, на которые назначены цены против цен прочих купцов очень сходные… С легкой руки О. и другие купцы стали понижать цены на товары. Кроме бакалейных товаров О. приплавил много и ржаной муки, отчего, вероятно, она не вздорожает в зимнее время»[107].

Одним из основных пунктов торгово-промышленной деятельности С.Т. Окунева было с. Мужи. Здесь ему принадлежали один из лучших домов, хлебные амбары, в его лавке, как и в лавке *Корниловой,* можно было найти «всевозможные товары, начиная со смолы и кончая зрительными трубами, которые покупают зыряне для своих путешествий по Уралу» (Поездка на Северный Урал… С. 54). И здесь же он, всю жизнь связавший с хлебом, ставил свои растениеводческие опыты.

С 1888 г. пробовал выращивать американский картофель, величина клубня достигала размера гусиного яйца. Позднее занимался выращиванием ржи. Вот что сообщал об этом сам Окунев: «Посев озимой ржи на пространстве 20 квадратных сажен произведен был в 1892 году в селении Мужи Березовского округа (лежит на Оби, на 250 верст ниже г. Березова). Население состоит из остяков и зырян, занимающихся рыболовством. О посеве хлебов не имеют понятия. Посев произведен был 4 августа в количестве 2-х фунтов, семенами, вывезенными из Тарского округа. Осень

[107] Корреспонденции. Березов // Восточное обозрение. 1882. 18 ноября.

была холодная, всходы появились 25 августа; первый заморозок был 7 сентября, а вслед за тем выпал снег, стаявший лишь около 20 мая следующего года; при теплой погоде рожь стала расти быстро и весенними заморозками повреждена не была. В конце августа хлеб был сжат; намолочено 16 фунтов»[108].

Он же получил удовлетворительный результат от посева яровой ржи в Березове, отмеченный губернским агрономом *Н.Л. Скалозубовым*, и ячменя.

В письме в губернский музей 6 июня 1893 года С.Т. Окунев, опираясь на собственный опыт, делает выводы: «...имею честь заявить, что поименованный выше хлеб при улучшении земляной почвы к хлебопашеству вполне удовлетворит труд жителей этого края и избавит их от затруднительной доставки для себя пропитания в такой отдаленной местности»[109]. Зерно и колосья выращенных им ржи и ячменя С.Т. Окунев представил в Тобольский губернский музей.

Широкую известность имел С.Т. Окунев и как меценат. В 1888 г. он «устроил и пожертвовал Мужевской церкви... дом для школы грамоты», в котором в 1907 г. обучались 54 мальчика и 19 девочек[110]. Тремя годами раньше в юртах Шурышкарских был устроен на средства Окунева молитвенный дом, на постройку он пожертвовал «деревянную баржу, пятьсот штук теса и тысячу штук каленого кирпича»[111]. В 1887 г. Степан Трифонович пожертвовал столовой для бедных жителей Тобольска, пострадавших от наводнения, 50 пудов ржаной и 10 пшеничной муки, 10 пудов крупы и 10 гороху[112].

Из других фактов меценатской деятельности С.Т. Окунева назову его пожертвования барки на нужды березовской пристани, денег на исправление иконостаса Воскресенского собора, устройство Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге (1887 г.), на распространение православия между язычниками, пополнение стипендиального фонда Тобольской Мариинской женской школы, его членство в обществе вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии.

В течении многих лет С.Т. Окунев оказывал содействие тобольскому музею в пополнении коллекции. Так, 3 февраля 1880 года он пишет в музей: «При сем имею честь представить моржовую голову и лапу и небольшой клык, мамонтовую челюсть и медвежий зуб, который инородцы носят на

[108] ЕТГМ. Вып. V. Прилож. II. С. 14.

[109] Науч. архив ТГИАМЗ. Д. 891. Л. 237.

[110] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 501. Л. 40.

[111] Вальгамов И. История церкви с. Мужи // Русские... С. 77.

[112] Тобольские губернские ведомости. 1887. № 38. С. 17.

поясу для излечения спинной болезни. Самоедский головной убор, т.е. шляпу, а по-самоедски называется «сово», и шесть жил, из которых инородцы делают нитки, один замок из оленьего рога зырянского искусства».

«Сибирская торговая газета», откликнувшись на кончину С.Т. Окунева, назвала его «одним из симпатичнейших коммерсантов севера» и закончила некролог такими словами: «Добродушие и незлобивость были отличительными чертами Степана Трифоновича, пользовавшегося уважением и симпатиями всех, кто знал этого пионера хлебной торговли на севере».

В предреволюционные и послереволюционные годы в Березове жил сын С.Т. Окунева Викентий Степанович, с 1917 г. он был командиром парохода «Надежда», и внуки Евгений Викентьевич, женатый на учительнице Ларисе Константиновне Добровольской, заведовавшей в 1921 г. внешкольным подотделом уездного наробраза, Наталья Викентьевна, окончившая Мало-Красноярскую образцовую школу и служившая в том же году регистратором Березовского УОНО, и Мария Викентьевна, также служившая в 1921 г. в Березовском уездном военревкоме.

Оленёв Василий Абрамович (? – 1904) – березовский купец 2-й гильдии, торговал разными товарами в Обдорске. По происхождению – крестьянин с. Самарово, где жили его брат Иван, сестры Варвара и Парасковья. Последняя вышла замуж за односельчанина купца Федора Константиновича Соскина, и Василий Абрамович был крестным их сына Василия.

Известен как жертвователь на пользу церкви и просвещения. Настоятель Обдорской миссии иеромонах *Иринарх* писал в некрологе, что В.А. Оленев, умерший 15 июля 1904 г. вдалеке от родины на Тагильском заводе Пермской губернии, начиная с 1895 г. был 8 лет старостой при храме Обдорской миссии и делал щедрые пожертвования, благодаря ему храм был заново выстроен и благоустроен.[113]

А «Тобольские губернские ведомости» сообщали: «Березовский купец В.А. Оленев, умерший в 1904 г., не успел оставить духовного завещания, но родственники его – жена Анна Ивановна Оленева и родной брат покойного Евграф Абрамович Оленев, знавшие о желании покойного передать дом, находящийся в Обдорском, в пользу духовной миссии для устройства в нем богадельни, а также о передаче капитала в 5000 р. на учреждение стипендии его имени при Тобольской гимназии на образование одного ученика из уроженцев Березовского уезда, преимущественно г. Березова или с. Обдорского, решили привести волю покойного во исполнение, что и сделали»[114].

[113] Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 17. С. 253.

[114] Тоб. губ. ведомости. 1905. № 67.

Оленёв Яков Иванович – учитель. В конце первого – начале второго десятилетия XX в. преподавал в Березовском церковно-приходском училище, служил в уездном отделе народного образования.

Ослоповы – старый казачий род, известный в Березове с 1-й половины XVII в. В разных источниках встречены упоминания о казаке Ивашке (1627/28), служилом Бориске Иванове (1657), капрале Федоре Ослоповых.[115] Н.Н. Парфенова пишет, что эта распространенная среди служилых людей фамилия происходит от «ослоп» – слега, жердь, палица, окованная или утыканная железными остриями дубинка, рослый, физически развитый человек.

Известен березовский хорунжий Виссарион Иванович Ослопов (1867). В 1873 г. среди прихожан Воскресенского собора было три семьи Ослоповых – 18 человек.

Н.А. Миненко упоминает о хранителе исторических легенд и преданий о Березове казаке Фроле Ослопове (Миненко, с. 12).

Падерины – служилые люди, мещане, крестьяне Березовского края. Фамилия происходит от слова «падера», до сих пор бытующего в говорах северных областей России, включая и Сибирь, и означающего: сильная вихревая буря с дождем или снегом. Существуют топонимы от этой фамилии: д. Падерина в Тюменском районе, с. Падерино в Далматовском районе Курганской обл.[116]

В Березове Падерины появились не позднее 1-й трети XVII в. В списке прихожан Воскресенского собора за 1873 г. насчитывается более 20 Падериных.[117]

Палашенков Андрей Федорович[118] (1886 – 1971) – историк, краевед. С 1936 г. – научный сотрудник Омского краеведческого музея. В 1939 г. совместно с геоботаником Н.А. Князевым и экономистом Д.Ф. Сальниковым совершил комплексную экспедицию по рр. Северная Сосьва и Ляпин. Личные фонды А.Ф. Палашенкова имеются в Гос. архиве Омской обл.[119] и Омском областном краеведческом музее[120].

[115] Березово, с. 87, 120; ГАТО. Ф. И-47. Кн. 123. Л. 4 об.

[116] Парфенова Н. Н., с. 172.

[117] Православные приходы… С. 73 – 74.

[118] См. о нем: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачев Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 194 – 195.

[119] Ф. 2200, 106 ед. хр.

[120] 476 ед. хр.

Петров Анатолий Иванович (ок.1892 – ?) – финансовый работник. В первые послереволюционные годы служил в Тюменском губфинотделе, заведовал Обдорской расчетной кассой, с 9 июля 1921 г. – финотделом Березовского ревкома, В 1921 г. во время занятия Обдорска повстанцами служил по найму ответственным кассиром при городском Совете. До революции служил в казначействе и Тобольской казенной палате.[121] Вероятно, сын И.Е. Петрова.

Петров Иван Евгеньевич – березовский купец в конце XIX – начале XX в. Был членом Березовского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия (1908 г.).

Петрова Наталья Львовна (ок. 1870 – 1919, г. Сургут) – учитель. Окончила Тобольскую Мариинскую женскую школу. На педагогической работе с 1886 г. В 1907 г. заведовала приютом для остяцких детей при Мало-Атлымском сельском одноклассном училище, в котором помещалось до 15 мальчиков и девочек. «Приют этот завоевал симпатии среди остяцкого населения, – писал современник, – дети его полюбили и охотно живут в нем. Имеются примеры, что остяцкие дети по окончании курса одноклассного училища поступают в другие учебные заведения…». В 1908 г. Н.Л. Петрова заведовала приходским училищем в Томске, после этого не менее 6 лет преподавала в Березовском смешанном городском приходском училище. Состояла в обществе вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии и была его пожизненным членом.

Пирожников Григорий Александрович (1869 – 1963) – чиновник. С начала 1891 г. служил на севере Тобольской губернии (Березов, Кондинск). С 1903 по 1917 г. – сургутский уездный исправник. В 2002 г. в Сургуте издан сборник материалов из архива Г.А. Пирожникова «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север».

Платонов Иоанн (Иван Митрофанович) – священник. До 1866 г. служил в с. Уватском Тобольского округа. В конце 1866 назначен на должность миссионера при Обдорской духовной миссии. В Обдорске находился с января по май 1867 г., затем переведен священником в Березовскую Богородице-Рождественскую церковь. В 1870 – 1871 гг. вновь служил в Обдорской миссии, после чего получил место приходского священника в с. Демьянском Тобольского уезда.[122]

[121] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 104. Л. 23.

[122] Путевые журналы… С. 208.

Плотников Иван Михайлович (1859 – после 1932) – купец, сын основателя торгового дома «Мих. Плотников и сыновья» *М.Д. Плотникова*. Настойчиво ходатайствовал в 1910 г. о продолжении Тавдинской железной дороги до Тобольска, был на приеме по этому вопросу у председателя правительства П.А. Столыпина. В 20-е гг. жил в Томске. В 1929 г. осужден на 10 лет ссылки в Туруханский край, в 1933 г. освобожден по решению Президиума ВЦИК.[123]

Плотников Михаил Данилович (1826 – 1910) – тобольский купец 1-й гильдии, основатель торгового дома «М. Плотников и сыновья». Вел оптовую и розничную торговлю, имел казенные подряды, рыбные промыслы в низовье Оби. В 1864 г. создал собственное пароходство, контролирующее перевозки от Семипалатинска до устья Оби. Имел судостроительную верфь. Торговым домом в 1898 г. была организована одна из первых консервных фабрик в 110 верстах ниже Березова на песке Питлярском. В 1902 г. на Международной рыбопромышленной выставке в Петербурге торговый дом за представленные консервы получил золотую медаль. Еще одной золотой медалью плотниковские консервы были оценены Министерством торговли и промышленности в 1911 г. на первой Западно-Сибирской выставке в Омске. В Тюмени Плотниковы открыли завод жестяных банок, наладили сетевязальное производство.

Михаил Данилович избирался тобольским городским головой, членом-соревнователем губернского музея. В 1894 г. вместе с сыновьями Иваном, Алексеем, Даниилом и Арсением он возведен в почетное гражданство. 9 мая 1910 г. «Сибирский листок» откликнулся на смерть М.Д. Плотникова такими словами: «Отличительной чертой, много способствовавшей успеху торговых дел покойного, была его честность. В 1882 г., например, его постигло два несчастья сразу – затонул пароход «Ермак» и потонуло 1000000 чая – другой воспользовался бы таким случаем, но М.Д. Плотников расплатился с потерпевшими рубль за рубль – это обстоятельство прочно укрепило его кредит и дало ему возможность опять поправить свои дела».

В советское время консервная фабрика Плотниковых в Тобольске была национализирована. В оперативной сводке о состоянии Тобольского округа Уральской области на 1 апреля 1924 г., хранящейся в Гос. архиве социальной и политической истории Тюменской обл., содержится такое интересное сообщение: «Бывший хозяин фабрики Плотников назначен заведующим фабрикой. Рабочие работали с ним на этой фабрике 10 – 15

[123] Боль людская. Томск, 1994 Т. 4. С. 239.

– 20 лет и очень довольны назначением его заведующим»[124]. Вероятно, это был сын М.Д. Плотникова Даниил Михайлович, личное дело которого есть в фонде Обьтреста в Гос. архиве Тюменской обл.[125]

Плотников Михаил Павлович[126] (1892, д. Каменка Барнаульского уезда Томской губ. – 1953) – журналист, писатель, сотрудник редакций многих сибирских газет.

В начале XX века записывал произведения югорской народной поэзии в Березове, Саранпауле, Мужах, Питляре, Тегах, Ванзевате, Аксарке, Обдорске, Шеркалах, Кондинске, Самарово и многих хантыйских и мансийских селениях. Главным результатом фольклорных исследований М.П. Плотникова стала поэма «Янгал-Маа», о создании которой он писал: «Двенадцать лет (1915 – 1927. – В.Б.) потребовалось мне для того, чтобы из отдельных разрозненных былин, сказок, сказаний и шаманских песен составить «Янгал-Маа». Некоторые фольклористы, отмечая ценность открытого Плотниковым эпоса вогулов, подчеркивали, что поэма должна рассматриваться как продукт его личного творчества, а не перевод и даже не переработка произведений мансийской поэзии (Баландин, Бармин), и сам автор также счел необходимым оговорить, что поэма не является точным переводом. Поэтическая «версия» поэмы была создана С.А. Клычковым и опубликована под названием «Мадур Ваза – победитель».

Из ранних произведений М.П. Плотникова известны рассказы «Манси» «Суд» и «Шунгур», напечатанные в сборнике «Жертвам войны» (Омск, 1915).

Поленовы – один из первых в березовской истории крупных казачьих, впоследствии – мещанских родов. Отсчет западносибирской истории Поленовых начался, согласно данным А.Т. Шашкова и А.Г. Мосина, не позднее 1628 г., в котором в Березове уже служил рядовой казак Ондрюшка Поленов (Словник; Березово. С. 86). В разных источниках встречены имена целовальника Терентия (1706), пятидесятника Семена (1749), отставного капрала Ивана Поленовых.[127]

---

[124] См.: Все под контролем // Подорожник. Тюмень, 2012. Вып. 12. С. 185.

[125] Ф. 1818. Оп. 2. Д. 1243.

[126] См. о нем: Михаил Плотников: из дела о расстреле // Лукич. 2000. Ч. 5. С. 42 – 85; Ч. 6. С. 56 – 89; 2001. Ч. 1. С. 36 – 76; Пархимович С.Г. «Янгал-Маа»: много шума из ничего // Лукич. 2002. Ч. 2. С. 180 – 189; Переплеткин Ю. Многолюдная «тундра» // Лукич. 2000. Ч. 2. С. 10 – 20; Плотников М. Клад Кучума: роман // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 129 – 227. Подп.: М. Сибиряков.

[127] Березово. С. 125, 180; Церкви Обдорска. Вып. 1. С. 33.

Сведения об их конкретных деяниях довольно скупы. Так, об упомянутом пятидесятнике сыне боярском Семене Поленове, умершем в 1784 г., из документа Обдорской Васильевской церкви известно, что в 1750 г. он доставил из Тобольска для нового храма церковную утварь.[128] Возможно, именно он несколькими годами раньше и представил Г.Ф. Миллеру «Записку» о воеводском правлении в Березове с перечнем всех воевод с «начала города».[129]

О том, сколько хлопотной и далекой от оседлой была казачья служба еще и в первой половине XIX в., не говоря о более раннем времени, дает представление формулярный список о службе хорунжего 6-й сотни Тобольского городового полка Алексея Ивановича Поленова. В службу он вступил в 1790 г., хорунжим стал в 1838. В 1797 г. он находился на линейной службе далеко от Березова в крепости Петропавловской. Вернувшись домой, был вахтером хлебозапасного магазина в городе. В 1812 и 1816 гг. занимался в Сосьвинской и др. волостях «сочинением» ревизских сказок. В 1818 находился в Такмыцом комиссарстве по колодничьей части. Затем по 1824 г. был за казначея при казенной команде. В 1833 – 36 гг. – смотритель Обдорского хлебозапасного магазина. Растил детей Василия, служившего пятидесятником, Петра, Якова, Авдотью, Татьяну и Наталью.[130]

Метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки, книги брачных обысков, старые газеты и другие, порой самые неожиданные источники дают возможность для выявления истории отдельных родов. Вот схематический набросок истории одной ветви Поленовых, идущей от середины XIX в.

Начнем с казака Павла Михайловича (ок. 1842 – 11 марта 1915) и его жены Дарьи Ивановны. У них было пятеро сыновей: Петр (род. в 1869 г.), Павел (1871), Алексей (1876), Вячеслав (1878) и Георгий (1882) и широкая поросль внуков. Петр в 1896 г. вступил в брак с Мариной Ивановной Слободской. Вероятно, уклад жизни этой самой семьи и отображен в следующем отрывке из не раз упомянутой неоконченной повести *Ю.М. Козловой* «Сенькин»: «... он остановился у местной жительницы Марии Ивановны Поленовой – хлопотливой, гостеприимной и словоохотливой хозяйки. Ее муж Алексей (в другом варианте текста – Петр. – В.Б.) Павлович держал пять лошадей, возил грузы в Ирбит, а сама зарабатывала стиркой и летом ездила за реку доить чужих коров»[131]. В списке населения Березова за 2-ю

[128] Церкви Обдорска. Вып. I. С. 46 – 47.

[129] Солодкин Я. Основатель Березова Никифор Траханиотов // Югра. 1998. № 7. С. 18 – 19.

[130] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 46.

[131] Козлова Ю. М. Сенькин // Подорожник. Вып. 6. С. 152.

половину 1921 г. есть запись о составе семьи 53-летнего рыбака Петра Павловича Поленова: жена, два сына 19 и 15 лет и 16-летняя дочь, проживали в доме № 172 по ул. Больничной.

Семья Вячеслава Павловича и Марфы Алексеевны (урожд. Шаламовой из д. Елизаровой), как и у родителей его, была многодетной, в метрических книгах найдены записи о рождении сыновей Николая (1907 г.), Василия (1910), Евгения (1912), Андрея (1913) и Павла (1919). Примечательно, что с этой семьей была дружна семья *Ф.Ф. и М.А. Ларионовых*, Мария Андреевна была крестной Василия. Душевная привязанность Ларионовых к Поленовым хранилась десятки лет, несмотря на разлуку. В 1957 г., когда они писали свою «Семейную хронику», в письме из Ленинграда просили В.И. Таскаева: «Попросите Марфу Алексеевну (мы зовем ее по старой памяти Марфушей) показать вам имеющиеся у нее фотокарточки как с нас, так и с других, и пришлите нам список этих карточек»[132]. Запомнился Ларионовым и такой интригующий факт: примерно в 1915 – 1916 гг. …Марфе Алексеевне случайно удалось увидеть ризу, шитую дочерьми Меншикова. В соборе при уборке церкви к празднику священник Новицкий Яков показывал ей эту ризу. Риза была желтого цвета, красиво вышитая, но очень, очень ветхая»[133].

В семье брата Петра и Вячеслава Поленовых Алексея Павловича, кроме сыновей, было списком 1921 г. отмечено четверо дочерей. Старшая, Зоя, и следующая за ней Анастасия значатся в списке как ученицы, но в этом же году Зоя поступила на канцелярскую должность в уездный военно-революционный комитет.[134] Об Анастасии же немало интересного рассказывает письмо из Уральского обкома ВКП(б) от 13 августа 1933 г. к председателю Березовского сельсовета. «Женсектор обкома партии, – говорится в нем, – просит срочно выслать справку сельского совета на тов. Шлюндину Анастасию Алексеевну, б. Поленову, дочь Алексея Павловича Поленова, каким было его хозяйство. Заявление поступило о том, что якобы т. Шлюндина, в прошлом Поленова, дочь крупного рыбака, имевшего неводы и державшего наем рабочих, проще кулака. Так ли это или это сплетня, только разговор? В настоящее время т. Шлюндина работает ответственным секретарем редакции журнала «Ударница Урала» и является заместителем заведующей женсектора обкома ВКП(б). С ответом прошу не замедлить, выслать срочно, учитывая, что она работает в областной партийной организации».

Если вернуться немного назад, к главе этого семейства Павлу Михайловичу Поленову, то тоже обнаруживаются интересные факты. Брат

---

[132] Вновь обретенный учитель // Подорожник. Вып. 2. С. 50.

[133] Там же. С. 43, 45.

[134] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65, 102.

Павла Михайловича Илья (ум. до 1874 г.) был чиновником – секретарем Березовского окружного суда. В Тобольском архиве есть дело по ходатайству о награждении секретаря Березовского окружного суда Боленова 1859 – 1861 гг. на 21 листах, с которым, к сожалению не удалось поработать.[135] Речь в нем идет, конечно, об И.М. Поленове. Примерно в это же время старшим бухгалтером Березовского казначейства служил губернский секретарь Владимир Михайлович Поленов.

Таким образом, складывается хотя и фрагментарная, но уже вполне объемная картина жизни трех поколений одной из ветвей Поленовых.

Поляков Иван Семенович (1847 – 1887) – зоолог, антрополог, этнограф. Выходец из казаков Забайкальской области. Окончил Петербургский университет, служил хранителем зоологического музея при Академии наук. Много путешествовал, в частности, в 1876 г. совершил поездку из Тобольска в низовье Оби. Собранные им коллекции поступили в Академию наук. В 2002 г. в «Изд-ве Юрия Мандрики» переиздана (репринт) его книга «Путешествие в долину реки Оби».

Поникаровский Георгий Павлович (ок. 1847 – после 1905) – священник, с 1895 – настоятель Березовского Воскресенского собора, с 1896 по 1900 г. – благочинный березовских и уездных церквей. Был законоучителем Березовского уездного училища, председателем уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета. В 1900 г., когда было принято решение о перемещении его в другое место, прихожане обратились к епархиальному начальству с просьбой оставить его как «пастыря весьма желательного, любимого и уважаемого своими прихожанами, внимательно относящегося к их религиозным нуждам и бескорыстно их удовлетворяющего». Просьба была уважена. Имел церковные награды: набедренник (1887), скуфью (1888), камилавку (1893), наперсный крест (1905).[136]

Попов Евгений Маркович – учитель. В последнем десятилетии XIX в. преподавал арифметику и геометрию в Тобольском уездном училище и педагогику – в Мариинской женской школе. С 1905 г. некоторое время был учителем Березовского трехклассного городского училища. Во второй половине 1920-х гг. – преподаватель математических дисциплин в Тобольском педтехникуме.[137]

---

[135] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 2. Д. 206.

[136] Православные приходы… С. 273 – 275, 278; История Югры в документах из Томска (Гос. архив Томской области). Томск, 2006. С. 293 – 298.

[137] ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 635. Л. 41, 52 – 53, 105 об.

Попов Николай Александрович – первый ветеринарный фельдшер Березовского уезда. Назначен в 1907 г. и прослужил более 10 лет. В этот период в Тобольске были опубликованы его статьи «Начатки ветеринарии в Березовском уезде в 1907 г.», «Ветеринарные нужды Березовского уезда», «Отчет о ветеринарно-санитарном состоянии Березовского ветеринарного участка за 1914 год».

Попов Петр Александрович – священник. Уроженец Березовского края, знал хантыйский язык. В 1846 г. окончил Тобольскую семинарию, был рукоположен в священники и назначен в Обдорскую Петропавловскую церковь. Организовал при церкви приходскую школу, в которой обучал детей русских, зырян и инородцев. В 1854 г., с возобновлением Обдорской миссии, был назначен старшим миссионером. В 1868 г. переведен в Тобольский Иоанно-Введенский монастырь.[138]

Преснецов Алексей Михайлович (род. ок. 1902 г.) – зав. отделом управления Березовского уездного ревкома в 1921 г. По профессии учитель. Позднее стал председателем Березовского уездного исполкома, затем переведен на советскую работу в Тюмень.

Пугачевский Эдуард Иванович (1854 – 1912, г. Березов), провизор выпускник медицинского факультета Московского университета. С 1894 г. – управляющий аптекой заведений Тобольского приказа общественного призрения. В 1903 г. был назначен податным инспектором в г. Березов, где энергично содействовал развитию огородничества, применению сенокосилок и конных грабель при заготовке сена. Член Императорского общества судоходства и Тобольского общества трезвости.

Путинцев Михаил Петрович (1843 – после 1898) – священник. Окончил Омский кадетский корпус, в 1862 г. произведен в хорунжие Сибирского казачьего войска. В 1866 г. по собственному прошению переведен в духовное ведомство. Служил в церквах гг. Тюкалинска, Тары, Ишима, Омска, среднеазиатских городов Кульджи и Ходжента, в Алтайской духовной миссии, в Тобольском округе. С марта 1890 по август 1892 г. – в Березове. По его ходатайству 9 мая 1892 г. с разрешения епископа Иустина в Березове было отмечено 300-летие города. Затем переведен в Тобольский кафедральный собор, но с августа 1893 г. – вновь настоятель Березовского Воскресенского собора. В этом же году определен старшим миссионером во вновь открытую Киргизскую миссию. Через пять лет переведен в Тобольский Иоанно-Введенский женский монастырь.

[138] Православные приходы… С. 206.

Имел церковные награды. Много печатался в газетах и журналах. В 1892 г. в «Тобольских епархиальных ведомостях» опубликованы две его статьи: «Юбилейное торжество в г. Березове» и «Ответ на статью «Историческая справка по поводу юбилея города Березова»»[139].

Распопин Василий Трофимович – находился в ссылке в Березове с марта 1884 г. По данным Л.П. Рощевской, «в Березове хорошую частную библиотеку удалось собрать ссыльным М.А. Цукерману и В.Т. Распопину. Здесь были книги по математике, физике, астрономии, статистике, литературоведческие и общественно-политические сочинения (включая произведения П.И. Якушкина, В.Г. Белинского, К.Д. Кавелина, Н.К. Михайловского, Ф. Шлоссера, Н.А. Добролюбова)»[140]. Умер в Березове 12 апреля 1887 г.

Рачинский Владимир Иванович – педагог. Штатный смотритель Березовского уездного училища.[141] Был информатором *И.Я. Словцова* при подготовке последним работы «Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губернии», в книге встречаются сообщения Рачинского о белке-летяге, кроте, сороке, стриже. В 1884 г. в Березове жил также Иван Семенович Рачинский – окружной казначей.

Рогалев Филарет Степанович[142] – торгующий крестьянин с. Няксимволь. Род. в с. Никито-Ивдель Пермской губ., согласно его собственной записи в анкете, в 1881 г., по документам НКВД – в 1873. *Г.М. Дмитриев-Садовников* называет его в числе скупщиков вяленой, соленой и маринованной сельди у сосьвинских рыбаков.[143] В анкете, составленной во второй половине 1921 г., он указывает, что в 1914 – 1916 гг. был на фронте рядовым, после демобилизации работал в продовольственной конторе.[144]

В 1921 г. местные жители свидетельствовали, что Рогалев решительно принял сторону повстанцев, был начальником отряда разведки и комендантом Няксимволя. При этом после подавления восстания он некоторое время служил в Няксимвольском сельском ревкоме.

---

[139] № 13/14. С. 279 – 295.

[140] Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 157.

[141] Памятная книга Тобольской губернии на 1884 г.; Календарь Тобольской губернии на 1890 год.

[142] См. о нем: Фарносова В.В. Предназначение: Статьи. Очерки. Интервью. Екатеринбург, 2011. С. 22 – 31.

[143] Дмитриев-Садовников Г.М. Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 году // Лукич. 2000. Ч. 4. С. 53 – 54.

[144] Гос. архив Югры. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3. Л. 31 – 32.

В конце 1937 г. Ф.С. Рогалев, работавший в Няксимволе печником, был арестован, осужден «тройкой» Омского УНКВД и расстрелян в Ханты-Мансийске 21 января 1938 г. Реабилитирован в 1959 г.

Росляков Иван Павлович (род. ок. 1870) – тобольский мещанин, проживавший в Обдорске. Его отец Павел Николаевич Росляков занимался рыбным промыслом в низовье Оби и был старостой церкви. В 1882 г. в составе его семьи были жена Мария Гавриловна, дети Евдокия (21 г.), Анна (17 л.), Иван (13 л.) и Елена (2 г.). О П.Н. Рослякове известно также, что в 1868 г. он был участником проверки правильности остяцко-самоедско-русского словаря, составленного священником *П. Поповым.*

Иван Павлович был активным участником культурной жизни Обдорска. Знавший, как и отец, остяцкий язык, он переводил на него Священное писание, совместно с политссыльным *В.В. Бартеневым* написал работу «Обдорское наречие остяцкого языка», положительно оцененную в «Известиях Петербургской Академии наук» (1896).

По мнению доктора исторических наук Л.П. Рощевской, И.В. Росляков испытал на себе сильное влияние обдорских ссыльных, в частности, находившегося в селе под гласным надзором полиции духобора П.В. Веригина, служил посредником в его переписке.[145] Написал воспоминания о Веригине. Его сестра Анна, сельская учительница, вышла замуж за ссыльного *И.А. Гервасия*. Сотрудничал с «Сибирским листком», одна из опубликованных в этой газете его статей – «Обдорская миссия и ее деятели». «Правдивость его выше всякого подозрения», – писал о нем В.В. Бартенев. В упомянутой книге документов о Веригине сказано, что И.П. Росляков жил в Обдорске до декабря 1895 г., после чего уехал для продолжения образования в Москву. По словам Л.П. Рощевской, в 1890-е гг. примкнул к эсерам и был сослан в Енисейскую губ.

Рочев Иван Александрович – крестьянин Архангельской губернии, зырянин, живший постоянно в Обдорске, рыбопромышленник. Занимался фотографией. «Отдел фотографических снимков, – читаем в «Ежегоднике» Тобольского музея, – пополнился пожертвованиями… И.А. Рочева (самоедская семья, остяцкая семья, самоедка, просящая милостыню, фотографические работы у Рочева)»[146].

---

[145] Материалы к истории и изучению русского сектантства. Женева, 1901. С. 201 – 210; П.В. Веригин в обдорской ссылке. Документы. Тюмень, 2010. С. 67 – 69, 71, 78, 79, 84.

[146] Филиппов М. Отчет о состоянии библиотеки Тобольского губернского музея в 1905 году // ЕТГМ. 1907. Вып. 16. С. 24.

Рочев Иван Афанасьевич – крестьянин Архангельской губернии, зырянин. Жил в Обдорске, где имел в начале XX в. торговую лавку. Главным его занятием были рыбопромышленность и меновая торговля, по торговым делам он выезжал в Нижний Новгород.[147] В неоконченной повести *Ю.М. Козловой* «Сенькин» И.А. Рочев односторонне представлен под прозвищем Мотор-Ванька как хитрый оборотистый купец.[148] Однако *Н.Л. Скалозубов* характеризует его как торговца, препятствовавшего спаиванию инородцев. Во время ярмарки 1896 – 1897 гг. «он решил отказать своим покупателям в угощении водкой и настоял на своем – водки не давал; самоеды приставали, грозили уйти – он предлагал им чаю; в конце концов большинство покупателей не изменило ему; скоро самоеды помирились с новым положением и обратили в шутку угрозы…»[149].

Рошковский Фаддей Станислав Николаевич (р. 25 окт. 1863) – старший таксатор Тобольской временной партии по образованию переселенческих и запасных участков, общественный деятель. Окончил Лисинское лесное училище и Варшавское пехотное юнкерское училище. Недолгое время служил в армии, в 1886 г. определен в лесное ведомство и в апреле 1891 г. назначен лесничим Ишимского лесничества Тобольской губ.[150] Участвовал вместе с *Н.Л. Скалозубовым* и др. в проведении в декабре 1905 г. крестьянского съезда в Тобольске, за что в 1906 г. был уволен со службы и выслан в Березов. Содействовал побегу из ссылки Л.Д. Троцкого, привлек к организации побега крестьянина *К.И. Коровьи-Ножки*.[151]

Рунц Иван Карлович (род. ок. 1867 в Курляндской губ., латыш). По-видимому, ссыльный. *Ю.М. Козлова* пишет, будто в его пекарне устроился на работу «крендельным мастером» *Т.Д. Сенькин*: «Пекарня находилась в старом подвальном помещении. В ней выпекали хлеб для солдат местной команды. Там был всего один пекарь – Карл Рунц – пожилой худощавый рыжеволосый мужчина с лицом, покрытым веснушками. За грубый хриплый голос его прозвали «Грамофонной трубой».[152] Рунц, но только не Карл, а Иван, жил в Березове в 1921 г.[153]

147 Лискевич Н. О недовольстве обдорскими торговцами в 1916 г. // Подорожник. Тюмень, 2009. Вып. 11. С. 53 – 54.

148 Подорожник. Вып. 6. С. 154 – 155.

149 От Тобольска до Обдорска // ЕТГМ. Тобольск, 1906. Вып. 16. С. 16.

150 Формулярный список в ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 212. Л. 1084 – 1092.

151 Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 135 – 136.

152 Подорожник. Вып. 6. С. 145.

153 Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 107.

Салмина Нина Георгиевна[154] – учительница Тобольской женской гимназии, дочь капитана Березовской местной воинской команды Георгия Алексеевича Салмина. В 1918 г. училась в VII классе. В 1918 – 1919 гг. в «Сибирском листке» печатались ее стихотворения, навеянные революционными событиями. В одном из них она откликнулась на гибель в с. Саранпауль в бою поручика Александра Николаевича Кушникова.

Самарин Степан Михайлович (род. ок. 1857) – церковнослужитель. Из ханты Елизаровской волости. Обучался в Кондинском миссионерском училище, затем до 1869 – в Тобольском духовном. После учебы определен в Абалакский Знаменский монастырь. В 1872 – 74 гг. – послушник Кондинского Свято-Троицкого монастыря, оттуда переведен дьячком в Обдорскую Петропавловскую церковь.[155]

Сватош Богумил Владиславович (? – 1921) – инженер-технолог. Владел несколькими иностранными языками. С ноября 1920 г. работал зав. отделом Обь-Иртышского обл. управления рыбными промыслами в Тобольске.[156] У повстанцев Тобольского уезда сначала занимал должность нач. секретно-оперативно-политического отдела, затем – главнокомандующего. Выдавал себя за полковника и бывшего адъютанта генерала Рудольфа Гайды. Погиб в середине мая 1921 г.[157]

Сверчковы – березовские казаки, купцы, мещане, обдорские крестьяне. По данным Н.Н. Парфеновой, найденным в РГАДА, еще в 1626 г. некий староста Дмитрей Сверчков был отмечен «за службу что он золотил главу Иоанна Спасителя лествицы». «Сверчок как прозвище было известно с конца XV в. Константин Федорович Сверчок Сабуров был родоначальником фамилии Сверчковых»[158].

В Березове Сверчковы появились также в XVII в. составе казачьего войска. Некоторые из них служили весьма успешно и достигали командирских должностей. Иван Сверчков был атаманом (1761), в 1772 г. нес службу в Обдорском городке в «городовой обережи». Петр Иванович (по-видимому, его сын) также был атаманом, а в 1810 г. – отставным поручиком, прихожанином Обдорской Васильевской церкви. Послужной список атамана Петра

---

[154] См.: Белобородов В. «Детски-ясные грезы давно я забыла...» // Лукич. 2001. Ч. 1. С. 140 – 144.

[155] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 120.

[156] ГАТО. Ф. 1818. Оп. 2. Д. 1368. Личное дело Б.В. Сватоша.

[157] Сибирская Вандея. 1920 – 1921. Документы. В 2-х т. М., 2001. Т. 2. С. 527.

[158] Н.Н. Парфенова, с. 201 – 202.

Ивановича Сверчкова Н.М. Миненко опубликовала в книге «Березово (очерки истории с древности до наших дней)». Пятидесятниками были Николай (1782) и Илья (1761) Сверчковы. Последний позднее дослужился до звания сотника (1789).[159]

Незаконнорожденный (или приемный?) сын атамана Ильи Сверчкова Ефим Ильич в 1777 – 78 гг. получил от него вольную и капитал и в 1780 г. записался вместе с 7-летним сыном в 3-ю купеческую гильдию. После смерти Ефима Ильича купцом стал его сын Иван, после смерти которого в 1804 г. купеческая династия Сверчковых прекратилась.[160]

Сенькин Тихон Данилович[161] (? – 1921) – организатор советской власти в Березовском уезде. Род. в с. Каменки Малокрасноярского уезда Орловской губернии. В 1905 г. за призыв крестьян к аграрным беспорядкам выслан в Березовский уезд Тобольской губернии и определен на жительство в с. Мужи, оттуда – в Обдорск. За покушение на жизнь обдорского станового пристава *В.Н. Тарасова* был осужден и полтора года провел в Тобольской тюрьме. В 1917 г. переехал в Березов, активно участвовал в установлении советской власти. Один из организаторов в начале 1918 г. Березовского ревкома и «Рабочего союза». В апреле 1918 г. по просьбе обдорских большевиков прибыл с небольшим отрядом в Обдорск и установил советскую власть. В июне 1918 г. был арестован в Березове белогвардейцами и отправлен в Тобольскую тюрьму, оттуда – в Иркутск. После падения правительства Колчака вернулся на север Тобольской губернии. В 1920 г. избран председателем Березовского уездного исполкома Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. При подавлении крестьянского восстания 1921 г. командовал отрядом, в марте погиб.

Сибиряков Александр Михайлович (1849 – 1933) – сибирский золотопромышленник, видный организатор научного обследования Сибири, один из крупнейших благотворителей. В поиске эффективных торговых путей из Сибири в Европу изучал Северный морской путь, финансировал полярные экспедиции шведского исследователя Арктики

[159] Церкви Обдорска. Вып. I. С. 108, 228; Березово. С. 120, 125, 131, 179 – 181, 186.

[160] Краткая энциклопедия … Т. 4 (С – Я). Кн. 1. С. 23; Березово… С. 183, 204.

[161] См.: Петрушин А. Тихон Сенькин: герой или авантюрист // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 191 – 197; Козлова Ю.М. Сенькин (Страницы неоконченной повести) // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 134 – 167; Письма Д.С. Шиловой к Ю.М. Козловой. Там же. С. 168 – 176; Письма И.Ф. Филиппова к Ю.М. Козловой. Там же. С. 176 – 190; Онуфриева Д.С. Жизнь на севере политико-ссыльного т. Сенькина Тихона Даниловича и его партизанского отряда // Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 174 – 178.

Н.А.Э. Норденшёльда (1878 – 1879), А.В. Григорьева. В 1880 г. предпринял попытку пройти на шхуне через Карское море в устье Енисея и описал свое путешествие в статье «Плавание шхуны «Оскар Диксон» в 1880 г. к устью Енисея». В 1884 г. на пароходе «Норденшельд» прошел до устья Печоры, поднялся вверх по реке и, перевалив Урал, по рекам Обдорского бассейна добрался до Тобольска. Исследовав местность между бассейнами Оби и Печоры, Сибиряков нашел сравнительно удобный перевал через Урал, построил склады в селениях Щугоре и Ляпине и зимой 1885 – 1886 гг. начал перевозить хлеб из Сибири в Европу. С весны 1886 г. он приступил к строительству 150-верстной дороги через Урал, впоследствии получившей название Сибиряковской.

Своей деятельностью в западной части Березовского округа А.М. Сибиряков вызвал всплеск деловой активности, привлек сюда до полутора тысяч зырян, заняв их перевозкой хлеба, построил две пристани, положил начало консервированию сосьвинской сельди (тугуна). Однако в начале XX в. свое дело в Березовском крае прекратил ввиду его убыточности.

Широкий размах имела благотворительная деятельность А.М. Сибирякова. В общей сложности на изучение и освоение Сибири, развитие просвещения и культуры он потратил более 1.5 млн р. Среди наиболее крупных пожертвований – 200 тыс. р. на строительство и оборудование Томского университета (1880 г.), 800 тыс. р. – на устройство народных школ.[162]

Сидоров Михаил Константинович (1823 – 1887) – красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник. В 1860-х гг. занялся исследованием Северного морского пути: снарядил экспедицию для изучения Обской губы, имел пароходы в бассейнах Оби и Енисея, предлагал на собственные средства соединить каналом реки Таз и Турухан, но получил отказ. В записках, поданных сибирским властям, обосновал возможность судоходства по Северному морскому пути. Предлагал за свой счет проложить железную дорогу между Печорой и Обью при условии, что ему разрешат в течение 45 лет пользоваться лесом с этой территории, но и в этом ему было отказано. Предоставил Русскому географическому обществу 1000 р. на премию за лучшее описание Новой Земли. Вносил деньги на содержание школ и приютов в Тобольске, Архангельске, Омске, Березове, пожертвовал 60 тыс. р. на распространение грамотности в Тобольской губернии. Умер в Германии.

---

[162] См.: Повод Н. Деятельность А.М. Сибирякова в Тобольской губернии /// Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 10 – 24; Сибиряков А.М. О северных путях. Новый путь на Печоре // Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 25 – 28.

Синицын П.А. – капитан, в 1908 – 1909 гг. заведовал казенным пароходством на Иртыше и Оби, располагавшим единственным пароходом «Ангара». Осенью 1909 г. назначен судовым инспектором на Волгу в г. Царицын.

Скалозубов Николай Лукич (1861, г. Кострома – 1915, г. Курган) – агроном, общественный и государственный деятель, с 1907 по 1912 г. – член II и III Государственной Думы. С апреля 1894 до конца 1905 г. – тобольский губернский агроном. Был инициатором и организатором многих позитивных перемен в земледелии, животноводстве, маслоделии, рыбном промысле, кустарной промышленности губернии. Много труда вложил в дело популяризации сельскохозяйственных знаний, просвещение сельского населения и изучение природы края как редактор газеты «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» (приложение к «Тобольским губернским ведомостям») и консерватор Тобольского губернского музея. По его инициативе в начале 1900 г. в д. Соколовой близ Тобольска открылась первая в губернии сельскохозяйственная школа. Скалозубов способствовал сплочению тобольской интеллигенции вокруг полезных начинаний, росту общественной самодеятельности населения. В декабре 1905 г. с небольшой группой единомышленников провел съезд крестьянских уполномоченных Тобольского уезда с целью выработки наказов для будущих депутатов Государственной Думы от Тобольской губернии, за что в 1906 г. был отправлен в ссылку в Березов.[163]

Скорняков Дмитрий Григорьевич (ок. 1780 – после 1846) – чиновник. В службу вступил осенью 1801 г. – был принят в Тобольское губернское правление. Отсюда в 1819 г. уже опытным чиновником отправлен на север, где прожил многие годы. Служил заседателем Березовского окружного суда, кондинским частным комиссаром. В апреле 1821 г. получил назначение частным комиссаром в Обдорск. Здесь он сумел добиться значительного сокращения скопившихся недоимок, привел в надлежащий порядок устроенные для снабжения инородцев хлебозапасные магазины. Как отмечено в формулярном списке Скорнякова, составленном в 1840 году, когда ему было уже 52 года, «вообще же касательно нравственности преподаваемы были полезные опыты, необходимые в сем крае, особенно для инородцев, кои с чувством благодарности делают лестные для него

[163] Об его жизни в этот период см.: Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 359 – 390. Документы о жизни и деятельности Н.Л. Скалозубова хранятся в Государственном архиве г. Тобольска (Ф. 147) и в рукописном фонде Тобольского музея-заповедника.

отзывы, в каковых похвальных действиях засвидетельствованы ему на письме как местным начальством, так и гражданским губернатором...»[164].

Далее Скорняков побывал еще в должностях березовского земского исправника и окружного судьи и в мае 1828 г. переведен окружным судьей в Тюкалинск, но через пять лет ввиду дефицита хорошо знавших север чиновников возвращен земским исправником, т.е. начальником края, в Березов.

В январе 1841 г. Дмитрию Григорьевичу выпал нелегкий жребий организовать поимку *Ваули Пиеттомина*, вожака шайки, грабившей в тундре соплеменников и угонявшей их оленей. Следственная комиссия, назначенная для выяснения причин беспорядков, отмечала решительные и умелые действия исправника, приведшие к аресту возмутителя спокойствия. «За усердие и распорядительность» Скорняков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.[165]

Пока Скорняков служил в Березовском округе, у него подросли дочери, и он стал просить о переводе в другое место, где бы можно было дать им образование. Губернское начальство из соображений пользы дела не спешило удовлетворить его просьбу, но, наконец, все же направило городничим в г. Ялуторовск. Этот этап служебной деятельности Д.Г. Скорнякова также нашел отражение в литературе.

Тобольский художник и литератор М.С. Знаменский в повести «Исчезнувшие люди» представляет Скорнякова в образе городничего Квасова, чинившего препятствия ссыльному Лягушкину (декабристу И.Д. Якушкину) и священнику Илье Яковлевичу (отцу автора С.Я. Знаменскому), затеявшим благое дело – устройство в городе школы для мальчиков. Городничий награждается снисходительными эпитетами «видный», «любезный», «галантерейный блюститель тишины и спокойствия града Полуторовска». В повести он представлен как олицетворение противоположной ссыльным революционерам стороны. Более ясно конфликт описан в очерке М.С. Знаменского «Иван Дмитриевич Якушкин»: когда началось строительство училищного здания, городничий запретил его, как начатое без разрешения. Но вскоре вмешался губернатор М.В. Ладыженский, и строительство возобновилось.

Воспитанник декабристов, автор, конечно же, тенденциозен, он, безусловно, на стороне их и своего отца, взявшихся за благородное дело просвещения. Конфликтная ситуация и ее стороны оцениваются под углом зрения его кумиров, ведь самому автору в описываемое время было всего девять лет.

---

[164] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 45. Л. 209 – 211.

[165] Ваули Пиеттомин: из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. Омск, 1940.

Примерно в 1846 г. в семье Скорняковых родилась еще одна дочь – Аграфена, вошедшая в историю российского революционного движения. По окончании Тобольской Мариинской женской школы она некоторое время работала в ней, затем перешла учительницей рукоделия в Тюменскую женскую гимназию, а весной 1869 г. переехала в Петербург для поступления на акушерские курсы и там вышла замуж за вольнослушателя технологического института Александра Васильевича Долгушина, которого могла знать еще в Тобольске: он учился там в гимназии. Как раз в этом году Долгушин организовал в столице кружок «сибиряков-автономистов». В него вошла и Аграфена Дмитриевна.

Осенью 1872 г. на квартире Долгушина сформировался новый кружок, одним из первых в России развернувший пропаганду среди крестьян. В нем участвовали тюменец И.И. Папин, выпускник Тобольской гимназии Н.А. Плотников. Долгушинцы отпечатали прокламации «К интеллигентным людям», «Русскому народу» и «Как должно жить по закону природы и правды». Кружок был разгромлен осенью 1873 г., члены его разосланы по тюрьмам. К дознанию была привлечена и А.Д. Долгушина. После суда она переезжала вслед за мужем по местам его заключения и ссылки.[166]

Дмитрий Большой – так обдорские ненцы звали Дмитрия Григорьевича Скорнякова, управлявшего в 1821 – 1825 гг. огромной волостью, за высокий рост, ласковое обращение с инородцами и бескорыстие. Тобольский врач Ф. Белявский после поездки на Крайний Север губернии писал, что, когда губернатор *Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский* добился освобождения северян от повинностей и стал направлять к ним врачей, обдорские инородцы говорили: большой Дмитрий хорош, и малый Дмитрий хорош (губернатор был невысокого роста)[167].

Другой современник на основании свидетельств многих тоболяков писал: «До какой степени исправник Скорняков был любим остяками и самоедами за свою доброту и бескорыстие, доказывает следующий случай. Узнав о переводе его в г. Ялуторовск, остяки и самоеды отправили от себя депутацию к тобольскому губернатору. Когда при приеме начальник губернии М.В. Ладыженский спросил их, что им нужно, то они в голос и с некоторым гневом отвечали: «Зачем ты взял от нас Митьку? Нам Митьку надо, другого не надо»[168].

[166] Знаменский М.С., Белоголовый Н.А. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1998; Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 386.

[167] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 139 – 140.

[168] Голодников К. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. Тюмень, 2004. С. 209.

Скосырев Дмитрий Иванович (ок. 1848, г. Березов – после 1878) – дьякон Березовского Воскресенского собора. Сын священника. В 1862 г. окончил Березовское уездное училище. Далее учился в Тобольском духовном училище и причетническом классе, окончил в 1865 г. и определен пономарем к этому собору. В 1869 – 1876 гг. преподавал в уездном училище славянское чтение и нотное пение. В 1873 г. по ходатайству березовских граждан рукоположен в дьякона.[169]

Словцов Иван Яковлевич (1844 – 1907) – педагог. Учился в Казанском университете, служил в канцелярии Главного управления Западной Сибири. С 1866 г. преподавал в Сибирской военной гимназии, с 1879 г. – директор Тюменского Александровского реального училища. Член Западно-Сибирского отдела РГО. Печатался в газетах «Восточное обозрение», «Сибирский листок».[170]

Собрин Василий Алексеевич (род. ок. 1846) – церковнослужитель, сын ненца. После окончания 3-го класса Тобольского духовного училища с 1864 г. служил пономарем в церкви с. Кушеват, в 1865 перемещен в Обдорскую Петропавловскую церковь. В 1874 г. за нетрезвость перемещен в церковь с. Полноват, оттуда в 1878 г. возвращен в Петропавловскую церковь.[171]

Соколов Андрей Григорьевич – священник. В первом десятилетии XX в. служил в церкви с. Полноват, затем священником Березовской Богородице-Рождественской церкви. Был активным корреспондентом «Тобольских епархиальных ведомостей», где опубликованы его статьи об особенностях службы в северных приходах с инородческим населением: «Из дневника ханды-батько»[172], «Краткая характеристика инородческого прихода в Низовом крае»[173], «Языческие религиозные пережитки среди православных инородцев Севера»[174], «О благочинническом съезде на Севере»[175].

---

[169] Ведомости о церкви во имя Воскресения Христова Градо-Березовского собора за 1878 год // Православные приходы… С. 347.

[170] Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004. С. 478.

[171] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 125 – 126.

[172] 1910. № 11. С. 251 – 257.

[173] 1909. № 16. С. 427 – 433.

[174] 1909. № 24. С. 671 – 673.

[175] 1911. № 3.

Сосунов Павел Ильич (14 дек. 1888 – после 1958) – политический деятель.[176] Окончил 4 класса гимназии. В 1909 – 1911 гг. служил в частном торгово-промышленном предприятии в с. Кондинском Березовского уезда управляющим. В 1911 – 1914 гг. – инструктор и член правления кооператива в Кондинском и Березове. В 1914 – 1916 гг. – телеграфист-морзист почтово-телеграфной конторы в с. Кондинском. В 1917 – 1918 гг. – секретарь Тюменского Совета депутатов, затем – товарищ председателя Березовского совдепа. 6 июня 1918 г. арестован по обвинению в принадлежности к РКП(б) и заключен в тюрьму, в которой находился по 21 февраля 1920 г. С июня 1920 г. – председатель чрезвычайной комиссии в г. Березове, в конце года командирован в Обдорск следователем. С осени 1920 г. был заведующим политбюро и председателем ревкома в Обдорске. В 1921 г. – секретарь Обдорского райкома ВКП(б), с марта – член Тобольского военно-революционного полевого штаба.

В начале февраля 1922 г. по его инициативе был созван в Обдорске съезд ватажных старшин, которые настойчиво требовали национального самоуправления. Съезд уполномочил Сосунова довести эти требования до правительства. В этом же месяце он был отозван в Москву для изучения племенного состава населения Сибири при Наркомате по делам национальностей. В марте в Наркомате был создан подотдел во главе с Сосуновым по управлению и охране туземных племен Севера. Подотдел сразу приступил к подготовке конференции представителей северных этносов, которая состоялась в с. Самарово 24 – 29 июля 1922 г.

«Самаровская конференция… встретила резко отрицательное отношение местных партийных и советских властей. Буквально через два дня после конференции президиум Тюменского губкома РКП(б)… признал выделение Тобольского Севера в автономию, «национальную административно-хозяйственную единицу», опасным для политического состояния края, и саму идею автономии – плодом «домогательства частного капитала»[177].

После ликвидации Наркомата в апреле – сентябре 1924 г. работал инспектором Главного управления гострудсберкасс и в сентябре 1924 г. – июне 1925 г. – научным сотрудником Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. После этого командирован в Тобольск уполномоченным Комитета Севера по национальным вопросам. С 1925 г. – зам. председателя Тобольского комитета Севера. В 1929 – 1930 гг. – уполномоченный Тобольского комитета Севера по Тазовскому району. С 15 марта 1931 г.

---

[176] См.: Петрушин А.А. На задворках гражданской войны. Тюмень, 2004. Кн. 2. С. 247 – 263; Его же. Лицензия на убийство // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 89 – 101.

[177] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера… С. 10 – 11.

– консультант по туземному строительству Тобольского интегралсоюза. Позднее жил в Красноярском крае.[178]

Стаховский Виталий Аполлонович – политический ссыльный, находился в Березове с авг. 1878 по июнь 1879 г. Переведен в г. Тара.

Сулоцкий Александр Иванович (1812 – 1884 – священник, историк церкви. После окончания Санкт-Петербургской духовной академии в 1847 г. определен учителем церковной истории и греческого языка в Тобольскую духовную семинарию. В 1847 г. поступил законоучителем в Омский кадетский корпус. Автор многих печатных трудов по церковной истории. Личный фонд А.И. Сулоцкого хранится в Гос. архиве г. Тобольска (№ 144).

Сургутсковы (Сургуцковы, Сургутские) – на Тобольском Севере впервые отмечены как самаровские ямщики около середины XVIII в. Возможно, еще раньше они поселились в иртышском селе Реполово близ Самарова. В Березове известны со второй половины XVIII в. купцы Иван Дмитриевич (конец XVIII в.), Иван Семенович и его внук Иван Васильевич (1-я половина XIX в.). Последний в 1851 г. был купеческим и мещанским старостой Березова. Овдовев, он в 1859 г. вновь женился на дочери купца Александра Александровича Нижегородцева Анне.

Во 2-й половине XIX столетия в Березове жила мещанская семья Сургутсковых, из которой вышел священник Иван Иванович Сургутсков (1860 – после 1914). В 1882 г., после окончания Тобольской духовной семинарии, он был настоятелем Березовского Воскресенского собора до начала 1890-х гг. Затем переехал в Тобольск и оттуда – в Тюмень. Длительное время (вероятно, с 1890 по 1915) состоял членом губернского статистического комитета.[179]

Суханов Иван Иванович (ок. 1862 – 1902) – учитель, краевед.[180] Преподавал в с. Шеркальском Березовского округа (1879), в мужском училище г. Сургута (1881 – 1882), Березовском уездном училище (1884 – 1885). В Березове вел в 1885 г. метеорологические наблюдения, собирал сведения

---

[178] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 492. Оп. 1. Д. 349.

[179] Березово… С. 127, 204, 223; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 9, 11, 13, 15.

[180] См.: Суханов И. К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края // Подорожник. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 67 – 70; Белобородов В. Эксцентричный Суханов (Личность в свете документа) // Подорожник. Вып. 3. С. 71 – 88.

о местных промыслах, быте населения. Из уездного училища был уволен за речь, сказанную без разрешения на годичном акте училища, в которой коснулся положения учителей и необходимости увеличения их содержания. В 1894 – 1896 гг. опубликовал ряд статей в «Тобольских губернских ведомостях» («Охота и промыслы в Березовском крае», «Очерки Березовского края» и др.).

Сыромятников Александр Адрианович (1859 – 1912, г. Тобольск) – купец 2-й гильдии, меценат, общественный деятель. Занимался помимо торговли винокурением, пивоваренным и мукомольным производствами, коневодством, в конце 1890-х гг. вел рыбный промысел в районе Обдорска. В конце 1890 г. основал газету «Сибирский листок» и в 1891 – 1894 гг. был ее редактором и издателем. Активно участвовал в деятельности Тобольской городской думы, хлопотал о строительстве железной дороги до Тобольска, делал пожертвования на различные городские нужды.

Сыцянко (Ослопова) Мария Иосифовна (Осиповна) – политссыльная. Отбывала наказание в Сургуте и Обдорске, куда из Сургута прибыла в 1888 г. В январе 1889 г. освобождена. В Сургуте с февраля 1887.

Тарасов Василий Никифорович (1877, г. Сургут – после 1922) – чиновник. Окончил Сургутское приходское училище. С 1895 г. – в штате Сургутского окружного полицейского управления, канцелярский служитель, с 1903 г. – секретарь этого же управления. С 1 ноября 1908 г. – пристав 2-го стана Березовского уезда с местом жительства в Обдорске. В 1913 г. Тарасов пять месяцев провел в тундре в составе экспедиции ветврача *С.И. Драчинского,* искавшей причину падежа оленей, позднее участвовал в экспедиции ветврача *А.Н. Чеботарева.* В 1914 г. за отличие по службе награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. После отъезда в 1917 г. из Обдорска служил начальником участка Тобольской уездной милиции в с. Чёрном, в Областьрыбе в Тобольске. По заявлению, поданному в авг. 1921 г., переведен в Сургут, где в 1922 г. работал делопроизводителем контрольно-арендного пункта.

Таскаев Василий Иванович (1898 – 1986) – краевед. Окончил городское училище в Березове (1916), затем обучался в Кондинской почтово-телеграфной конторе на телеграфиста. В 1917 – 1922 гг. служил в армии, после демобилизации длительное время работал по специальности в Березове. Одновременно собирал материалы о дореволюционном прошлом, политической ссылке, Гражданской войне в Березовском крае, истории улиц Березова. Вел обширную переписку по краеведческим вопросам,

в частности, со своим учителем *Ф.Ф. Ларионовым*, поддерживал связи с музеями Тобольска и Тюмени. Часть архива В.И. Таскаева хранится в фондах Березовского краеведческого музея.

Тверитин Александр Яковлевич (ок. 1825 – 1889) – священник. В 1850 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. С марта 1851 г. – священник Христорождественской церкви в с. Сосьвинском Березовского округа. В 1855 г. переведен в Богородице-Рождественскую церковь г. Березова. В январе 1860 г. определен законоучителем в Березовскую женскую школу, выполнял эту работу до июля 1867 г. В 1867 г. переведен в Обдорскую Петропавловскую церковь «в видах пользы службы» с исполнением обязанностей миссионера. Много разъезжал по инородческим селениям, в его путевых журналах, опубликованных в 2002 г., запечатлелись картины быта ханты и ненцев.[181] В 1870 г. по его просьбе, ввиду необходимости поправить здоровье и позаботиться об учении сыновей Николая, Семена, Александра и Алексея, родившихся за годы, прожитые в Березовском округе, переведен в Тобольский округ.[182] В 1879 – 1882 гг. снова служил в Березове протоиереем Воскресенского собора. Последним местом службы А.Я. Тверитина был Туринский Крестовоздвиженский собор. Священником стал его старший сын Николай.[183]

Тверитин Василий Федорович (род. ок. 1828) – священник. В 1849 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. В 1850 г. – священник Березовского Воскресенского собора и законоучитель уездного училища. Оставил службу в Березове не ранее 1854 г., которым датирована его рукопись «Тобольской губернии город Березов. Местные этнографические описания», хранящаяся в архиве Русского географического общества.[184]

Тележкин Павел Федорович (ок. 1863 – после 1924) – торгующий крестьянин, доверенный фирмы Корниловых в Обдорске. Переселился в Обдорск из Великоустюжского уезда Вологодской губ. Один из активных участников общественной и культурной жизни Обдорска. Более десяти лет был попечителем местного отделения Березовской инородческой больницы со времени ее открытия в 1893 г., за что удостоен звания личного почетного гражданина. Как знаток ненецкого языка состоял в организо-

---

[181] См.: Путевые журналы..., С. 88 – 95, 101 – 119, 151 – 168.

[182] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 198. Л. 124 – 126.

[183] См.: Белобородов В. С духовной миссией по Сибири // Подорожник. Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 8. С. 76 – 80.

[184] См.: Подорожник. Тюмень, 2005. С. 4 – 35.

ванной в 1904-1905 учебном году переводческой комиссии для создания учебников и литературы на инородческих языках. Участвовал в создании в 1906 г. «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера» при Обдорском миссионерском братстве. Содействовал пополнению коллекций губернского музея, в конце 1890-х гг. доставил ему целое собрание предметов быта инородцев и засушенные растения Ямальской тундры. Подавал односельчанам пример в применении сельскохозяйственных новшеств: выращивал картофель, первым приобрел сенокосилку. Был членом Обдорского отдела уездного попечительства о народной трезвости, по его инициативе и при его финансовой помощи в 1915 г. отделом был приобретен киноаппарат. Как почетный мировой судья в 1916 г. награжден серебряной медалью «За усердие». В 1922 г. заведовал промысловым подотделом гос. предприятия «Областьрыба». Был авторитетным знатоком жизни Низового края.

Тележкина Ирина Павловна – дочь *П.Ф. Тележкина*, уроженка Обдорска. Была слушательницей Московских высших женских курсов. В газетной заметке сообщалось, что она «ежегодно летом бывает на родине, интересуясь бытом и жизнью инородцев остяков и самоедов; в разное время собрано было лично ей из домашнего быта много разных вещей чисто культа инородцев с полным описанием; все эти коллекции переданы в настоящее время в Румянцевский музей в Москве»[185]. *И.Н. Шухов* в 1916 г. в отчете об экскурсии на р. Казым писал: «Любезной помощью при сборах я обязан… И.К. Тележкиной (ошибка в инициалах. – В.Б.) и *Т.Д. Оводову*»[186].

Титов Алексей Васильевич (ок. 1835 – после 1887) – чиновник.[187] Обучался межевому делу в Тобольском полубатальоне военных кантонистов, служил в Тобольской чертежной, в межевых партиях. С 1873 г. – земский заседатель в с. Кондинском Березовского округа. В Гос. архиве Омской области в фонде генерал-губернатора Западной Сибири хранятся его записки «Где тонко – тут и рвется: Заметки о Березовском крае», «О значении Самаровской ярмарки для Березовского края», «Обдорская ярмарка: По рассказам очевидцев и деятелей», «По поводу вопроса о Самаровской ярмарке». В 1879 г. по поручению губернатора В.А. Лысогорского

---

[185] Хроника // Сибирская торговая газета. 1913. 20 февраля.

[186] ЕТГМ. 1916. Вып. 26. С. 1.

[187] См.: Титов А.В. Где тонко – тут и рвется: Заметка о Березовском крае; Обдорская ярмарка: По рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник. Тюмень. 2002. Вып. 1. С. 87 – 104.

исследовал местность между Тобольском и Самарово в связи с предполагавшимся соединением этих пунктов телеграфной линией и дал заключение о возможности прокладки линии. В 1879 – 1881 гг. – сургутский окружной исправник, в 1881 – 1883 – туринский окружной исправник.

Торлоповы – служилые люди, входили в состав березовского казачества уже в 1-й трети XVII в. Со временем стали выбывать из казачества в мещанское и крестьянское сословия, а Иван Петрович Торлопов в 1789 г. записался в купцы. За информацией о березовцах-носителях этой фамилии отсылаю читателя к книге «Березово (очерки истории с древности до наших дней)»[188].

Тронтхейм Александр Иванович (? – 1934) – тобольский мещанин, путешественник. Родом из Норвегии, в Тобольске поселился в 1876 г. Служил у *А.М. Сибирякова*, на его пароходе «Обь» плавал в Швецию и Норвегию. Неоднократно приобретал и доставлял ездовых собак полярным путешественникам. Так, в 1890-е гг. закупил в Березовском округе три десятка собак для Ф. Нансена и, совершив трехмесячное путешествие, прибыл на его корабль. Подробный рассказ об этом тяжелом путешествии опубликован в 1893 г. в «Тобольских губернских ведомостях», а затем перепечатан в сокращенном виде в «Известиях Русского географического общества»[189].

Трофимов Андрей Ильич – березовский купец 3-й гильдии из тобольских мещан, рыбопромышленник, один из наиболее деятельных и культурных граждан Обдорска середины XIX в. Когда над русским Обдорском нависла опасность со стороны повстанцев *Ваули Пиеттомина*, он активно участвовал со своими рабочими в поимке предводителя восстания[190]. В 1840 г. односельчане избрали Андрея Ильича старостой Петропавловской церкви, и он немало потратился на ремонт храма и приобретение для церкви различных вещей (среди них – пять крестов, вызолоченных листовым золотом).[191]

А.И. Трофимов охотно отзывался и на просьбы о содействии научным экспедициям и обществам. По сообщению смотрителя березовских училищ *Н.А. Абрамова*, Трофимов представил в Русское географическое общество коллекцию предметов праздничной одежды инородцев Западной Сибири: «...1) самоедскую женскую шубу из оленьих кож, 2) женскую

[188] С. 86, 87, 111, 116, 127, 183, 185, 205, 213.

[189] 1893, вып. 5.

[190] Ваули Пиеттомин. Омск, 1940. С. 17, 28, 38, 39.

[191] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 50, 83, 85, 147.

шапку из росомашьей шкуры с разными украшениями, 3) мужскую [1 нрзб.] из оленин, 4) мужские пимы из оленьих ног, 5) пимы женские из разношерстных пешек, 6) женский пояс из разных шерстей с большой медною бляхою, 7) мужской кожаный пояс с медными пуговицами и ножом в ножнах; 8) самоедскую трубку из мамонтовой кости и 9) самоедский большой мешок из тюленьих шкур, в котором и отправлена им посылка…»[192].

Из восьмерых детей А.И. Трофимова отцовское дело продолжил старший – Николай Андреевич, березовский купец 2-й гильдии, рыбопромышленник.

А.А. Дунин-Горкавич, побывавший на рыболовных заведениях Н.А. Трофимова, обратил внимание на то, что арендатор угодья успешно ведет и сельское хозяйство. «Последний имеет лошадь, несколько коров и телят, овец, гусей и кур, – писал он. – В окрестностях Ярсоле находится много незатопляемых лугов, так что имеется полная возможность заниматься скотоводством. <…> С 1905 г. Трофимов занимается огородничеством и садит картофель, репу, редис. В 1907 г. урожай картофеля был сам 20, а в 1908 г. сам 10…»[193].

О Трофимовых см. также: Березово (очерки истории с древности до наших дней).[194]

Туполев Андрей Иванович – тобольский рыбопромышленник.[195] Арендовал рыболовный песок в местности Пуйко в 200 верстах ниже Обдорска. Одним из первых начал применять на севере плавные сети и подледную неводьбу. Хорошо владел языками ханты и ненцев. Как знаток края оказывал услуги ученым *А.И. Якобию*, *Н.А. Варпаховскому*, экспедиции *А.И. Вилькицкого*. От него в 1890-е гг. поступил в Тобольский музей первый гербарий с Севера. 26 января 1897 г. петербургская газета «Сибирь» сообщила, что А.И. Туполев награжден бронзовой медалью Русского географического общества за первые обстоятельные наблюдения высоты Оби в Обской губе. Останавливавшийся на рыболовном стане Туполева С. Соммье писал: «Мой хозяин оказался чрезвычайно умным человеком и согласился ответить на мои вопросы о самоедах, с которыми он провел уже много летних сезонов»[196].

---

[192] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 128. 1849 г.

[193] Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства. СПб., 1909. С. 43 – 44.

[194] С. 87, 205, 211, 213, 220, 222, 223, 239, 244 – 245, 248.

[195] См.: Скалозубов Н.Л. От Тобольска до Обдорска // ЕГГМ. Тобольск, 1906. Вып. 16. С. 1 – 2.

[196] Соммье С. Лето в Сибири. С. 369.

Турков Петр Игнатьевич – березовский и тобольский купец, рыбопромышленник, арендовал рыболовные пески на территории Обдорской волости. Турковы имели в своей кладовой в Тобольске на Абрамовской стрелке ледник-морозилку Штегера и давали объявление о приеме заказов на хранение свежей рыбы, дичи и мяса.[197]

Уженцев Иван Семенович – тобольский мещанин, рыбопромышленник. Жил в юртах Шурышкарских в 90 верстах вверх от Обдорска, где построил молитвенный дом.[198] Слыл за «миссионера-самородка». Губернатор *Н.М. Богданович*, посетивший в 1893 г. Обдорск и увидевший «печальное состояние» духовной миссии, в письме к архиепископу Агафангелу высказал предположение о возможности устроить миссионерскую школу в юртах Шурышкарских, «где есть молитвенный дом и живет некий Уженцев, много потрудившийся об устройстве этого дома и ныне хлопочущий об устройстве в нем школы». А березовский благочинный *Михаил Путинцев* предлагал поместить в этих юртах одного из двух помощников начальника миссии. «Помещение миссионеру и псаломщикам, – писал он архиепископу в начале 1894 г., – на первое время обещает дать весьма ревностный к делу миссии… березовский мещанин Иван Семенович Ужинцев»[199].

М.А. Ларионова в своих воспоминаниях отмечает, что ее отец Андрей Степанович Протопопов в поездках «считал своим долгом заехать к своему приятелю Уженцеву, стихотворцу и большому оригиналу. Дом его стоял одиноко, вдали от человеческих жилищ. Чувствуя потребность в общении с людьми, он считал, что все проезжие должны были у него обязательно остановится, будь то днем или ночью, каждого он дружелюбно встречал и угощал, чем только можно. Те, которые не заезжали к нему, становились его личными врагами. Питая пристрастие к стихотворству, он при важных случаях сочинял целые поэмы, но гораздо большей известностью пользовались его краткие изречения в стихотворной форме; так, угощая березовского акцизного надзирателя, который питал отвращение к луку, он сказал: «Забудем в дороге разлуку и поедим пельменей без луку»[200].

---

[197] Сиб. листок. 1916. 10 марта.

[198] Голошубин И. От Березова до Обдорска // Тоб. епарх. ведомости. 1895. № 5. С. 90 – 91.

[199] Из истории Обдорской миссии… С. 206, 223.

[200] Ларионов М.А. Девочка Маша // Подорожник. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 92 – 93.

Усковы – казаки и мещане. Фамилия известна в Березовском крае почти четыре столетия. Были среди них видные люди, отличившиеся на службе: сибирские дворяне Иван (служил сотником, умер в 1787 г.), Василий Иванович (вышел в отставку в 1778 г.), Яков Усковы.[201] Василий Усков был подрядчиком экспедиции *Гофмана* по поставке оленей, которые все погибли от язвы.[202] Знаком уважения к многолетней казачьей службе Усковых явилось участие представителей фамилии в подписании акта передачи знамени Ермака в 1883 г. из Воскресенского собора в штаб Сибирского казачьего войска.[203]

В XIX в. Усковы обнаруживаются среди чиновничества: писарь земского суда Василий[204], столоначальники Иван и Алексей Васильевичи[205], становой пристав Петр Иванович (1911 – 1915 гг.) и др. Лев Васильевич Усков в 1921 г. был председателем волостного военно-революционного комитета в Обдорске. Еще один Усков – Федор Николаевич – выдвинулся в свои юные годы в период установления советской власти. Как член уездной комиссии он участвовал в изъятии церковных ценностей в районе от Елизарова до Березова. Позднее учился в Тюмени в губернской совпартшколе и Московской военно-инженерной академии. Служил на флоте, участвовал в Великой Отечественной войне.[206]

Ухалов Владимир Алексеевич – штатный смотритель Березовского уездного училища в 1890-е гг. В Березове в 1892 г. был организатором любительских спектаклей. Предлагал учредить в Березове общество попечения об учащихся в уездном и начальных училищах, но «благодаря противодействию некоторых лиц этот проект канул в лету, несмотря на все старания г. Ухалова и покровительство сенатора *А.И. Деспот-Зеновича*, и в конце концов г. Ухалову пришлось оставить не только должность штатного смотрителя, но перейти в другое ведомство. В настоящее время все вспоминают и жалеют, что В.А. нет в г. Березове. Других же инициаторов в деле принятия хлопот об исходатайствовании разрешения на открытие общества попечения об учащихся нет никого…»[207].

---

201 ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 274. Л. 53.

202 Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах. СПб., 1852.

203 Православные приходы… С. 352.

204 ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

205 Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.

206 Усков Ф.Н. Как был создан комсомол в Березове // Путь к коммунизму. 1958. 12 окт.

207 Сибирская торговая газета. 1901. 18 февр.

В 1896 г. В.А. Ухалов переведен из Березова учителем географии в г. Каинск Томской губ. Через несколько лет перешел в акцизное ведомство.

Фелинская Ева (урожденная Вендорфф, 1793 – 1859)[208] – общественный деятель, писательница. Как руководительница «Женского общества» – филиала революционной организации «Союз польского народа» – в 1839 г. была отправлена на поселение в Березов, оттуда в 1844 г. переведена в Саратов, затем в Волынь. В Березове вела дневник, впоследствии четырежды изданный – в виленском журнале «Атенеум» (в 1846 и 1849 гг.), отдельным оттиском из журнала (1850) и отдельной книгой (1852). Воспоминания переведены на английский, французский и датский языки. Часть березовского дневника за апрель 1839 – февраль 1841 гг. опубликована в шестом выпуске «Подорожника» в переводе с польского профессора Тюменского университета О. Трофимовой с ее вступительной статьей. Кроме дневника Е. Фелинская написала несколько повестей. Сын ее Зыгмунт Щенсной Фелинский, архиепископ Варшавский, 20 лет провел в ссылке в Ярославле, где написал повесть о своей старшей сестре «Паулина – дочь Евы Фелинской», в основу которой положены письма матери из ссылки.

Филиппов Иван Филиппович (1888 – после 1959) – член Березовского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, образованного в начале 1918 г. После ареста летом 1918 г. членов Совета находился в тюрьмах, впоследствии – на хозяйственной работе. Персональный пенсионер. Автор воспоминаний о березовских событиях 1918 г. В 1958 – 1959 гг. делился воспоминаниями о революционных событиях в Березовском уезде в письмах из г. Бийска к *Ю.М. Козловой*, писавшей повесть о *Т.Д. Сенькине*.[209] До 1918 г. – рабочий на рыбных промыслах.

Филиппов Петр Сидорович (? – 1892) – крестьянин с. Мужи, зырянин. Первым сообщил о нахождении медной руды на вытекающей с Урала р. Харуте, за которым последовали экспедиции в эти места в 1885 г. геолога *Кольштедта* и в 1892 г. – тобольского купца *А.А. Сыромятникова*. Участники этой второй экспедиции так писали о Филиппове: «Это был мужчина лет пятидесяти, высокого роста и геркулесовского телосложения, производивший весьма приятное впечатление своим умным и откры-

[208] Фелинская // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Репринтное воспроизв. с изд. 1890 г. М., 1993. Т. 69. С. 435; Грицкевич В. Так это было… // Ленинская правда. 1981. 14 нояб.; Мандрика Ю. Сибирский Березов на европейский взгляд // Подорожник. Тюмень, 2007. Вып. 7. С. 183 – 186.

[209] См.: Подорожник. Вып. 6. С. 176 – 194.

тым лицом. [...] ... мы никак не ожидали встретить в лице обыкновенного зырянина человека развитого и изрядно начитанного, рассуждающего о минералогии, об истории своего края и цитирующего Костомарова! Это обстоятельство ясно показывает замечательную даровитость зырянского племени. Своим развитием и начитанностью Филиппов обязан тому, что участвовал в качестве проводника в разных ученых экспедициях на Урал (Брема, Сомье) и что находился в хороших отношениях с политическими ссыльными, от которых пользовался книгами для чтения. Как человек любознательный, он научился распознавать различные горные породы, благодаря чему в камнях, привезенных самоедами с р. Харуты, признал медную руду»[210]. *К.Д. Носилов* записал о Филиппове в дневнике: «...начитан и наблюдателен, разбирается в камнях».

Фофанов Моисей Васильевич (ок. 1845 – 1911) – рыбопромышленник, сын березовского казака, впоследствии – купца 2-й гильдии Василия Петровича Фофанова. По словам *А.А. Дунина-Горкавича*, его промысловое заведение на острове Индеи было лучшим по благоустройству изо всех заведений в низовье Оби.[211]

Фамилия известна в Березове с первой трети XVII в.[212]

Цессес Лейба – крестьянин Кондинской волости Березовского уезда, из ссыльных. В 1876 г. обращался к властям с прошением о дозволении ему временных отлучек из Тобольской губернии, вероятно, по торговым делам, которое рассматривалось в Тобольском губернском управлении и в Главном управлении Западной Сибири в Омске.[213] В 1879 г. просил освободить его от надзора полиции.[214] Некоторое время был купцом 2-й гильдии. Имел сыновей Хаима и Леонтия, которые тоже занимались торговлей.[215]

Межевой инженер *И.М. Воропай*, бывший в 1886 г. в Березове, писал: «Земскую квартиру содержит сосланный 18 лет назад административным порядком из Волынской губернии еврей А.А. Ц-с, у которого свой новый, хороший дом, где две чистые большие комнаты город нанимает для приема лиц, имеющих право на отводные квартиры, за что и платит 40 рублей

---

[210] Поездка на Северный Урал летом 1892 года. С. 56 – 58.

[211] Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства. СПб., 1909. С. 58 – 59.

[212] См. о Фофановых : Березово (Очерки истории с древности до наших дней). С. 85, 86, 122, 185, 214, 219.

[213] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 7. Д. 290; ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13470.

[214] ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16113.

[215] Календарь Тобольской губернии на 1897 г.

в год. К этим деньгам хозяину, по всей вероятности, приходится доплачивать своих столько же, если не больше, потому что некоторые господа, проживая по несколько дней и пользуясь, кроме квартиры, чаем, обедом и ужином, – что при здешней дороговизне составляет не мало, – отсыпают хозяину целый рубль который тот и отдает кухарке…».

Семья Цессес, вероятно, частью погибла, частью уехала из Березовского уезда во время Гражданской войны. В пользу этого предположения говорит телеграмма из Нарыкар в Березовский ревком 15 авг. 1921 г. заведующего промыслами: «Прошу оказать содействие в сборе расхищенного имущества и орудия лова принадлежащее рыбным промыслам бывшее Цессеса на песке Нарыкарском…»[216].

Чеботарев Александр Николаевич (1873 – 1941) – ветеринарный врач, ученый-бактериолог. С 1914 г. заведовал в Тобольске губернской ветеринарно-бактериологической лабораторией. В 1914 и 1916 гг. командировался на полуостров Ямал для исследования причин падежа оленей.[217]

С первых лет жизни в Тобольске проявил себя как один из ведущих общественных деятелей и в первую очередь в области кооперации. В апреле 1916 г. члены потребительского общества «Самосознание» избрали его председателем и делегировали в состав городской думы. В 1918 г. он уже был среди крупных деятелей кооперативного объединения «Центросибирь» в Омске.

Кроме того, в Тобольске Чеботарев немалую пользу принес губернскому музею в 1914 – 1915 гг. как секретарь комитета музея и член комиссии по устройству чтений. В марте 1917 г. он вошел в состав Временного комитета общественного спокойствия в качестве товарища (заместителя) председателя. В 1917 г., когда встал вопрос о выборе городского головы, «некоторые… говорили: «Самый желательный кандидат, если бы он только дал согласие, это А.Н. Чеботарев, но у него один крупный недостаток – это человек с характером, с ним трудно ладить»[218].

В 1926 – 1939 гг. А.Н. Чеботарев – основатель, профессор и первый директор Сибирского ветеринарного института.[219]

Чернецов Валерий Николаевич (1905, г. Москва – 1970, г. Москва) – археолог, этнограф, исследователь Западной Сибири. Работал над созданием мансийской письменности, издал первый мансийский букварь,

---

[216] Гос. архив Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.

[217] Экспедиция А.Н. Чеботарева в Низовой край для выяснения вопроса о падеже оленей // Сибирский листок: 1912 – 1919. Тюмень, 2003. С. 238 – 240.

[218] На городские темы // Сибирский листок. 1918. № 163.

[219] Омская старина: историко-краеведческий альманах. Омск. 1993. № 2. С. 207.

грамматику, опубликовал «Вогульские сказки». Участвовал в нескольких экспедициях в Приобье (Салехард, Усть-Полуй, бассейны Северной Сосьвы и Конды).

Чечуровы – одна из наиболее заметных обдорских фамилий, начиная с 1-й половины XIX в. В 1847 г. умер березовский купец 3-й гильдии Петр Алексеевич Чечуров, перечисленный в 1839 г. из тобольских мещан. Его сыновья Алексей, Михаил, Андрей, Осип (Иосиф) и Виктор остались в Обдорске, причем Михаил с женой и пятью дочерьми и его братья Осип и Виктор – одним домом.[220] Алексей и Андрей сохранили принадлежность к купеческому сословию.

Чечуровы известны своей истовой приверженностью к православию. Пример подал отец, Петр Алексеевич, делавший пожертвования Петропавловской церкви. Сыновья приумножили церковное богатство своими дарами, иногда весьма значительными. Например, Алексей в 1851 г. принял такое обязательство: «Усердием к Обдорской Петропавловской церкви обязуюсь доставлять для богослужения и литургий красного вина и крупчатой муки хороших, добротных три года… на свой кошт, не требуя от церкви за оные денег»[221]. От него же церковь в 1865 г. получила 36-пудовый колокол, обошедшийся купцу в 516 р. А в апреле 1866 г. Тобольская духовная консистория издала указ об исполнении духовного завещания Алексея Чечурова, согласно которому церкви отделялись от его капитала в вечное владение 4795 р., чтобы проценты с этой суммы тратились на муку, ладан и вино для церкви.[222]

Андрей Петрович избирался церковным старостой, за пожертвование церкви удостоился благословения Святейшего Синода.

Оказывали Чечуровы поддержку и духовной миссии. В 1856 г. Андрей Петрович взялся своими пастухами пасти оленей миссии все лето «и с наступлением осени сдать сполна», а его брат Михаил взял на содержание двух остяцких мальчиков-учеников миссионерской школы. Вероятно, один из воспитанников этой школы, сын инородца, учился в 1860-е гг. в Тобольской духовной семинарии под фамилией *Чечуров* и с отчеством *Михайлович*. После выхода из семинарии Степан Михайлович Чечуров служил пономарем в церквах Полновата, Обдорска и Мужей.[223] В первом десятилетии XX в., когда при Обдорской духовной миссии организовалась

[220] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 753; Церкви Обдорска. Вып. I. Ч. 1. С. 185 – 186.

[221] Церкви Обдорска. Вып. II. Ч. 1. С. 101.

[222] Там же. С. 119.

[223] «И здесь появляется заря христианства…». С. 146, 149, 186, 296.

переводческая комиссия, в нее вошел И.А. Чечуров – по всей вероятности, Иван Алексеевич (род. ок. 1840 г.). Чечуровы, как и многие русские жители Обдорска, хорошо владели языками ханты и ненцев.

Чижевский Павел Иванович находился в ссылке в Березове с марта 1885 г. Через три года освобожден.

Шемановский Иринарх – иеромонах, настоятель Обдорской духовной миссии в 1898 – 1910 гг.[224] Окончил Новгородскую духовную семинарию. В Обдорске много сделал для просвещения местного населения. При нем и по его инициативе было организовано инородческое училище-пансионат, налажена широкая переводческая работа, священник *Иоанн Егоров* создал первый учебник на остяцком и самоедском языках, возникло миссионерское братство во имя святителя Гурия, совет по изучению Крайнего Северо-Запада Сибири, этнографический музей и библиотека при нем, сад. Создана рыболовная артель, налажено обучение вязанию сетей и другим ремеслам, получило развитие огородничество. Устроены заезжий дом и богадельня для немощных и престарелых инородцев. Шемановский оказывал содействие ученым экспедициям.

Шиловы – семья крестьянина Кондинской волости Моисея Андриановича Шилова, приказчика купца Андрея Тимофеевича Новицкого. Шиловы жили в Кондинске уже в XVIII в., в документе 1753 г. упоминается Борис Шилов. Жена Моисея Андриановича Анастасия Матвеевна была дочерью поляка Матвея Антоновича Шмигельского, сосланного в 1862 г. из Ковенской губернии. Их дети оказались так или иначе причастными к березовским событиям начала XX в. Старший сын Евгений Моисеевич был в родстве с *Т.Д. Сенькиным*, их жены – родные сестры, дочери *С.Т. Ануфриева*. Младшая сестра Е.М. Шилова Юлия Моисеевна в набросках к повести о Сенькине утверждает, что Евгений во время Гражданской войны был телеграфистом, но по документам видно, что в 1917 – 1921 гг. он, как и отец его жены *Д.С. Ануфриевой*, исполнял должность псаломщика и его подпись стоит в церковной метрической книге под списком расстрелянных и преданных земле заложников.

Его сестра Таисья Моисеевна в 1921 г., в 17 лет, приняла сторону большевиков и, по словам ее сестры *Ю.М. Козловой*, была медсестрой в отряде Сенькина и ушла из Березова вместе с отступавшими под натиском повстанцев сторонниками советской власти. После подавления восстания вернулась и работала делопроизводителем уездного отдела уголовного

[224] См.: Лагунов К.Я. Иринарх. Сургут, 1993.

розыска, а в августе 1923 г. откомандирована в распоряжение Березовского укома РКП(б). Умерла молодой.[225]

Брат Алексей Моисеевич (1898 г., с. Чемаши – 1942) в юности участвовал в экспедициях. *И.Н. Шухов* в статье «Река Казым и его обитатели» пишет: «В качестве переводчика был приглашен житель села Полноватского А.М. Шилов, хорошо знающий язык казымских остяков»[226]. С 25 декабря 1920 г. Алексей Моисеевич, будучи по специальности телеграфистом, некоторое время заведовал Кушеватским почтово-телеграфным отделением, в 1921 г. служил секретарем Кушеватского волостного военно-революционного комитета. В 1924 г. он был осужден к шестимесячным принудительным работам за то, что отстаивал интересы местной церкви. В Кушевате с ним жил его отец Моисей Андрианович, в 1921 г. работал сторожем Кушеватского ревкома. Младшая сестра Юлия Моисеевна вышла замуж за коренного березовца телеграфиста Антона Борисовича Козлова, впоследствии ставшего руководителем Ханты-Мансийской окружной конторы связи, и тоже приобрела профессию телеграфистки. В 1950-е гг. она писала повесть о Сенькине, материалом для которой стали воспоминания и рассказы участников событий тех лет.

О братьях Александре и Илларионе сведений не имеется. Известно только, что кто-то из Шиловых (инициалы в документах не указаны) заведовал в 1929 г. Березовским отделением госторга и преподавал на курсах туземного актива.[227]

Шмигельский Никита Матвеевич (р. 1888) – председатель Кондинского волостного военно-революционного комитета в середине 1921 г., в сентябре отстранен от должности. Его отец Матвей Антонович в 1862 г. был выслан в Кондинск из Ковенской губернии за участие в восстании. До 1908 г. занимался производством кирпича.[228]

Шмуклер Константин Георгиевич (1894, Тюмень – после 1976) – почтово-телеграфный работник. С 1911 г. служил надсмотрщиком Самаровского почтово-телеграфного отделения. В 1913 г. переведен в Березовское почтово-телеграфное отделение, в 1916 г. назначен механиком Омского почтово-телеграфного округа в Березове. В 1917 г. – председатель военно-революционного трибунала в Березове. Участвовал в Гражданской войне на Тобольском Севере. В послевоенные годы занимался созданием

[225] Гос. архив Югры. Ф. 435. Оп. 2-л. Д. 116.

[226] ЕТГМ. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 2.

[227] Подорожник. Вып. 6. С. 157 – 167.

[228] ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 545. Л. 221 – 224.

органов советской власти в Тобольске, Сургуте, Березове, работал в Тюменском губвоенревкоме.[229]

Штернберг Аарон Яковлевич (19.01.1871, г. Житомир – после 1940) – врач. Окончил медицинский факультет университета св. Владимира в Киеве (1896). В 1897 – 1901 гг. служил городовым врачом в Сургуте и уездным – в Березове. Впервые провел в Березове операцию чревосечения, изучал вогульскую народную медицину. Проявил себя как общественный деятель: установил тесные связи с Тобольским губернским музеем, участвовал в пополнении его коллекций, жертвовал книги в библиотеку музея. Один из инициаторов создания в Березове общественной библиотеки в память 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Регулярно посылал корреспонденции о новостях жизни Березовского уезда в тобольскую газету «Сибирский листок». В 1901 г. оставил Сибирь и переехал в Петербург, в конце года был командирован медицинским департаментом на Южный берег Крыма для предупреждения чумы. Весной 1904 г. – хирург действующей армии в Харбине, в начале 1905 г. – врач лазарета Красного Креста в Чите. Был военным хирургом во время 1-й мировой войны. В конце 1930-х годов – директор клиники женской урологии в Ленинграде, профессор, доктор медицинских наук.[230]

Шухов Иннокентий Николаевич (1894, Омск – 1956) – биолог, краевед.[231] Окончил Омский кадетский корпус (1911) и Петербургский психоневрологический институт (1915). Летом 1911 г. по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества совершил поездку в Обдорский край, собрал и передал в музей ЗСОИРГО гербарий и зоологические коллекции. В 1912 г. снова выезжал в низовья Оби, изучал культуру остяков, самоедов, зырян. В 1913 г. проводил исследования по р. Щучьей в северо-западной части Березовского уезда, собранные коллекции передал в Академию наук. В 1914 г. совершил путешествие по р. Казым. После 1917 г. работал в Сибири, главным образом преподавал в вузах Омска.

---

[229] Научный архив Ханты-Мансийского окружного музея Природы и Человека. Ф. 1103/244.
См. его письма к Х.М. Лопареву: Самаровский петербуржец. Ханты-Мансийск, 2008. С. 223 – 228.

[230] См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 524; «Деятельная интеллигентная сила» (общественная деятельность А.Я. Штернберга в Березове в 1898 – 1901 годах) // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 300 – 308; Березов на рубеже XIX и XX веков в письмах А.Я. Штернберга // Подорожник. Вып. 9. С. 29 – 34.

[231] См. о нем: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. С. 306 – 307.

Автор более 150 научных работ. В Гос. архиве Омской области есть личные фонды И.Н. Шухова.[232]

Щепёткины – березовские крестьяне и мещане, выходцы из Сургута, где эта фамилия с начала XVIII в. была одной из доминирующих. Семен Петрович Щепеткин, венчавшийся в 1808 г. в Воскресенском соборе, был, по всей видимости, первым носителем этой фамилии в Березове – «саженцем», который за XIX столетие превратился в ветвистое древо, опорами его стали сыновья Семена Петровича Даниил, Леонтий, Захар, Семен, Михаил и Александр. Самой многодетной была семья старшего из братьев – Даниила. Вступая в браки, Щепеткины породнились с Шаховыми, Нижегородцевыми, Бешкильцевыми, Даниил очень сблизился с Григорием Михайловичем Буториным – крестным троих его сыновей. Семья, судя по ряду признаков, имела широкие связи в березовском обществе.

К концу XIX в. Щепеткиных в Березовском уезде насчитывалось больше трех десятков, кроме Березова они жили в Обдорске, Мужах, Сартынье, и конечно некоторые из них не могли не выделиться из общего ряда. Семен Семенович в конце 1860-х гг. был купцом, в 1881 г. он пожертвовал 5 р. на исправление иконостаса Воскресенского собора. Из сыновей Даниила Семеновича известны Матвей и Петр. Матвей женился на дочери купца Евгении Александровне Нижегородцевой и переехал в Тобольск, его квартирантом был П.Ф. Равский, когда учился в гимназии. Петр в 1902 г. служил в Березовском уездном полицейском управлении столоначальником, сотрудничал с губернским статистическим комитетом, доставляя сведения по уезду. Сын Захара Семеновича Николай преподавал в Сухоруковском сельском училище, затем вернулся в Березов, в 1902 г. избирался старостой Воскресенского собора, имел звание личного почетного гражданина.[233]

Якобий Аркадий Иванович (1827, г. Казань – 1907) – врач. Окончил физико-математический факультет Вюрцбургского университета (1857 – 1860). В 1865 г. избран профессором кафедры судебной медицины и гигиены Казанского университета, считается первым в России профессором гигиены. В 1894 – 1895 гг. совершил миссионерскую поездку на север Тобольской губернии, вместе со священником *Николаем Герасимовым* посетил р. Надым, позднее побывал у ваховских ханты. Результаты исследований А.И. Якобия подробно освещались в тобольских газетах и «Ежегоднике Тобольского губернского музея».

[232] Ф. 374 и 2037.

[233] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 1, 9, 11, 13; Гос. архив Томской обл. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2084; Гос. архив Югры. Ф. И – 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 263 об.

Приложения

Приложение 1

Первовы

В Березовском районе Первовых очень много. Мне хочется рассказать об одной семье. Многие не помнят уже Первова Викентия Федоровича. На войну он не угадал по возрасту и работал в колхозе где придется – бригадиром, просто рабочим, и так – всю жизнь.

Я его застал в 60-е годы. Он был шорником и – по ремонту саней на конном дворе. На конном дворе только в Березове запрягалось около 60 голов лошадей – почтовые, выездные…

Викентий Федорович справлялся со своими обязанностями шорника. Хомуты и сани всегда были в порядке. Бывало, приедешь поздно, а он еще возится в конюховке, что-то ремонтирует.

Никогда я не слышал от Викентия Федоровича отказа или: «А сколько получу?». Его работу очень ценили. Запрягались лошади в одну дугу, хомуты подбирались по лошади, все натянуто и красиво, не то что сейчас ездят на лошади – все хлябает.

У Викентия Федоровича был сын Анатолий. Я его застал молодым. Но он уже тогда был на все руки – кузнец и моторист на катере (10 лош. сил). Один-единственный тогда был катер, который перевозил бригады на сенозаготовки, перевозил скот, а также сено осенью к фермам.

Так раньше работали в хозяйстве люди, вроде бы все успевали вовремя. В те времена в колхозе «40 лет Октября» запрягали лошадей по всем участкам около 150 голов. А крупного рогатого скота было около 800 голов, оленей – около 9 тыс. голов, и со всем этим хозяйством вот такие люди, как Викентий Федорович и Анатолий Викентьевич, справлялись. И тащили такую ношу, и никогда не жаловались, только одно хотели – честности и справедливости, не терпели обмана.

…Когда колхоз получил по разнарядке трактор (это был ДТ-64), Викентий Федорович завел его, сел и поехал. Я спрашиваю его: «Ты до этого ездил на тракторе?». Он говорит: «Нет». А вот была тяга к технике, прочитал инструкцию, сел и поехал. Так и стал на нем работать. В две смены возил сено на ферме Демино. В любую погоду трактор работал. И так Анатолий Викентьевич проработал в колхозе и совхозе всю свою жизнь.

Вот с такими людьми мне пришлось работать. Светлая память им, их уже нет в живых. Пишу о них, чтобы помнили…

К. Семяшкин,
п. Березово.
(Жизнь Югры. Березово, 1999. 18 июня)

Приложение 2

Линия в тайге

…1911 год. Захолустной окраиной был тогда Обский Север. <…> После революции 1905 года на Север было выслано много политических заключенных. И здесь так же, как и по всей России, стало неспокойно. Видимо, для того, чтобы иметь постоянную и скорую информацию о положении на Севере, царское правительство приняло решение построить телеграфные линии Самарово – Сургут, а затем и Самарово – Березов.

В 1911 году мы приступили к ее прокладке. Делать это пришлось в труднейших условиях, по бездорожью, вдалеке от населенных пунктов. Строительство вели три колонны. Первая рубила просеку, вторая занималась рытьем ям, заготовкой и установкой столбов и третья шла с подвеской проводов.

Адская это была работа. В руках связистов – лишь топор, поперечная пила да лопата. За неимением транспорта все оборудование линии (крючья, изоляторы, провода) и продовольствие для связистов приходилось переносить на себе. Люди изнемогали от гнуса, топких болот, от бесконечных переходов через овраги и речушки. Но линия все-таки строилась. Ее прокладывали в основном по правому берегу Оби. В Перегребном через Обь проложили кабель, в Люлюкарах через реку Сосьва построили воздушный переход, впоследствии также замененный кабелем. У Березово был построен большой мачтовый переход через Башков сор. Возведение воздушных переходов для связистов было делом новым. Однако люди проявили смелость и находчивость, и воздушные преграды были преодолены за короткое время.

В конце лета 1913 года Березово получило телеграфную связь со всеми населенными пунктами России. Первое время, пока провода были новыми, с Самарово разговаривали по телефону, потом, ввиду окисления проводов, спаек, большой утечки энергии телефонная связь затруднилась.

<...>

А. Первов

(Ленинская правда. Ханты-Мансийск, 1963. 10 дек.)

Как я стал телеграфистом

По окончании городского училища в 1915 году у меня было намерение продолжить образование – учиться в Омском механико-техническом училище. Обычно у нас два – три человека из выпуска уезжали для продолжения образования в Тобольск, Омск, Тюмень и другие большие города, но я, не имеющий средств для учебы, вынужден был остаться в Березове. На мое счастье в местную почтово-телеграфную контору принимали трех учеников для обучения на телеграфиста-морзиста. Это вызвано было тем, что часть телеграфистов была мобилизована для сражающейся армии. И вот мы трое – я, мои соученики Иван Усков и Петр Москвитин – подали заявления о приеме нас учениками. В начале сентября 1915 года пришло разрешение на обучение. Мы старались, как могли, скорее овладеть манипуляциями на ключе, азбукой Морзе и приемом телеграмм.

Линия телеграфа в Березов была проведена в конце лета 1913 года.

Работа проходила в Самаровом, Кондинском и Обдорском хорошо, и к январю месяцу мы вполне овладели требуемыми от телеграфиста навыками. В конце декабря 1915 г. нам устроили проверочный экзамен, а в начале января мы получили назначения: я и Усков в Тобольскую контору связи, Москвитин – в распоряжение Тюменской конторы связи.

Я несколько вернусь назад, расскажу, как проходило наше обучение. В то время телеграмм было мало, из Березова исходило 12 – 15 телеграмм ежедневно и столько же поступало в Березов. А нам надо было больше практиковаться, мы все трое рвались к работе, и каждый старался первым ухватить телеграмму и передать в Самарово или Кондинск. Особенно мы старались, когда основного телеграфиста не было на месте – уходил куда-нибудь или вечером укладывали его пораньше спать на канцелярских столах, а сами принимались за него работать. В конечном итоге нас разбили на три смены, чтобы каждый мог продежурить в неделю две ночи. Когда подходила ночная смена, каждый из нас уговаривал своего опекуна дежурного телеграфиста лечь отдохнуть, чтобы побольше потренироваться и набраться опыта. Как ученикам нам ничего не платили.

По прибытии в Тобольск меня определили на телеграф, а Ускова, имевшего красивый почерк, взяли в канцелярию конторы. Первую неделю мы прожили у знакомого почтового работника, тоже березянина, но еще в

молодости выехавшего в Тобольск, а затем по его протекции устроились нахлебниками в семью разъездного почтальона, сопровождавшего почту. Нахлебниками назывались проживавшие за оговоренную плату и питавшиеся тут же. Мы не знали никакой заботы, у нас всегда было чистое белье, завтрак, обед и ужин.

Работа на Тобольском телеграфе, как небо от земли, отличалась от работы в Березове. Если там в наличии был один аппарат и один телеграфист, то в Тобольске стояло четыре аппарата Морзе и буквопечатающий аппарат «Бодо». В смену работало вместе с механиком, кассиром и экспедитором до 10 человек, не считая разносчиков телеграмм, а количество исходящих телеграмм доходило до 500 – 600. Если в Березове можно было работать с прохладцей и заниматься посторонними делами, то в Тобольске уже пришлось работать, как автомату. Работали по 8 часов в сутки, ночами спать почти не приходилось, слишком велика была нагрузка. За день все поступившие от клиентуры телеграммы передавать не успевали, и ночью, когда поступление от корреспондентов ослабевало, старались протолкнуть всю залежь на Тюмень. По остальным направлениям телеграмм было значительно меньше, линии на Самарово, Сургут, Березов, село Чернавское были всегда незагружены. На главном же направлении, Тюменском, мы с работой зашивались. Работа была очень утомительной. В ночную смену, чтобы отогнать сон, пили горячий, крепко настоянный чай.

Так я проработал до июня месяца 1916 г., и меня перевели в село Голышманово. <…> После Февральской революции я перепросился вновь в Тобольск, куда прибыл в начале осени 1917 г. Жизнь потекла, как и раньше: дежурства ночные вперемежку с дневными.

В то время в Тобольске находился бывший царь Николай II, помещен он был со своей свитой в губернаторском доме. Несколько раз пришлось его видеть в окружении семьи на балконе дома, откуда они рассматривали улицу. Каждое воскресенье и по церковным праздникам он с семьей проходил через сад в церковь, которая была с угла на угол от конторы связи. При этом улица, ведущая на пристань, и улица, на которой стоит здание конторы связи, перекрывались вооруженной охраной. Когда это происходило, мы обычно бросали работу и устремлялись к окнам поглазеть на бывшего правителя судеб России и его семью.

Весной 1918 г. его с семьей под охраной отряда мадьяр в один из дней рано утром повезли по тракту на Тюмень. Мне неоднократно приходилось вести переговоры по перебазированию Николая II и его семьи. К сожалению, разговоров этих я не записал и теперь из них ничего не помню. Кто вел переговоры также из моей памяти вылетело, но, кажется, часто участвовал комиссар Хохряков. Обсуждались детали перевозки, подготовки приема в Тюмени, переотправки в Екатеринбург и подготовки нового места жительства.

А. М. Первов

Приложение 3

Духовное завещание Ф.Н. Карпова[1]

1899 года Марта «23» дня.
По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Тобольский Окружной Суд, по Гражданскому Отделению, в следующем составе:

председателя М.Я. Введенскаго, членов суда В.Б. Курнатовскаго, П.В. Головина и мирового судьи К.Г. Литынскаго при товарище прокурора В.Н. Арнольдове и секретаре У.И. Ивановском

слушал дело об утверждении к исполнению домашняго духовнаго завещания умершего купца Федора Николаева Карпова.

Мировой Судья 1 уч. Тобольской округи при представлении от 16 ноября 1897 г. за № 1445 представил в Окружной Суд найденное при описи имущества умершего купца Федора Карпова его духовное завещание, писанное на 2-х листах простой бумаги, следующего содержания. Домашнее духовное завещание. Во имя отца и Сына и Святаго Духа. Тысяча восемьсот девяносто седьмого года Февраля двадцать седьмого дня, я нижеподписавшийся березовский 2-й гильдии купец Федор Николаев Карпов находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю после смерти моей все мое благоприобретенное имущество движимое и недвижимое в чем бы оно не заключалось тому следуют пункты

1) поимел желание соорудить на каменную церковь в селе Обдорске три главы на алтари вызолотить через огонь, как и первые две на той же церкви с крестами и шарами стоимостью три тысячи пятьсот руб. (3500 р.) с доставкою в Обдорск и постановкою их на место; мною же отдано церковному старосте Протапопову для передачи мастерам две тысячи триста руб., а остальные тысяча двести руб. (1200 р.) выдать из моего капитала;

2) на Обдорскую больницу для бедных русских и инородцев тысячу пятьсот (1500 руб.);

3) отправить на Святую гору Афон в русский Пантелеймонов монастырь триста руб.; да ранее 1881 г. 16 марта отправлено было девяносто пять руб. на вечное поминовение о здравии, а теперь поминать за упокой, которые здесь помечены иерея Николая, рабов Федора, Веру, Марию, Варвару, Александру, Агриппину, Анну, Ольгу и на масло и на свечи сорок руб., а всего (340 руб.);

4) в Кушеватскую и Муженскую церкви завещаю по 200 руб., четыреста рублей (400 руб.) в капитал причта на вечное поминовение за упокой Федора, Веру, Марию, Варвару, Агриппину, Анну, Ольгу проценты должны идти причту за поминовение, а капитал должен быть неприкосновенен;

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 15. Д. 695. Л. 64 – 66.

5) в Березовский Воскресенский собор завещаю на вечное поминовение за упокой в родительские и субботние дни в капитал причта четыреста руб. (400 р.) иерея Николая, рабов Федора, Веру, Марию, Александру, Варвару, Агриппину, Ольгу, Анну (слово неразборчиво) проценты должны идти причту за поминовение усопших, а капитал должен быть неприкосновенен;

6) в село-Обдорскую приходскую церковь завещаю на вечное поминовение в капитал причта усопших рабов упомянутых в пятом пункте четыреста руб. (400 руб.), проценты должны идти причту за поминовение а капитал должен быть неприкосновенен;

7) на нужды Обдорской миссии жертвую пятьсот руб. (500 руб.) и в капитал причта двести руб., на вечное поминовение усопших рабов упомянутых в пятом пункте всего 700 руб., на проценты поминать усопших, а капитал должен быть неприкосновенен;

8) девушке, ранее проживавшей у меня племяннице Софье Афонасьевне Шаховой завещаю четыреста руб. (400р.) и шубу мою лисью;

9) племяннице моей Парасковье Николаевне Шаховой завещаю пятьсот руб. (500 руб.);

10) крестнику Егору Осипову Терентьеву завещаю двести руб. (200 руб.) и икону Святителя Митрофана в серебряной ризе с киотою;

11) крестнику Самуилу Платоновичу Мещерякову двести руб. (200 руб.) и икону Божией Матери «Утоли моя печали» по серебряной ризе с каменьями;

12) крестнице моей Марии Ивановой Поповой завещаю деньгами пятьдесят руб. (50 р.), икону Святителя Николая в серебряной ризе;

13) мальчику, ранее проживавшему у меня Тихону Колесниченко завещаю пятьдесят руб. (50 р.) и что-нибудь из ношебного платья моего дать ему;

14) жене моей Вассе Гавриловне, бывшей Седельниковой, завещаю личными деньгами тысячу руб. (1000 руб.) и в пожизненное ее владение капитальный дом мой со всею принадлежащею к нему прислугою, амбарами, сеновалами, хлевами и банею; кроме флигеля рядом с (ним) домом и двумя амбарами в одном из них в одной связи три амбара, потому что это мною продано лично березовскому мещанину Василью Ускову; в случае же смерти жены моей дом должен продаться, а вырученные за дом деньги присоединить к жертвованным мною на больницу по пункту 2-му;

15), внуку моему Сергию Ивановичу Беличу завещаю личными деньгами, хранящимися в Тобольске в отделении Государственного Банка пятнадцать тысяч руб. (15000 руб.), проценты с капитала должны идти на его воспитание до совершеннолетия его, а капитал должен быть неприкосновенен, в случае же смерти его, внука моего Сергия Белича,

до совершеннолетия капитал этот должен поступить на другие богоугодные заведения, ему же, внуку моему Сергию, завещаю кроме того хранящиеся в Обдорске в сундуке и амбаре разное имущество, в сундуке разное серебро и платье мое, одна дюжина ложек столовых новых, полдюжины ложек чайных на руках у жены, сливочник, солонка, 2 бокала, две рюмки, три ложки десертных, ситечко чайное, щипцы для сахара, три подстаканника, один поднос большой 84-й пробы белый, три лампадки серебряные, перстень мой брильянтовый, иконы Спасителя, Покрова Пресвятой Богородицы, Варвары Великомученицы, все три иконы в серебряных ризах, вызолочены в киотах, шуба моя енотовая в амбаре;

16) в Березов завещаю на постройку нового каменного Воскресенского Собора двенадцать тысяч рублей (12000 руб.), если только состоится это предприятие, а если не состоится, то этот капитал поступает на другие богоугодные заведения в других местностях. Еще завещаю один выигрышный билет, серия 13122 № 41, тоже на постройку собора;

17) еще завещаю в Обдорскую Петропавловскую церковь икону Тихона Задонского в серебряной вызолоченной ризе в киоте и икону Почаевской Божией Матери без ризы и

18) на случай устройства в Обдорске или в Обдорском краю интерната или пансиона при миссионерском училище для инородческих детей завещаю десять тысяч руб. (10000 р.) с тем условием, чтобы капитал этот был зачислен в неприкосновенный капитал Обдорской миссии, а проценты с него расходовать на содержание возможного количества инородческих детей в означенном интернате или пансионе при миссионерском училище. Все вышеизложенное писал своеручно. Никто на мой капитал претендовать права не имеет, родственников не имею, должным никому не состою, капитал не по наследству доставшийся мне, а собственно приобретенный моими трудами. Писал в здравом уме и твердой памяти своеручно. К сему завещанию подписуюсь березовский 2-й гильдии купец Федор Николаев Карпов. 1897 года Марта 4 дня. Что сие духовное завещание писано собственноручно в полном уме и твердой памяти березовским 2-й гильдии купцом Тобольской губернии Федором Николаевым Карповым удостоверяю своим подписом священник село-Обдорской Петропавловской церкви Евдоким Никитин. При этом находился обдорский сельский староста Владимир Сверчков. При этом находился обдорский крестьянин Павел Никоноров Мамеев. При этом находился обдорский крестьянин Александр Федоров Кудрин. Всего капиталу у меня, а именно: в Тобольске в отделении Государственного Банка на хранении в процентных бумагах сорок девять тысяч семьсот рублей (49700 руб.). При себе имеется до пяти тысяч руб. (5000 руб.) В Обдорске следует получить за товар, сданный Седельникову Александру Николаеву на пять тысяч семьсот пятьдесят

рублей (5750 руб.). За флигель, проданный мною березовскому мещанину Василию Григорьеву Ускову, шестьсот руб. (600 р.), на это имеются документы. Березовский купец Федор Николаев Карпов писал апреля 27 дня 1897 года.

[...]

Приложение 4

Докладная записка почетного гражданина, березовского купца Ивана Ильича Карпова тобольскому губернатору Н. М. Богдановичу[2]

Состояние путей сообщений в отдаленном Березовском округе крайне невыгодно отражается на промышленной деятельности и вообще на жизни обывателей этого края. Случается часто, что самые необходимые предметы, как хлеб, соль и проч. запасены торговцами в недостаточном количестве, и жители подвергаются большим лишениям. Когда подобное обстоятельство обнаруживается, то оно непоправимо, ибо нет возможности снова доставить недостающее количество припасов по той причине, что отсутствуют достаточныя средства передвижения. По этой же причине край на значительное время как бы отрезан от центра административной деятельности, что крайне невыгодно для населения.

Существующая земская гоньба по естественным местным условиям не может быть правильна, а выполнение ея между тем тягостно для несущих эту обязанность. Инородцам приходится часто терять для гоньбы время, самое нужное для рыбнаго промысла и происходящий от этого ущерб не вознаграждается платой, получаемой ими за гоньбу. Что гоньба, отягощая местное население, не достигает своей цели, не удовлетворяет своему назначению, вследствие своей неправильности и, так сказать, случайности – это известно местным властям, которыя должны однако мириться с этим положением за неимением лучшаго.

Имея ввиду эти обстоятельства, я, местный житель, имеющий торговое и промышленное дело, желал бы построить и поставить пароход, который поддерживал бы раз в две недели правильное и постоянное сообщение между Самаровом и Обдорском с остановками на пути при всех селениях, имеющих волостныя учреждения.

Мое намерение может быть осуществимо только при благосклонном внимании Вашего Превосходительства к предложению, которое я делаю. Я имею честь ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о том, чтоб сделать распоряжение о передаче мне летней земской гоньбы между

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 6. Л. 13 – 14.

Самаровом и Обдорском, о чем может быть заключен особый договор. Как известно, на эту гоньбу ассигновывается 8000 руб., каковая сумма может пойти мне в плату за гоньбу в лето. Но так как этой суммы недостаточно, чтоб пароход мог успешно работать, то я прошу в видах покровительства этому предприятию о субсидии. Субсидия, по усмотрению Вашего Превосходительства, могла бы выразится в том, что мне при заключении договора было бы выдано авансом двадцать тысяч рублей, которые погашались бы в течение 10 лет вычетом из платы за гоньбу. Пароход служил бы обезпечением правильности с моей стороны уплаты.

Субсидия могла бы вылиться и в другой форме по усмотрению Вашего Превосходительства. Я льщу себя еще надеждой, что Ваше Превосходительство найдете возможным войти в сношение с Почтовым Департаментом о передаче мне и почтовой гоньбы от Самарова до Березова, которая теперь производится на лодках.

Установление правильнаго и скораго сообщения между Самаровом и Обдорском вызовет, смею думать, развитие промышленности и оживление края, благодетельное для населения.

Если изложенное предложение мое заслужит внимания и одобрение Вашего Превосходительства, то я намерен принять своевременно меры к тому, чтобы начать работу в навигацию 1894 года. Поэтому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство удостоить меня заблаговременно благосклонным ответом. Тобольск 21 августа 1893 г. Личный почетный гражданин березовский 2-й гильдии купец Иван Ильич Карпов.

Приложение 5

Заявление Добровольского Василия Ивановича Березовскому районному отделу ОГПУ об отмене высылки отца из села Березово в село Обдорск[3]

11 октября 1930 г.

В марте месяце сего года при проведении в селе Березове ликвидации кулачества как класса мой отец был подведен под категорию раскулачиваемых, выслан из села Березова и в настоящее время, в ожидании отправки его в распоряжение Обдорского ОГПУ, проживает в г. Тобольске.

Прежде всего, считаю необходимым сказать несколько слов об отце.

До революции 1917 года отец, принадлежа к мещанскому сословию, занимался рыбопромышленностью в низовьях реки Оби. В 1914 году, когда наступил период более удачных промыслов, ему удалось приобрести одну небольшую рыбацкую баржу на 9 сажен и небольшой мотор на 1 1/2 сил. Кроме того, на рыболовном месте, находящемся ниже

[3] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 3а. Л. 24 – 25. Подлинник. Рукопись.

Обдорска, было оборудовано небольшое заведение, состоящее из трех деревянных построек. В этом и состояло все рыболовное имущество моего отца до 1917 года. В самом же Березове, постоянном местожительстве семьи, он имел довольно приличный деревянный дом с необходимой прислугой. Вот все, в чем заключалось, так сказать, движимое и недвижимое имущество моего отца. В начале революции все рыболовное имущество было национализировано и перешло в ведение государственных организаций. В 1921 году во время бандитского восстания у моего отца было изъято все ценное и неценное имущество, а в 1928 году был муниципализирован и дом с более крупными постройками, ему же был оставлен небольшой флигель двух саженей, хлева, сенник и одна завозня. Имея в распоряжении оставленное имущество, отцу не оставалось ничего делать, как жить и работать только для того, чтобы прожить и пропитаться. Имея рыболовные сети, он, несмотря на свой седьмой десяток лет, ловил рыбу для собственного пропитания, а излишек сдавал или кооперации, или какой другой хозорганизации. Из скота имел одну корову и одну лошадь, на последней сам возил дрова и сено, и, кроме того, штук сорок оленей. Никакой эксплуатации чужого труда с его стороны не было, за исключением случаев заболевания, когда он, в силу своего нездоровья, вынужден был пользоваться временно поденным наемным трудом. Вот в таком положении застала его кампания по проведению ликвидации кулачества как класса. В настоящее время и остальное имущество у него отобрано, а сам он в марте месяце был выслан в г. Тобольск. Семья его состоит в настоящее время из одной жены (моей матери), которая уже выслана из Березова в распоряжение Обдорского ОГПУ.

Считаю необходимым указать на то обстоятельство, что за время существования Советской власти ни сам отец, ни один из его бывших членов семьи (его 4 сына) не скомпрометировали себя чем-либо противозаконным, наоборот, в отношении сыновей его, моих братьев, должен сказать, что все они с начала революции до сего времени работают в хозяйственных организациях, честно и добросовестно исполняя свои обязанности, все – члены профсоюзов.

О себе имею сказать следующее: до 1918 года я учился в Тобольской гимназии. В 1919 году, в июле месяце, был мобилизован Колчаком в Березове, где прослужил 1 1/2 месяца. В феврале месяце 1920 года добровольно перешел на сторону Красных войск в лице Северного экспедиционного отряда под командой товарища Лепехина. Будучи на Польском фронте в должности пулеметчика-наводчика, честно выполнил свой долг красноармейца-бойца. За отличную стрельбу из пулемета, оказанную большую помощь при боевой обстановке всему отряду против наступающего противника, я был проведен приказом по отряду на представление к ордену

Красного Знамени, но получить мне его не пришлось, так как при общем отступлении от Варшавы я с остатком боевой части отряда был взят в плен, где пробыл 2 месяца. В плену мне пришлось перенести все те лишения и унижения (вплоть до побоев), какие неизбежны для армейца Советского Союза в плену у буржуазии. Из плена мне удалось с опасностью для жизни бежать. После чего снова служил в рядах Красной Армии. Первого января 1923 года был демобилизован и уволен в бессрочный отпуск. Со времени демобилизации до сего времени постоянно служу в государственных и хозяйственных организациях.

Принимая во внимание вышеизложенное, я ходатайствую перед ОГПУ ввиду преклонного возраста отца (65 лет), его полной нетрудоспособности (справка прилагается), отсутствия при нем трудоспособного члена семьи, а также и его абсолютной как политической, так и экономической безвредности (в чем я, как бывший красноармеец, ручаюсь), об освобождении от высылки и предоставлении ему права жить около своих родных, которые могли бы материально поддерживать его существование.

Ввиду того, что высылка отца в Обдорский район создает для его существования весьма тяжелые условия, прошу ОГПУ с разрешением настоящего дела не задерживать и о результате сообщить.

Приложение 6

Неприятный случай

Накануне Рождества Христова я получил приглашение для освящения придела в с. Чемашевском храме, в 120 верстах, и я без колебания решился ехать. 26-го после литургии я двинулся в путь, чтоб поспеть к всенощному бдению 27-го декабря. Вскоре приехали туда еще священник и становой пристав. К вечеру была масса народу. В храме шло приготовление. Редкое благолепие храма производило сильное впечатление. Все новое, дорогое, блестящее. Жалко мне стало свой храм в сопоставлении с этим. И все это устроено, благодаря одному настойчивому и не перед чем не останавливающемуся благотворителю-строителю купцу А.Т. Новицкому. Трудами его создан храм, приобретены иконостасы и все украшение… Очень желал А.Т. поучаствовать на освящении придела т. к. два престола были освящены в его отсутствие. Теперь общество в благодарность ему решило во что бы ни стало, видеть его в храме во время торжества освящения. С согласия отца благочинного, которому поручено было освятить храм, назначили днем освящения 28-е декабря. Были напечатаны извещения и разосланы по окрестностям. А вот и результат извещения: громадный сбор народа… А.Т. в Тобольске. Чтобы приехать вовремя, он платит по 10 р. за станок и достигает цели. Везет дорогие жертвы для храма… Народ ждет, волнуется. Вот и 28-е, но о. благочинного нет… Богомольцы возвра-

щаются восвояси, а А.Т. 29-го выезжает по делам в г. Ирбит. Освящение не состоялось.

Поехал и я обратно за 120 вер[ст]. Дорогой я думал: вот и у нас постройка храма. Что, если и нашу бедную церковь постигнет такая-же неудача?.. Неприятный случай…

Свящ. А. Соколов

Торжество освящения придельного храма в селе Чемашевском, Березовского уезда[4]

В краткой еще истории этого храма есть два случая достойных внимания… Несколько лет тому назад в с. Чемашах свирепствовала ужасная болезнь скарлатина, уносившая ежедневно десятки малолетних детей. Скорбь и отчаяние бедных родителей не имели границ. В это время сооружался в приходе новый трехпрестольный храм. Проникнувшись сознанием своей греховности, жители обратились к Богу с горячей молитвой о помиловании. Всемогущий внял мольбе недостойных рабов своих и открыл им свое изволение, вложив в сердце доброго прихожанина мысль об устроении придельного храма в честь святого, празднуемого 11 января преподобного Феодосия великого. Большинством прихожан мысль была принята с чувством особенной радости. Для осуществления доброго намерения решили изыскивать средства.

При обсуждении вопроса об изыскании средств некто дерзкий человек обнаружил непочтение к преподобному Феодосию, предательски отказавшись от него. Обиженные сходчики предупредили его: «Бог не потерпит оскорбления Своего угодника, накажет тебя»… и что-же? Дорогой несчастный кощунник был поражен внезапной смертью: упав в огонь, смертельно обжегся. Это обстоятельство еще более укрепило веру прихожан в заступничество по молитвам угодника Божия Феодосия, и вера их не посрамила. После 11-го января болезнь сразу затихла и смертных случаев более уже не наблюдалось. Т. о., два случая: милосердие Божие по ходатайству св. Феодосия и кара Божия за оскорбление угодника Его как бы положены в основание для вновь сооруженного придельного Феодосиевского храма. Надолго памятны и поучительны будут они для чемашевцев и поколений их…

Много забот, труда и материальных жертв в это св[ятое] дело вложил строитель купец А.Т. Новицкий. Радуется сердце при виде этого величественного, благоустроенного храма. Все в нем ново, чисто, благолепно…

---

[4] Тобольские епархиальные ведомости. 1910. 1 апр. № 7. С. 169 – 171.

Освящение Феодосиевского придела было в первый раз назначено на 28-е декабря 1909 г., но не состоялось и было вновь назначено на 25 февраля сего года. К этому времени прибыли сюда: благочинный о. А. Тараканов и священники о. А. Страхов, о. А. Пермяков и А. Соколов. 24-го января было совершено всенощное бдение при совместном служении 5 иереев, в соучастии о. настоятеля храма о. К. Хлынова. Стройное пение и выразительное чтение местного псаломщика г. Вологодского придавало службе большую торжественность. Пели на двух клиросах: местные школяры с учительницей и любителями и привезенные о. благочинным девочки – самоединки из второклассной Березовской учительской школы, при участии местного псаломщика. Самоединки умиляли пением молящихся, исторгая у некоторых слезы. Особенно одна из них, обладала богатыми музыкальными способностями и чудным вибрирующим сопрано, невольно заставляла проникаться молитвенным чувством. По освящении храма священник о. А. Страхов сказал приветственное слово прихожан, в котором он, как бывший настоятель храма, радовался с ними по поводу переживаемого события. А во время литургии было произнесено соответствующее случаю прекрасное поучение о. благочинным А. Тараканом. Впечатление богомольцев было восторженное. Подъем духа необычайный… Весьма благодарны остались прихожане о. благочинному за пение девочек – самоединок…

С[вященник]. А. С[около]в.

Приложение 7

Моя поездка с остяками в Москву

(Доклад члена общества изучения края при музее Тобольского Севера В.М. Новицкого об экспедиции Наркомнаца по сбору экспонатов для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и ее результатах)

Еще в марте 1923 г. от Наркомнаца поступил на имя Общества запрос- предложение выдвинуть из своей среды лицо для целей выполнения задания Наркомнаца по сбору экспонатов для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Таким лицом был указан я.

Ввиду отсутствия средств дело затянулось до июля месяца, и только в начале июля приехал с деньгами и товарами для приобретения экспонатов уполномоченный Наркомнаца А.Н. Радищев.

Выехав из Тобольска в начале июля, к середине месяца мы были в Ванзеватском районе Березовского уезда, где и предстояла работа по этому заданию, которое в официальной программе Наркомнаца было указано. Это задание сводилось к следующему: 1) вывезти семью остяков – двух мужчин, одну женщину и одного подростка, 2) представить быт и занятия туземцев-рыболовов.

По указанию Наркомнаца работа распределялась так: уполномоченный Радищев ведал всей хозяйственной частью (продовольствие туземцев, распоряжение денежными и товарными ценностями, приобретение экспонатов, упаковка, пересылка, вообще выставка всех экспонатов, ведение денежной отчетности и т.д.), на меня же возлагалась только экспертиза и вообще научная часть по приобретению экспонатов, т.е. оценка пригодности или непригодности, необходимости или ненеобходимости данного экспоната.

Ввиду того, что открытие выставки намечалось 15 августа, работать приходилось лихорадочным темпом, т.к. пришлось провести в районе всего 10 дней. Но, несмотря на такой короткий срок, отсутствие сносных путей и средств передвижения и целый ряд других препятствий, задание было выполнено.

Имеющимися экспонатами можно было полностью оснастить рыболовно-охотничий чум туземца. Из важнейших выставочных экспонатов были вывезены... берестяная посуда, столики, скамьи туземцев, принадлежности очага и т.д. Туземная одежда экспонировалась частью приобретенная на средства Наркомнаца, частью специально взятая с собою самими туземцами. Занятия – рыболовство – полною коллекцией рыболовных орудий (морда, турахи разных типов, сети, колдан и пр.), и даже была вывезена одна остяцкая душегубка-колданка с гребками и веслом и одна неоконченная (как образец) лодка колданка же.

По охоте также было собрано все полностью, частью в моделях, частью в оригиналах (например, самострел, разнообразные ловушки и т.д.). Даже такой своеобразный снаряд для ловли уток как перевес размером 12х6 сажен был вывезен натуральным и установлен на выставке. Была приобретена также неизбежная принадлежность остяцкого селения собака-лайка и доставлена в Москву вместе с нартой и упряжью. Помимо отмеченного, было привезено много и других вещей, характеризующих быт, материальную и духовную культуру туземцев, на выставку: например, замшевые и из шкур оленя и налима изделия, музыкальные инструменты, орудия обработки шкур зверей, дерева, плетения из травы и т.д.

Кроме того, Радищевым были приобретены в Березове живая куница, в юртах Сумутнельских – две живых лисицы-огневки и на пристани в Тобольске – медвежонок. К сожалению, до Москвы были довезены только две лисицы. Куница погибла от тяжелых и неудобных условий переезда: на пароходе ютились под тентом в большой тесноте, т.к. лучшего места администрация парохода отвести не могла. Медвежонок же [погиб] в Тюмени во дворе гостиницы...

Все время мною, а частью и Радищевым, велась культурно- просветительная работа. Всякое новое явление, всякое культурное приобретение и вообще, что можно было пояснить, – все демонстрировалось им [остякам], пояснялось.

Например, сев в первый раз на пароход, они тотчас же были ознакомлены с его устройством, машиной, электрическим освещением и т.д. В Тобольске знакомились с музеем, городом. В Тюмени – летний сад, концерт, город. На железнодорожном вокзале им были показаны с пояснением паровоз, поезд, дано понятие о желдорогах. В пути из Тюмени до Москвы – демонстрация городов, карты пути, хлебопашество, фабрики, заводы, железнодорожные мосты и т.д. В Москве они испытали все средства передвижения культурного человека, т.е. катались на трамвае, автомобиле, гидроплане, далее были в зоологическом саду, осматривали выставку, город и т.д. С ними все время велись беседы на разнообразные темы: просвещение, что такое Советская Россия, кто заменил царя (народных комиссаров они называли «народными старшинами») и т.д.

Результатом всего этого было то, что Юмины в переднюю и Юмины в заднюю дорогу были совершенно разными по миропониманию людьми, в силу чего на обратном пути неоднократно приходилось слышать, что ездившие на выставку остяки нетипичны. Да, действительно, когда остяки были в своих родных юртах, они были очень типичны, но своей поездкой на выставку они сделали такой огромный шаг вперед в смысле развития, что стали действительно нетипичными, но это так и должно было быть.

Самою тяжелою работою лично для себя и переводчика я считаю те три дня из десяти, которые пришлось употребить на то, чтобы уговорить туземцев, абсолютно некультурных, поехать в Москву на выставку. Это было кошмарное переживание для меня и переводчика, т.к. помимо того, что туземцы не соглашались ехать, находились, и очень много, такие, которые, стоило кому-нибудь полусогласиться или даже задуматься над этим, тотчас начинали наговаривать ему, что если поедет, то значит он приговаривает себя к смерти, т.к. русские зовут его, чтобы убить. После тяжелых нервных переживаний наконец удалось сговорить две семьи, которые одна без другой не ехали, как не ехали и без меня, их знакомого. Это были Иван и Татьяна Юмины с 6-месячным ребенком, которого оставлять в юртах не хотели (это семья из юрт Русь-кают-нель), и Костя и Марфа Юмины из юрт Сумутнельских с девочкой двух лет. Мать Татьяны, не желая отпускать дочь куда-то в неизвестную сторону, решила утопиться, и мне пришлось вместе с родными уговаривать ее и даже охранять, следить, чтобы она мысль свою не привела в исполнение, а попытки к тому были. Но так или иначе все окончилось хорошо, туземцы благополучно были доставлены на выставку и с последними пароходами вернулись к себе в Юрты...

Публикуемый доклад хранится в научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.[5] Тобольский журнал «Наш край» в № 2 за 1924 г. на стр. 42 сообщал, что за проведение в 1923 г. этнографической экспедиции на Тобольский Север для собирания экспонатов для Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, характеризующей хозяйство и быт туземцев, автор этих строк Василий Михайлович Новицкий получил от главного выставочного комитета диплом признательности.

Приложение 8

Корреспонденции

Березов. Нет имени хищническим делам тобольских крупных рыбопромышленников. Рыба безбожно уничтожается, даже в ущерб самих хищников. Масса рыбы губится запрещенными самоловами и еще больше заколами и заборами, которые делаются сплошными из толстых свай, и сверх всего опускается двойная частая мережа. Вода в таких местах от нанесенной травы и ила делается мутной, портится, и рыба начинает дохнуть, т.к. дышать ей нечем. А сколько гибнет помятых самок в тех заколах от несвоевременного метания икры. Далее такого рода запрещенными заколами наносится громадный вред рыбакам, имеющим промысла выше по реке. Большие хищники загораживают реку с обеих сторон версту, две в районе устьев соров, и ни из Оби, ни из соров рыбе нет иного выхода, как в невод какого-нибудь толстосума. Беру пример. Крупный рыбопромышленник В.И. Новицкий, забравшись в середину реки Хос-Хор-Поэль, впадающей в Обь, городит сплошным забором около версты в районе громадных соров по обе стороны реки. Едва рыба успеет войти в сора, г. Новицкий на имеющемся своем пароходе подвозит толстый лес, вбивает сваи и, укрепив на них снасти, делает сплошной закол варом от берега до берега; спускает двойную мережу, а в средине между заколами ставит большой частый невод. И в результате много тысяч рыбы вылавливается В.И., не меньше пропадает от указанных выше причин, а главное, кто находится выше по реке Хос-Хор-Поэль – разоряются и голодают; по утверждению промышляющих выше заколов г. Новицкого рыбаков, их добыча сократилась за эти два года, 1910 и 1911 (ранее В.И. Новицкий делал дозволенные законом заборы). Повторяю, их добыча сократилась более как в 5 раз. Также Новицкий загородил в минувшем году р. Пельвож со всеми притоками, где масса соров, и оставил без улова как местных инородцев, так и обдорских мелких рыбопромышленников. Благодаря хищническому

[5] Д. 974, Л. 34 – 35.

способу лова рыба погибла, и теперь жители этого района голодают. Не один, конечно, Новицкий практикует такой незаконный способ улова рыбы; другие промышленники городят р. Куноватскую с многочисленными сорами, Сынскую реку и т.д. и т.д. И все это делается под покровом явного попустительства местной администрации. Все заявления местных рыбаков о незаконном истреблении рыбы гг. толстосумами игнорируются. Итак, в интересах 5 – 6 крупных хищников приносится в жертву благосостояние тысяч инородцев. Разоряются мелкие рыбаки и обрекаются с их семьями на голодную смерть или рабство и батрачество.

Опровержение[6]

<...>

...Прежде всего я не могу не выразить свое удивление – откуда автор корреспонденции взял реку «Хос-Хор-Поэль»? Я на такой реке не только никогда не промышлял, но даже и не слыхал, чтобы она была на Севере. Одно это уже говорит о полной неосведомленности автора о том, о чем он пишет, и что корреспонденция его ничего общего не имеет с действительностью, есть плод досужей фантазии.

Сплошной вымысел представляют и его писания о самом устройстве заколов...

Скажите, пожалуйста, г. корреспондент, как это может получится мутная и испорченная вода в реке при запоре ее на расстоянии одной или двух верст? <...>

Кроме того, зачем нужно загораживать целые реки? <...>

Итак, извольте Вас, г. корреспондент, привести из области фантазий к действительности и разъяснить Вам, что запоры обыкновенно употребляются для загораживания соров при впадении этих соров в реки. Загораживаются эти сора так, что расстояние между сваями получается 3 сажени, а между жалами 7/2 аршина, затем это пространство с жалом завешивается мережей с 4- или 5-перстными ячейками и безусловно одинарной, и никаких неводов тут не ставится, т.к. нет смысла и нет в них никакой надобности. Заколы с завесой употребляются для того, чтобы рыба, зайдя в большую воду из реки в сора, при спаде воды не ушла бы обратно с водой, и затем эта рыба ловится в сорах особыми неводами, а большая часть, конечно, уходит сквозь загородку.

Вот этим-то способом, который является не запрещенным законом и признанным обществом рыболовства и рыбоводства, я и ловлю рыбу в соре при реке Пельвож. Верхними рыбаками на этой реке являются только

---

[6] Сибирская торговая газета. 1912. 16 марта.

вотчинники, которые и сдают мне в аренду это рыболовное место, и я их не только не разоряю запорами сора, но они сами в компании со мной запирают этот сор, вместе ловим рыбу в этом сору и вместе потом делим ее.

В.И. Новицкий

Ответ В.И. Новицкому[7]

<...>

В. Новицкий выражает удивление в своем опровержении, откуда автор корреспонденции, помещенной в № 22, взял реку Хос-Хор-Поэл и пишет (№ 62), что он и не слыхивал, и не промышлял, и никогда не существовало на Севере сей реки, и есть плод досужей фантазии. Река Хос-Хор-Поэл берет начало двумя рукавами – первый из Икарской Оби напротив юрт Азгорт, а второй из сора Каменлор протекает более 30 верст и впадает в Большую Обь. В нее впадает множество речек, заливов и соров. По этой реке промышляют мелкие рыбаки инородцы Обдорской и Куноватской волостей. 1910 г. 15 июля пароходом В. Новицкого приведен павозок и каюк, нагруженные запорным лесом, снята с песка Минопугорского артель и стрежевой невод, были привезены для городьбы и неводьбы. Поставлены запоры. Первый против чумов хортанынгорских остяков, в этом месте два рукава соединяются, и река течет одним руслом, второй по этой же реке около версты поставлен у устья впадения Чупорасхой реки. На запоры была навешена 3-перстовая мочальная мережа и между запорами с одного берега на другой перекидывали неводом. Через некоторое время была наложена на запоры вторая мережа, как всегда в речных сорах и делается при застойной воде. <...>

Посадка мережи садится так: на веревку в 20 саж. подшивается мережа в 30 саж., 10 саж. Жимаются, идут на посадку. Мутная, испорченная вода получается между запорами так. Вода постепенно спадает, река на переборах мелеет, углубления остаются почти без поноса, в углублениях заневаживают набравшуюся рыбу из соров несколько сотен или тысяч сразу, смотря по спуску ее и омеления соров, рыба пританивается на мелкое место к запору. Грязь, наносный ил, тина, жидкий слой глины, метляк насекомое смешивается в воде, которая превращается в серо-пепельный вид. В мереже хотя и есть отверстия ячей, но они почти все заполнены мелкой и крупной рыбой, как хватает рука по локоть из воды в мереже бывает выбирается, а ниже рыба в мереже разлагается и издает запах, заражает воду, не то, что от воды запах, запах от морд и леса запорного; накисель водяная на каждой ячее мережи и куски рыбы от халей оставшейся разные висят в мереже дополняют картину хищничества.

[7] Сиб. торговая газета. 1912. 30 мая.
Текст газетной статьи приведен без редакторской правки.

Запоры могут быть уносимы. Нет! Напрасно! Они стоят на переборах и заворотах, локтях рек, столбы укреплены молотом или поставлены чрез посредство ворота. Она прикрепляется откосом – откосы ставятся из толстого леса, ложится перекладина во всю ширину запора (князек). Во весь запор с берега до берега ставятся колья одним концом в землю вставляются, а другой конец прикрепляется к перекладине; колья ставятся на откос напротив напора воды расстояние между кольями от 21/2 до 3 четвертей и менее. Мочальная мережа подшивается к варавине пеньковой увязаной печугой и вперед запора спускается на сажень в разрез воды, а верхний конец мережи прикрепляется к запору. Промысла в речных запорах 1910 г. по приблизительному подсчету от 300 тысяч до 800 тысяч голов сырка, не считая другой рыбы 1911 г. В. Новицкий, не встречая препятствий – усилил свои незаконные промысла. – Загородил реку Пельвож, Нора-Пос, Юган-Поэл, Эутым. Он в местности Икарской Оби и Харпасл, а арендаторы и др. рыбаки в этом районе: гг. Шехерев, К-в М.Л. и на Харпасле только ждали, а не добывали рыбу из рек и соров Пельвожа , возврата ее не было. В. Новицкий подвел баржу в 15 тыс. пуд. груз. к запору Пельвож и был доволен ловом и своею предприимчивостью. Река Пельвож протекает более ста верст и берет начало в Куноватской волости из болот, впадает на Икарскую и Харпаслинску[ю] Обь разными рукавами, в которые и входит рыба для корма подъема морской (вонзя). Еще остались от такого лова: реки Полуй, Щучья, Войкарская. Промысловые и запоры, поставленные на реке Хос-Хор-Поель, что могут подтвердить М.И. (?) Турков, Ф.И. Захаров, М. Захарова и др., которые в этом районе вблизи промышляют.

20 апр. 1912 г.
М.Д. Никитин

Приложение 9

Письма А.В. Протопопова к жене

[без даты]

Здравствуй, Дуня!

Посылаю тебе мой сердечный привет, целую Нину, тебя, маму много, много раз.

Долго, долго не получал от вас писем, начиная с сентября, и вот наконец-то сегодня получил твое печальное письмо. Жалко нашу бедную Раю, жаль, невозвратимая потеря. Судьба наша несчастная должно быть такая, ведет нас всех к гибели. Жаль и вас всех, Дуня, то так вам приходится мотаться, голодать и мерзнуть, но что уж сделаешь.

На нас вам надеяться еще долго, наверное, не придется, долго еще не удастся выйти на волю, да если и освободимся, то когда еще и куда придется устроиться. Всему причина наше кулацкое положение, если бы не

оно, то, наверное, давно бы были на воле. Наша жизнь идет в одном положении, работаем на ферме, я на тех же должностях, что и раньше, а Назар работает на лошадях, возит сено, дрова, работа у них тяжелая, не знаю, как и вытерпят они.

Питание такое же, как было и раньше, не вполне достаточно, приходится прикупать то хлеба, то картошек, а деньги, какие были из дома, израсходовали, а заработать ничего не приходится, платы нам ни какой не полагается. Вот и все наше положение, как видишь, тоже не из веселых. Надеялись на наблюд[ательную] комиссию, что досрочно освободит, но отказали нам как кулакам, и вот, наверное, весь год придется работать здесь.

Да, Дуня, тяжелый этот год для всех нас, как-то переживем его, особенно зимнее время! Как-то вы там проведете эту зиму без хлеба, без поддержки, без помощи. Что же, Дуня, не ездила ты в Самарово хлопотать о корове, надо было бросить все дела и ехать, может быть и выхлопотала бы. Обратиться надо было к Филимону Фед.

Из вещей, что можно продать, – продавай, только оставь пока плавную сеть, пиджак стеженый френчем да брюки суконные новые, а из остального продавай хоть что угодно. Вот только жаль, что за дешевку отдала сапоги. В первую очередь продавай ковер, если он еще не продан. Не жалей вещи, а как-нибудь поддерживай питанием себя и дочь. Ведь если свалишься, то никаких вещей не нужно будет – все останется. Чаще старайся писать письма. Пиши подробнее обо всем, что нового у вас в Сухорукове, как живется людям на воле.

Передай привет Фие с девчурками, Рае, Гаврилу Семеновичу и Анне Ивановне с семейством. В Сухоруковом все знакомые и друзья, должно быть, и не вспоминают о нас. Ни от кого никакой черточки за все время, как уехал, не получал – что сделаешь, мало остается друзей-приятелей в несчастье.

Ну, прощай, моя дорогая! Не унывай, как-нибудь перебивайся, не падай духом.

Еже раз целую всех вас.

Ваш А. Протопопов

* * *

12 марта 34 г. Тобольск

Здравствуй, Дуня!

Посылаю тебе свой сердечный привет, целую тебя, Нину много раз. Передавай от меня сердечный привет и поклон маме, Фие с девчурками.

На днях получили от вас письма и посылки, спасибо большое, что послала, все это очень здесь пригодится, и вам хотя небольшую поддержку

пошлем. Посылали мы вам по посылке по 7 килогр. муки и по куску сахару, получили или нет, все же хотя бы небольшая поддержка была, теперь собираемся тоже послать муки. На почте теперь больше 6 килогр. посылки не принимают, так что думаю послать в двух посылках, одну на тебя, а другую на Раю для передачи тебе. Направили бы посылки и сегодня (у нас выходной день), да остановка за мукой, наверное, завтра получим и сразу же пошлем.

Наша жизнь все в одном положении, так же зарабатываем только на один хлеб, работаем чернорабочими на том же строительстве. Нового ничего нет.

Если соберешься направить посылку, то пошли 1 пару белья, какую-нибудь верхнюю рубашку, посылай, если сохранно, мое летнее пальто, его здесь можно продать за хорошую цену и купить муки или хлеба. Шаль пуховую не посылай, может как-нибудь обойдемся без продажи ее. Ковер тоже не советую посылать, он, наверное, тяжелый и один займет всю посылку. Вот жалею, что продала сапоги, за них здесь можно бы взять рублей 100.

Пошли еще в этой же посылке половину плавной сети, которая поновее, отрежь наплавья, а одна сеть, наверное, не много вытянет. Может быть весну придется проводить в Тобольске и хотелось бы добыть для себя какую-нибудь рыбу. У сети у правой половины сделана навязка из нолевых ниток у тетивки новая, так эту часть оставь дома, а другую пошли. Хорошо, что послала в той посылке мелочь, она дома так таскалась, а здесь пригодилась. Если есть еще сохранно что, то посылай.

Как-нибудь, Дуня, доставай на себя документы на выезд в Тобольск и весной первыми пароходами выезжай из Сухорукова. Мне приехать за тобой невозможно, так что уж как-нибудь сама выбирайся. Из вещей бери только самое необходимое, а если что останется, можно достать после, лишь бы выбраться самой.

Можно бы уехать на низ на промыслы, да тоже что-то опасаюсь, здесь, пожалуй, лучше прожить и главное – хлеба всегда можно достать, а это теперь главное.

Ну, желаю всего хорошего, а главное здоровья!

Хорошо, если бы поскорее и сохранны получили посылки. Как только получишь, то сразу же пиши письмо.

Передавай привет Симе!

До свиданья.

Твой А. Протопопов

Поздравляю, Дуня, с днем ангела!

Приложение 10

Верное предугадание смертного часа[8]

Всматриваясь в свою прошлую жизнь, я припоминаю один, хотя давнишний, но весьма замечательный случай из моей пастырской деятельности, который и имею намерение передать здесь для назидания.

Прямо с семинарской скамейки я поступил священником к градо-Березовской Богородской церкви, где занимал небольшой церковный домик, в недальном расстоянии от церкви. Прямо моей квартиры, через улицу, жил в своем доме мещанин Василий Антонович Старков (уличное прозвание его было Чепышков). Человек он был хотя не из богатых, но и не бедный. Василий Анатонович любил частенько предаваться хмельным напиткам, поэтому слыл в народе пьянчугою.

Однажды – это было в 1858 году – в ноябре месяце, не помню в какое именно число, часов около четырех пополудни, пришла ко мне младшая дочь Василия Антоновича и просила придти к ним в дом напутствовать ея отца. Нимало не медля я отправился в церковь, взял что мне нужно было, прихожу в дом, и лишь только что переступил через порог в горницу, Василий Антонович, как ни в чем не бывало, встретил меня, принял благословение и заговорил первый: «Ну, батюшка, я побеспокоил тебя, чувствую что-то неладно, исповедуй меня и если можно приобщи, я сего дня ничего не ел».

Сначала я усумнился и у меня родилась мысль в нормальном ли состоянии В.А.; но при дальнейшем разговоре я убедился, что В.А. в нормальном состоянии и сивушным запахом от него нисколько не пахло. Исповедал его и приобщил Святыми Дарами. Едва только я покончил это, В.А. упал ко мне в ноги и со слезами на глазах начал просить меня: «Батюшко, я тебя любил и уважал, исполни же ты мою последнюю просьбу: проводи меня до могилы: *завтра в восемь часов утра меня уже не будет*». Как гром поразили меня эти последние слова. Немного опомнившись, я спросил его: как он знает, что именно завтра и притом в 8 часов утра он умрет. «Нет, уж ты меня не спрашивай об этом, дни и часы моей жизни исчислены, я это знаю,» – ответил мне Василий Антонович. После этого я предложил ему, не желает ли он пособороваться, на что он и согласился с великою радостию, сказав: «Если можно, пособоруйте, батюшка». Тотчас же я послал к своему о[тцу] диакону Ф. П., чтобы он, взявши из церкви что нужно для совершения таинства Елеосвящения, шел бы сюда, домашним же велел приготовить также все нужное для этого таинства.

В семействе В.А. состояли жена, сын и три дочери; все дети были в совершенном возрасте, кроме младшей дочери, которой было 14 лет.

[8] Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 13/14. С. 286 – 288.

Поэтому я посоветовал ему составить духовное завещание, на что он также беспрекословно согласился. Собрались родственники и ближайшие соседи, духовное завещание было составлено; между тем пришел и о. диакон, и мы приступили к совершению таинства Елеосвящения. В.А. стоял подле меня, клал земные поклоны, молился искренно, от души, со слезами, так что, если бы кто- нибудь из посторонних лиц взошел внезапно в это время в горницу и увидел, что здесь совершается таинство Елеосвящения, никак не мог бы подумать, что это таинство совершается над В.А. Когда кончилось таинство Елеосвящения, В.А. снова упал мне в ноги, благодарил за все и снова со слезами просил меня, чтобы я проводил его до могилы и что он завтра утром отдаст Богу душу. Побыв еще немного времени, я простился с В.А., благословил его и вышел из дома в 11 часов вечера.

Назавтра, хотя день был будничный, у меня положена была служба, поэтому поутру я отправился в церковь, отслужил утреню и литургию, были еще кое какие требы исполнены мною, так что я довольно долго призамешкался, и когда вышел из церкви, дорогою мне попалась в слезах та же младшая дочь Василия Антоновича, которая вчера приходила просить меня напутствовать его. Я остановил ее спросил, что случилось. – «Батюшко наш скончался… бегу в церковь за покровом», – ответила мне встретившаяся. Не заходя домой я прямо отправился в дом Василия Антоновича, где он бездыханный лежал уже на столе.

На расспросы мои о последних часах жизни усопшего сын его рассказал мне следующее: «Когда вы, батюшка, после соборования, ушли, а также разошлись и все сторонние люди, осталось одно наше семейство. Отец мой до самой последней минуты жизни давал мне наставления, как мне нужно жить, наказывал, чтобы я не покидал и не забывал свою мать и сестер, заботился бы о них; долги взыскивать с инородцев велел так: кто отдаст – ладно, а кто не будет отдавать – не принуждать, и эти его наставления продолжались до рассвета. Потом он вдруг обратился ко мне и сказал: «Миша, перестели мне постельку на пол». Я взял с дивана перину и подушку, постлал среди пола, и батюшка, обратившись к Св. Иконам, положил три земных поклона, потом благословил всех нас, сказал: «Прощайте и не забывайте меня!» Перекрестился, лег и Богу душу отдал».

Дивны дела твои, Господи! Кто как знает, и кому как угодно объяснить это обстоятельство, я же со своей стороны вывожу из него такое заключение: ошибочно и грешно люди по одному наружному виду судят человека, не зная его внутреннего душевного состояния, которое известно одному сердцеведцу Богу. Василий Антонович слыл за невоздержанного человека, а между тем никто и никогда не видал и не слыхал от него никаких оскорблений. Был он скромный, добрый и религиозный человек. Недаром его любили и почитали все инородцы, с которыми он вел торго-

вые дела. Всякого из них, кто зайдет или заедет к нему, он напоит и накормит. За это-то Господь Бог и послал ему христианскую, безболезненную, непостыдную, мирную кончину, каковой дай Бог некогда каждому из нас сподобится!

Протоиерей Александр Тверитин.

Приложение 11

М.Н. Кушников. Автобиография

Посвящаю детям моим Евгению и Татьяне и доброму другу, жене моей Александре Васильевне Кушниковой (Емелиной)

На склоне лет решил я написать краткую свою автобиографию. На ваш суд отдал я прожитую мной жизнь, с надеждой, что быть может это поможет вам лучше понять как изменились условия жизни, как закаляется человек, его воля, характер, взгляды, убеждения и что значит «жизнь прожить – не поле перейти».

Я родился 29 декабря 1909 года в селе Кондинское Березовского уезда Тобольской губернии...

Семья наша была многодетной, вместе с отцом и матерью – двенадцать человек, в том числе шесть братьев и четыре сестры. Самый старший из братьев – Александр, 1896 г. рождения, за ним сестра Ксения 1897 г. рождения, а затем по старшинству – Елена, Мария, Костя, Иван, Ксенофонт, Милица (Людмила), я – Михаил и Виктор – 1911 г. рождения.

Мой отец Николай Тихонович Кушников служил помощником исправника в уездном городе Березове. В моей детской памяти он остался человеком очень серьезным, строгим, требовательным к себе и детям.

У него был строгий распорядок рабочего времени. Утром, без 15 восемь, одетый по форме, уходил он на работу; домой возвращался в 3 часа 15 минут дня. Обедал вместе с семьей, затем час отдыхал в спальне, уходил на два часа в свой кабинет для работы, остальное время уходило у него на беседы с детьми по поводу учебы, или он уходил на охоту, или уезжал на рыбалку, или читал книги в своей огромной библиотеке. Он был заядлый и прекрасный охотник, большой любитель рыбалки, обладал хорошим голосом, музыкальным слухом и хорошо играл на гитаре. Мы, дети, никогда не видели его пьяным, хотя по праздникам в доме у нас собирались гости – чиновники, купцы, словом весь «цвет» Березова, и отец радушно угощал их, сам выпивал, был весел, пел, играл на гитаре и в преферанс. Всегда аккуратный, выбритый, подтянутый, он не выносил беспорядка,

М.Н. Кушников
(автор воспоминаний)

нечистоплотности, поэтому в доме у нас во всех помещениях был строгий порядок, чистота. Каждый полностью обслуживал себя, каждой вещи отводилось строго определенное место. Ежедневно с вещей стиралась пыль. Слово отца было законом для всех нас – детей.

Моя мать Кушникова Парасковья Ефимовна была домашней хозяйкой, имела начальное образование. В моей памяти она осталась великой труженицей. Домработница была редким явлением в нашей семье. Старшие сестры говорили мне, что няню держали всего несколько месяцев после появления очередного ребенка. Мать умела делать все. Вместе с тем все дети ей помогали, каждый по своим возможностям и силам. Трудились все. Мать была искусным кулинаром. Когда собирались именитые гости, столы были обставлены самыми изысканными кушаньями – холодными и горячими закусками, деликатесами, всевозможными печеньями, тортами и т.д. Она была единственной портнихой и скорнячкой для всей семьи: шила всем нижнее и верхнее белье и одежду, пальто и шубы, шапки, одеяла, рабочую и парадную одежду для старших сестер и братьев, уезжавших на ученье в Тобольские мужскую и женскую гимназии.

Я помню ее с того времени, когда мне было 6 – 7 лет, а ей 48 – 49 (она рождения 1868 года). Целыми днями была она в работе. Я не припомню ни единого раза, когда она прилегла бы отдохнуть днем, кроме случаев болезни. Стирка белья, уборка квартиры, ежедневное приготовление для большой семьи завтраков, обедов, ужинов, шитье – такова была ее нескончаемая работа, которую она всю жизнь несла безропотно, никогда не расстраиваясь, всегда как будто довольная всем, спокойная, бесконечно любившая всех своих детей. Мне особенно памятно, когда она садилась шить за свою старинную швейную поповскую настольную машину. Тогда она что-то непрерывно напевала тихим голосом. Мы, дети, никогда не наблюдали открытой ссоры между отцом и матерью, если они и были, то оставались для нас неизвестными.

Мать была человеком общительным, обладала хорошим вкусом, была доброй и ласковой. Она умела и пошутить, заразительно посмеяться. К ней часто приходили знакомые женщины, и мы были свидетелями боль-

шого радушия, гостеприимства, веселых непринужденных разговоров. Когда к нам собирались именитые гости, она всех детей одевала в парадные формы.

Нередко по вечерам или в праздничные дни она и отец уходили в гости. Тогда она совершенно преображалась. Простая домашняя юбка и широкая кофта сменялись длинным однотонным платьем со шлейфом, со стоячим воротничком, с пышным, приподнятым у плеча рукавом и длинным узким запястьем, застегнутым на маленькие пуговицы. На ногах чуть виднелись из под платья носки белых или черных лайковых туфель. На руке золотой браслет, два массивных золотых кольца и перстень с рубином. На груди на тонкой цепочке золотой медальон в виде сердечка с вделанным в него маленьким бриллиантом. На голову надевала одну из своих летних или демисезонных шляп с одним или двумя страусовыми перьями. Лицо ее всегда было чистым и свежим, слегка смуглым, матовым. Ее прямая фигура, энергичная походка и затянутая в корсет талия, придавали ей, несмотря на ее полноту, легкость и стройность. Отец, идя с ней, обычно был одет в китель, из-под которого слегка выглядывали жесткий белый подворотничок, такие же манжеты с бриллиантовыми запонками, брюки с кантом и черные лаковые штиблеты. Его любимыми цветами были темно-синий и светло-серый.

Поручик А.Н. Кушников.
4 января 1915 г., г. Тобольск

Детство. 1909 – 1920 годы

Я помню себя с шести лет, когда пошел в 1916 году в первый класс приходской школы с четырехлетним обучением. Мне было тогда 6 лет и 8 месяцев. В школе я начинал с букваря, затем с каждым годом добавлялись новые предметы: чтение по книге «Живое слово» Ушинского, чистописание, Закон Божий, арифметика по задачнику Арженникова, русский язык по грамматике Некрасова. Ученье давалось мне довольно легко. Но учить уроки приходилось подолгу, так как очень многое приходилось заучивать на память: правила русского языка, многие стихотворения, целые главы из Священного писания; на дом задавали решать много задач и примеров, особо тщательно требовалось выполнять задания по чистописанию – каллиграфическим письмом, чтобы не было расхождений в написании букв в сравнении с прописями. Это задание обычно делалось объемом в один лист тетради.

Перед началом первого урока все классы выстраивались на молитву в просторном помещении, похожем на большую классную комнату, в углу которого висели иконы и горели лампады.

За нарушение дисциплины и неподготовленность к уроку применялись физические наказания: постановка «в угол», на колени на горох или крупную кристаллическую соль. За неподготовленность к уроку оставляли без обеда, то есть запирали в одном из классов на ключ и оставляли на 2 – 3 часа, а затем являлся учитель, отпирал класс, проверял знания и, если все выучено, отпускал домой. За четыре года учебы я был наказан дважды. На уроке по Закону Божьему – за то, что смотрел в окно, когда мимо школы строем проходили солдаты с песнями, отец Федор поставил меня в угол на колени . Долгое время после этого раны, разъеденные солью, не заживали. Второй раз был оставлен без обеда учителем Иваном Константиновичем Добровольским за то, что спутался при рассказе стихотворения «Бесы». Дома получил за это дополнительное наказание.

Дома не проводилось проверок, насколько твердо выучены уроки, но раз в неделю, по субботам, отец тщательно проверял, насколько опрятно содержатся книги и тетради, не имеется ли подчисток, перечеркиваний, загнутых уголков, клякс и т. д. За все недостатки следовало наказание ремнем. Дневников не велось. Формами связи школы с семьей были четвертные аттестаты, в которых проставлялись отметки по пятибалльной системе, записи замечаний учителя в тетрадях по русскому и арифметике, и в особо важных случаях – приход учителя на дом. До 1919 года во всех моих четвертных и переводных аттестатах были только отметки «5». За отличный четвертной аттестат родители награждали меня книгой или «золотым» перышком, или пеналом, а за отличный переводной аттестат обычно покупалась обновка: ботинки, фуражка, сапоги, ранец и т. п. В школе не было никакой самодеятельности, ученики знали только уроки. В перемены не было организованных игр, обычным отдыхом были игры «чехарда-езда», «догонялки», а также возили друг друга на горбу.

По окончании в 1920 году четырехклассной школы мне было отказано в учебе в 5-м классе девятилетней школы по причине социального происхождения. До сентября 1922 года я нигде не учился.

Родители отдали меня учиться к частному кустарю-сапожнику Первову, у которого я пробыл немного более полугода. За это время научился делать деревянные шпильки, накладывать заплаты, подбивать подметки и подошвы с каблуками, обсоюживать сапоги и ботинки, но не научился еще самостоятельно шить сапоги, не говоря уже о ботинках и туфлях. Мама взяла меня в 1921 году от сапожника, т.к. я часто приходил домой с большими синяками на голове от колодки, которой часто сапожник меня «учил» делать ровный шов, правильно забивать гвозди и затягивать

стельки. Мама взяла меня, очевидно, из жалости, хотя я никогда не сетовал на побои и хотел выучиться на сапожника.

В начале 1921 года мой отец был расстрелян как заложник (вместе с другими «бывшими») в период наступления на Березов колчаковских войск (автор ошибся, это были не колчаковцы, а повстанцы, выступившие против советской власти. – В.Б.), в рядах которых сражался мой старший брат Александр – поручик 477-го пехотного Калязинского полка, окончивший гимназию, юнкерское училище и служивший в армии с самого начала Первой мировой войны – с 1914 года, а с 1918 года перешедший в армию Колчака. Через несколько дней после расстрела отца, тело которого было сброшено в прорубь, в Березов вошли войска Колчака и вместе с ними был привезен замерзший труп убитого в бою под местечком Саранпаул моего брата Александра. Тела расстрелянных (в том числе и моего отца) были выловлены и похоронены в братской могиле около Богородской церкви через два дня после похорон брата Александра, могила которого находилась в ограде кафедрального собора.

Через несколько дней Березов был освобожден частями Красной Армии.

Приложение 12

Г.Ф. Мищенко. Предки. Гражданская война. Гибель родителей (Отрывок из книги «Пока я помню»[9])

Мать моя, Валентина Алексеевна, родилась в 1889 году в семье мелкого чиновника, губернского секретаря (чин 12-го класса) Алексея Константиновича Полторацкого и жены его Ольги Павловны, урожденной Клименко. После ранней смерти родителей она со старшей сестрой Екатериной и двумя братьями Алексеем и Борисом осталась на попечении двух теток, сестер отца, Лидии Константиновны и Елизаветы Константиновны Полторацких.

Елизавета (1856 – 1928) была учительницей, а затем начальницей 3-го мещанского женского училища в Москве. В XIX и начале XX века функции теперешней скорой помощи в Москве исполнялись дежурным медицинским персоналом при полицейских участках: врачом, фельдшером, медсестрой и акушеркой – «повивальной бабкой». Ею при Лефортовской полицейской части и была Лидия Константиновна (1853 – 1940).

Обе сестры отличались независимостью взглядов и сочувствовали либеральным идеям. Достаточно сказать, что в своей квартире в доме полицейского участка Лидия позволяла племянникам – эсеру Алексею и члену

[9] Мищенко Л.Г. Пока я помню. М.: Возвращение, 2006.

РСДРП Борису – прятать нелегальную литературу, не подозревая, что вместе с ней они хранили и патроны. (Алексей в 1906 году покушался на жизнь московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова и был казнен, Борис в те же годы погиб в варшавской тюрьме). Как Лидия, так и Елизавета продолжали работать по специальности и в первые годы после революции.

Тетки сумели обеспечить племянницам образование: Екатерина окончила Московскую филармонию по классу вокала, а Валентина стала учительницей.

Отец мой, Глеб Федорович (1890 – 1921), был сыном профессора филологии Киевского, а затем Казанского университетов Федора Герасимовича Мищенко (1848 – 1906). Сделанные Федором Герасимовичем первые переводы на русский язык древнегреческих авторов – Геродота, Полибия, Фукидида и Страбона считаются образцовыми, многие из его научных трудов не утратили значения до сих пор.

В Киеве Ф.Г. Мищенко входил в «Громаду» – объединение либеральной украинской интеллигенции, ставившей целью сохранение и развитие национальной украинской культуры в противовес официальной тенденции русификации. Это стоило ему кафедры в Киеве, однако вскоре его с готовностью принял Казанский университет, где он и проработал с 1889 года до последних лет жизни.

Глеб Мищенко окончил киевскую Вторую гимназию и физико-математический факультет Московского университета, после которого поступил еще в Московский институт инженеров путей сообщения имени императора Александра III. С последнего курса он был командирован за Урал на изыскания проектировавшейся Обь-Урало-Беломорской железной дороги. С изыскательской партией он дошел до Берёзова – маленького городка Тобольской губернии на реке Сосьве (по-местному Сосве), известном из истории как место ссылки А.Д. Меншикова. После революции изыскания прекратились, и отец нашел себе работу преподавателя в берёзовской школе и одновременно метеоролога на метеостанции.

В тяжелое время развернувшейся гражданской войны условия в северном Зауралье были легче, чем в Центральной России. Население жило промысловой охотой, рыбной ловлей в чистых реках, а также кочевым оленеводством – исконным занятием местных остяков (хантов) и зырян (коми). И отец выписал из начинавшей голодать Москвы маму, меня и мамину тетку, мою двоюродную бабушку Лидию Константиновну. Мне было неполных три года, но у меня до сих пор сохранились отрывочные воспоминания сибирского детства, закрепленные потом рассказами бабушки и родных.

Мы жили в одной из комнат просторного рубленого четырехкомнатного дома на окраине города, почти у самого берега широкой Сосьвы (при-

тока Оби), недалеко от опушки тайги с ручьем на дне буерака. Я бегал туда со старшими ребятами за морошкой, кедровыми орехами и кедровой смолой, из которой получалась «сера» – любимая местными жителями жвачка. Помню дощатый тротуар нашей односторонней улицы, амбар, конюшню и баньку во дворе. Баней безвозмездно пользовались и соседи. Уходя, они заходили в дом, останавливались у порога кухни, кланялись и говорили:

– Спасибо за пар и баньку.

Хозяин, Василий Захарович Данилов, был главой семьи из восьми человек: жена Марья Васильевна, ее отец Григорий, старший сын Диомид с женой Домашей (Домной Павловной) и их младенцем в зыбке – подвесной колыбели (которую мне доверяли качать за веревку, пропущенную сквозь кольцо на потолке), второй сын Илья и младший сын Павел. Павел был еще подростком, но уже охотился вместе с отцом и братьями, рыбачил, чинил и смолил лодки, косил сено, ездил с бочкой на реку за питьевой водой – вообще во всем помогал взрослым. В редкие свободные минуты он охотно возился и играл со мной.

Марья Васильевна и Домаша вели хозяйство, управлялись с коровами, лошадьми и курами. Дед Григорий плел сети, чинил сбрую, ладил телеги и сани – дровни и розвальни, готовил патроны для охоты.

Семья была дружная, непьющая, работящая и щедрая. Соседи часто приходили с просьбами и уходили с благодарностью – отказа никому не было. К Даниловым относились с уважением и доверием оленеводы – остяки и зыряне. Часто при перекочевках они устраивали свое становье у опушки недалеко от нашего дома и приходили к Василию Захаровичу за помощью или советом. Их женщины заходили к моей бабушке за медицинской помощью. А я заглядывал в их юрты, смотрел, как младенцы копошились голышом под слоем пушистой оленьей шерсти внутри глубоких берестяных лаптевидных постелек. Мне очень нравились быстрые оленьи упряжки с изящными легкими нартами.

Зимой я ходил в зырянской одежде. Вместо валенок – чижи и пимы, то есть чулки из мягкой оленьей шкурки мехом внутрь и мягкие сапоги из шкуры пожестче мехом наружу. Вместо шубы и шапки – малица, просторная рубаха мехом внутрь с двухслойным капюшоном (мехом внутрь и наружу). Все было сшито по мерке нитками из «жил» (вероятно, изготовленных из оленьих кишок) и красиво отделано орнаментом из цветного сукна. Одежда взрослых была большей частью тоже очень красива. Свою я носил и в первую зиму по возвращении в Москву.

Помню зимние развлечения местных ребят: катание с гор и на коньках – деревянных с железными полозьями, игру в «каткую палку» – кто дальше запустит по речному льду облитую водой обледенелую палку. Помню рождественское «хождение со звездой» – аналог коляды: подростки носят по

домам прикрепленный к палке многоугольник из тонких планок, украшенный цветной бумагой и ленточками. Его вращают и поют «Рождество Твое, Христе Боже наш...» и «Дева днесь Пресущественного рождает...». Слов я не понимал, но запомнил. Запомнилось и кое-что из особенностей местной речи: имай вместо «лови», низики (подштанники), простокиша (простокваша), путем пойдем (пешком пойдем).

Наш стол в Берёзове был обычным местным, то есть, по нашим теперешним меркам, весьма изысканным. Обычными были оленина, куропатки, рябчики, тетерки, всяческая рыба и икра. Зато не было овощей. Хлеб – ржаной, его пекли дома в русской печи. Марья Васильевна угощала меня пельменями, блинами и «затураном» – очень вкусной томленой в печи затирухой из поджаренной муки с оленьим жиром. Летом было очень много ягод: клюква, брусника, куманика, морошка.

Дома я был почти все время только с бабушкой. Мать, как и отец, работала в школе учителем. Оба возвращались поздно. Их задерживало то, что теперь называется внеклассной работой: занятия с отстающими, приведение в порядок запущенного инвентаря кабинетов, изготовление наглядных пособий. Кроме этого, мать ставила с учениками спектакли – на одном из них был зрителем и я.

Как впоследствии в Москве я узнал от бабушки и друзей, получавших от нас письма из Берёзова, у матери и отца в школе сложились трудные отношения с новоназначенным после революции начальством. Некомпетентность, иногда просто неграмотность, бесхозяйственность, а то и прямые хищения – все это приводило к конфликтам и в конце концов кончилось для моих родителей катастрофой.

К своей работе на метеостанции отец приобщил и меня. Когда на вопрос «Сколько тебе лет?» я, наученный Григорием, стал отвечать: «Три года, четвертый», отец в хорошую погоду – также и зимой – стал поручать мне относить на телеграф метеосводки. Мне давался твердый картонный конверт с вложенной в него сводкой. Я должен был по нашей коротенькой улочке дойти до поперечной, свернуть налево и идти «вдоль проволоки» – телеграфной линии на столбах – до почты. Здесь я отдавал конверт телеграфисту, он вместо сводки всовывал в конверт квитанцию, и я так же «по проволоке» возвращался домой. Путь, как я прикидываю, был около километра.

Гражданская война дошла и до Тобольской губернии. К Берёзову приближались войска белых. Местная советская власть арестовала заложников, в основном из интеллигенции, в том числе отца и мать.

Вначале посещать их разрешалось, и бабушка ходила в тюрьму со мной. Мне было уже года четыре. В камере, где находился отец, довольно

просторной, было человек десять. Когда мы вошли, у двери остался человек с ружьем, и на мой вопрос: «Этот дядя – охотник?» – отец ответил:

– Этот дядя нас стережет.

В камере матери я был дважды. Во второй приход она приготовила для меня угощенье – сметану с сахаром (арестантам разрешались покупки).

А потом бабушка пошла со мной к матери уже не в тюрьму, а в больницу. Мать лежала там со смертельным огнестрельным ранением в грудь. О его причине ничего вразумительного не было сказано. Я стоял с бабушкой у двери в палату. Мимо нас прошла туда медсестра с каким-то непонятным красным, мягким, колыхавшимся как живой предметом, очень меня испугавшим (вероятно, грелкой или пузырем). Бабушка сказала: «Войдем». Но я вспомнил живой предмет и заплакал. Она вошла одна. Как мы возвращались домой – не помню.

А потом были в церкви. Я рядом с бабушкой. Впереди батюшка, за ним гроб, еще дальше у царских врат Богородица на иконе похожа на маму.

Вдруг пришел отец, в тулупе, с ним еще человек, тоже в тулупе. Женщина рядом сказала:

– Привели проститься.

Потом заснеженное кладбище, возле самой церкви могила, на продолговатой горке глины маленький темный деревянный крест.

Затем – поминки. Я сижу в чужом доме за длинным столом. Кто-то кладет мне на тарелку какие-то зеленоватые кружочки.

– Это что?

– Огурец соленый.

А через несколько дней – другие похороны, уже не в маленькой Богородской церкви, а в большом соборе. Перед алтарем ряд гробов. Отпевают расстрелянных заложников. Среди них мой отец.

Где похоронили – не знаю.

Летом мы с бабушкой уезжаем из Берёзова. Нас провожает Евдокия Дмитриевна Первова, знакомая отца и мамы. Пристань, запах рыбы. Пароход. Вокруг колеса надпись: «Гражданин» (я начал читать лет с трех). Мы на палубе. Человек с деревянной палкой вместо одной ноги свертывает канат.

– Вот теперь какие матросы, – говорит кто-то. Хожу по пароходу. Внизу очень интересные машины. Приплыли в Тобольск. Здесь другой пароход. Надпись «Пермяк».

Машины внизу не такие, как на «Гражданине». Плывем до Тюмени.

В Тюмени в чистой комнате у чужих людей, в подвальном этаже, ожидаем поезда. Гуляю во дворе. В окне первого этажа тетя читает девочке сказку. Останавливаюсь, слушаю. Тетя говорит:

– Тебе что, мальчик?

Ухожу.

Вокзал. Долго идем по путям. Влезаем в товарный вагон. На полу солома. Много людей.

Едем долго. На остановках меня выпускают для больших и малых дел, иногда – под вагон. Раз, только я присел – поезд тронулся. Бегу перескочить через рельс позади колеса, кто-то подхватывает меня, передает в вагон на ходу, быстро влезает сам. Это – попутчик, следил за моей экспедицией.

Про станции говорят: Камышлов, Екатеринбург. Наконец – Пермь. Река Кама. Опять пароход, больше тех. Плывем много дней. Река Волга. Вдруг, ярким днем, впереди – сказочный город. Сколько церквей! И все с золотыми куполами! Ярославль.

Отсюда поездом в Москву.

Список литературных источников

Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857 – 1960 гг.: материалы к биографическому словарю / сост. В.К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки /А. Алквист; пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
Березово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург: Сократ, 2008.
Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. – Омск: ОГИЗ, 1940.
Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. – М.: Отечество, 1994.
Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана / И.М. Воропай; вступ. ст. и коммент. Н.А. Повод. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
Всё начиналось с Березово / авт.-сост. В.М. Куриков. – Тюмень: Экспресс, 2008.
Грушко Е.А. Энциклопедия русских фамилий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М. ЭКСМО-Пресс, 2002.
Дунин-Горкавич А.А. Сборник трудов. 1907 – 1911 / А.А. Дунин-Горкавич. – Екатеринбург: Баско, 2010.
Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В. 3 т. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения / А.А. Дунин-Горкавич. – М.: Либерея, 1995.
Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам / А.А. Дунин-Горкавич. – М.: Либерея, 1996.
Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев / А.А. Дунин-Горкавич. – М.: Либерея, 1996.
«И здесь появляется заря христианства…» (Обдорская миссия. 30-е – 80-е гг. XIX в.): источники. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Из истории Обдорской миссии: источники / сост., вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
История Югры в документах из Томска (Гос. архив Томской области). – Томск: Изд-во ТГУ, 2006.
Календарь Тобольской губернии на 1893 г. – Тобольск, 1892.
Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область): в 2 т. Т. 2 / сост. Р.С. Гольдберг. – Тюмень: Тюменский курьер, 1999.

Козлова Ю.М. Сенькин (Страницы неоконченной повести) / Ю.М. Козлова // Подорожник. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. Вып. 6. С. 134 – 167.
Краевед [Электронный ресурс]: приложение к газете «Новости Югры» / авт.-сост. В.К. Белобородов. – Электрон. Текстовые дан. – Екатеринбург: Баско, 2008.
Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Западной Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 1994 – 1999.
Кузьмин В.Т. Земля Кодская / В.Т. Кузьмин. – Ханты-Мансийск, 1995.
Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника: материалы к истории культуры Западной Сибири / Ф.Ф. Ларионов. – Шадринск: Исеть, 1993.
Меншиковские чтения 2005: [сборник статей]. – СПб.: Восемнадцатый век, 2005.
Меншиковские чтения 2007: [сборник статей] / сост. Л.В. Андриянова. – Березово: Березовская типография, 2008.
Меншиковские чтения 2009. – Березово: Березовская типография, 2010.
Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк / Н.А. Миненко. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1975.
Моя судьба в истории Югры: история развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей. 1930 – 2005 гг.: сборник документов / сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. – Тюмень: Дом печати, 2005.
Никонов В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов. – М.: Школа-Пресс, 1993.
О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомства: путевой журнал протоиерея Петра Попова. 1882 г. // Подорожник. – Тюмень: Мандр и Ка, 2009. – Вып. 10.
Памятные книги для Тобольской губернии на 1860 год, 1861 и 1862 г., 1864 г.
Памятные книги Тобольской губернии на 1884, 1889, 1890, 1908, 1911, 1913, 1915 гг.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. – Тобольск: Тип. Тобольского губ. правления, 1884.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 год. – Тобольск, 1907.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 год. – Тобольск, 1908.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год / под ред. Л.И. Звездина. – Тобольск: Губерн. тип., 1910.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 год / под. ред. Л.И. Звездина. – Тобольск: Губерн. тип., 1911.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год. – Тобольск: Тип. губерн. упр., 1912.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 год. – Тобольск, 1913.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год / Изд. Тобольского стат. ком. – Тобольск: Губерн. тип., 1914. – 28, 114, 104, 16 с.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. – Тобольск: Губерн. тип., 1914.
Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год / сост. под ред. секретаря комитета Е.Г. Юферова. – Тобольск: Губерн. тип., 1915.
Папай Й. «Божество слова» памяти Антала Регули / Й. Папай; пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Сургут: Северный дом, 1993.
Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI – XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). – Сургут: Северный дом, 2000.
П.В. Веригин в обдорской ссылке. Документы / сост. В.Я. Темплинг. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010.
Петрушин А.А. На задворках гражданской войны. Кн.1 / А.А. Петрушин. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Петрушин. На задворках гражданской войны. Кн. 2 / А.А. Петрушин. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
Поездка на Северный Урал летом 1892 года: сост. по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева / сост. Н. Подревский. – Репр. воспр. изд. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
Политические репрессии 1930 – 1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: сб. докум. Вып. 1 / сост. Е.М. Брагина, Ю.В. Лазарева, Л.В. Набокова.– Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002.
Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук / И.С. Поляков. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002.
Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России. – Тюмень: Вектор Бук, 2004.
Путевые журналя миссионеров Обдорской миссии (60 – 70-е гг. XIX века). – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002.
Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9 – 11 дек. 2004 г., г. Тобольск). –Тюмень: Экспресс, 2004.
Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 дек. 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск, Омск: ОмГПУ, 2000.
Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х.М. Лопареву. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
Северная энциклопедия. – М.: Европейские издания, 2004.

Сибирский листок: 1890 – 1894. – Тюмень: Мандрика, 2003.
Сибирский листок: 1895 – 1900. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Сибирский листок: 1901 – 1907. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Сибирский листок: 1908 – 1911. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Сибирский листок: 1912 – 1919. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003.
Словник (регистр) книги «Югорские фамилии: исторический словарь». Т. 1. Фамилии русского старожильческого населения Югры / сост. А.Т. Шашков, А.Г. Мосин. Екатеринбург, 2003.
Словцов П.А. Письма из Сибири / П.А. Словцов. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. – Томск: Изд-во Томского университета, 2012.
Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (из истории национально-государственного строительства. 1822 – 1941): сб. документов. – Тюмень, 1994.
Сулоцкий А.И. Соч. в трех томах: Т. 1. О церковных древностях в Сибири. – Тюмень, 2000.
Сулоцкий А.И. Соч. в трех томах. Т. 2: О сибирском духовенстве. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики., 2000.
Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. – Тюмень: Мандр и Ка, 2006.
Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. / сост., вст. ст. Ю.Л. Мандрики. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998.
Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. / Б.О. Унбегаун; общ. ред. Б.А. Успенского.– М.: Прогресс, 1989.
Фарносова В.В. Предназначение: статьи, очерки, интервью / В.В. Фарносова. – Екатеринбург: Сократ, 2011.
Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь. (1746 – 1824). – Тюмень: Мандр и Ка, 2005.
Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824 – 1894). Ч.1. – Тюмень, 2007.
Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.): монография / В.В. Цысь. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005.
Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. / О.П. Цысь. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008.

Сокращения

авг. – август
авт. – автор
апр. – апрель
б. – бывший
б. г. – без указания года издания
б. м. – без указания места издания
в. – век
ВКП(б) – Всесоюзная Комунистическая партия (большевиков)
г. – год, город
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАСПИТО – Государственный архив социальной и политической истории Тюменской области
ГАЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
гос. – государственный
губ. – губерния, губернский
ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске
д. – дело, деревня
дек. – декабрь
др. – другой
ед. хр. – единица хранения
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея
зав. – заведующий
зам. – заместитель
изд-во – издательство
ин-т – институт
кн. – книга
коммент. – комментарий
коп. – копейка
Л. – Ленинград
л. – лет
М. – Москва
нач. – начальник
нем. – немецкий
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
нрзб. – неразборчиво
о. – отец (о священнослужителе)
об. – оборот
обл. – область, областной

ок. – около
окр. – округ, окружной
окт. – октябрь
оп. – опись
отд-е – отделение
пед. – педагогический
пер. – перевод, переулок
подп. – подпись
предисл. – предисловие
прил. – приложение
проф. – профессор
р. – рубль
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГО – Русское географическое общество
ред. – редактор, редакция
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
род. – родился, родилась
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
с. – село, страница
сб. – сборник
сент. – сентябрь
сиб. – сибирский
см. – смотрите
сост. – составитель
соч. – сочинение
СПб. – Санкт-Петербург
ст. – статья
ст. ст. – старый стиль исчисления времени
т. – том
ТГВ – Тобольские губернские ведомости
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
т. е. – то есть
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости
т. к. – так как
т. о. – таким образом
тоб. – тобольский
указ. – указанный
уком – уездный комитет
ул. – улица
ум. – умер, умерла

УНКВД – уездный отдел НКВД
ун-т – университет
урожд. – урожденная
ф. – фонд
февр. – февраль
ЦК – Центральный комитет
ч. – часть
ю. – юрты
янв. – январь

Содержание

Предисловие....3
След рода в истории города (Шаховы)....7
1. Семен Прокопьевич....7
2. Краски Севера....15
3. Семейные ценности....17
Из казаков – в чиновники (Оболтины)....22
На все руки (Первовы)....28
Рождение воздухоплавателя....32
Талантливый администратор (Ямзины)....37
Рыбаки в рясах (Карповы)....47
Богатство и образованность (Нижегородцевы)....57
Евангелие для остяков (Вологодские)....67
Тобольский «титан» и другие (Плехановы)....75
Мещане, купцы, чиновники (Добровольские)....85
От Шеркал до Тобольска и далее (Новицкие)....96
1. Павел Яковлевич....96
2. Андрей и Ефим....98
3. Ханды-батько и селькоры....102
4. Студент с рыбацкими мозолями....105
5. Бабушкино слово....110
6. Не бери лишнего....119
7. К вершинам образования....121

Из сартыньинского гнезда (Бешкильцевы)....134
1. Пастыри сосьвинских манси....134
2. Изгои....141
3. Родовая стойкость....149
Сухоруковское древо (Протопоповы)....153
1. Андрей Степанович....153
2. Просветитель....158
3. Крестьяне-рыболовы на рубеже веков....166
4. Крепкая порода....169
5. Иван Лаврентьевич....171
Телеграфный ключ на родовом гербе (Козловы)....173
Друг самоедов (Старковы)....184
Бремя победы....188
«Не скажут ни камень, ни крест, где легли...»....203
Хозяева и гости полуночной земли:
краткий биографический словарь....218
Приложения....310
Список литературных источников....343
Сокращения....347

Валерий Константинович Белобородов

ТРОПИНКИ К ДОМУ

Русские Березовского края в конце XVIII – начале XX в.:
краеведческие заметки о былом и насущном.

Технический редактор Сергей Дикк
Корректор Тамара Тумашова
Верстка: Ольга Мелешкина

ООО «Издательский дом «Титул»,
625000, г. Тюмень, а/я 1214
ул. 30 лет Победы, 33/6,
тел. (3452) 74-25-42
idtitul.ru

Подписано в печать 25.05.2013 г.
Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Тираж 500 экз.
Заказ 542.

Отпечатано в ООО «Полиграфкомбинат «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106
E-mail: zpress@pkzaural.ru

165192013
Государственная библиотека Югры

